

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

15
15

съезд КПСС — съезд мира

XXV съезд КПСС и вопросы дальнейшего развития
сотрудничества стран социализма

Победа национально-демократической революции
в Лаосе

Пекин в союзе с империализмом, реакцией
и расизмом

О некоторых аспектах японской внешней политики

2

1976

Институт Дальнего Востока АН СССР

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

2 [18] 1976

НАУЧНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД НА РУССКОМ,
АНГЛИЙСКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ

ВИНОЛОГИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

- 3 Резолюция XXV съезда Коммунистической партии Советского Союза по докладу товарища Л. И. Брежнева — Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики
- 4 Постановление XXV съезда Коммунистической партии Советского Союза по проекту ЦК КПСС «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы»
- 5 Марксисты-ленинцы разоблачают маоизм
- 17 XXV съезд КПСС и вопросы дальнейшего развития сотрудничества стран социализма

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

- 31 Пекин в союзе с империализмом, реакцией и расизмом
М. С. Украинцев
- 51 Победа национально-демократической революции в Лаосе
К. И. Юрьев
- 65 Трудный этап в развитии Японии
А. И. Иванов
- 79 «Третий мир» во внешнеполитической стратегии КНР
А. Г. Кручинин
- 94 О некоторых аспектах японской внешней политики
Н. Н. Николаев
- 103 Экономические связи КНР и Шри Ланка
Т. П. Константинов

ИДЕОЛОГИЯ

- 113 Стюарт Шрам — апологет маоизма
Н. И. Пащенко
- Из истории философской мысли Китая
- 126 О материалистических тенденциях в философских взглядах Сюнь-цзы
В. Ф. Феоктистов

ИСТОРИЯ

- 135 Так начиналась «культурная революция»
В. Н. Усов

КОММЕНТАРИИ

- 150 Политика Пекина и революционно-демократический процесс в Португалии
А. С. Красильников
- 157 Провинциальные парткомы в КНР
Г. А. Степанова

КУЛЬТУРА И НАУКА

- 163 Маоизм и этническая антропология Китая
Н. Н. Чесбоксаров
- 173 К проблеме китайского поэтического наследия
Н. Т. Федоренко

ВОСПОМИНАНИЯ

- 185 Из записок военного советника
Г. Г. Семенов

ОЧЕРКИ И СООБЩЕНИЯ

- 202 Выдающийся мореплаватель и исследователь Дальнего Востока (к 200-летию со дня рождения В. М. Головнина)
В. А. Дивин

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- 211 Глубже исследовать проблемы национально-освободительного движения
Р. А. Ульяновский
- 214 Предательство интересов китайского народа
М. И. Сладковский, К. В. Кукушкин
- 219 Проблемы методологии всемирной истории
Ю. В. Кузнецов
- 222 Лутфулла Муталлип — уйгур-патриот
О. А. Зотов

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 226 Конференция в Ленинграде
Восьмая конференция молодых научных сотрудников и аспирантов ИДВ АН СССР

ЮБИЛЕИ УЧЕНОГО

НОВЫЕ КНИГИ

Адрес редакции: Москва, 117218
ул. Кржижановского, д. 14, корп. 2.
тел. 127-08-49

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1976

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (и. о. главного редактора),
В. А. АРХИПОВ (зам. главного редактора), Г. В. АС-
ТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГДАНОВ,
Г. В. ЕФИМОВ, М. С. КАПИЦА, В. А. КРИВЦОВ,
К. М. ПОПОВ, О. Б. РАХМАНИН, Б. В. САГАРЕВ
(отв. секретарь), В. М. СОЛНЦЕВ, М. Л. ТИТАРЕН-
КО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ, Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ,
Н. Т. ФЕДОРЕНКО

РЕЗОЛЮЦИЯ

XXV съезда Коммунистической партии Советского Союза

**по докладу товарища Л. И. Брежнева —
Отчет Центрального Комитета КПСС
и очередные задачи партии в области
внутренней и внешней политики**

Заслушав и обсудив доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева — Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики, XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза постановляет:

1. Целиком и полностью одобрить политическую линию и практическую деятельность Центрального Комитета партии.

2. Одобрить Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС и предложить всем партийным организациям руководствоваться в своей работе положениями и задачами, выдвинутыми товарищем Л. И. Брежневым в Отчетном докладе Центрального Комитета КПСС.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

XXV съезда Коммунистической партии Советского Союза по проекту ЦК КПСС

«Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы»

Заслушав и обсудив доклад Председателя Совета Министров СССР товарища Косыгина А. Н. об Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы, XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза постановляет:

Утвердить Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы, получившие полное одобрение в ходе всенародного обсуждения.

Совету Министров СССР, руководствуясь Основными направлениями, обеспечить разработку Государственного пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы, с разбивкой по годам пятилетки и по министерствам, ведомствам СССР и союзным республикам.

При разработке десятого пятилетнего плана рассмотреть предложения, внесенные на XXV съезде КПСС, на съездах компартий союзных республик, на краевых, областных, городских и районных партийных конференциях, в первичных партийных организациях, на собраниях трудящихся и в печати, а также в письмах рабочих, колхозников, инженеров и техников, деятелей науки и культуры.

Совету Министров СССР внести проект Государственного пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы на рассмотрение Верховного Совета СССР в сентябре 1976 года.

XXV съезд КПСС считает разработку и осуществление нового пятилетнего плана развития социалистической экономики важнейшей хозяйственно-политической задачей всех партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и хозяйственных организаций.

Марксисты-ленинцы разоблачают маоизм

24 февраля — 5 марта 1976 г. в Москве состоялся XXV съезд КПСС. На нем присутствовало 103 делегации коммунистических, рабочих, национально-демократических и социалистических партий из 96 стран. Большое внимание съезд уделил положению в мире, международной деятельности нашей партии. Единодушно одобрив плодотворную работу, проделанную ЦК КПСС, Политбюро, товарищем Л. И. Брежневым в этой области, съезд подчеркнул, что в истекший период существенно окрепли позиции мирового социализма, демонстрирующего свои неисчерпаемые творческие силы, коренные преимущества перед капитализмом. В капиталистическом мире усиливается борьба трудящихся за свои права, против гнета государственно-монополистического капитала. Неизмеримо возросло влияние коммунистических партий. Победы национально-освободительного движения открывают новые горизонты перед странами, завоевавшими независимость. Приобретает все большие масштабы революционно-демократическое, антиимпериалистическое движение.

Вместе с тем в мире активизируются наиболее реакционные силы империализма, которые всемерно стремятся ослабить и расколоть единство революционных потоков современности. В этих целях они активно используют различного рода оппортунистов и ренегатов, и в частности маоистов. Политика нынешних руководителей Китая, отмечал в докладе XXV съезду КПСС Л. И. Брежнев, «откровенно направлена против большинства социалистических государств. Более того, она прямо смыкается с позицией самой крайней реакции во всем мире — от милитаристов и врагов разрядки в западных странах до расистов Южной Африки и фашистских правителей Чили. Эта политика не только совершенно чужда социалистическим принципам и идеалам, но по существу стала важным резервом империализма в его борьбе против социализма.

Большую опасность для всех миролюбивых народов представляют лихорадочные попытки Пекина сорвать разрядку, не допустить разоружения, сеять недоверие и вражду между государствами, его стремление спровоцировать мировую войну, а самому погреть на этом руки. Такая политика Пекина глубоко противоречит интересам всех народов. Мы будем давать отпор этой поджигательской политике, защищать интересы Советского государства, социалистического содружества, мирового коммунистического движения. Теперь уже мало сказать, что маоистская идеология и политика несовместимы с марксистско-ленинским учением. Они прямо враждебны ему.

В отношениях с Китаем, — подчеркнул далее Л. И. Брежнев, — наша партия твердо придерживается курса, определенного XXIV съездом. Правильность этого курса подтверждена жизнью. Мы будем и впредь вести борьбу с маоизмом, борьбу принципиальную, борьбу непримиримую¹.

Контрреволюционная, проимпериалистическая политика маоистов подверглась суровой и принципиальной критике в выступлениях зарубежных гостей, участвовавших в работе съезда. Многие из них выступи-

¹ «Правда», 25.11.1976.

ли в партийных организациях. В адрес съезда поступило большое количество приветствий от коммунистических, рабочих, национально-демократических и социалистических партий. Ниже приводятся высказывания деятелей коммунистического, рабочего и национально-освободительного движений, в которых дается марксистская оценка деятельности маоистов на современном этапе.

Из выступлений зарубежных гостей на XXV съезде КПСС и в партийных организациях.

Эдвард Герек (Первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии)

Для всех народов жизненно важным является укрепление разрядки и превращение ее в необратимый процесс, отпор нападкам, которые ведутся против нее различными силами антикоммунизма, милитаризма и «холодной войны», силами, которым, не брезгуя никакими средствами, оказывает поддержку маоистское китайское руководство.

Фидель Кастро Рус (Первый секретарь ЦК Коммунистической партии Кубы, премьер-министр Революционного правительства Республики Куба)

Солнце не заслонишь ладонью. Подлинную историю пишут не реакционеры, клеветники, интриганы и предатели, будь то фашисты, будь то буржуи или маоисты, ибо сама история сметет их со своего пути.

Эрих Хонеккер (Первый секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии)

Влиятельные круги империализма продолжают противодействовать процессу разрядки напряженности. Их попыткам фальсифицировать сущность мирного сосуществования, разжигать гонку вооружений и провоцировать новую напряженность мы даем такой же решительный отпор, как и великодержавной, шовинистской, враждебной социализму и миру политике пекинских руководителей.

Густав Гусак (Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Чехословакии, Президент ЧССР)

В настоящее время мы считаем необходимым активно противодействовать политике маоистского руководства Китая, которая открыто смыкается с самыми реакционными силами в мире. Эта политика враждебна социализму, прогрессу и миру, и поэтому наша партия будет и впредь последовательно бороться против маоизма и всех форм оппортунизма.

Янош Кадар (Первый секретарь ЦК Венгерской социалистической рабочей партии)

Мы осуждаем национальную ограниченность, буржуазный национализм, антисоветизм, раскольнические действия, подрывающие единство нашего движения, и особенно грубейшее их проявление — маоизм. Маоистские руководители дошли до того, что ныне выступают общим фронтом даже с наиболее экстремистскими кругами империализма, с чилийским фашистским режимом, с борющимися против народа Анголы южноафриканскими расистами и им подобными.

Тодор Живков (Первый секретарь ЦК Болгарской коммунистической партии, Председатель Государственного совета НРБ)

Болгарская коммунистическая партия осуждает теорию и практику маоизма и отвергает раскольнический курс Пекина, его сговор с самыми реакционными силами мира, с заклятыми врагами социализма, демократии и международной разрядки. Мы ведем непримиримую борьбу против проявлений национализма, против современных метаморфоз правого и «левого» ревизионизма, против любых попыток, откуда бы они ни исходи-

ли, посягать на престиж КПСС и Советского Союза. Мы даем решительный отпор любым попыткам отвергать, извращать или недооценивать ленинизм — теорию и практику коммунистического движения в эпоху перехода от капитализма к социализму, учение, правильность которого подтверждена как успехами национальных коммунистических отрядов и других прогрессивных сил со времени Октябрьской революции и до наших дней, так и неудачами тех, кто отступал от него.

Алваро Куньял (Генеральный секретарь Португальской коммунистической партии)

Указав в своем выступлении, что в результате деятельности реакционных сил, поддерживаемых и подстрекаемых империализмом и международной реакцией, на пути революционного процесса в Португалии возникли новые трудности и опасности, А. Куньял сказал:

Китайские руководители в свою очередь, не желая устанавливать отношения с демократической Португалией, поскольку в ее правительство входят коммунисты, в то же время приглашают к себе в гости генерального секретаря реакционной народно-демократической партии и способствуют деятельности в Португалии маоистских групп, являющихся прямым орудием реакции.

Юмжагийн Цеденбал (Первый секретарь ЦК Монгольской народно-революционной партии, Председатель Президиума Великого Народного хурала МНР)

Еще имеются силы, пытающиеся всеми средствами воспрепятствовать ослаблению международной напряженности, вернуть мир к временам «холодной войны». В одном ряду с этими силами выступает маоистское руководство Китая, которое возвело в ранг своей официальной политики антисоветизм и антисоциализм. Нынешние руководители Пекина считают родину Октября — великий Советский Союз — своим главным врагом и открыто выступают в роли апологетов новой мировой войны. Все более смыкаясь с антикоммунистами разных мастей и развивая связи с реакционными режимами расистско-фашистских клик, они ведут яростную борьбу против разрядки напряженности, проводят великодержавно-гегемонистский, экспансионистский курс во внешней политике, осуществляют усиленную подготовку к войне, милитаризацию всех сфер жизни китайского общества и нагнетают атмосферу недоверия и вражды между государствами. Маонизм, как политика и идеология, является реакционной силой, представляющей серьезную угрозу для социалистического сотрудничества, мирового коммунистического и национально-освободительного движений, для дела мира и безопасности народов во всем мире. Именно поэтому решительная борьба с маоизмом остается неотложной задачей всех марксистско-ленинских партий, всех прогрессивных, миролюбивых сил современности.

Америко Соррилья (член Политической комиссии и Секретариата ЦК Коммунистической партии Чили)

Международная солидарность — важнейший фактор, помогающий народам бороться и побеждать. Чили глубоко прочувствовала силу международной солидарности. В то же время мы на примере нашей страны, а теперь на примере Анголы убедились в том, что маоистские руководители отступили от принципов пролетарского интернационализма и сомкнулись с американским империализмом, с расистами и фашистской хунтой, на руках которой кровь тысяч коммунистов и других патриотов.

Шрипад Амрит Данге (Председатель Национального совета Коммунистической партии Индии)

Наша партия высоко оценивает принципиальную идеологическую борьбу КПСС против маонизма, который не только полностью отвергает

ленинизм, но и по существу враждебен ему. Бескомпромиссную борьбу против маонизма необходимо вести применительно к каждой конкретной ситуации, поскольку маонизм идет на открытое сотрудничество, на сговор с империализмом и крайней реакцией.

Херонимо Арнедо Альварес (Генеральный секретарь Коммунистической партии Аргентины)

Говоря о поисках империализма в Аргентине, Х. А. Альварес отметил:

Грязную антикоммунистическую и антисоветскую деятельность в Аргентине и других странах поддерживают маонистские провокаторы.

Гэс Холл (Генеральный секретарь Коммунистической партии США)

Маонизм является классическим примером того, куда может завести тропа оппортунизма, если ему не давать отпора. На дне мутного болота оппортунизма находится контрреволюция. И маонизм достиг этого дна.

Союз ЦРУ, американского бизнеса и маонизма в поддержку фашистских палачей в Чили — это контрреволюция.

Заговор маонистов, ЦРУ и расистской Южно-Африканской Республики против народа и правительства Анголы — это контрреволюция.

Осуществляемая маонистами кампания злобной клеветы против сил мирового социализма — это контрреволюция.

Азиз Мухаммед (Первый секретарь ЦК Иракской коммунистической партии)

Наша партия отстаивает чистоту принципов марксизма-ленинизма, считает, что маонизм, клеветнические нападки на Советский Союз и его славную партию, откуда бы они ни исходили, являются посягательством на идеалы международного коммунистического и рабочего движения, на его высокие принципы пролетарского интернационализма; это на руку классовым врагам.

Родней Арисменди (Первый секретарь ЦК Коммунистической партии Уругвая)

Строительство коммунизма, всесторонний рост советского влияния и могущества — то, что китайские руководители клеветнически объявляют признаком «сверхдержавы», — это фактор, способствующий развитию социалистических стран, поддержке народов, борющихся за освобождение; это — стена, сдерживающая империалистическую агрессию.

Далее он сказал, что Совещание коммунистических партий стран Латинской Америки и Карибского бассейна «отвергло антисоветскую кампанию китайского руководства, которая сегодня, в частности, в свете опыта Чили и Анголы, представляет собой открытое пособничество империализму».

Герберт Мис (Председатель Германской Коммунистической партии)

Наиболее реакционные силы западногерманского империализма стали искать и нашли путь к антисоветскому сговору с маонистским руководством в Пекине. Мы, западногерманские коммунисты, естественно, глубоко возмущены тем, что пекинские маонисты открыто и безоговорочно стали пособниками самых реакционных сил западногерманского империализма. Но этим они сами заклеили себя как враги рабочего и антиимпериалистического народного движения.

Аарне Сааринен (Председатель Коммунистической партии Финляндии)

Империализм не намерен смириться со своими непрерывными поражениями и стремится повернуть вспять развитие событий. Большие услуги оказывает ему в этом маонистское руководство Китая, которое подыгрывает реакционным кругам, выступает с нападками на исходящую из

ленинских принципов политику разрядки. Члены нашей партии, широкие демократические круги финского народа считают такие действия вредными и борются против них.

Меир Вильнер (Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Израиля)

На фоне великих свершений социализма, с одной стороны, и всеобщего глубокого кризиса, охватившего мир капитализма, с другой, еще более беспомощными и жалкими предстают реакционные силы, пытающиеся опорочить достижения Советского Союза. К сожалению, в этом активно участвуют маоистские лидеры КНР, проводящие беспринципную политику, идущую вразрез с интересами всего прогрессивного человечества, как и самого китайского народа.

Мы рассматриваем отношение к Советскому Союзу как принципиальный вопрос первостепенной важности. Антисоветизм, в какой бы форме он ни проявлялся, наносит вред делу борьбы трудящихся и всех сил, вступающих против империализма, за мир и социализм.

Кнуд Есперсен (Председатель Коммунистической партии Дании)

Отметив в своем выступлении, что благодаря своему единству международное коммунистическое движение превратилось в решающую политическую силу современности, К. Есперсен сказал:

Именно поэтому наши классовые враги прилагают так много стараний, чтобы расколоть наше движение и нанести удар по его идеологическому единству. Они используют в своих целях антикоммунизм, антисоветизм, маонизм и всякого рода оппортунизм. И мы, коммунисты, видим свой долг в том, чтобы давать решительный отпор этим попыткам исказить действительную картину современной классовой борьбы.

Рамо Шейхо (член Политбюро ЦК Сирийской коммунистической партии)

Сегодня все видят, что китайские руководители, смыкающиеся с мировым империализмом, с предельной злобой подвергают нападкам принципы марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма, с крайним пренебрежением относятся к интересам народов, борющихся за национальную независимость. Наша партия решительно осуждает позицию китайских руководителей, их ревизионистскую, подрывную и раскольническую деятельность в мировом коммунистическом и национально-освободительном движении.

Хильберто Виейра (Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Колумбии)

С антикоммунизмом и антисоветизмом полностью сомкнулись пекинские руководители, которые в своем шовинистическом бреде действуют совместно с худшими врагами мира и освобождения народов из-под гнета капиталистических монополий.

Майкл О'Риордан (Генеральный секретарь Коммунистической партии Ирландии)

Наша партия считает, что продвижение вперед можно еще больше ускорить путем дальнейшего сплочения международного коммунистического движения, путем созыва международного Совещания коммунистических и рабочих партий. К этому призвал XVI съезд нашей партии в марте 1975 года, который также решительно осудил раскольнические действия и политику маоистов, все теснее смыкающихся с лагерем империализма.

Уильям Каштан (Генеральный секретарь Коммунистической партии Канады)

Наша партия осуждает маоистов, их раскольническую, антисоветскую и антикоммунистическую политику. Как известно, маоисты изображали

себя борцами против империализма и защитниками стран «третьего мира». Теперь же для всех очевидно, что они не противники империализма, а его союзники, что они не защитники стран «третьего мира», а пособники империалистов в их наступлении на подлинное национально-освободительное движение. Идет ли речь об Анголе, о Чили, о Западной Европе, о Западной Германии — всюду маонисты оказываются в одном лагере с самыми реакционными силами империализма, включая южноафриканских расистов. Борьба за мир и против империализма не может быть успешной без постоянной борьбы против маонизма.

Хесус Фариа (Генеральный секретарь Коммунистической партии Венесуэлы)

В специальном послании Центрального Комитета Коммунистической партии Венесуэлы вашему съезду мы, венесуэльские коммунисты, еще раз подтвердили нашу позицию по важным вопросам международного коммунистического движения, в частности осудили маонизм и выступили в поддержку проведения международного совещания коммунистических и рабочих партий.

Хорхе дель Прадо (Генеральный секретарь ЦК Перуанской коммунистической партии)

Отметив, что американский империализм и перуанская олигархия всеми средствами стараются не допустить социалистической перспективы для Перу, Х. Прадо сказал:

Вместе со своими сообщниками — китайскими руководителями — они поощряют и финансируют заговорщическую деятельность правых и ультраправых, осуществляют экономическое давление и саботаж и, используя фашистские режимы, угрожают развязать агрессивную войну против нашей родины... Народы Латинской Америки все яснее видят, кто их подлинные друзья и кто служит империализму. Перуанская компартия осуждает предательский маонизм, который в условиях мирового бойкота бесстыдно поддерживает фашистский режим Пиночета и марионеток империализма и расизма в Анголе.

Франц Мури (Председатель Коммунистической партии Австрии)

Подчеркнув в своем выступлении, что Советский Союз является самым мощным международным фактором мира и свободы, Ф. Мури сказал:

Поэтому мы еще раз заявляем здесь, что для австрийских коммунистов дружба, солидарность и братские связи с Советским Союзом — это не только важные критерии пролетарского интернационализма. Будучи самостоятельной революционной партией австрийского рабочего класса, мы глубоко убеждены в том, что эта дружба и связи и борьба со всеми видами антикоммунизма, включая и маонизм, служат также и национальным интересам нашей страны.

Харилаос Флоракис (Первый секретарь ЦК Коммунистической партии Греции)

Указав на то, что империализм, НАТО, реакционные силы в самой Греции толкают греческое правительство вправо, Х. Флоракис сказал:

Эти происки, являющиеся составной частью действий империализма в целом против сил прогресса и социализма, пользуются открытой поддержкой маонистского руководства КПК.

Наша партия подняла знамя борьбы за то, чтобы покончить с зависимостью Греции от империализма США и от НАТО, за подлинную демократизацию страны, за пресечение произвола иностранных и местных монополий. КПГ подняла и высоко держит знамя борьбы против антисоветизма и антикоммунизма, знамя борьбы против маонизма, окончательно порвавшего с марксизмом, выступающего сейчас не против импе-

риализма, а против Советского Союза и всего коммунистического движения.

Мартин Гуннар Кнутсен (Председатель Коммунистической партии Норвегии)

Социализм, поднимающий жизнь людей на все более высокий уровень, предстает перед трудящимися капиталистических стран как реальная альтернатива миру монополий и кризисов. И процесс понимания этого не остановить никакими атаками антикоммунизма и антисоветизма. Реакционные силы и маонизм, выступающие ныне в качестве вдохновителей и организаторов таких атак, рано или поздно окажутся там, где их настоящее место, — на свалке истории!

Питер Кейнеман (Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Шри Ланка)

Империалисты стремятся притупить антиимпериалистическую направленность движения неприсоединения, противопоставить это движение социалистическим странам, разжечь разногласия и рознь между самими неприсоединившимися странами. В этом им помогают маонисты, стремящиеся навязать движению неприсоединения их пресловутую доктрину о так называемой «гегемонии сверхдержав» и так называемой «равной ответственности» экономически развитых государств — независимо от того, являются ли они империалистическими или социалистическими, — за нищету и экономическую отсталость «третьего мира».

В этой связи роль, которую маонисты играют в «третьем мире», по мнению нашей партии, становится все более опасной и вредной. Под лозунгом борьбы против «гегемонии» маонисты постоянно пытаются навязать этим странам свои собственные гегемонистские установки и добиться своих великодержавных шовинистических целей. Сейчас, когда маонисты сбрасывают маску и предстают в своем настоящем обличье, среди определенных сил «третьего мира», временно поддавшихся их демагогии, растет разочарование. Примером тому служит то, что небольшая группа, отколовшаяся от нашей партии в 60-х годах под влиянием маонизма, сейчас открыто осудила и клеймила маонизм, распустила свои организации и вернулась в ряды нашей партии.

Педро Саад (Генеральный секретарь Коммунистической партии Эквадора)

Отметив, что деятельность псевдореволюционеров или заблуждающихся элементов чревата расколом в международном движении трудящихся, П. Саад сказал:

Приходится особо подчеркнуть, что именно такова роль маонистских руководителей Китая, шовинистов и антисоветчиков, подлых раскольников, играющих на руку самым зловещим силам империализма, с которыми они открыто объединяются, как об этом свидетельствуют их поддержка фашистской хунты в Чили и их преступные действия в Анголе.

Но эти разговоры и кампании обречены на провал. Порукой тому служит политика великой и славной партии Ленина, непобедимого оплота революционной борьбы, боевые действия всех подлинных революционеров.

Юсуф Даду (Председатель Южно-Африканской Коммунистической партии)

Будучи не в состоянии соревноваться с миром социализма в сфере практических дел, капиталистические круги все больше полагаются на клевету и злобную антисоветскую пропаганду, стремясь дискредитировать социалистическое сотрудничество и особенно Советский Союз.

В этой клеветнической кампании с ними заодно действует маонистская клика, которая теперь даже не пытается скрывать своего сотрудничест-

ва с империализмом и самой оголтелой международной реакцией, направленного на подрыв интересов содружества социалистических государств, международного рабочего движения и тех сил в Азии, Латинской Америке и Африке, которые продолжают вести борьбу за свободу и независимость. С каждым днем растет каталог предательств, совершаемых маоистами, которые попирают принципы пролетарского интернационализма и солидарности с освободительной борьбой. Пекинское руководство не гнушается ничем — будь то содействие усилению военной машины империализма, поощрение изменников делу национального освобождения, поддержка наиболее реакционных западных политиканов или же объятия с палачами чилийского народа. Народы Африки никогда не забудут его преступного вмешательства в Анголе на стороне расистских сил Форстера, ЦРУ и давних прислужников империализма в Анголе — Холдена Роберто и Жонаса Савимби.

Карлос Альтамирано (Генеральный секретарь Социалистической партии Чили)

Последовательно проводя политику пролетарского интернационализма, советские коммунисты всегда были в первых рядах тех, кто самым решительным образом солидаризировался с борьбой нашего народа. Чили знает, какова позиция советского народа и правительства, и выражает им свою благодарность, верит в них.

Однако мы знаем, что, к сожалению, некоторые другие правительства вопреки своему интернациональному долгу оказали прямую или косвенную помощь фашистской тирании. Китай предоставил режиму Пиночета помощь в размере 100 миллионов долларов. А совсем недавно он принял решение поставить хунте оружие, которое будет использовано против патриотов.

Жак Дорсилъен (член руководства Объединенной партии гаитянских коммунистов)

Политика мира, проводимая Советским Союзом, служит благу всего человечества.

Нельзя не вспомнить по этому поводу злобной кампании, которую на протяжении шестидесятых годов вели против мирного сосуществования китайские руководители. Они обвиняли тогда СССР в капитулянтстве и прочих грехах. Сейчас они вступили в сговор с наиболее реакционными силами, пытаясь сорвать мирную политику Советского Союза и всего социалистического содружества.

Рейнальдо Марин (Первый секретарь ЦК Парагвайской коммунистической партии)

Парагвайская коммунистическая партия расценивает как недостойные и враждебные интересам борьбы за социальный прогресс те грубые нападки и лживую клевету, с которыми маоистская клика, предавшая дело марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, вступившая в союз с империализмом и с самой оголтелой международной реакцией, обрушивается на КПСС и Советский Союз, на другие страны социалистического содружества, на международное коммунистическое и национально-освободительное антиимпериалистическое движение.

Несмотря на все реакционные происки империализма и предателей-маоистов, направленные против марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, социалистические страны во главе со славным Советским Союзом одерживают все новые победы в исторической конфронтации двух систем — социалистической и капиталистической.

Представитель Коммунистической партии Индонезии

Выдвинув так называемую «тихоокеанскую доктрину», увеличивая помощь, в том числе и военную, реакционным режимам и активизируя

сотрудничество с маоистами, империализм пытается сорвать мирные усилия в Азии... Опыт свидетельствует об огромном значении международной взаимосвязи трех основных сил современности: мировой социалистической системы, рабочего и национально-освободительного движений. Одновременно необходимо категорически отвергать все отклонения от учения марксизма-ленинизма, особенно маоистские извращения, которые уже навлекли на нашу партию неисчислимы бедствия.

Представитель Коммунистической партии Филиппин

Антиимпериалистическую борьбу во всем мире и особенно в развивающихся странах осложняет политика китайских руководителей. Империализм и маоизм либо выступают заодно в борьбе против антиимпериалистических сил, поддерживаемых Советским Союзом, либо маоисты своей авантюристической политикой раскалывают союз антиимпериалистических сил. КНР выступает даже против советского предложения об активном участии азиатских стран в коллективных поисках прочного мира и безопасности, предпочитая сохранение американского присутствия в этом районе мира. Как заявил в своем докладе съезду товарищ Л. И. Брежнев, «теперь уже мало сказать, что маоистская идеология и политика несовместимы с марксистско-ленинским учением. Они прямо враждебны ему».

Дионисио Рамос (Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Гондураса)

Мы поддерживаем принципиальную и неизменную позицию КПСС в отношении пекинских лидеров и стремление КПСС к нормализации отношений с Китаем на основе принципов мирного сосуществования.

Ибрагим Закария (член ЦК Суданской коммунистической партии)

Маоистские руководители, идущие впереди всех антисоветчиков, оказались вместе с империализмом, вступили в союз с теми, чьи руки обогреты кровью коммунистов. Они выступают заодно с американскими империалистами в Африке, заодно с южноафриканскими расистами, в результате чего льется кровь сынов и дочерей ангольского народа. Но тот, кто сегодня выступает против Советского Союза и пытается дискредитировать его политику, неизбежно потерпит провал!

Питер Саймон (Генеральный секретарь Социалистической партии Австралии)

СПА выражает серьезную озабоченность тем, что нынешние руководители Коммунистической партии Китая выступают против предложений о мире и разоружении и постоянно утверждают, что новая война неизбежна. Мы считаем, что линия КПК на неизбежность войны, ее сговор с правыми экстремистскими силами, отказ принять предложения Советского Союза о нормализации отношений между двумя странами противоречат интересам китайского народа и являются угрозой для всех народов мира.

Хорхе Колле (Первый секретарь ЦК Коммунистической партии Боливии)

Мы не можем хранить молчание и быть тем самым пособниками тех, кто своими действиями препятствует продвижению народов по пути прогресса, сея среди них семена раздора и прибегая к антисоветским, а следовательно, и антикоммунистическим провокациям. Когда же подобные действия осуществляются от имени одной из социалистических стран или одной из коммунистических партий, что объективно означает предательство интересов своей партии и своего народа, — именно это происходит с руководством китайской компартии, — то не замечать вреда таких действий — значит, по нашему мнению, поступать не по-коммунистически.

Безусловно, единство не рождается само по себе. За него надо бороться. Мы благодарны КПСС, и говорим об этом без обиняков, за ее боевое отстаивание единства, что является еще одним свидетельством верности советских коммунистов подлинному пролетарскому интернационализму.

Луис Карлос Престес (Генеральный секретарь ЦК Бразильской Коммунистической партии)

Мы никогда не перестанем бороться против тех, кто поносит родину великого Ленина или клеветает на нее, как бы они ни назывались — империалистами, реакционерами, фашистами или маонистами. Для бразильского рабочего класса антисоветчик — это контрреволюционер, это враг свободы и прогресса.

Чедди Джаган (Генеральный секретарь Народной прогрессивной партии Гайаны)

Мы должны сочетать революционную убежденность и оптимизм с бдительностью. Наши враги стали более коварными. Товарищ Л. И. Брежнев правильно указал на опасность ревизии марксизма-ленинизма. Хотя маонизм, троцкизм, маркузизм, новые левацкие течения и рядятся в «революционные» одежды, они извращают марксизм, сеют идеологическую путаницу, помогая капитализму и империализму... Вся история Советского государства с момента его зарождения отмечена его последовательными и беспримерными действиями по оказанию моральной поддержки и материальной помощи всем народам мира, борющимся за свободу, справедливость, мир и социальный прогресс.

Это вдребезги разбивает измышления империалистической и маонистской пропаганды, клеветы на КПСС, на Советский Союз и на их политику. Ложь, распространяемая маонистами, мало чем отличается от лживой стряпни империалистической пропаганды. Народная прогрессивная партия считает своим долгом осудить нападки маонистов на Советский Союз. Маонизм смыкается с происками врага человечества — империализмом.

Эзекиас Папаиоанну (Генеральный секретарь Прогрессивной партии трудового народа Кипра)

Мы гневно осуждаем и отвергаем антисоветизм в любой форме, откуда бы он ни исходил. Антисоветизм — это не что иное, как антикоммунизм. Куда ведет антисоветизм, показывает позиция китайского руководства, выступающего в поддержку фашистских переворотов в самых различных частях земного шара, в поддержку наиболее реакционных кругов НАТО.

... Авантюристические круги НАТО — сторонники «холодной войны», используя позицию китайского руководства, стремятся взорвать все то, что было достигнуто на историческом совещании в Хельсинки. Этого допустить нельзя!

Мануэль Мор (Генеральный секретарь ЦК партии Народный авангард Коста-Рики)

Обездоленные массы понимают необходимость революции и постепенно объединяются под водительством своих классовых партий. В ответ реакционные силы плетут чудовищный заговор. Это — заговор против социалистических стран и против мира во всем мире. В одном лагере объединяются крупнейшие монополии, лекинские предатели, торговцы оружием и наследники Гитлера, сегодня притихшие, но всегда готовые поднять голову.

Доминик Урбани (Председатель Коммунистической партии Люксембурга)

Борясь против антисоветизма, который в наше время является основным содержанием антикоммунизма, мы выступаем также и против аван-

тюристической шовинистской политики пекинских руководителей. Эти люди давно сошли с пути марксизма-ленинизма и стали союзниками самых реакционных кругов империализма в борьбе против социалистического лагеря, против единства международного рабочего движения.

Рене Мениль (член политбюро ЦК Мартиникской коммунистической партии)

Вы помните, как в 60-е годы китайские руководители выступили с абсурдной интерпретацией мирного сосуществования как капитуляции перед империализмом. А ныне они не только капитулируют перед американским империализмом, но и сотрудничают с ним в преступных попытках подавить различные отряды национально-освободительного движения в Азии, Африке и Латинской Америке.

Хосе Куэльо (член Секретариата ЦК Доминиканской коммунистической партии)

Позиция Советского Союза в отношении Кубы, Вьетнама и Анголы обладает большей силой убеждения для всего мира, чем революционные фразы, изрекаемые в течение многих лет руководителями Китайской Народной Республики и опровергаемые их позорным союзом с реакционными силами американского империализма, преследующими цель помешать борьбе народов за освобождение.

Ирадж Искендери (Первый секретарь ЦК Народной партии Ирана)

Выразив глубокую благодарность Советскому Союзу за его бескорыстную помощь Ирану, он сказал:

Полной противоположностью этой ленинской политике КПСС и Советского государства является политика руководства КНР. Народная партия Ирана резко осуждает политику руководства Пекина как антисоциалистическую контрреволюционную политику, направленную против дела мира и интересов народов.

Луис Санчес (Первый секретарь ЦК Никарагуанской социалистической партии)

Уроки последнего периода с его быстрыми изменениями в международной жизни говорят о том, что социалистическое содружество, коммунистическое и рабочее движение, силы национального освобождения вынуждены сейчас вести бой на двух фронтах: непосредственно против империализма и против маонистских ренегатов, предавших лагерь социализма, отрекшихся от марксизма-ленинизма, поправших свой интернациональный долг, вступивших в сговор с империализмом и наиболее реакционными группировками во всех частях света.

Коммунисты Никарагуа отвергают так называемый «нейтрализм» по отношению к маонизму, поскольку такой «нейтралитет» есть не что иное, как оппортунистская позиция, которая объективно содействует антимарксистским, авантюристическим целям пекинского руководства. Мы считаем, что важнейшая интернациональная задача коммунистов в области идеологии состоит в том, чтобы окончательно разгромить маонизм.

Франклин Иризарри (Заместитель Генерального секретаря Пуэрто-риканской коммунистической партии)

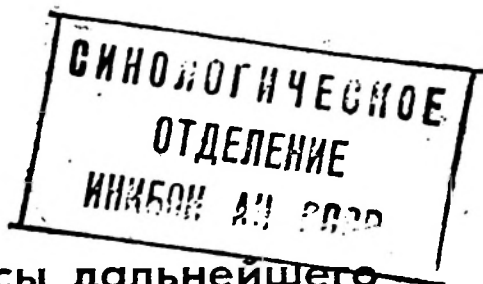
У нас пытаются активно действовать маонисты, отравляя своим ядом умы молодежи. Им удалось одурачить некоторую часть левацки настроенных студентов из числа тех, кто полагает, что с помощью звонких лозунгов можно завоевать власть. Но сейчас маонистам на нашем острове приходится особенно трудно. Они никак не могут оправдать позицию Пекина в отношении Анголы — позицию, смыкающуюся с курсом империалистов. Антисоветизм объединяет маонистов с реакционными силами в за-

падных странах, что же касается Анголы, то тут они идут рука об руку и с расистами Южной Африки.

И. Билен (Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Турции).

Реакционные силы ведут злобную антикоммунистическую кампанию. С ними активно сотрудничают маонисты, которые вместе с крайней реакцией, фанатиками, пантюристами, фашистскими группами подвергают нападкам Советский Союз, коммунистическую партию, выдают коммунистов полиции. Пекинские руководители, как и маонисты в Турции, повсюду открыто сотрудничают с врагами национальной независимости, противниками коммунизма, сторонниками НАТО, протягивают руку крайней реакции, выступают против борьбы за мир, против мер по установлению доверия между народами, занимаются подстрекательством.

Наша партия не отделяет борьбу против маонистов, подрывающих национальное единство и выступающих против рабочего движения, от борьбы масс против американского колониализма и гнета НАТО, против эксплуатации и террора со стороны сотрудничающей с империализмом крупной буржуазии. Мы постоянно ведем эту борьбу. Другого пути нет.

XXV съезд КПСС и вопросы дальнейшего развития сотрудничества стран социализма

Семидесятые годы нынешнего столетия войдут в историю как годы глубоких положительных сдвигов в области международных отношений. Путь к этим сдвигам проложил XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза, принятая им Программа мира. «Главный смысл ее,— подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду,— состоял в том, чтобы, опираясь на мощь, сплоченность и активность мирового социализма, на его крепнувший союз со всеми прогрессивными и миролюбивыми силами, добиться поворота в развитии международных отношений». Успехи, достигнутые в борьбе за разрядку напряженности, открывают новые возможности для борьбы народов за мир и социальный прогресс. XXV съезд КПСС, используя эти благоприятные условия, развивает величественную Программу мира, выдвигает новые высокие цели.

В ходе реализации Программы мира нашей партии в области международных отношений достигнут коренной поворот от «холодной войны» к разрядке напряженности, от конфронтации государств с различным социальным строем к их разностороннему сотрудничеству на основе принципов мирного сосуществования.

Коренные сдвиги в сторону разрядки напряженности стали возможны благодаря изменению в соотношении сил в пользу социализма, возросшему воздействию конструктивной внешней политики СССР и стран социалистического содружества. Мощь и мирная политика Советского Союза и других социалистических государств в решающей мере способствовали созданию новой обстановки в мире. На заключительном этапе Совещания в Хельсинки нашли свое международное закрепление итоги второй мировой войны и послевоенного развития, были созданы решающие предпосылки для того, чтобы превратить Европу в континент прочного мира.

Последовательно и настойчиво осуществляя величественную Программу мира, принятую XXIV съездом КПСС, наша партия, Советское правительство, Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем Л. И. Брежневым достойно выполняют свой интернациональный долг, еще выше поднимают на мировой арене авторитет Советского Союза и всего социалистического содружества — ведущей революционной силы современности.

* * *

Коммунистическая партия Советского Союза в своей международной деятельности исходит из марксистско-ленинской теории, научного анализа мирового общественного развития, опирается на неуклонный рост экономической и оборонной мощи, идейно-политического влияния Советского Союза. Решения XXV съезда КПСС убедительно показыва-

ют, насколько последовательно руководствуется наша партия ленинскими идеями о взаимосвязи экономического развития, внутренней и внешней политики. Задачи десятиго пятилетнего плана определяют не только направление и масштабы экономического и социально-политического прогресса СССР. Решение этих задач непосредственно связано с ходом борьбы двух систем на международной арене, создает надежные основы внешней политики, нацеленные на упрочение мира и безопасности.

На современном этапе международные отношения стали в полном смысле слова всемирными. Вместе с тем они стали многообразнее, воплощая конкретные особенности и условия различных международно-политических ситуаций. Именно поэтому международные отношения и внешняя политика стоят в центре внимания КПСС как вопросы исключительного значения, от которых в немалой мере зависит развитие советского общества.

Реализация предначертаний партии в области внешней политики на современном этапе международных отношений требует последовательности и твердости, совершенствования форм и методов деятельности, своевременного выдвижения конкретных инициатив. Значение переживаемого нами исторического момента состоит в том, что он служит отправной точкой в преобразовании всей системы международных отношений на принципах мирного сосуществования. Основная задача сейчас — превратить разрядку напряженности, достигнутую на важнейших направлениях развития международных отношений, в явление непрерывное и в конечном итоге необратимое. Советские люди убеждены в успехе мирного наступления, несмотря на сложность и противоречивость современной международной жизни. Главным гарантом мира, его могучим и динамичным фактором стал реальный социализм, миролюбивая политика которого вытекает из самой природы нового общественного строя и покоится на незыблемой основе единства взглядов и действий братских социалистических государств.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев дал марксистский анализ глубинных процессов, происходящих в мировой социалистической системе.

В материалах съезда нашел подтверждение последовательный курс КПСС, направленный на расширение всестороннего сотрудничества, на упрочение единства и сплоченности государств социалистического содружества. «В отношениях со странами социализма,— подчеркнул товарищ Л. И. Брежнев,— КПСС твердо следует испытанному правилу: вести дела в духе подлинного равноправия и заинтересованности в успехах друг друга, вырабатывать решения, памятуя не только о национальных, но и интернациональных интересах».

Определяя задачи партии в сфере отношений со странами социализма, съезд последовательно учитывал внутренние потребности нашей страны, всей системы социалистических государств и международную роль строительства нового общества как важнейшего фактора социального прогресса во всем мире.

Установление и развитие нового типа политических и экономических отношений между странами социалистического содружества — важное завоевание марксистско-ленинских партий и народов этих стран.

Наша партия высоко несет революционное знамя марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. КПСС делает все необходимое для укрепления позиций социализма на мировой арене, расширяет связи с братскими партиями, настойчиво отстаивает единство и сплоченность международного коммунистического движения. Совет-

ские коммунисты, все трудящиеся нашей страны конкретными делами подтверждают свою солидарность с братьями по классу, с борьбой народов за свободу, подлинную демократию и социальный прогресс.

«Твердо следуя ленинским идеям,— заявил на XXV съезде нашей партии Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Кубы, премьер-министр Революционного правительства Республики Куба Фидель Кастро Рус,— СССР превратился в самый надежный оплот мира во всем мире и в то же время стал надежным щитом, ограждающим малые и слабые народы от агрессивных устремлений империализма».

Вот почему миролюбивая внешняя политика СССР, отвечающая коренным интересам и чаяниям всех народов земли, пользуется их всевозрастающим уважением и поддержкой.

С трибуны нашего партийного съезда было заявлено о твердой решимости Советского Союза и других социалистических государств и впредь с удвоенной энергией проводить политику мира, добиваясь обуздания сил войны и агрессии, обеспечивая права народов на свободу, независимость и социальный прогресс.

XXV съезд КПСС дал глубокий научный анализ нынешнего этапа противоборства социализма и капитализма. Особенности этого этапа состоят в том, что мировая система социализма окончательно утвердила за собой историческую инициативу, определяет главное содержание и направление общественного развития.

Со времени возникновения стран социалистического содружества основой политических, экономических и культурных отношений между ними стали ленинские принципы социалистического интернационализма, которые находят свое воплощение в органичном сочетании потребностей каждой страны социализма с потребностями всего социалистического сообщества, в согласованной политике, в правильном сочетании национальных и интернациональных интересов, в развитии братской взаимопомощи и взаимной поддержки. В этих взаимоотношениях последовательно претворяются принципы равноправия и взаимной выгоды всех стран, уважения суверенитета, независимости и невмешательства во внутренние дела.

В этой связи следует особо подчеркнуть значение Варшавского Договора, который является не только военной организацией, как тщетно пытаются доказать наши противники, но и политической. Политический консультативный комитет как руководящий орган принимает совместные решения по основным международным вопросам, выступает инициатором важных совместных документов и внешнеполитических программ, играет важную роль в определении курса совместных действий государств — членов Варшавского Договора при решении вопросов безопасности, сотрудничества и разрядки напряженности. Вот почему реакционные силы стремятся очернить в глазах мировой общественности его деятельность, поставить на «одну доску» с империалистическими блоками, в частности с НАТО, хотя известно, что Организация Варшавского Договора имеет оборонительный характер и была создана в ответ на усиление агрессивного характера военного империалистического Североатлантического пакта.

Успехи мировой социалистической системы способствуют решению важных государственных проблем входящих в нее стран. Исторический опыт показывает, что правильно понимаемые национальные интересы не вступают в противоречие с общими интересами мирового социалистического содружества, более того, они могут быть реализованы тем полнее, чем теснее они увязываются с общими целями и задачами

стран социализма. Об этом красноречиво говорит опыт взаимоотношений социалистических государств, в особенности опыт сотрудничества стран — членов Организации Варшавского Договора и Совета Экономической Взаимопомощи.

Теперь мы знаем не только теоретически, но убедились и практически, что путь к социализму, его главные черты определяются общими закономерностями, которые присущи развитию всех социалистических государств. Знаем мы также и то, что действие общих закономерностей проявляется в различных формах, отвечающих конкретным историческим условиям, национальным особенностям. Не опираясь на общие закономерности, не учитывая конкретно-исторической специфики каждой страны, невозможно строить социализм. Без учета этих факторов невозможно и правильно развивать отношения между братскими странами. Осуществление совместных важных акций в области международных отношений позволяет нашим странам более глубоко выявлять общие закономерности и тенденции международного развития, определять главные направления для успешного выполнения первоочередных задач внешней политики всех стран социалистического содружества. Международные отношения нового типа дают возможность находить правильное сочетание интересов каждого и общих интересов и преодолевать возникающие на этом пути трудности коллективными усилиями братских коммунистических и рабочих партий.

Центральный Комитет нашей партии уделял и уделяет постоянное внимание вопросам экономического сотрудничества с социалистическими государствами, его дальнейшему развитию на основах взаимной выгоды и социалистического интернационализма.

Необходимой предпосылкой укрепления взаимоотношений между странами социализма является дальнейшее упрочение их сплоченности и единства. Это диктуется интересами как отдельных социалистических стран, так и всего социалистического содружества. Эта тенденция — одна из закономерностей развития социализма, она обусловлена жизненно важными интернациональными и национальными задачами социалистических стран. Расширение всестороннего сотрудничества братских коммунистических и рабочих партий, укрепление партийных контактов на всех уровнях дает возможность на основе накопленного взаимного опыта совместно разрабатывать принципиальные проблемы строительства социализма и коммунизма, находить наиболее рациональные формы экономических связей, коллективно вырабатывать общую линию во внешнеполитических вопросах и обмениваться опытом деятельности в идеологической и культурной областях.

Намеченная XXV съездом политика укрепления сотрудничества социалистических стран стоит в центре внимания КПСС, она полностью учитывает достигнутый уровень развития этих стран, а также всей социалистической системы.

«Развитие стран социализма, рост их мощи, усиление благотворного влияния проводимой ими международной политики — вот что составляет ныне главное направление социального прогресса человечества», — заявил на XXV съезде партии товарищ Л. И. Брежнев.

Социалистические государства приступили к реализации широких экономических и социальных программ, имеющих важное значение для дальнейшего поступательного и гармоничного развития социалистического общества. Непрерывное углубление двустороннего и многостороннего сотрудничества, прогресс социалистической экономической интеграции обеспечивают динамичный рост экономики всех стран — членов СЭВ.

Ныне во всех странах социалистического содружества индустрия — ведущая отрасль экономики. Лишь за четверть века государства, входящие в СЭВ, увеличили свою долю в мировом промышленном производстве с 18 до 33%. Сегодня это один из самых мощных промышленных районов мира. И по-прежнему высокие темпы, стабильность определяют развитие социалистической, плановой экономики братских стран.

Крупный шаг в решении важнейших социально-экономических задач сделан странами социалистического содружества в минувшем пятилетии. По предварительным данным, в целом по странам СЭВ национальный доход за эти годы увеличился более чем на 36%, объем промышленного производства — примерно на 46%. Существенно повысилось благосостояние населения. Эти достижения выглядят особенно впечатляюще на фоне кризисных потрясений в капиталистическом мире, где растут дороговизна, безработица. Об этом красноречиво говорят такие данные: если в странах СЭВ промышленное производство в минувшем году увеличилось по предварительным данным на 8,5%, то в шести ведущих странах капиталистического мира — США, ФРГ, Франции, Японии, Англии и Италии — оно уменьшилось почти на 8,5%. Кризисные штормы, бушующие на Западе, не смогли сколько-нибудь затронуть экономическую жизнь социалистических государств, защищенную мощным волнорезом СЭВ.

Выдвижение стран социалистического содружества на передовые позиции в мировом хозяйстве в значительной мере обусловлено формированием в его рамках нового типа международного разделения труда, характеризующегося полным равноправием сторон, планомерностью и стабильностью внешнеэкономических отношений.

Разработанная по решению XXIII и принятая XXV сессией Совета Экономической Взаимопомощи Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции синтезирует результаты всестороннего научного изучения основных проблем и аспектов международного экономической деятельности стран социалистического содружества в их взаимной увязанности и обусловленности, определяет собой качественно новую ступень в развитии экономического сотрудничества, охватывающего производство, обмен и потребление.

«Эта программа, товарищи, — подчеркнул Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС, — поднимает сотрудничество соцстран на гораздо более высокую ступень, чем просто развитие торговли».

Первые итоги реализации Комплексной программы убедительно показывают правильность линии на дальнейшее развертывание процесса социалистической экономической интеграции.

В нынешнем пятилетии будет продолжено осуществление Комплексной программы социалистической экономической интеграции. Важным ее дополнением стал впервые разработанный план многосторонних интеграционных мероприятий стран СЭВ на 1976—1980 гг. Более глубокий характер приобрела программа работ и по координации их народнохозяйственных планов на эти годы как на двусторонней, так и на многосторонней основе. Таким образом, в углублении взаимного разделения труда, в интеграции братские страны видят неперемнное условие успешного развития своей экономики, действенный ускоритель общего движения вперед.

Расширение интеграционных процессов вызывается объективными потребностями развития социалистических государств, небывалым ростом производительных сил социалистического общества. Первостепен-

ное значение социалистической экономической интеграции состоит в том, что она создает возможности для лучшего и более эффективного использования ресурсов, экономии труда и средств, избежания неоправданного параллелизма и дублирования друг друга, дает возможность для развития социалистической взаимопомощи стран социализма, содействует ускорению темпов их хозяйственного развития. Усиление социалистической экономической интеграции способствует дальнейшему развитию международного социалистического разделения труда, кооперированию и специализации производства, развитию международных производственных объединений, совместных предприятий, формированию международных социалистических производственных отношений. На основе всего этого развивается совместная деятельность стран социализма, выражающаяся в координации народнохозяйственных планов как основном методе регулирования процесса социалистической интеграции. Усиление интеграционных процессов будет ускорять рост экономического потенциала каждой социалистической страны и социалистического содружества в целом, обеспечивать тем самым укрепление материальной базы мирового революционного процесса.

Поставленные в докладе товарища Л. И. Брежнева кардинальные вопросы совершенствования управления социалистической экономикой, улучшения планового руководства народным хозяйством, повышения эффективности общественного производства, роста производительности труда и другие имеют не только внутреннее значение, но и большое международное значение. Речь идет о создании самого высокоэффективного производства в мире, об обеспечении новых побед в экономическом соревновании с капитализмом и, следовательно, о дальнейшем усилении могучего воздействия социалистической системы на ход революционного процесса в мире.

Сейчас мы вступили в период, когда широким фронтом ведется поиск самых совершенных методов сотрудничества социалистических государств, которые должны дать наилучшую для современных условий форму развивающемуся процессу интернационализации социалистического производства. Жизнь настоятельно требует от нас решительно ускорить научную и практическую разработку этих вопросов. При этом научные разработки должны не только в полной мере учитывать уже имеющуюся практику, но и опережать ее, прогнозировать реальную перспективу развития интеграционных процессов, помогать коммунистическим и рабочим партиям в разработке правильной экономической политики. Коммунистическая партия Советского Союза, братские партии социалистических государств, уделяя огромное внимание вопросам дальнейшего развития социалистической экономической интеграции, видят в этом не только средство ускорить социалистическое и коммунистическое строительство, поднять на новую высоту экономическую мощь содружества. Наша совместная деятельность подчинена высокой цели — укреплению стран мировой социалистической системы, их единства, сплочению народов в братском сообществе, что открывает беспредельные возможности для прогресса и общества, и человеческой личности.

* * *

Советский Союз и другие социалистические страны добились больших успехов в борьбе за мир и в оказании поддержки и помощи борцам за национальное освобождение народов мира. Эти успехи еще более повысили авторитет социалистического содружества на международной арене, оказали мощное воодушевляющее воздействие на рево-

люционную борьбу народов за мир, национальную независимость, демократию и социализм.

Активная внешнеполитическая деятельность СССР и других стран социалистического содружества оказывает позитивное влияние на обстановку в Азии.

Со времени окончания второй мировой войны, пожалуй, ни в одной части земного шара не происходило таких бурных событий, как в Азии, ставшей ареной ожесточенной борьбы между силами национального освобождения и социального прогресса, с одной стороны, и силами империалистической реакции — с другой. На протяжении последних 30 лет империалистические державы не раз пытались огнем и мечом вернуть вспять освободительное движение народов Азии. На протяжении последних лет весь мир с напряженным вниманием следил за событиями в Индокитае, развитие которых приобрело бурный и скоротечный характер. Национальное освободительное движение народов этого региона добилось за короткий период времени огромных успехов. Их значение трудно переоценить. Они ознаменовали собой крутой поворот, решающий сдвиг в обстановке на Индокитайском полуострове, коренное изменение положения в этом районе в пользу патриотических сил.

Американский империализм ставил своей целью превратить Индокитайский полуостров в главный опорный пункт империалистической агрессии, в основной плацдарм борьбы против сил национального и социального освобождения в этой части земного шара.

Освободительная борьба народов Индокитая увенчалась триумфом. Народы Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, отстаив свободу и независимость, приступили к коренным социально-экономическим преобразованиям в своих странах. Они отвергают любые формы иностранного вмешательства, преисполнены решимости идти по пути укрепления национальной независимости и взаимовыгодного сотрудничества со всеми странами на равноправной основе. Успешное завершение национально-освободительной борьбы в Индокитае имеет огромное значение для дальнейшего развития обстановки не только в Азии, но и далеко за ее пределами. Победа народов Индокитая вносит новый важный элемент в расстановку политических сил в глобальном масштабе, изменяя их соотношение в пользу мира, демократии, социализма.

Объединение Вьетнама в единое государство на социалистической основе, провозглашение Лаосской Народно-Демократической Республики, взявшей курс на строительство социализма, минуя капиталистическую стадию развития, образование Демократической Кампучии, приступившей к проведению глубоких социально-экономических преобразований, — все это привело к возникновению на Индокитайском полуострове нового политического центра прогрессивных сил, которые, безусловно, могут оказывать все большее влияние на развитие позитивных сдвигов на Азиатском континенте и воздействие на перестройку международных отношений в целом в интересах упрочения мира и международной безопасности.

Говоря об исторической важности победы народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, нельзя обойти молчанием тот факт, что все это можно было бы достигнуть с меньшими потерями и жертвами, если бы с самого начала империалистической интервенции вместе со странами социалистического содружества, международным коммунистическим движением выступал Китай. Отказ пекинского руководства от совместных действий с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества в поддержку патриотов Индокитая, многочисленные помехи, которые маоисты чинили доставке во Вьетнам советской помо-

щи,— все это объективно способствовало американскому империализму и его ставленникам, создавало большие трудности для патриотов в их борьбе. На всем протяжении вооруженного конфликта в Индокитае Пекин действовал двурушнически: с одной стороны, заявлял о поддержке борющихся народов, а с другой — подрывал всемирный фронт солидарности с ними.

Решительные победы, одержанные патриотами Индокитая, показали неодолимость и мощь современного революционного и национально-освободительного движения, еще раз продемонстрировали ту непреложную истину, что империалистическая политика агрессии, ставящая цель подавить стремление народов к независимости и миру, национальному возрождению и социальному прогрессу, неминуемо обречена на провал. Вместе с этим выявилась полная несостоятельность ставки империалистов на реакционные марионеточные режимы, силой навязанные ими в свое время народам Индокитая и опиравшиеся лишь на поддержку извне.

Победы, одержанные народами Индокитая, являются следствием их собственных героических усилий, их длительной и трудной борьбы. Одновременно с этим одним из решающих факторов успехов послужили всесторонняя эффективная помощь СССР и других социалистических государств, решительная поддержка всех свободолюбивых стран и народов.

Успеху нынешней заключительной стадии освободительной борьбы в Индокитае в значительной мере способствовало то обстоятельство, что она протекала в новых условиях, в новой обстановке, сложившейся в мире под влиянием процесса международной разрядки, начало которому было положено активными и целеустремленными внешнеполитическими действиями Советского Союза и других социалистических государств.

Победа патриотов Индокитая — это крупный успех мирового социализма, революционного и национально-освободительного движения, всего прогрессивного человечества. Одновременно это и мощный удар по силам внутренней реакции в этих странах, по агрессивным планам международного империализма.

Завоевания освободительных сил Индокитая вдохновляют народы, борющиеся за свою независимость и свободу, вселяют в них уверенность в конечном торжестве своего правого дела.

* * *

Содружество социалистических стран представляет собой сейчас такое объединение государств, с которым, как отмечал товарищ Л. И. Брежнев в своем докладе на XXV съезде КПСС, не могут идти в сравнение по прочности ни один союз, ни одна коалиция, существовавшие в прошлом или существующие ныне. За 30 лет существования мировой социалистической системы правящие коммунистические и рабочие партии накопили богатейший опыт определения конкретных путей и форм сотрудничества, которые позволяют эффективно сочетать национальные и интернациональные интересы стран. Стало возможным планомерно направлять не только общественное развитие в отдельных странах, но и на коллективно согласованной основе также и процессы их взаимодействия.

КПСС вместе с коммунистическими и рабочими партиями других социалистических государств делает все для всестороннего углубления

такого сотрудничества. Социалистические страны выдвинули позитивные предложения по коренным, актуальным проблемам современности, включая прекращение гонки вооружений и разоружение, мирное разрешение международных конфликтов, где бы они ни возникали. В этом достигнуты выдающиеся результаты.

Большие успехи совместных внешнеполитических усилий стран социализма, одобрение и поддержка общественностью самых различных стран — свидетельство международного признания прочности позиций реального социализма, необратимости его завоеваний, бесперспективности усилий реакции решать проблемы исторического противоборства различных социальных систем на путях международной напряженности и войны.

Советские коммунисты гордятся тем, что позитивные сдвиги в международной жизни все прогрессивное человечество связывает прежде всего с деятельностью нашей партии, ее Центрального Комитета, лично Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева. Уже в первые минуты делегаты дружно одобрили слова, сказанные товарищем Л. И. Брежневым, что курс, выработанный XXIV съездом партии, был правильным. В глубоком, научно обоснованном докладе, освещающем многие внутренние и внешнеполитические проблемы, большое внимание уделено содружеству социалистических стран, которое, как подчеркнул товарищ Л. И. Брежнев, «нам, коммунистам, нашему уму и сердцу ближе всего» и влияние которого «на ход мировых событий становится все сильнее, все глубже».

Успехи стран социализма в политике, экономике, социальной жизни позволили в минувшем пятилетии решить крупнейшие задачи, осуществить то, за что они боролись в течение долгого времени. Отстаивая общие интересы, социалистические страны самым тщательным образом учитывают при этом и специфические национальные интересы каждой страны.

Можно сказать, что именно в рамках общих усилий, в рамках согласованной единой внешней политики нашли решение насущные проблемы обеспечения международных позиций многих социалистических стран.

Ярким примером в этом отношении является Вьетнам. История борьбы вьетнамского народа против колониализма и феодализма является конкретным выражением закономерностей освободительного движения народов в нашу эпоху. На всех этапах революционного движения подтверждается правильность вывода о том, что только руководство национально-освободительным движением со стороны партии рабочего класса, вооруженной передовым революционным учением — марксизмом-ленинизмом, может привести борющийся народ к победе. «Никакой другой общественной строй, кроме социалистического, не мог бы придать освободительной борьбе вьетнамского народа такой размах, такую организованность, такую стойкость и упорство. Никакая другая политическая сила, кроме марксистско-ленинской партии, не могла бы вооружить борющийся народ таким ясным пониманием целей борьбы, так вдохновить его на массовый подвиг», — говорил товарищ Л. И. Брежнев в годы борьбы вьетнамского народа против иностранной агрессии¹.

Прекращение империалистической агрессии во Вьетнаме явилось историческим событием, вошедшим яркой страницей в летопись борьбы народов за свободу и независимость, за всеобщий мир и социальный

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речь и статьи, т. 2, М., 1973, стр. 588.

прогресс. Героическая самоотверженная борьба вьетнамского народа, всесторонняя помощь и поддержка Советского Союза, всего социалистического содружества, невиданное по своему размаху всемирное движение солидарности с патриотами Вьетнама — все это стало непреодолимой преградой на пути сил агрессии, предопределило торжество правого дела.

Вьетнамский народ, поддержанный социалистическими странами и прогрессивной общественностью всего мира, сорвал самую крупную после второй мировой войны вооруженную попытку империализма расправиться с социалистическим государством, раздавить национально-освободительную революцию.

«Народ Вьетнама, дорогой ценой завоевавший независимость и национальное единство, решает сейчас нелегкую задачу восстановления страны, строит социалистическое будущее», — подчеркнул товарищ Л. И. Брежнев в Отчетном докладе Центрального Комитета XXV съезду партии. Героический вьетнамский народ быстро залечивает раны, нанесенные войной, восстанавливает разрушенную экономику. «В настоящее время КПСС, правительство СССР и советский народ, — сказал Первый секретарь ЦК Партии трудящихся Вьетнама Ле Зуан на XXV съезде КПСС, — от всей души помогают вьетнамскому народу восстанавливать и развивать экономику, строить социализм во всей стране. Чем глубже приверженность вьетнамского народа национальному освобождению и социализму, тем выше он ценит великую вьетнамско-советскую дружбу».

Великая победа, которая вывела народ Вьетнама на новый рубеж на пути к полному торжеству его справедливого дела, стала возможной благодаря тому, что борьбой вьетнамского народа руководила и руководит созданная и воспитанная великим патриотом и интернационалистом Хо Ши Мином Партия трудящихся Вьетнама, опирающаяся на непобедимое марксистско-ленинское учение.

Сейчас перед Партией трудящихся Вьетнама встали задачи дальнейшей активизации социалистического строительства, достижения высоких темпов развития экономики. Намечая конкретные планы развития на ближайшие годы, Партия трудящихся Вьетнама тщательно учитывает реальную обстановку в стране, видит имеющиеся трудности и призывает народ ДРВ преодолевать их. Уже сейчас ряд отраслей промышленности достиг высоких показателей.

Выполнением народнохозяйственного плана в 1975 г. завершился двухлетний восстановительный период и создана база для дальнейшего развития экономики страны в наступившем пятилетии.

Советский Союз уделял постоянное внимание вопросам всестороннего сотрудничества с Демократической Республикой Вьетнам как в дни войны, так и в дни мира.

Сейчас советско-вьетнамское сотрудничество в области экономики, как и в прежние годы, не замыкается на решении задач индустриального развития ДРВ, а предусматривает и создание материальных условий для подъема жизненного уровня населения страны. Ныне в республике создаются при техническом содействии СССР домостроительный комбинат, чайные фабрики и другие предприятия. Советский Союз оказывает республике помощь в модернизации угольных шахт, поставляет оборудование для строительства цементного завода и расширения оловянного рудника. Советское оборудование позволит в ближайшее время увеличить мощность крупнейшей в Индокитае ТЭЦ Уонгби до 150 тыс. квт, расширить углеобогадательную фабрику, доведя ее мощность до 4—5 млн. т в год, и т. д.

Промышленные предприятия, построенные, восстановленные и строящиеся с помощью Советского Союза, играют большую роль в деле осуществления социалистической индустриализации страны, повышения ее экспортных возможностей и пр. Большое значение в развитии экономических связей между СССР и ДРВ будет иметь реализация соглашений об оказании нашей страной экономической помощи и технического содействия Народному Вьетнаму, подписанных в конце 1975 г.

Сотрудничество между СССР и ДРВ, между двумя нашими партиями и народами является важным вкладом в укрепление могущества мировой социалистической системы, в консолидацию всех революционных сил современности.

Победа Народной революции и образование Монгольского народно-демократического государства в Азии имели огромное значение в жизни народов угнетенного Востока. Монголия присоединилась к новому миру, открытому Октябрьской революцией. Создание нового общества на монгольской земле показало великую жизненную силу идей марксизма-ленинизма и укрепило веру народов в победу.

Более чем полувековой период развития Монгольской Народной Республики по пути социализма — это яркий пример последовательного воплощения в жизнь учения великого Ленина о возможности перехода ранее отсталых стран к социализму, минуя капиталистическую стадию развития.

В огромных социально-экономических преобразованиях, происшедших за 55 лет, проявилась могучая обновляющая сила Монгольской народной революции, принесшей монгольскому народу полное национальное и социальное освобождение.

На нынешнем этапе развития МНР, когда процесс завершения строительства материально-технической базы социализма успешно продвигается вперед, традиционная монголо-советская дружба все больше укрепляется и развивается на основе Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

«Мы рады и горды тем, — сказал Юмжагийн Цеденбал на XXV съезде КПСС, — что факел монголо-советской дружбы, зажженный великим Лениным и руководителем народной революции Монголии Сухэ-Батором, находится в надежных руках наших марксистско-ленинских партий. И он будет гореть неугасимо и вечно как символ нерасторжимого братства наших народов».

На примере монголо-советской дружбы, на основе общности целей и интересов сложились подлинно братские отношения и тесное сотрудничество МНР с другими социалистическими государствами в политической, экономической и культурной областях. На современном этапе развития мировой системы социализма все явственнее обнаруживаются тенденции, которые приведут в будущем к созданию единого мирового социалистического хозяйства. В этом историческом процессе важнейшую роль играют экономическое сотрудничество социалистических стран и вся деятельность СЭВ.

Монгольская Народная Республика как равноправный член СЭВ принимает активное участие в социалистической интеграции, в воплощении в жизнь Комплексной программы, в которой нашли свое отражение вопросы сближения и выравнивания уровней экономического развития стран — членов СЭВ, вопросы, связанные с обеспечением ускоренных темпов развития МНР.

Используя преимущества социалистической интеграции, МНР успешно развивает топливно-энергетическую, горнорудную и перерабаты-

вающую промышленность, те ее отрасли, которые являются наиболее экономически целесообразными и эффективными с точки зрения ресурсов и условий страны. Страны — члены СЭВ оказывают Монголии помощь в строительстве производственных объектов, предоставляют на льготных условиях кредиты, применяют в необходимых случаях поощрительные внешнеторговые цены на продукты сельского хозяйства, оказывают помощь в подготовке кадров, в развитии науки и ускорении научно-технического прогресса.

Большое значение для МНР имеет интенсификация сельского хозяйства, особенно животноводства, с применением в сельскохозяйственном производстве современной техники. Помощь и поддержка со стороны стран — членов СЭВ позволят организовать в МНР аграрно-промышленные комплексы, которые еще более укрепят позицию МНР в международном социалистическом разделении труда.

Социалистическая экономическая интеграция, представляющая собой качественно новый этап в развитии всестороннего экономического сотрудничества, направлена на дальнейшее развитие национальных хозяйств социалистических государств и всемерное укрепление мировой социалистической системы хозяйства в целом, отвечает национальным и интернациональным интересам всех социалистических государств, и в том числе Монгольской Народной Республики.

Нет сомнения в том, что новые формы сотрудничества с братскими странами помогут МНР эффективно использовать свои внутренние ресурсы, достигнуть передовых рубежей в развитии экономики, науки и культуры. Успешное строительство социализма в МНР, подтверждая правоту ленинской теории некапиталистического пути развития ранее отсталых в экономическом отношении стран к социализму, дает богатый материал для дальнейшей творческой разработки этой теории. Опыт Монголии имеет большое международное значение, является важным вкладом в теорию и практику социалистического строительства, оказывая все большее влияние на развитие молодых независимых государств.

Сегодняшние успехи братской Монголии показывают, что только на социалистическом пути развития отсталые страны, опираясь на помощь более развитых социалистических государств, могут в короткие исторические сроки превратиться в страны с развитой экономикой, осуществить важные преобразования в социальной области, добиться повышения материального благосостояния и культурного уровня народа.

* * *

Вступление Советского Союза в войну против милитаристской Японии в августе 1945 г. и разгром Советской Армией отборных сил японского империализма в Маньчжурии и Корее решающим образом повлияли на исход освободительной борьбы корейского народа, создали необходимые условия для победы народно-демократической революции в Корее.

Создание Трудовой партии Кореи явилось историческим событием, имевшим решающее значение для судеб корейского народа. Руководствуясь марксистско-ленинским учением, используя опыт социалистического строительства в СССР, Трудовая партия Кореи сплотила демократические силы народа в единый фронт и повела трудящихся к социализму.

Коммунисты Кореи возглавили строительство новой жизни. Народная власть под руководством партии успешно провела широкие

демократические преобразования, в том числе земельную реформу, полностью покончившую с колониальным и феодальным землевладением, национализацию промышленности и транспорта, средств связи и банков, которые принадлежали японским колонизаторам и их местным ставленникам.

Трудящиеся КНДР, мобилизовав свои внутренние резервы и используя братскую помощь СССР и других социалистических государств, проделали большую работу по залечиванию тяжелых ран войны 1950—1953 гг.

В марте 1949 г. между Советским Союзом и КНДР было подписано Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве. Это первое в истории корейского народа равноправное соглашение с иностранными государствами положило начало широкому сотрудничеству наших стран в экономической, научно-технической, культурной и других областях. В июле 1961 г. был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и КНДР, который является продолжением традиционной советско-корейской дружбы и всестороннего сотрудничества наших народов в их благородном труде по строительству социализма и коммунизма, в совместной борьбе против империалистических происков. Этот договор, 15-летие которого широко отмечают народы двух стран, юридически скрепил братский союз наших народов, став важным инструментом обеспечения мира и безопасности на Корейском полуострове и Азии.

Большим событием в общественно-политической жизни Кореи стали разработка и принятие в декабре 1972 г. новой социалистической конституции Корейской Народно-Демократической Республики, закрепившей социально-экономические завоевания трудящихся, достигнутые за годы строительства социализма. Усилиями корейского народа Корея за короткий исторический период превращена в одно из развитых в промышленном отношении государств Азии. Пройдя тридцатилетний путь социалистического обновления, сегодня КНДР предстает перед всем миром как миролюбивое социалистическое государство.

В области внешней политики ТПК продолжает укреплять и развивать связи с братскими партиями и странами социалистического содружества. Социалистические государства помогают КНДР решать многие крупные проблемы развития ее экономики. Так, наша страна оказывает КНДР на кредитной основе техническое содействие в строительстве и расширении около 20 промышленных объектов, которые позволят обеспечить существенный прирост мощностей по выпуску стали, проката, электроэнергии, азотных удобрений, добычи железной руды. КНДР также подписала с Польшей, Болгарией, Румынией и рядом других социалистических стран соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве, реализация которых даст возможность укрепить индустриальную базу и окажет существенное влияние на развитие взаимовыгодной производственной кооперации.

На международной арене социалистические государства оказывают КНДР последовательную поддержку, проявляют солидарность с борьбой корейского народа за прекращение империалистического вмешательства во внутренние дела корейского народа и восстановление национального единства страны на мирной, демократической основе. Советский народ высоко ценит дружбу с братским корейским народом. Эта дружба скреплена кровью лучших сынов России и Кореи в совместной борьбе против общих врагов, цементируется Коммунистической партией Советского Союза и Трудовой партией Кореи.

«Мы дорожим традиционной дружбой и сплоченностью с советским народом в осуществлении общего великого дела и будем прилагать все усилия для их дальнейшего укрепления и развития в интересах партий и народов обеих стран и международного коммунистического движения в целом», — сказал член Политического комитета Центрального Комитета ТПК, заместитель премьера Административного Совета КНДР Пак Сен Чер.

* * *

Сотни миллионов людей на всех континентах приветствовали XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Поистине огромные хозяйственные и социальные свершения нашей страны, успехи ее миролюбивой внешней политики прогрессивная общественность планеты расценивает как большой вклад в борьбу за упрочение мира, международную безопасность, демократию и социализм. Большие положительные перемены на международной арене в период между XXIV и XXV съездами КПСС народы связывают с последовательными усилиями КПСС, Советского государства, всех стран социалистического содружества во имя осуществления исторической Программы мира. Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев подчеркнул в докладе на XXV съезде КПСС: «Мы следовали наказу великого Ленина, который требовал: как можно больше решений и мер, «которые бы действительно вели к миру, если уже не говорить о полном устранении опасностей войны». То, чего удалось добиться в этом отношении за последние пять лет, имеет поистине непреходящее значение. Сделано все возможное для обеспечения условий мирного строительства в нашей стране и в братских странах социализма, для мира и безопасности всех народов». Большой вклад, внесенный Советским Союзом и другими странами социалистического содружества в позитивные изменения, происшедшие в мире за последние годы, невозможно переоценить. Он будет навечно вписан в историю всего человечества, и последующие поколения людей будут с благодарностью помнить о нем. Если бы не последовательная политика КПСС, отмечали многие зарубежные делегации, присутствовавшие на XXV съезде КПСС, и занимаемая Советским Союзом во всех международных вопросах принципиальная позиция, то империализм и колониализм никогда бы не были сломлены. Если сегодня над народами Азии, Африки и Латинской Америки веет ветер свободы, то это произошло лишь потому, что в мире существуют силы, способные обуздать происки империализма.

Только китайские органы информации стараются полностью извратить работу XXV съезда КПСС. В дни работы съезда и особенно после съезда пекинская пропаганда усилила кампанию клеветы на внутреннюю и внешнюю политику Советского Союза, прибегая при этом к использованию всего запаса гнусных эпитетов, к которым прибегала, пожалуй, в свое время лишь только геббельсовская пропаганда в отношении Страны Советов. При этом наблюдается синхронизация пекинской и реакционной западной пропаганды. Китайская пропаганда ежедневно воспроизводит на своих страницах клеветнические высказывания реакционных деятелей Запада и буржуазной печати о внутренней и внешней политике Советского Союза. В свою очередь реакционная пресса на Западе широко использовала и использует антисоветские материалы пекинской пропаганды в связи с XXV съездом КПСС.

Чудовищное нагромождение клеветы в адрес Советского Союза дополняется в Пекине отрицанием самого существования социалисти-

ческой системы, «отлучением» от социализма всех стран и партий, которые не разделяют взглядов «великого кормчего».

Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев подчеркнул, что вопрос об отношении с Китаем стоит особо и отдельно. «Политика его нынешних руководителей, — сказал Л. И. Брежнев, — откровенно направлена против большинства социалистических государств. Более того, она прямо смыкается с позицией самой крайней реакции во всем мире — от милитаристов и врагов разрядки в западных странах до расистов Южной Африки и фашистских правителей Чили. Эта политика не только совершенно чужда социалистическим принципам и идеалам, но по существу стала важным резервом империализма в его борьбе против социализма». Отметив, что пекинские руководители пытаются сорвать разрядку, не допустить разоружения и спровоцировать мировую войну, товарищ Л. И. Брежнев заявил: «Теперь уже мало сказать, что маоистская идеология и политика несовместимы с марксистско-ленинским учением. Они прямо враждебны ему».

Пекинское руководство настойчиво проводит курс, направленный против стран социалистического содружества, против национально-освободительной борьбы народов, против коммунистических партий, верных знамени марксизма-ленинизма, борющихся в тяжелых условиях капиталистического строя. Всячески противодействуя разрядке напряженности, призывая к укреплению империалистических военно-политических блоков НАТО, СЕНТО, открыто выступая за военное присутствие США в Азии, Европе и других районах мира, маоисты, по сути дела, добиваются возобновления «холодной войны» против Советского Союза и социалистических государств.

Маоисты помогают империализму в его выступлениях против революционных сил, о чем говорят пример Индокитая, недавние события на Индостанском субконтиненте, в Чили, Португалии и т. д.

Они пытаются повсюду создавать «противовесы» Советскому Союзу и другим социалистическим странам и на этой основе ищут союзов с империалистическими военными и экономическими организациями. Это яркий пример того, что китайские руководители завершили «круг ренегатства» — от лжеревolutionных фраз до открытых выступлений по одну сторону баррикад с самыми реакционными представителями империализма.

Маоисты причинили огромный ущерб и самому китайскому народу, заставили его пройти через муки «культурной революции», кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» и др., изолировали от социалистических стран, подвергли массовым репрессиям испытанные кадры партии и государства.

В надежде осуществить свои гегемонистские, великодержавные устремления китайские руководители решительно сопротивляются любому шагу в сторону от войны и активно провоцируют действия, ведущие к обострению международной обстановки. Главным средством осуществления этой цели маоисты считали и считают использование борьбы между мировой социалистической системой и мировой империалистической системой и — что больше всего устраивало бы Пекин — тотальное столкновение между США и СССР при условии, что сами поджигатели не были бы задеты пламенем войны. Выдавая желаемое за действительное, премьер КНР заявлял на сессии ВСНП 13 января 1975 г.: «То, что всюду в мире идут разговоры о разрядке и мире, как раз свидетельствует о том, что в этом мире нет разрядки, не говоря уже о каком-то прочном мире». Он утверждал далее, что

«нынешняя международная обстановка по-прежнему характеризуется колоссальными потрясениями в Поднебесной, причем эти потрясения нарастают со все большей силой» и что новая мировая война неизбежна.

Мао Цзэ-дун и его окружение нашли общий язык со Штраусом и другими ультра в борьбе против безопасности и сотрудничества в Европе, они предают анафеме идею обеспечения безопасности в Азии на основе совместных усилий государств этого континента, приветствовали бы новую войну на Ближнем Востоке, ведут подкоп под Устав ООН. Пекин не подписал ни одного международного соглашения, направленного на ограничение гонки вооружений, на разрядку и укрепление международной безопасности.

Советское предложение об обеспечении мира и безопасности совместными усилиями наиболее полно отвечает духу времени и жизненным интересам народов Азии. История не раз подтверждала, что во всех случаях, когда страны Азии давали отпор империалистическому вмешательству коллективными усилиями, они всегда находили путь к ослаблению напряженности или ликвидации возникающих конфликтов.

Миролюбивые народы Азии хотят видеть свой континент свободным от голода, войн и вмешательства в их дела других государств. Они хотят, чтобы страны Азии жили по законам мира и являли собой пример сотрудничества независимых, свободных народов, идущих по пути социального прогресса. Не удастся ни пекинским руководителям, ни империалистическим силам опорочить советскую идею безопасности в Азии, она получила широкий отклик на Азиатском континенте. Опыт и свободолюбие народов Азии, их крепнущее единство в борьбе против империализма и гегемонистских устремлений Пекина вселяют уверенность, что эти благородные цели удастся осуществить.

Китайские руководители явно переоценивают свои силы и свои возможности. Не оправдываются ни их расчеты, ни планы империалистической реакции использовать Мао Цзэ-дуна и его окружение для срыва дела разрядки, ибо предлагаемые ими услуги империализму не в состоянии что-либо изменить в реальном соотношении сил в мире.

«Солнце не заслонишь ладонью. Подлинную историю пишут не реакционеры, клеветники, интриганы и предатели, будь то фашисты, будь то буржуи или маоисты, ибо сама история сметет их со своего пути», — подчеркнул в своем выступлении на XXV съезде КПСС Фидель Кастро Рус.

Определенная XXIV и XXV съездами КПСС принципиальная линия в отношении Китая имеет огромное значение как с точки зрения государственных интересов стран социалистического содружества, так и с точки зрения всего мирового революционного движения.

«Вместе с тем, — указал товарищ Л. И. Брежнев, — хотелось бы вновь подтвердить, что в отношении Китая, как и других стран, мы твердо придерживаемся принципов равноправия, уважения суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга, неприменения силы. Словом, мы готовы нормализовать отношения с Китаем на принципах мирного сосуществования».

* * *

В работе XXV съезда КПСС, в его документах нашла яркое отражение тенденция, характеризующаяся ростом сплоченности стран социалистического содружества. «Речь идет, — подчеркнул Генеральный

секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС, — не только о большой взаимной экономической выгоде, но и о задаче огромного политического значения. Речь идет об укреплении материальной основы нашего содружества».

Коммунистическая партия Советского Союза считает, что важным фактором сотрудничества стран социалистического содружества является прочный союз наших партий, их идейное единство, общность целей и устремлений. Исходя из этого, КПСС стремится к дальнейшему расширению плодотворного сотрудничества между нашими странами на всех уровнях и во всех сферах жизни на основе принципов марксизма-ленинизма, социалистического интернационализма, равноправия и товарищеского сотрудничества. Мы проводим согласованную внешнюю политику, выступаем за укрепление связей и сотрудничества в Организации Варшавского Договора, стремимся к многостороннему углублению плодотворных связей со всеми странами социалистического содружества, к скорейшему осуществлению социалистической экономической интеграции, развитию современных форм сотрудничества — кооперации и специализации.

Укрепление всестороннего сотрудничества стран социалистического содружества — источник силы и могущества мирового социализма, гарантия успешного развития каждой социалистической страны и условие всевозрастающего влияния мирового социализма на судьбы мира в интересах человечества.

Решения XXV съезда КПСС убедительно продемонстрировали, что наша партия, все трудящиеся Советского Союза понимают огромное политическое значение осуществления долговременной программы сотрудничества братских стран, полны решимости активно участвовать в реализации совместных планов и мероприятий.

Дальнейшее всемерное упрочение мировой системы социализма и впредь будет священным интернациональным долгом советских коммунистов.

Пекин в союзе с империализмом, реакцией и расизмом

*М. С. Украинцев,
профессор*

Говорят, что если идти влево, то в конечном счете выйдешь справа. Начав в свое время критику позиций социалистических стран и коммунистических партий «слева», выставя себя за бескомпромиссных радетелей и защитников революционной теории и практики, Мао Цзэ-дун и его группа в конечном счете оказались в одном лагере с империализмом, расизмом и реакцией, в одних траншеях с ними ведут борьбу против марксизма-ленинизма, социализма, национального освобождения, мира и международной безопасности. Как было сказано в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева XXV съезду партии, политика нынешних руководителей Китая «откровенно направлена против большинства социалистических государств. Более того, она прямо смыкается с позицией самой крайней реакции во всем мире — от милитаристов и врагов разрядки в западных странах до расистов Южной Африки и фашистских правителей Чили. Эта политика не только совершенно чужда социалистическим принципам и идеалам, но по существу стала важным резервом империализма в его борьбе против социализма.

Большую опасность для всех миролюбивых народов представляют лихорадочные попытки Пекина сорвать разрядку, не допустить разоружения, сеять недоверие и вражду между государствами, его стремление спровоцировать мировую войну, а самому погреть на этом руки. Такая политика Пекина глубоко противоречит интересам всех народов. Мы будем давать отпор этой поджигательской политике, защищать интересы Советского государства, социалистического содружества, мирового коммунистического движения. Теперь уже мало сказать, что маоистская идеология и политика несовместимы с марксистско-ленинским учением. Они прямо враждебны ему¹.

Медленные темпы развития народного хозяйства, низкий уровень жизни трудящихся, постоянный политический кризис, непрекращающаяся борьба за власть в руководящей верхушке, рост недоверия к Китаю за рубежом — такова плата за предательство группы Мао Цзэ-дуна.

Деструктивный характер политики Пекина особенно ясно проявляется на фоне политики СССР, других братских стран, на фоне тех тенденций, которые ныне превалируют в мире.

«Как и всякое другое историческое явление, содружество социалистических государств находится в процессе развития,— говорил

¹ «Правда», 25.11.1976.

Л. И. Брежнев 9 декабря 1975 г. на VII съезде ПОРП.— Крепнут и развиваются входящие в его состав братские страны, углубляется их союз. Все более многоплановыми и глубокими становятся объединяющие их связи, совершенствуется их сотрудничество и взаимодействие в различных сферах внутренней и внешней политики. Одновременно с этим становится более активным и действенным благотворное влияние нашего содружества на ход современной истории»².

В мае 1975 г. исполнилось 20 лет со дня заключения Варшавского Договора. Жизнь убедительно подтвердила, что его участники отстаивают справедливое дело. Решительно защищая завоевания социализма от любых посягательств, они последовательно добиваются утверждения мира, устранения угрозы войны. Страны — участницы Организации Варшавского Договора уже не раз гасили очаги международной напряженности и военных конфликтов, активно поддерживали народы, подвергавшиеся агрессии. В целом деятельность Организации Варшавского Договора оказывает большое положительное влияние на формирование обстановки не только в Европе, но и далеко за ее пределами. Это признают сейчас даже многие зарубежные деятели, далекие от марксистско-ленинского мировоззрения.

Руководители стран Варшавского Договора в ходе своих регулярных встреч в рамках Политического консультативного комитета (ПКК) — ведущего органа согласования и координации их совместных действий — рассматривают и решают узловые вопросы политики содружества. Практикуются и другие формы встреч руководителей братских партий и стран на высшем уровне, которые так же, как и совещания ПКК, играют важную роль, помогая крепить единство содружества, повышать сплоченность его рядов, эффективность его деятельности.

Углубляется народнохозяйственное сотрудничество. Все более эффективной становится деятельность Совета Экономической Взаимопомощи, крупнейшего межгосударственного экономического сообщества, которое охватывает громадную территорию в Европе и Азии с населением около 370 млн. человек. Эта организация, осуществляющая ныне долговременную Комплексную программу социалистической экономической интеграции, стала одним из важнейших факторов быстрого, не знающего пауз и спадов экономического развития, подъема благосостояния трудящихся участвующих в ней государств. Эффективность их сотрудничества и связанные с ним достижения возрастают из года в год. По предварительным подсчетам в прошедшем пятилетии (1971—1975) национальный доход государств социалистического содружества увеличился более чем на 36%, а стран «Общего рынка» — всего на 12—13%. За минувшие пять лет объем промышленного производства стран — членов СЭВ возрос примерно на 46%, в то время как ЕЭС — на 21%. Осуществление очередных пятилетних планов братских стран, предусматривающих всемерное углубление многосторонних интеграционных связей в рамках социалистического содружества, будет способствовать дальнейшему упрочению позиций социализма в мировой экономике, его воздействию на весь ход современной истории.

Все прогрессивное человечество признает выдающиеся успехи, которые достигнуты в реализации Программы мира. В борьбе за общие идеалы, за мир и социальный прогресс укрепилось и углубилось сотрудничество Советского Союза с братскими социалистическими стра-

² Там же, 10.XII.1975.

нами. Воздействие социализма на ход мировых событий еще более возросло.

Крупным событием и не только в жизни КПСС и СССР, но и всего мира явился XXV съезд КПСС. Он ознаменовал собой важный рубеж на пути поступательного движения советского народа к коммунизму, определил дальнейший курс внутренней и внешней политики на основе обобщения итогов огромной организаторской и политической работы, проделанной за последние годы, научного анализа главных тенденций современного развития.

Состоялись или в ближайшие месяцы состоятся съезды братских партий ряда других социалистических государств, решения которых будут содействовать дальнейшему сплочению социалистического содружества, росту его мощи, ускорению мирового революционного процесса, упрочению мира и международной безопасности.

Важных успехов добилось национально-освободительное движение. Завершено освобождение Южного Вьетнама, и ныне друзья вьетнамского народа приветствуют объединение Вьетнама на основе социализма. На путь народной демократии стал Лаос; ликвидирован проимпериалистический режим Лон Нола в Камбодже. На развалинах португальской колониальной империи появились новые прогрессивные государства. Существенно активизировалось вооруженное сопротивление расистским режимам на юге Африки.

Империализм, расизм, реакция пытаются сохранить свои позиции, взять реванш, ликвидировать прогрессивные режимы. Попытки организовать антиправительственный заговор в Индии, вмешательство в дела Бангладеш, выступление в Анголе реакционных группировок — только некоторые примеры контрреволюционной, антинародной деятельности империализма. Народы, борющиеся за свое освобождение, за упрочение независимости, за социальный прогресс, видят в лице СССР, социалистического содружества надежного и бескорыстного союзника. Вот что писал по этому поводу орган правящей партии Танзании в декабре 1975 г.: «Высказывания руководителей США и стран Западной Европы о том, что раз Советский Союз оказывает помощь Анголе, то она превратится в зону советского влияния, являются оскорблением народов Анголы и всей Африки. СССР, являясь коммунистическим государством, хорошо понимает, что успех революции, происходящей в стране, зависит только от условий, сложившихся там. Советский Союз вместе с социалистическими и прогрессивными государствами оказывает помощь тем, кто сражается за подлинную независимость для рабочих и крестьян этой страны»³.

Несмотря на сопротивление апологетов «холодной войны» и реваншистов, идет перестройка международных отношений, причем ведущую роль в борьбе за международную разрядку, за всеобщий мир и международную безопасность играют страны социалистического содружества. Комплексом договоров социалистических стран с ФРГ, заключенных на протяжении 1970—1973 гг., подводилась четкая международно-правовая основа под признание границ, сложившихся в результате второй мировой войны, обеспечивалась нормализация двусторонних отношений, в том числе между ГДР и ФРГ. Реализация конкретных предложений Программы мира по нормализации обстановки в Европе была подкреплена неуклонным расширением диапазона политического сотрудничества и сотрудничества в экономической, науч-

³ «Ухуру», 21.XII.1975.

но-технической, культурной областях между государствами с различными социальными системами. Выдающуюся роль в процессе наполнения этого сотрудничества конкретным материальным содержанием сыграли визиты Л. И. Брежнева во Францию, в ФРГ и другие встречи и переговоры на высшем уровне. Поворот в отношениях между СССР и США, ряд важных соглашений между двумя странами, в том числе о частичных мерах в области разоружения, оказал благоприятное воздействие на процесс политической разрядки. Сознание необходимости подкрепить этот процесс разрядкой в военной области привело к началу переговоров в Вене относительно сокращения вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе.

Все это облегчило проведение совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Завершение совещания и подписание Заключительного акта руководителями 33 европейских государств, США и Канады подвели под отношения между государствами-участниками солидную базу основополагающих принципов, норм их образа действий. Это принципы мирного сосуществования, за которые с такой убежденностью и последовательностью борются СССР, братские страны. «Результаты состоявшихся длительных переговоров таковы,— говорил Л. И. Брежнев в Хельсинки 31 июля 1975 г.,— что нет победителей и побежденных, приобретших и потерявших. Это — победа разума. Выиграли все: страны Востока и Запада, народы социалистических и капиталистических государств — участников союзов и нейтральных, малых и крупных. Это выигрыш всех, кому дороги мир и безопасность на нашей планете»⁴.

Китайская Народная Республика в силу навязанного ей маоистами международного курса не только оказалась в стороне от этих прогрессивных процессов, от борьбы за мир. Мао Цзэ-дун и его приближенные ныне выполняют роль империалистической агентуры, которая старается услужить империализму нападениями на мировой социализм и подрывной деятельностью против содружества социалистических государств, противодействием международной разрядке, подстрекательством к мировой войне.

Характеризуя новую политику нынешних пекинских лидеров, Генеральный секретарь ЦК ФКП Ж. Марше заявил на XXII съезде Французской компартии, что затея с интеграцией развитых капиталистических стран в Атлантическом блоке, на которую делает ставку американский империализм, «находит поддержку Пекина, что вписывается в общий глубоко реакционный курс внешней политики китайских руководителей. Международную разрядку они делают объектом своих повседневных нападков, оказываясь в одном лагере с теми, кто выступает против ангольского народа, находятся в полном согласии с Пиночетом. Они заявляют о своем одобрении присутствия американских войск в Азии и Западной Европе, поддерживают западногерманских «ультра», настойчиво призывают укреплять политический и военный союз так называемой «малой Европы», служащей интересам монополий. Нарращивая военный потенциал, маоисты пытаются навязать свою волю на Азиатском континенте и демонстрируют самую яркую враждебность по отношению к Советскому Союзу. Со всей определенностью противоречащая интересам народов, включая и китайский народ, является не только бессмысленной, но и опасной. Она играет на руку

⁴ «Правда», 1.VIII.1975.

империализму и может создать серьезные опасности для всеобщего мира»⁵.

С начала 60-х гг. китайские руководители пытались навязать социалистическому содружеству свою авантюристическую платформу, сделать его инструментом геополитических устремлений Пекина. Когда это не удалось, они попытались развалить социалистическое содружество, сосредоточив огонь против СССР и тех братских стран, которые оказали решительный отпор гегемонистским замашкам Мао и его группы. Но семья социалистических государств крепла. Тогда маоисты решили «ликвидировать», «закрыть» социалистическое содружество. «Социалистический лагерь, существовавший некоторое время после второй мировой войны, уже перестал существовать», — заявил глава делегации КНР на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН 10 апреля 1974 г.

В попытках ослабить узы братства, соединяющие социалистические государства, и переманить хотя бы некоторые из них на свою сторону, китайские лидеры применяют давление, шантаж, лесть, экономические приманки, поощряя подмену марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма концепциями националистического характера. Они всячески клеветуют на СЭВ и Организацию Варшавского Договора, распространяют ложь о характере отношений между социалистическими странами, пытаются вести в них подрывную работу.

Китайские руководители открыто высказывают представителям Запада недовольство тем, что Заключительный акт, подписанный в Хельсинки, признал изменения в Европе после второй мировой войны. Маоисты не брезгают связями с реакционной эмиграцией из социалистических стран и с империалистическими пропагандистскими центрами в Европе, деятельность которых имеет антикоммунистическую направленность. Они льют слезы по поводу ликвидации контрреволюционного заговора в ЧССР, время от времени нападая на Чехословакию.

Китайские руководители не скрывают, что были бы рады, если бы Германская Демократическая Республика была поглощена Западной Германией. Пекин обрушился с грубой клеветой на заключенный 7 октября 1975 г. между СССР и ГДР Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, гарантирующий незыблемость социалистического строя на части немецкой земли. Министр иностранных дел ГДР О. Фишер вызвал в связи с этим посла КНР в ГДР и решительно отверг клеветнические выпады, содержащиеся в комментарии «Жэньминь жибао» по поводу договора. Он заявил, что эта и другие публикации подобного рода должны расцениваться как противоречащее международному праву вмешательство во внутренние дела суверенной социалистической ГДР⁶.

Показательно, что Пекин, благосклонно относясь к реваншистской идее «объединения Германии», отражающей стремление к поглощению Германской Демократической Республики Федеративной Республикой Германии, в то же время фактически проявляет явную незаинтересованность в объединении Вьетнама и превращении его в сильное социалистическое государство. Из Пекина пошли слухи о том, будто Вьетнам предоставляет СССР военные базы на юге страны, китайская агентура пытается запугивать Таиланд, другие страны Юго-Восточной Азии «вьетнамской угрозой». Пекин, преследующий свои неблагоприятные

⁵ «Правда», 6.II.1976.

⁶ См. «Правда», 30.X.1975.

замыслы, всеми способами противодействует также сплочению стран Индокитая, в которых победили прогрессивные силы.

Руководители КНР занимают двурушническую позицию в корейском вопросе: с одной стороны, публично поддерживают требование о выводе американских войск из Южной Кореи, а с другой — в конфиденциальных беседах с американскими государственными деятелями заявляют о желательности военного присутствия США в интересах «стабилизации» положения на Корейском полуострове. Маоисты в угоду американскому империализму фактически противодействуют усилиям социалистической Корейской Народно-Демократической Республики, направленным на объединение Севера и Юга Кореи.

Пекин проводит враждебную политику в отношении МНР, создает напряженную обстановку на границе, засылает в Монголию агентов, ведет враждебную пропаганду против страны.

Недружественное отношение Пекина к социалистической стране в западном полушарии — Кубе — проявилось в том, что была сокращена продажа необходимого ей риса. Маоистская пропаганда обрушилась с клеветническими нападками на Кубу в связи с ее интернационалистской помощью Народной Республике Ангола.

Как бы ни старались пекинские пропагандисты изображать дело таким образом, будто вражда маоистов к Советскому Союзу и КПСС не имеет отношения к другим социалистическим государствам и другим коммунистическим партиям, ясно, что антисоветизм Пекина представляет собой одну из форм борьбы против единства социалистических стран, международного коммунистического движения, всех миролюбивых революционных сил.

Начало 1976 г. ознаменовалось особенно яростными пропагандистскими наскоками Мао и его группы на Советский Союз. В выступлениях официальных лиц, в правительственных документах, в пропаганде КНР грубо извращается внутренняя и внешняя политика Советского Союза, содержится клевета на советский народ и наше социалистическое государство. Из Пекина раздаются призывы к советским людям «подняться на бунт» против государственного и общественного строя, предпринимаются попытки посеять рознь между национальностями СССР.

Те, кто определяет ныне политику КНР, не только разжигают в китайском народе чувства вражды и ненависти к Советскому Союзу и подчиняют всю жизнь своей страны подготовке к войне под вымышленным предлогом «угрозы с Севера», но и заявляют о готовности объединиться с любыми силами в походе против нашей страны, подчеркивая при этом, что в такой борьбе следует «рассчитывать на винтовки».

Попытки вмешательства во внутренние дела СССР, безрассудные призывы к войне против него несовместимы с теми элементарными нормами международного права, которым обязаны следовать государства, поддерживающие между собой дипломатические отношения.

Китайские официальные круги прямо подстрекают другие государства на конфронтацию с СССР, в том числе военную, обосновывая это провокационными утверждениями о «неизбежности» и даже «полезности» нового всемирного конфликта. При этом игнорируется то, что такой конфликт принес бы народам чудовишные страдания и жертвы. Китайские власти противопоставили себя всем прогрессивным и миролюбивым силам, стремясь отравить международную атмосферу, создавать помехи разрядке напряженности, ставшей доминирующей тенденцией на нашей планете и отвечающей самым глубоким чаяниям

народов. «Антисоветизм всегда был оружием империалистов и всех, кто в той или иной форме сотрудничал с ними, — писала венесуэльская «Трибуна популар». — Он является частью антикоммунистического арсенала, который международная реакция использует для того, чтобы расколоть рабочий класс, ослабить мощь национально-освободительных движений, чтобы изолировать их от стран социалистического содружества, и в первую очередь от Советского Союза. Во всей своей деятельности, предпринимаемой с этой целью, империалисты опираются теперь на союзника, который, укрываясь за пышными «левыми» фразами, оказывает им неоценимые услуги. Они опираются на маоистов»⁷.

И апологеты империализма высоко ценят эту услугу. Известный американский журналист Джозеф Крафт писал в «Вашингтон пост»: «Китай — это самый лучший помощник Соединенных Штатов на мировой арене. Пекин вызывает раскол коммунистического блока и проклинает русских. Несмотря на его риторику, он действует так, чтобы укрывать американское присутствие в Южной Корее и Японии, на Филиппинах и в Таиланде. Он сдерживает Северную Корею и Северный Вьетнам. Время от времени он помогает и в Организации Объединенных Наций»⁸.

Как отметил Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС, «в отношении с Китаем наша партия твердо придерживается курса, определенного XXIV съездом. Правильность этого курса подтверждена жизнью. Мы будем и впредь вести борьбу с маоизмом, борьбу принципиальную, борьбу непримиримую.

Вместе с тем хотелось бы вновь подтвердить, что в отношении Китая, как и других стран, мы твердо придерживаемся принципов равноправия, уважения суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга, неприменения силы. Словом, мы готовы нормализовать отношения с Китаем на принципах мирного сосуществования. Более того, можно с уверенностью заявить: если в Пекине возвратятся к политике, действительно основанной на марксизме-ленинизме, откажутся от враждебного социалистическим странам курса, станут на путь сотрудничества и солидарности с миром социализма, то это найдет соответствующий отклик с нашей стороны и откроется возможность для развития добрых отношений между СССР и КНР, отвечающих принципам социалистического интернационализма. Дело за китайской стороной»⁹.

Руководство КПК наращивает усилия, направленные на подрыв международного коммунистического движения. При этом оно действует параллельно с ЦРУ США, с мировой реакцией.

Китайские власти отказали в визах коммунистам, в частности парламентариям Японии и Франции, зато с почетом встречают деятелей, известных своими реакционными, антикоммунистическими взглядами: западногерманского реваншиста Штрауса, посетившего Китай дважды, американского конгрессмена Джексона и др. При этих встречах и китайские руководители, и их гости отводят душу, упражняясь в проклятиях по адресу социалистических стран, коммунистического движения.

В беседах со Штраусом в сентябре и с Фанфани в декабре 1975 г. один из китайских руководителей высказывал беспокойство по поводу роста влияния левых сил в западноевропейских странах, в частности

⁷ «Tribuna popular», 29.I.1976.

⁸ «Washington Post», 1.XII.1975.

⁹ «Правда», 25.II.1976.

в Италии, что, по его словам, угрожает единству Запада перед лицом «опасности», исходящей от Советского Союза и других социалистических стран. В Пекине с раздражением встретили успехи коммунистических Франции и Италии на выборах в 1974—1975 гг., призывают буржуазию в этих странах включиться в борьбу с «ревизионизмом» коммунистических партий. Фактически эти идущие из Пекина назойливые «предупреждения» западному миру об «опасности» для него со стороны компартий, союза левых сил совпадают с окриком США о недопустимости включения коммунистов в правительства западных стран Европы.

Агентство Синьхуа в конце 1975 г. выступило с комментарием, возводящим клевету на борьбу трудящихся и демократических сил Италии и Испании в защиту прав народных масс, за демократические преобразования. Оно назвало эту борьбу «беспорядками», которые могут привести к «подрыву южного фланга НАТО».

В то время, когда весь мир был охвачен гневным возмущением против жестоких казней франкистами испанских патриотов, когда ряд капиталистических стран в знак протеста отозвал своих послов из Мадрида, когда многие иностранные дипломаты бойкотировали устроенный в октябре 1975 г. Франко прием по случаю юбилея его прихода к власти, посол КНР с подчеркнутым подобострастием поздравил фашистского диктатора. Когда в ноябре 1975 г. Франко умер, китайское руководство направило в Мадрид телеграмму соболезнования, а в посольство Испании в Пекине — траурные венки. Пекин официально приветствовал вступление на испанский престол короля Хуана Карлоса I, одобрив таким образом восстановление монархии в Испании, создание режима, который испанские коммунисты характеризуют как «франкизм без Франко».

Предательскую позицию занял Пекин в отношении демократических сил Португалии, дойдя до «предупреждения» об опасности «захвата» коммунистами власти. Эта позиция совпадает с рассуждениями небезызвестного заговорщика генерала Спинолы об «опасности коммунизации западного фланга НАТО». Генеральный секретарь Португальской коммунистической партии Альваро Куньял сообщил, что китайские руководители, не желая устанавливать отношения с демократической Португалией, поскольку в ее правительство входят коммунисты, в то же время приглашают к себе в гости генерального секретаря реакционной народно-демократической партии и способствуют деятельности в Португалии маоистских групп, являющихся прямым орудием реакции¹⁰.

Все более тесными становятся связи маоистов с чилийской фашистской хунтой, приведенной к власти усилиями ЦРУ США. В ООН и других международных организациях пекинские представители всякий раз уходят от осуждения вопиющих нарушений прав человека в Чили. Китай оказался практически единственной страной, из которой не раздаются протесты против зверских расправ с коммунистами, социалистами и другими участниками блока Народного единства, против массовых репрессий и кровавого террора диктатуры Пиночета.

В условиях растущей международной изоляции фашистского режима Чили для хунты стали спасительными торгово-экономические связи с КНР. Во время пребывания в Китае осенью 1975 г. делегации хунты маоисты обещали предоставить ей кредит в размере 58 млн. американских долларов, а также произвести дополнительные закупки 20 тыс. т

¹⁰ «Правда», 27.II.1976.

селитры и 10 тыс. т меди. В 1976 г. Китай поставит Чили 10 тыс. т риса. Подобные действия нельзя не рассматривать как прямую помощь фашистскому режиму Чили. «Пекинские руководители предали дело пролетарского интернационализма. Вместо того чтобы быть вместе с народами Анголы и Чили, борющимися против колониального и фашистского угнетения, они протянули руку южноафриканским расистам и поддерживают тесные связи с фашистами Чили,— говорилось в статье, опубликованной в бюллетене действующего в Гаване чилийского Комитета солидарности с антифашистской борьбой народа Чили в середине февраля 1976 г.— В то время как прогрессивные народы и правительства всего мира усиливают солидарность с чилийскими патриотами и требуют прекращения любой помощи военно-фашистской хунте в Чили, правительство Пекина готово предоставить новый заем реакционной диктатуре. Как стало недавно известно, КНР намерена предоставить хунте кредит на сумму 100 млн. долл. (около половины — в свободно конвертируемой валюте для покрытия торгового дефицита в 300 млн. долл., образовавшегося у Чили за последние годы, другая часть — на приобретение товаров в КНР)».

Пекин рассматривает и использует маоистские «партии» и группировки как свою агентуру в зарубежных странах, как орудие борьбы против коммунистического движения, и прежде всего против компартии данной страны. Известно, что португальские маоисты участвовали в нападениях реакционных элементов на помещения Португальской компартии. Пропекинские группировки в ФРГ приветствовали поездки Штрауса в Китай. Маоисты в Бангладеш подталкивают правительство вправо, в сторону сближения с США и подстрекают на враждебные Индии действия.

Постоянный внутренний кризис в Китае, политика Пекина, направленная против мира и международной безопасности, прислужничество маоистов перед крайней реакцией привели к развалу ряда группировок. Серьезный удар по подрывной деятельности маоистов нанес самороспуск в феврале 1976 г. раскольнической политической группировки, «марксистско-ленинской партии» в Перу. Отход Пекина от марксизма-ленинизма, говорится в заявлении о самороспуске, произвел коренной поворот в сознании тех, кто под влиянием раскольнической деятельности китайских руководителей включился в полемику, спровоцированную ими в международном коммунистическом движении. Клика Мао Цзэ-дуна стала на путь открытого противоборства с социалистическими странами, мировым коммунистическим и национально-освободительным движением. Она пыталась расколоть революционный антиимпериалистический фронт, исключить из него СССР и другие социалистические страны¹¹.

Немало громких заявлений было сделано китайскими руководителями о том, будто они являются наиболее активными союзниками национально-освободительного движения. На поверку же оказалось, что Пекину нет дела до национально-освободительного движения. Он поддерживает только те выступления, включая крайне реакционные, которые могут служить интересам Мао и его группы и объединяются с империалистами, расистами, реакцией против тех, кто ведет борьбу за подлинную независимость, за социальный прогресс, за дружбу с социалистическими странами.

Известно, что в ходе освободительной борьбы народа Бангладеш Китай поддерживал военные усилия режима Яхья Хана. В течение

¹¹ «Правда», 19.II.1976.

четырёх лет КНР отказывалась признать Бангладеш, препятствовала ее приему в ООН. Но вот в августе 1975 г. премьер-министр Муджибур Рахман был убит, в стране был совершен переворот, и Пекин тут же заявил о признании Бангладеш и установлении с ней дипломатических отношений.

Под знаком решительных требований положить конец позорной колониальной системе проходила на XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН дискуссия по вопросу осуществления декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам. У представителей маоистского режима не нашлось слов для осуждения расистских колониальных режимов на юге Африки. Не секрет, что маоисты не порывали связей с ЮАР и Южной Родезией. По имеющимся сведениям, Китай закупал и закупает в ЮАР хлопок, шерсть, медь, золото, алмазы. Недавно им было дано согласие на поставки в ЮАР китайской нефти. Из Родезии КНР импортирует хром и графит. Все операции осуществляются через Японию и Макао.

Пекин грубо игнорирует многочисленные решения ООН в вопросах деколонизации, препятствует их принятию, активизирует свои связи с расистско-колониальными режимами. Так, во время обсуждения в ООН вопроса о положении в Анголе в зале Генеральной Ассамблеи нашелся лишь один делегат, который встал на сторону империализма, международного монополистического капитала и расистов ЮАР. Им был маоист. Своими нападками на Советский Союз, за которыми фактически оказался затушеван вопрос о южноафриканской интервенции в Анголе, он еще раз разоблачил маоизм в глазах африканских народов как пособника империалистических и колониалистических сил. Высказывания китайского представителя встретили решительный отпор со стороны многих делегатов. Союз южноафриканских расистов с силами империализма и реакции, сказал болгарский представитель, вызывает серьезную тревогу у всех миролюбивых народов. Партнером в этом союзе, подчеркнул он, стал Пекин, выдающий себя за поборника интересов развивающихся стран¹².

Когда на заседании Генеральной Ассамблеи по инициативе ряда африканских стран была внесена поправка к резолюции о положении на юге Африки, решительно требующая призвать к ответу организаторов иностранной интервенции против ангольского народа, больше всего усердствовали, чтобы не допустить ее принятия, представители КНР и США. В результате интриг маоистов и покровителей расистских интервентов в лице США эта поправка была снята с голосования.

Представители КНР 15 октября 1975 г. демонстративно отказались участвовать в заседании Комитета 24-х ООН (по деколонизации), на котором делегация Всемирного Совета Мира, отмечая заслуги Комитета в борьбе против колониализма, вручила ему «Золотую медаль мира» имени Фредерика Жолио-Кюри. Маоисты тем самым показали свою враждебность движению сторонников мира и неуважение к памяти выдающегося борца за мир, замечательного ученого-коммуниста Ф. Жолио-Кюри.

Пекин прекратил оказание помощи национально-освободительному движению в зоне Персидского залива (Оман, Бахрейн) и открыто выступает в поддержку стран СЕНТО, противодействующих этому движению.

Пекин вместе с США, некоторыми другими странами НАТО, южноафриканскими расистами помогали раскольническим организациям —

¹² «Правда», 28.11.1975.

Национальному фронту освобождения Анголы (ФНЛА) и Национальному союзу за полное освобождение Анголы (УНИТА) в борьбе против признанного авангарда ангольского народа — Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА) и правительства Народной Республики Ангола. Известны факты, когда китайское оружие доставлялось из Заира в Анголу марионеточным группировкам американскими летчиками на американских самолетах. Американские и китайские инструкторы обучали банды национальных предателей. Обо всем этом неопровержимо свидетельствовали документы, фото, оружие, захваченные у противника армией Народной Анголы. Кубинская газета «Гранма» справедливо отмечала в январе 1976 г., что «против Народной Республики Ангола и ее народа объединились в отвратительном союзе империализм, южноафриканский режим и маоизм»¹³.

Образ действий Пекина был резко осужден Гвинеей, в частности в послании Центрального комитета Демократической партии Гвинеи от 16 ноября 1975 г. китайскому руководству, другими прогрессивными государствами Африки, и не только Африки. В газете «Журнал де Ангола» 17 декабря опубликована редакционная статья под заголовком «Раскольническая деятельность маоистов в Анголе». Статья сопровождалась портретом Мао и надписью к нему: «Авторитет Мао Цзэдуна в Африке сильно упал из-за неправильных действий так называемого народного Китая по отношению к Анголе. Китайцы, поддерживая реакционеров против народа, демонстрируют свое стремление играть империалистическую роль». На втором снимке — оружие и военное снаряжение, которые предоставил Пекин врагам народа Анголы. Газета «Но Пинча» 15 января 1976 г. (Гвинея-Бисау) писала: «Настало время, когда ответственные лица должны задуматься над внешнеполитическим курсом народного Китая. Разве отвечает интересам китайского народа объединение на глазах всей борющейся Африки с контрреволюционными силами в Анголе?». На чрезвычайной международной конференции солидарности с борьбой народа Анголы в феврале 1976 г. отмечалось, что лишь Китай оказался в одном ряду с врагами ангольского народа. Мы являемся свидетелями противоестественного союза этой страны с южноафриканскими расистами, американскими империалистами и их африканскими пособниками.

Пойманные с поличным и осуждаемые всеми прогрессивными африканскими странами за сотрудничество с империалистами и расистами в борьбе против Анголы, китайские руководители стали утверждать, что в прошлом Китай-де помогал ФНЛА, но теперь он никому не помогает, пусть, дескать, три ангольские группировки сами договорятся. Ответственность за войну в Анголе якобы несут СССР и Куба, осуществляющие «агрессию», а США и ЮАР принимают естественные меры в целях самообороны, утверждали руководители и печать Китая. Пекин продолжал враждебные действия против народа Анголы. Согласно докладу специальной комиссии конгресса США по расследованию деятельности разведывательных органов, Китай послал ФНЛА около 100 военных советников¹⁴. Как сообщило агентство Франс Пресс, главарь ФНЛА Холден Роберто заявил в интервью «Рэнд дейли мейл» (ЮАР) в начале февраля 1976 г.: «Я, регулярно встречаясь в Киншасе с послом Китайской Народной Республики, часто принимаю дружественные делегации из Пекина. Разрыва не только нет, напро-

¹³ «Гранма», 27.I.1976.

¹⁴ «Village Voice», 16.II.1976.

тив, Китайская Народная Республика в пределах своих возможностей самым откровенным образом осуждала и продолжает осуждать советскую агрессию в Анголе».

Как известно, помощь оружием, пропагандистские вопли Пекина не спасли реакцию, расистов и интервентов в Анголе. Они потерпели полное поражение, явившееся сокрушительным поражением и группы Мао. Права «Хиндустан таймс», которая указывала 3 февраля 1976 г.: «По мнению некоторых западных наблюдателей, война в Анголе стала беспрецедентным провалом китайской внешней политики»¹⁵. «Китайская Народная Республика, которая всего лишь пять лет назад была самой влиятельной коммунистической страной в Черной Африке,— писала «Франкфуртер альгемайне»,— подводит теперь плачевный итог своей политики к югу от Сахары, подорванной Москвой... Китай переживает сегодня ошеломляющее крушение того блестящего положения, которое он занимал в 60-е годы»¹⁶.

Реваншисты на Рейне, милитаристы, сионисты, все те, кто выступает против оздоровления международной обстановки, нашли в лице китайских руководителей надежных помощников. Как отметил 25 февраля 1976 г. первый секретарь ЦК СЕПГ Эрих Хонеккер, «влиятельные круги империализма продолжают противодействовать процессу разрядки напряженности. Их попыткам фальсифицировать сущность мирного сосуществования, разжигать гонку вооружений и провоцировать новую напряженность мы даем такой же решительный отпор, как и великодержавной, шовинистской, враждебной социализму и миру политике пекинских руководителей»¹⁷.

Не было в мире ни одного шага в сторону от войны, в направлении укрепления мира, который был бы одобрен в Пекине, зато любое событие, отравляющее международную атмосферу, таящее опасность крупного военного конфликта, встречают там с одобрением и всячески подогревают. Китайские руководители с упорством, достойным лучшего применения, постоянно твердят, что война неизбежна. «То, что в мире идут разговоры о разрядке и мире, как раз свидетельствует о том, что в этом мире нет разрядки, не говоря уже о каком-то прочном мире», — говорилось на сессии Всекитайского собрания народных представителей в январе 1975 г. «Третьей огромной мировой войны не избежать... она вовсе не так уже плоха», — заявил один из китайских руководителей в июле 1975 г.

Известно, сколько усилий затратил Пекин, чтобы помешать заключению и ратификации договоров социалистических стран с ФРГ, как он изворачивался, чтобы помешать созыву совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, а когда оно состоялось — принизить значение Заключительного акта.

В ходе переговоров с посетившими Китай в прошлом году канцлером ФРГ Г. Шмидтом, министром иностранных дел Франции Ж. Со-ваньяргом, президентом США Дж. Фордом китайские руководители монотонно твердили, что разрядка — это обман, что СССР неизбежно атакует западные страны, что Западу нужно форсировать подготовку к войне. Западные гости вынуждены были довольно твердо сказать, что их страны руководствуются не риторикой, а национальными интересами.

¹⁵ «Hindustan Times», 3.II.1976.

¹⁶ «Frankfurter Allgemeine», 25.II.1976.

¹⁷ «Правда», 26.II.1976.

Особенно хотелось бы Пекину вызвать новые осложнения в центре Европы. Во время визита в Китай канцлера ФРГ Г. Шмидта в октябре 1975 г. китайские руководители рассуждали о «единой немецкой нации», об «объединенной Германии», о «неурегулированности» послевоенных проблем, о принадлежности Западного Берлина ФРГ, временном характере нынешних границ в Европе и т. д. Особенно они разошлись во время пребывания в Китае двух деятелей оппозиционного блока ХДС/ХСС А. Дреггера и В. Маркса в феврале 1976 г. Коль скоро Дреггер и Маркс оказались в Пекине, как не воспользоваться этим, чтобы еще раз повторить уже навязшую у всех в зубах трескотню об «агрессивности Советского Союза», о том, что хельсинкская договоренность «выгодна лишь СССР», что Советский Союз представляет собой «главную опасность миру в Европе», как вновь не пустить в ход подстрекательские призывы к усилению гонки вооружений, к пересмотру послевоенных европейских границ! Именно в этом духе и выступил на приеме по случаю пребывания вояжеров из ФРГ китайский министр иностранных дел Цяо Гуань-хуа.

Полностью игнорируя факт существования первого в мире германского социалистического государства, социалистические завоевания народа ГДР, пекинский министр прямо заявил о наличии «общих интересов» у маоистов и консервативных сил Бонна в плане взаимодействия на антисоветской и антисоциалистической платформе. Он ратовал за пересмотр, как он выразился, «германского вопроса» на основе поглощения ГДР в соответствии с реваншистскими требованиями, выдвигаемыми реакционными кругами ФРГ, заранее отводя «объединенной Германии» роль ведущей антисоветской силы в Западной Европе. Маоист взял под защиту наиболее реакционные и реваншистские круги ФРГ и даже попытался возвести их в ранг подлинных выразителей интересов «германской нации». Он дал индульгенцию фашистским преступникам, утверждая, будто обвинения их в реваншизме и фашизме нарочито используются Советским Союзом для «увечования раскола Германии».

Антикоммунистический и антисоветский курс пришелся вполне по душе двум лидерам оппозиции из ФРГ. Дреггер солидаризировался с маоистом, пренебрегая реальностями современного мира, фактом существования двух германских государств, являющихся членами ООН. Более того, подыгрывая маоистам, Дреггер, по существу, ратовал за то, чтобы взять Советский Союз «в клещи», действуя одновременно и со стороны Китая, и со стороны Западной Европы, которая должна в этих целях «объединиться в военном отношении».

Особенно большие усилия Пекин направляет на то, чтобы оказать воздействие на политику США и подтолкнуть ее в нужном для себя направлении. С другой стороны, правящие круги США стремятся использовать КНР в интересах своей политики. Госсекретарь Г. Киссинджер признал в интервью 13 октября 1975 г., что «основная цель, основные взаимоотношения между США и КНР являются результатом совпадения некоторых концепций в оценке международных отношений». Приведем примеры.

Французский журнал «Курье де политик этранжер», комментируя в конце сентября 1975 г. призыв Пекина к усилению западноевропейской интеграции, писал: «Посеять разногласия между Западной Европой и Советским Союзом, натравливать их друг на друга — это всего лишь часть задачи, выдвинутой на первый план временно. Главное — изменить саму основу объединения Европы — вот что является стержнем долгосрочной внешней политики Пекина. Именно от этой основы

зависит возможность претворить в жизнь широкий план перестройки межнациональных отношений благодаря молчаливому взаимопониманию между руководителями китайской внешней политики и некоторыми влиятельными кругами США. Объединенная суверенная Европа, имеющая независимую внешнюю политику, руководствующаяся своими собственными интересами, не устраивает Вашингтон. Нынешняя база европейской интеграции не вызывает доверия у американцев. Увековечить оппозицию Европы Советскому Союзу значило бы решить эту проблему. Западноевропейская интеграция сохранила бы свою первоначальную антисоветскую ориентацию. Нет необходимости говорить, что в современных условиях Вашингтон не может открыто натравливать Западную Европу на СССР и его союзников и требовать, чтобы западноевропейские страны, безусловно, признали американское превосходство в Европе.

Пекин удачно выбрал момент для того, чтобы предложить свои добрые услуги. Китайская дипломатия делает для американцев самую неблагодарную работу, стараясь окольными путями побудить европейцев стать на весьма рискованный путь, на котором они могут лишиться возможности свободно решать свои дела.

Фактически речь идет о разделе сфер влияния между США и КНР. Европа попадает в американскую сферу влияния, и Пекин старается сделать так, чтобы она в ней осталась».

Пример второй. Ведя дело к «позапному урегулированию», сопротивляясь признанию права палестинцев на образование самостоятельного государства, Вашингтон стремится затянуть ликвидацию последствий израильской агрессии против арабских государств, помочь Израилю удержать хотя бы какие-то куски захваченных территорий. В связи с этим и в ООН представители США голосуют против проектов резолюций о полном выводе израильских войск с территории ближневосточных стран, об удовлетворении законных прав арабского народа Палестины, включая право на создание собственного государства. Пекин не поддержал ни одной такой резолюции, что тождественно прямому поощрению агрессивного курса Израиля.

Третий пример. Пекин оказывает грубый нажим на Японию, стремясь добиться включения в договор о мире и дружбе, о заключении которого ведутся переговоры, статьи, которая в дальнейшем послужила бы базой совместных комбинаций Китая и Японии, направленных против СССР. Как же к этому относятся в Вашингтоне? Некоторые американские политики дают понять японским представителям, что США не возражали бы против заключения такого договора.

Четвертый пример. В декабре 1975 г. президент США Дж. Форд по пути из Пекина в Вашингтон выдвинул «тихоокеанскую доктрину». Исходной посылкой доктрины является тезис о том, что США должны продолжать играть в этом районе Тихого океана «ведущую роль», опираясь прежде всего на военную мощь. В качестве главных партнеров в установлении господства над районом Тихого океана названы Япония и Китай. «Тихоокеанская доктрина» носит явно империалистический характер. Она направлена против объединения Кореи, против прогрессивных сдвигов в Юго-Восточной Азии и на островах Тихого океана. Доктрина, видимо, была в какой-то степени апробирована в Пекине, у обычно крикливых китайских пропагандистов не нашлось и слова против «доктрины», направленной против интересов мира.

На XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1975) Пекин продолжал проводить обструкционистскую линию, рассчитанную на срыв

мер по устранению угрозы новой мировой войны. Маонисты не поддержали ни одной из 25 резолюций по разоружению, которые были одобрены Генеральной Ассамблеей подавляющим большинством голосов. 112 стран из 144 проголосовали в поддержку предложения о запрещении разработки и производства новых видов оружия массового уничтожения и новых систем такого оружия, расценив это предложение как крупный вклад в дело разоружения. В числе тех, кто не голосовал за это предложение, были США, КНР, некоторые страны НАТО, а также Израиль. КНР оказалась одной из двух стран, которые ополчились против предложения СССР о заключении Договора о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия, проголосовав против этой важной инициативы. Пекинский делегат прикрывал свою негативную позицию блокированием с врагами разоружения и разрядки международной напряженности «тезисом» Мао о ядерной войне как средстве построения «прекрасного будущего». Китайские представители вместе с представителями США продолжают чинить препятствия созыву Всемирной конференции по разоружению.

Китай неизменно уклоняется от подписания каких-либо международных соглашений, направленных на обуздание гонки вооружений, агрессии и экспансии. И это не удивительно, ибо призыв «готовиться к войне», нашедший закрепление в конституции КНР, стал главным лозунгом маоистов. Указания Мао Цзэ-дуна о подготовке к войне ежедневно повторяются на страницах китайской печати: «стимулировать подготовку к войне», «повышать бдительность и быть готовыми воевать», «рыть глубокие траншеи, всюду запастись зерно», «усиливать подготовку к войне».

Тотальными военными приготовлениями маоистское руководство заставляет заниматься все население страны: муштруются ополченцы, методом массовой стройки сооружаются бомбоубежища, повсеместно создаются запасы продовольствия, воды, строительного-ремонтных материалов, донорской крови, медикаментов «на случай войны»; учащаяся молодежь совершает военизированные марши-броски. В КНР широко осуществляется милитаристская пропаганда, ведущаяся с помощью печати, радио, кино, телевидения. Прославлению войны фактически посвящены последние стихи Мао, «образцовые спектакли», поставленные под покровительством жены Мао Цзэ-дуна Цзян Цин. Готовиться к войне призывают лозунги и плакаты на стенах домов в китайских городах и деревнях.

С кем и за что собираются воевать маоисты? Настойчивость и ожесточенность, с которыми китайские лидеры выдвигают территориальные претензии к Советскому Союзу, Индии, Непалу, Японии, Филиппинам, Вьетнаму, наводит на мысль о том, что все эти страны, соседние с КНР, могут оказаться под непосредственной угрозой. Этот вывод подтверждается тем, что в последние месяцы 1975 г. были совершены новые вооруженные провокации Китая против своих соседей. 20 октября китайские войска на одном из участков северо-восточной границы Индии обстреляли индийский пограничный патруль, убив нескольких индийских солдат. В ноябре—декабре на юге Шанской национальной области Бирмы произошло 46 вооруженных столкновений между поддерживаемыми Пекином повстанческими отрядами и отрядами шанских сепаратистов, с одной стороны, и подразделениями бирманской армии — с другой. Готовя уже сейчас «оправдание» китайской экспансии в Юго-Восточной Азии, пекинские газеты 24—25 ноября 1975 г. выступили с пространными материалами, в которых утверждали, будто не только Парасельские острова, но вообще все

острова Южно-Китайского моря «издревле» принадлежали и должны принадлежать Китаю.

Пекин не случайно продолжает грубое вмешательство в дела стран Юго-Восточной Азии, хотя заверил руководителей этих стран, что «каждый народ имеет право свободно, без вмешательства извне, избирать свой политический, экономический и социальный строй в соответствии со своими национальными нуждами и чаяниями» (из совместного китайско-бирманского коммюнике от 15 ноября 1975 г.). План современных богдыханов состоит в том, чтобы в течение короткого периода времени через местных маоистов, поддерживаемых Китаем, подорвать политическую структуру Бирмы, Таиланда, Малайзии, Сингапура, Бангладеш, добиться создания в этих странах пропекинских режимов и выйти на берега Малаккского и Сингапурского проливов и к восточным границам Индии. Несколько лет тому назад Мао Цзэ-дун считал, что для этого потребуется 8—15 лет. Хотелось бы напомнить тем, кого убаюкивают сладкие речи Пекина об уважении суверенитета, невмешательстве во внутренние дела и т. д., слова, сказанные «великим кормчим» еще в 1958 г.: «Нынешний Тихий океан в действительности не такой уж тихий. В будущем, когда он окажется под нашим контролем, можно будет считать его тихим». Линь Бяо, который одно время считался ближайшим соратником и преемником Мао, на эти слова отозвался: «Через какое-то время мы построим крупные корабли и будем готовы к высадке в Японии, на Филиппинах и в Сан-Франциско».

Если в целом оценить экспансионистские устремления Пекина в отношении своих соседей, попытки китайского руководства разжечь существующие в мире конфликты, сорвать процесс разрядки, его настойчивые утверждения о «неизбежности третьей мировой войны», то становится очевидной та огромная потенциальная опасность, которую таит в себе поджигательская линия Мао Цзэ-дуна. Свое духовное кредо, представление о будущем человечества он высказал в стихах, опубликованных в первый день 1976 г. в «Жэньминь жибао»:

«Огнем орудий небо полыхает,
Воронками изрыта вся земля...
Смотри, весь мир идет вверх дном!»

Человеконенавистническая идеология Мао Цзэ-дуна, который еще в 1958 г. заявлял, что «не имеет значения, если погибнет половина человечества, не страшно, если останется и одна треть», нашла в этих виршах свое новое подтверждение. Грядущая мировая война, заливающая землю потоками крови, — вот что радует Мао Цзэ-дуна.

Разумеется, не следует переоценивать реальные возможности маоистского Китая, который переживает глубокий политический кризис и испытывает растущие экономические трудности, терпит крупные провалы на международной арене. Вместе с тем маоизм представляет серьезную опасность в мировом масштабе. Борьба против маоизма — это борьба против угрозы мировой войны, борьба и против империализма, поскольку китайское руководство открыто перешло на позиции, отстаиваемые самыми реакционными силами империализма. Поэтому растет интернациональный отпор ему со стороны всех коммунистов, всех революционных, прогрессивных и миролюбивых сил.

Совещание коммунистических партий стран Латинской Америки и Карибского моря, состоявшееся в июне 1975 г., в своей декларации энергично осудило внешнюю политику руководства Коммунистической партии Китая, которое заигрывает с американским империализмом,

защищает его присутствие в Азии и Европе, оправдывает НАТО, содействует империализму и западногерманскому реваншизму, нападает и клеветает на СССР с такой же яростью, как самые оголтелые представители международной реакции, подстрекает против Советского Союза агрессивные милитаристские круги мировой буржуазии, разжигает обанкротившуюся политику «холодной войны» против героического советского народа. В Латинской Америке, говорится в декларации, эта политика руководства КПК находит свое самое отвратительное выражение в постыдном сговоре с чилийской военной хунтой, которой оказывается экономическая помощь и политическая поддержка, и при этом игнорируется то обстоятельство, что пролита кровь тысяч коммунистов, социалистов и других патриотов, ставших жертвами зверских репрессий фашистской тирании. Кроме того, китайское руководство организует повсюду псевдореволюционные группы, которые, выступая с позиций лжерадикализма, раскалывают левые силы, нападают на коммунистические партии, мешают развитию прогрессивных процессов и действуют внутри революционного движения. Борьба против этой политики предательства единства, солидарности и лучших традиций мирового революционного движения — это долг всех коммунистических партий Латинской Америки¹⁸.

Центральный Комитет Суданской коммунистической партии заявил в феврале 1976 г., что спекуляции китайского руководства «на броских лозунгах, осуществляемые под знаменем антисоветизма, все больше и больше раскрывают истинную враждебность маоизма свободе и прогрессу народов. Эта враждебность выражается в подрывных действиях маоистов против антиимпериалистического фронта, единства мирового коммунистического движения, в их сотрудничестве с расистскими режимами в Африке и поддержке любого правительства, преследующего коммунистов и революционеров в Африке, Азии и Латинской Америке, каким бы кровавым, реакционным и проимпериалистическим оно ни было. Отпор маоизму и его разоблачение, мобилизация масс на борьбу с ним приобретают сегодня такое значение для революционного движения, которое ни в коей мере нельзя недооценивать»¹⁹.

Генеральный секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Чехословакии, президент ЧССР Густав Гусак заявил 25 февраля 1976 г.: «В настоящее время мы считаем необходимым активно противодействовать политике маоистского руководства Китая, которая открыто смыкается с самыми реакционными силами в мире. Эта политика враждебна социализму, прогрессу и миру, и поэтому наша партия будет и впредь последовательно бороться против маоизма и всех форм оппортунизма»²⁰.

О бесперспективности нынешнего курса руководителей Китая ярко сказал Фидель Кастро 25 февраля 1976 г. в выступлении на XXV съезде КПСС: «Подлинную историю пишут не реакционеры, клеветники, интриганы и предатели, будь то фашисты, будь то буржуи или маоисты, ибо сама история сметет их со своего пути»²¹.

¹⁸ «Правда», 17.VI.1975.

¹⁹ «Правда», 2.III.1976.

²⁰ Там же, 26.II.1976.

²¹ Там же.

Победа национально-демократической революции в Лаосе

К. И. Юрьев

2 декабря 1975 г. открыло новую страницу в истории Лаоса. Собранный в этот день во Вьентьяне Национальный конгресс народных представителей в обстановке всеобщего энтузиазма принял исторические по своему значению решения об упразднении монархии и образовании Лаосской Народно-Демократической Республики. Тем самым в законодательном порядке был закреплен решающий успех национально-демократической революции в Лаосе, — революции, которая прошла длительный и сложный путь борьбы, испытаний и горечь поражений, и радость побед.

Следует подчеркнуть, что на протяжении последних десятилетий внутренние по своей природе процессы роста национально-освободительного движения патриотов за свободу и независимость страны приобрели международную значимость вследствие грубого давления и прямого вмешательства империализма, стремившегося превратить Лаос в плацдарм для борьбы против сил мира, демократии и социализма в Индокитае и Юго-Восточной Азии в целом. Вооруженный конфликт, развязанный империализмом в начале 60-х гг. во Вьетнаме, превратил территорию Лаоса, как впоследствии и Камбоджи, в арену ожесточенных сражений.

Прогрессивные силы мира во главе с Советским Союзом, другими братскими социалистическими странами активно выступили на стороне народов Индокитая и развернули широкую международную кампанию за прекращение империалистической агрессии, за предоставление вьетнамскому, лаосскому и камбоджийскому народам возможности самостоятельно решать свои внутренние проблемы в соответствии с их национальными интересами. Объединение усилий всех миролюбивых, антиимпериалистических сил дало свои положительные результаты. В условиях общих позитивных сдвигов, которые произошли в последние годы на международной арене, народы Индокитая нанесли серьезное морально-политическое и военное поражение американскому империализму и одержали историческую победу. С трибуны XXV съезда Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев, высоко оценив успехи патриотов Индокитая, от имени всех советских людей пожелал им дальнейших успехов в борьбе за мир, демократию и социальный прогресс¹.

Опыт развития национально-демократической революции в Лаосе, бывшем в течение многих веков отсталым полуфеодальным государством, имеет большое историческое значение. В своеобразных, порой специфически лаосских особенностях проявились общие закономерности развития революционного процесса в нашу эпоху.

¹ См. «Правда», 25.11.1976.

Всемирно-историческая победа Советского Союза над германским фашизмом и японским милитаризмом во второй мировой войне вызвала мощную волну национально-освободительного движения угнетенных и зависимых народов. Победа в августе 1945 г. народно-демократической революции во Вьетнаме оказала непосредственное воздействие на подъем патриотического антиколониального движения в Лаосе.

Представители интеллигенции, чиновничества, трудящиеся слои городского населения, воодушевленные единым стремлением — изгнать французских колонизаторов, построить независимое и свободное лаосское государство, положили начало патриотическому движению Лао Иссара (Свободный Лаос). Активную роль в движении уже тогда играли ставшие впоследствии известными революционными деятелями Лаоса Кейсон Фомвихан, Суфанувонг, Нухак Фумсаван, Фуми Вонгвичит, составившие левое крыло Лао Иссара. Именно по инициативе Кейсона Фомвихана и Суфанувонга стали создаваться в октябре — ноябре 1945 г. первые отряды Армии освобождения и защиты Лаоса.

12 октября 1945 г. созданный во Вьентьяне Народный комитет утвердил первую в истории Лаоса Временную конституцию. В соответствии с этим документом король Сисаванг Вонг временно рассматривался как монарх «без эффективной власти» до избрания Палаты народных представителей, которая должна была окончательно определить политический строй Лаоса. Королю было предложено добровольно отречься от всех прав, однако в связи с его отказом он был вскоре низложен. Одновременно было сформировано народное правительство Лаоса.

Тем не менее движение Лао Иссара не сумело найти прочной опоры в массах. Оно в значительной степени носило верхушечный характер, в его руководстве большую роль играли представители феодальной аристократии и чиновничества, не верившие в возможности и боявшиеся подлинно народного движения. Многие из них после предоставления французским колониализмом формальной «автономии» Лаосу сочли свою задачу выполненной и вернулись на службу бывшим хозяевам. Все это облегчило колонизаторам возможность с помощью вооруженных сил восстановить прежние порядки, в том числе восстановить монархический строй.

Однако борьба лаосского народа за свою независимость не только не ослабла, но, напротив, приобрела в последующие годы еще больший размах и силу. Важную роль в этом сыграл состоявшийся в августе 1950 г. I конгресс лаосского движения сопротивления, который определил основные задачи лаосского народа в борьбе против колониализма и империализма, за построение свободного и независимого государства Лаос. Конгресс организационно оформил создание Единого национального фронта Лаоса, утвердил программу фронта, в которой были сформулированы главные цели народно-демократической революции в стране, выступил за тесный союз народов Лаоса, Вьетнама и Камбоджи.

Большие успехи патриотических сил в войне сопротивления привели к тому, что в Лаосе стали складываться две зоны, противоположные не только в военном отношении, но и по своему социально-экономическому характеру. Более заметным становилось и классовое размежевание. Если вокруг королевской администрации во Вьентьяне группировались правые консервативные силы — феодальная аристократия, компрадорская буржуазия, офицерский корпус, то в освобожденных районах концентрировались подлинно революционные силы, включая молодую интеллигенцию, трудовое крестьянство, меньшинства. Их руководящим ядром стала созданная 22 марта 1955 г. марксистско-ленинская Народно-

революционная партия Лаоса. Партию возглавил в качестве генерального секретаря Кейсон Фомвихан.

Женевские соглашения 1954 г. по Индокитаю, в подготовке и разработке которых активную роль сыграл Советский Союз, открыли новый этап в послевоенной истории Лаоса. Их историческое значение заключается в том, что они предоставляли реальную возможность устранить империалистическое вмешательство во внутренние дела Лаоса и добиться решения внутривластных проблем на основе договоренности между основными лаосскими силами. Соглашения признавали суверенитет, независимость и территориальную целостность Лаоса, намечали принципы политического урегулирования путем проведения в стране всеобщих выборов. Участникам движения сопротивления предоставлялись равные права в политической жизни страны наравне с другими гражданами. Однако практическая реализация такой возможности была серьезным образом подорвана прямым вмешательством США.

Американские империалистические круги еще в начале 50-х гг. оценили важность стратегических позиций Лаоса, оказавшегося на стыке трех групп государств — социалистических (КНР и ДРВ), нейтральных (Камбоджа и Бирма) и связанных с империалистическими военными блоками (Таиланд и Южный Вьетнам). Опасаясь, как бы прогрессивные перемены в Лаосе не отразились на расстановке сил в целом в Юго-Восточной Азии, они распространили на Лаос, как и на другие страны Индокитая, «сферу действия» агрессивного блока СЕАТО, стали оказывать помощь в реорганизации и укреплении королевских вооруженных сил. Политика США в Индокитае всецело определялась в те годы концепцией «отбрасывания коммунизма».

Вполне понятно, что в условиях, когда вьетъянские правящие круги испытывали на себе прямой нажим со стороны США, переговоры между сторонами в Лаосе оказались крайне трудным делом. В стране развернулась сложная политическая борьба, в ходе которой революционные силы сумели добиться серьезного укрепления своих позиций. В январе 1956 г. на II конгрессе Единого национального фронта Лаоса было принято решение о его расширении и создании новой массовой политической организации — Патриотического фронта Лаоса (ПФЛ). Председателем ПФЛ был избран Суфанувонг. Народно-революционная партия Лаоса стала ведущей и направляющей силой фронта.

Утвержденная конгрессом программа ПФЛ ставила основной задачей строительство мирного, независимого и процветающего Лаоса. В ней подчеркивалась необходимость проведения Лаосом политики мира и нейтралитета на международной арене, развития дружественных отношений со всеми странами. В области внутренней политики программа ставила задачи укрепления единства страны, развития сотрудничества всех прогрессивных сил, обеспечения основных свобод и демократических прав населения. В программе намечались конкретные меры, направленные на повышение жизненного уровня населения, оказание помощи крестьянам, гарантирование рабочим права на труд, развитие просвещения, здравоохранения, национальной культуры.

Упрочение положения в стране Патриотического фронта Лаоса, пользовавшегося симпатией и поддержкой основной массы населения, не могли игнорировать наиболее трезвые и реалистически мыслящие политические деятели, группировавшиеся вокруг принца Суванна Фумы, который занял к тому времени пост премьер-министра вьетъянского правительства. Они понимали также и всю опасность, которую несет для страны подчинение американскому диктату. Возобновившиеся переговоры между вьетъянской группировкой и ПФЛ привели в 1956—1958 гг.

к выработке соглашения о практическом осуществлении внутривнутриполитического урегулирования. ПФЛ получил право активно участвовать в политической жизни, два его представителя вошли в состав коалиционного правительства национального единства.

Однако первая лаосская коалиция просуществовала всего 8 месяцев. Результаты проведенных дополнительных выборов в Национальное собрание, на которых ПФЛ с поддерживавшими его организациями одержал внушительную победу, вызвали переполох среди реакционных кругов вьентьянской зоны. При активной поддержке США они развернули полицейскую травлю представителей прогрессивных сил. ПФЛ был объявлен вне закона, часть его руководителей арестована.

Обстановка в стране продолжала накаляться. Лаосская реакция при поддержке США открыто вела дело к установлению военной диктатуры. Вооруженные отряды ПФЛ вынуждены были вновь вернуться к тактике партизанской войны. Усиление американского вмешательства вызвало новый подъем национально-освободительной борьбы.

В августе 1960 г. батальон парашютистов королевской армии, опираясь на поддержку населения, совершил военный переворот. Принц Суванна Фума возглавил новое правительство из представителей нейтралитетских сил, которое провозгласило проведение политики мира, нейтралитета и национального согласия. ПФЛ выступил в поддержку этого правительства и его программы. Стал складываться союз революционных и нейтралитетских сил, сыгравший большую роль в борьбе против планов внутренней реакции и империалистических сил.

Одной из важных акций правительства Суванна Фумы, предпринятых по инициативе ЦК ПФЛ, явилось установление дипломатических отношений с Советским Союзом (7 октября 1960 г.). По просьбе лаосского правительства СССР вместе с другими социалистическими странами оказал патриотическим силам значительную политическую и материальную помощь, что позволило им успешно противостоять наступлению правых сил, пользовавшихся широкой поддержкой империалистических кругов.

Попытки американской военщины с помощью вооруженной силы решить лаосский вопрос привели к тому, что конфликт в Лаосе приобрел международный характер. Вот почему инициатива Советского Союза, других стран, выступавших в конце 1960 — начале 1961 г. с предложением о созыве нового Женевского совещания с целью поисков мирного урегулирования лаосской проблемы, встретила широкую поддержку всех миролюбивых прогрессивных сил. С этим вынуждена была считаться новая американская администрация во главе с Кеннеди.

Женевские соглашения 1962 г. по Лаосу закладывали хорошую международно-правовую основу для ликвидации главного источника лаосского конфликта — империалистического вмешательства. Заявление лаосского правительства вошло в качестве составной части в Декларацию о нейтралитете Лаоса, одобренную всеми участниками совещания. По настоянию социалистических стран совещание ограничило свою деятельность лишь решением международного аспекта лаосской проблемы, отделив его от чисто внутренних лаосских дел, которые должны были быть урегулированы тремя основными лаосскими группировками — Патриотическим фронтом Лаоса, нейтралитами и правыми силами — путем достижения взаимного соглашения.

Заключение Женевских соглашений 1962 г. явилось крупным успехом прогрессивных и миролюбивых сил. Зафиксированные в этом документе положения создавали благоприятные условия для укрепления в стране позиций левых революционных сил, открывали большие возможности для прогрессивных политических и социально-экономических пре-

образований. И тем не менее созданная на этой базе вторая лаосская коалиция, как и первая, оказалась недолговечной.

Основная причина заключалась в том, что в условиях начавшейся эскалации вооруженной агрессии США против вьетнамского народа, поднявшегося на борьбу с марионеточным режимом сайгонских предателей, руководители Пентагона рассматривали территорию Лаоса как идеальный плацдарм для фланговых операций с целью изоляции и постепенного уничтожения основных баз революционного движения во Вьетнаме.

Прямым следствием американского вмешательства в дела Лаоса явилось превращение страны в арену опустошительных военных действий. Начав с «разведывательных полетов», американская авиация приступила с лета 1964 г. к систематическим массированным бомбардировкам освобожденных районов. С 1966 г. в Лаосе стали использоваться стратегические бомбардировщики «Б-52», базировавшиеся на острове Гуам и в Таиланде.

* * *

В последующие годы политическая ситуация в Лаосе характеризовалась дальнейшей поляризацией внутренних сил. Раскол коалиции вызвал размежевание внутри нейтралистских сил — часть нейтралистов сблизилась с правыми вьентьянскими группами, другая часть осталась верной прежнему союзу патриотических сил. Вьентьянское правительство, во главе которого оставался принц Суванна Фума, попадало во все большую зависимость от правых сил и США.

Господствующее положение во вьентьянской зоне заняли феодально-помещичьи и буржуазные группировки. Поддерживая тесные связи с империалистическими кругами США и других западных стран, они объединились на общей платформе борьбы против патриотических и демократических сил Лаоса. Характерными явлениями стали здесь коррупция, стремление к получению различных материальных выгод за счет поступающей в страну иностранной помощи. Наряду с тенденцией к консолидации своих рядов среди политических групп вьентьянской зоны, носивших часто черты семейных кланов (группа Сананиконов, «южане» во главе с принцем Бун Умом На Чампассаком и др.), велась постоянная борьба между собой за преобладающее влияние.

Экономика вьентьянской зоны, несмотря на ускорившееся развитие капиталистических форм, по-прежнему сохраняла элементы феодальных отношений. Это особенно характерно было для сельского хозяйства, в котором было занято до 80% населения. Полунаатуральный характер производства с незначительным выходом товарной продукции, тяжелые последствия войны, выразившиеся в разорении и опустошении многих плодородных районов, привели к тому, что вьентьянские власти вынуждены были ежегодно импортировать значительное количество продовольственных товаров, прежде всего риса. В промышленности развитие получили мелкие предприятия и мастерские, работавшие для обеспечения потребностей выросшей численно армии, а также обслуживавшие жилищные слои городского населения.

По-другому пошло развитие освобожденных районов, занимавших почти $\frac{2}{3}$ территории страны. Состоявшийся в апреле 1964 г. II съезд Патриотического фронта Лаоса на основе анализа обстановки, проведенного ЦК Народно-революционной партии, в программе действий выдвинул важнейшую задачу превращения освобожденных районов в прочную политическую и социально-экономическую базу с целью мобилизации всего лаосского народа на борьбу против империалистического вмешательства, за выполнение положений Женевских соглашений 1962 г. Для за-

щиты освобожденных районов было решено создать национальную армию, которая с 1965 г. стала называться Народно-освободительной армией Лаоса.

В освобожденных районах повсеместно, от провинций до деревень, были созданы подлинно народные органы власти, которые в своей деятельности опирались на местные молодежные, женские, профсоюзные и другие патриотические организации. Большое внимание уделялось проведению политики сближения различных национальностей. Полностью была ликвидирована система эксплуатации и угнетения. Основные средства производства стали общенародной собственностью. В сельских районах создавались «кооперативы солидарности» — низшая форма объединения, — с помощью которых крестьяне сумели расширить посевные площади и увеличить урожайность продовольственных культур. Развивались небольшие промышленные предприятия, ремесленные и кустарные промыслы, обслуживавшие нужды фронта и тыла. Большую помощь в развитии освобожденных районов оказывали Советский Союз, другие социалистические страны. Особенно укрепилось сотрудничество с ближайшим соседом — Демократической Республикой Вьетнам, чему способствовала общность целей в борьбе против империалистической агрессии и вмешательства.

Политическая линия, разработанная ЦК НРПЛ, была направлена вместе с тем на то, чтобы не допустить закрепления раскола страны на две части. Учитывая стремление подавляющей массы населения Лаоса к восстановлению мира и национального согласия в рамках единого лаосского государства, ЦК НРПЛ выступал за укрепление и расширение общедемократического фронта всего лаосского народа с целью устранения, прежде всего политическими средствами, главного препятствия на пути построения мирного, независимого и демократического Лаоса — империалистического вмешательства. При этом освобожденные районы рассматривались в качестве важной базы для постепенного проведения революционно-демократических преобразований в масштабах всей страны.

Указанные положения легли в основу новой политической программы, принятой III съездом ПФЛ в октябре 1968 г. В программе намечались пути политического урегулирования в Лаосе путем создания правительства национального единства и проведения демократических выборов в Национальное собрание. Были сформулированы положения общедемократического характера (равенство национальностей, обеспечение демократических свобод, защита интересов трудящихся и др.), осуществление которых могло бы создать благоприятные условия для решения задач национально-демократической революции.

6 марта 1970 г. ЦК Патриотического фронта Лаоса выступил с развернутыми предложениями по проблеме политического урегулирования в стране. Эти предложения, включавшие 5 пунктов, предусматривали уважение всеми государствами суверенитета, независимости и единства Лаоса, прекращение агрессии и вмешательства США, организацию всеобщих свободных и демократических выборов для образования Национального собрания и правительства национального единства, проведение переговоров представителей лаосских сторон для урегулирования внутренних проблем, объединение страны на основе консультаций, исходя из принципов равенства и национального согласия.

Конструктивная инициатива ЦК ПФЛ получила широкую поддержку не только внутри страны, но и на международной арене. Вьетнянская сторона не могла игнорировать эти предложения и вынуждена была согласиться на переговоры, которые начались с лета 1970 г. во Вьентьяне.

Однако уже первые контакты сторон показали, что вьентьянские представители пытались использовать переговоры для навязывания различного рода предварительных условий, с тем чтобы подорвать позиции левых сил и добиться односторонних военных преимуществ. Переговоры прервались, не дав положительных результатов.

Последующий ход событий показал тем не менее, что инициатива ПФЛ не пропала даром. В течение 1971—1972 гг. между ЦК ПФЛ и вьентьянским правительством состоялся активный обмен посланиями с целью выяснения и уточнения позиций сторон по отдельным вопросам. В результате обе стороны к началу октября 1972 г. выразили согласие возобновить переговоры на основе предложений ЦК ПФЛ от 6 марта 1970 г.

Успешному ходу переговоров лаосских сторон в значительной степени способствовали наметившиеся в мире тенденции к разрядке международной напряженности, практические действия Советского Союза, братских социалистических стран, направленные на укрепление всеобщего мира и безопасности, на ликвидацию опасных очагов вооруженных конфликтов. Важное значение имели замечательные успехи вьетнамского народа в отражении империалистической агрессии. Заключение 27 января 1973 г. парижского соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме оказало непосредственное воздействие на положение в Лаосе. Статья 20 этого соглашения обязывала США «положить конец всякой деятельности военного характера в Лаосе» и встать на путь соблюдения Женевских соглашений 1962 г.

Переговоры лаосских сторон завершились во Вьентьяне подписанием 21 февраля 1973 г. соглашения о восстановлении мира и достижении национального согласия в Лаосе.

В соответствии с соглашением в стране прекращались все военные действия. Предусматривалось формирование не позднее 30 дней со дня подписания соглашения Временного правительства национального единства (ВПНЕ) и Национального политического коалиционного совета (НПКС), в задачи которого входило обсуждение и представление правительству рекомендаций по важнейшим вопросам внешней и внутренней политики страны, а также оказание помощи правительству в выполнении достигнутых между лаосскими сторонами соглашений. В течение 60 дней после создания коалиционных органов власти из Лаоса должны были быть выведены все иностранные войска и военный персонал. Для создания нормальных условий для деятельности органов коалиции намечалась нейтрализация двух главных городов — Вьентьяна и Луанг-пранга.

Важное значение для революционных сил имело закрепленное в соглашении положение о том, что до проведения всеобщих выборов и создания постоянного правительства обе лаосские стороны продолжают сохранять контроль над соответствующими зонами. Таким образом, НРПЛ и ПФЛ гарантировали сохранение основной базы лаосской революции от возможных посягательств правых реакционных кругов, что, как показали последующие события, было своевременным и необходимым шагом.

Подписание вьентьянского соглашения явилось победой политической линии ЦК НРПЛ, большой победой всех патриотических прогрессивных сил страны. На основе создания третьей лаосской коалиции открывались реальные возможности для обеспечения прочного мира в стране, для построения единого независимого демократического лаосского государства. Соглашение было документом, значение которого выходило за рамки Лаоса. «Прекращение войны во Вьетнаме и Лаосе,— под-

черкивалось в приветственной телеграмме советских руководителей по случаю подписания вьентьянского соглашения, — является важным шагом в нормализации обстановки в Индокитае и в целом в Юго-Восточной Азии. Оно создает благоприятные перспективы для дальнейшей борьбы прогрессивных сил за мир и безопасность в Азии»².

* * *

С самого начала вокруг проблем политического урегулирования в Лаосе развернулась упорная напряженная борьба, накал которой в течение 1973—1975 гг. неуклонно нарастал.

ЦК НРПЛ твердо и последовательно проводил курс на то, чтобы восстановление мира и национального единства на основе выполнения вьентьянского соглашения проходило в условиях демократизации всей общественно-политической жизни страны и осуществления прогрессивных преобразований социально-экономического характера. Необходимо было создать широкий демократический фронт, который объединял бы вокруг ПФЛ трудовые слои населения, прежде всего рабочий класс и крестьянство, а также все прогрессивно настроенные элементы среди интеллигенции, буржуазных слоев, военнотружущих королевских вооруженных сил. Задача состояла в том, чтобы, опираясь на этот фронт, добиваться принятия и постепенного претворения в жизнь высшими органами третьей коалиции таких программных документов, которые отвечали бы требованиям национально-демократической революции. Важно было также использовать складывавшиеся благоприятные условия для продолжения всестороннего укрепления освобожденных районов.

Правозэкстремистские реакционные круги вьентьянской зоны, по-прежнему рассчитывая на поддержку империалистических сил, пытались любыми средствами сорвать процесс политического урегулирования. Они повели дело к тому, чтобы свести до минимума уступки демократическим силам, нейтрализовать и разобщить Патриотический фронт Лаоса, обеспечить с помощью органов коалиции проникновение и захват освобожденных районов.

Вполне понятно, что переговоры между представителями ПФЛ и вьентьянского правительства по конкретным вопросам практической реализации вьентьянского соглашения проходили в сложной обстановке и потребовали длительного времени. Противники политического урегулирования в стране неоднократно предпринимали различного рода маневры, чтобы заставить представителей вьентьянского правительства, в том числе и самого Суванна Фуму, пересмотреть заключенное соглашение и отказаться от наиболее важных его положений. Неудача этих маневров побудила наиболее экстремистские круги предпринять в августе 1973 г. во Вьентьяне попытку вооруженного мятежа. Однако мятежники потерпели полное поражение.

14 сентября 1973 г. представители лаосских сторон подписали наконец второй важный документ — протокол к вьентьянскому соглашению. В нем определялись задачи, состав и процедура формирования коалиционных органов — Временного правительства национального единства и Национального политического коалиционного совета. Конкретизировался ряд других положений, в частности о работе Центральной смешанной комиссии сторон по наблюдению за выполнением соглашения и о нейтрализации Вьентьяна и Луангпранбанга. Предусматривалось создание смешанных полицейских сил — 1000 человек для Вьентьяна и 500 че-

² «Правда», 26.II.1973.

ловек для Луангпрабанга — и выделение для обороны этих центров определенного количества войск каждой из сторон (по одному батальону для Вьентьяна и по две роты для Луангпрабанга).

В апреле 1974 г. завершилось формирование высших органов власти третьей коалиции. Правые силы, понимая бесперспективность открытых выступлений, которые не нашли бы поддержки не только среди лаосского населения, но и даже у их империалистических покровителей, вынуждены были с учетом общего развития обстановки в Индокитае и за его пределами согласиться на политическое урегулирование в Лаосе, поскольку альтернативой этому могло явиться лишь возобновление вооруженной борьбы. Лаосская реакция изменила тактику и сделала упор на том, чтобы, консолидировав свои ряды, противопоставить ПФЛ единый фронт вьентьянской зоны. Не выступая на словах против процесса внутреннего урегулирования, она пыталась затормозить его осуществление и по возможности направить в выгодное для себя русло.

Крупным успехом революционных сил явилось принятие коалиционными органами разработанного ЦК НРПЛ основополагающего документа — Программы мира, независимости, нейтралитета, демократии, единства и процветания Королевства Лаос. Собранный в мае 1974 г. на свою первую сессию Национальный политический коалиционный совет единогласно принял проект указанной программы, а также проект Положения о гарантиях демократических свобод граждан. Оба проекта были направлены на одобрение Временного правительства национального единства. Однако их рассмотрение в правительстве вызвало возражения некоторых реакционно настроенных деятелей вьентьянской группировки, которые выступили против наиболее демократических положений проекта программы. Вторая сессия НПКС, состоявшаяся в декабре 1974 г., окончательно одобрила проект программы, который после этого был утвержден и правительством.

Такое решение вопроса о программе развития Лаоса во многом объяснялось благоприятными изменениями в развитии внутривнутриполитической обстановки в стране. Благодаря настойчивой деятельности НРПЛ и ПФЛ к этому времени были достигнуты определенные успехи в деле претворения вьентьянского соглашения. Проект программы был доведен до сведения демократической общественности страны и встретил широкую поддержку со стороны студенчества, рабочих, интеллигенции, служащих, солдат, которые выступили с требованиями скорейшего принятия этого документа.

Новая программа развития Лаоса, включавшая 18 пунктов, намечала решение целого ряда важнейших политических, социальных и экономических задач, вставших перед лаосским народом на его пути к национальной реконструкции во всех областях жизни. Среди основных задач большое место заняли вопросы претворения в жизнь вьентьянского соглашения и протокола к нему, борьба против подрывной деятельности империализма и его агентуры внутри страны, укрепление национальной независимости Лаоса, развитие отношений дружбы и солидарности с другими странами, в первую очередь с соседями Лаоса. Программа намечала широкие мероприятия по развитию экономики и культуры страны, улучшению условий жизни народа и т. д. В ней подчеркивалась важность создания общественного сектора экономики и одновременно предусматривалась поддержка государством национального капитала и смешанных предприятий. Четко и конкретно ставилась задача покончить с экономической отсталостью, наладить нормальные хозяйственные связи между всеми районами страны.

Национальный политический коалиционный совет во главе с Суфанувонгом, в котором представители ПФЛ вместе с поддерживавшими их деятелями вьентьянской зоны имели прочные позиции, начинал играть все более видную роль. Учитывая развитие обстановки в стране, революционные силы повели работу в том направлении, чтобы НПКС постепенно взял на себя функции законодательного органа страны, заменив существовавшее во вьентьянской зоне Национальное собрание, которое было избрано путем проведения сепаратных выборов и не признавалось патристическими силами. Несмотря на противодействие правых, в результате сложной политической борьбы революционным силам удалось добиться отмены проведения очередной сессии вьентьянского Национального собрания в мае 1974 г. После того как группа депутатов попыталась спровоцировать беспорядки во Вьентьяне, чтобы помешать нормальной деятельности коалиционных органов, Временное правительство по предложению представителей ПФЛ высказалось за роспуск Национального собрания как сбирца лаосской реакции. Однако из-за сильнейшего сопротивления ультраправых элементов декрет о его роспуске был окончательно оформлен только в апреле 1975 г.

Успехи в деятельности революционных сил были связаны в первую очередь с тем, что курс НРПЛ — ПФЛ на обеспечение мира в стране, на демократизацию общественной жизни и решение неотложных экономических задач отвечал интересам широких слоев населения вьентьянской зоны. В поддержку этого курса выступили и многие прогрессивно настроенные вьентьянские деятели. В глазах народных масс НРПЛ и ПФЛ являлись единственной организованной силой, которая предлагала конкретную программу ликвидации экономической отсталости и политической зависимости Лаоса от империалистических держав, программу построения мирного, независимого, демократического лаосского государства.

Начавшийся процесс политического урегулирования способствовал развитию общественного сознания широких слоев населения вьентьянской зоны. Используя благоприятные возможности, НРПЛ и ПФЛ развернули активную работу среди рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, мелкобуржуазных слоев, военнослужащих королевской армии. Усилившиеся выступления студенчества, рабочих, служащих с требованиями улучшения материального положения, борьбы против коррупции в государственном аппарате, злоупотребления властью, против сохранившихся феодальных пережитков поддерживались представителями НРПЛ и ПФЛ, которые стремились придавать таким выступлениям политическую направленность.

Новым элементом в развитии политической обстановки во вьентьянской зоне стали организованные выступления населения и даже военнослужащих королевской армии против засилия местных реакционеров, за улучшение условий жизни, в поддержку политического курса ПФЛ. Первым таким выступлением явилось движение солдат гарнизона королевской армии в городе Уэйсай (северо-западный Лаос) в декабре 1974 г. Солдаты потребовали повышения зарплаты, а также смещения реакционного командования. Правительство вынуждено было признать справедливость основных требований солдат и пошло на их удовлетворение.

Это событие вызвало серьезную озабоченность среди правозэкстремистских кругов вьентьянской зоны, которые увидели в нем красноречивый симптом того, что их главная опора — королевская армия — выходит из повиновения. Были предприняты соответствующие меры, с тем чтобы не допустить повторения подобных событий. Поэтому, когда в январе 1975 г. в городе Тхакеке население выступило против произвола мест-

ных властей и выдвинуло аналогичные требования, реакционная администрация и военщина использовали войска для подавления мирных демонстраций.

Однако ни применение репрессий, ни усиление противодействия правых элементов, не выполнявших указания коалиционных властей и занимавшихся явно провокационной деятельностью, не могли уже приостановить широко развернувшиеся в масштабе всей страны процессы полевения масс, их постепенного перехода на позиции НРПЛ и ПФЛ, выступавших с лозунгами решения задач национально-демократической революции.

Позитивные изменения в Лаосе с удовлетворением были встречены в социалистических странах, среди прогрессивной общественности мира. Советский Союз подписал с коалиционным правительством ряд соглашений об оказании помощи лаосскому народу путем поставок товаров первой необходимости. Одновременно, учитывая большие трудности в стране, связанные с отсутствием транспорта, в Лаос было направлено несколько советских самолетов для организации регулярного сообщения между важнейшими центрами.

* * *

В начале мая 1975 г. по призыву НРПЛ и ПФЛ во вьентьянской зоне стало разворачиваться массовое народное движение за устранение препятствий на пути к полному претворению в жизнь соглашения о восстановлении мира и достижении национального согласия. Во Вьентьяне, Саваннакете, Паксе и других городах прокатилась волна демонстраций и митингов, участники которых требовали вывода из состава коалиционного правительства реакционных элементов, прежде всего министра обороны Сисук На Чампассака, и увольнения из рядов королевской армии правых офицеров, тесно связанных с ЦРУ и выступавших против политического урегулирования.

Под давлением общественности Сисук На Чампассак, министр финансов Нгон Сананикон, а также два госсекретаря от правой группировки вышли в отставку и тайно бежали в Таиланд. Их примеру последовала группа высокопоставленных офицеров королевской армии.

Исполняющим обязанности министра обороны Лаоса стал госсекретарь по вопросам обороны генерал Кхаммуан Буфа, представитель патриотических сил. Всем воинским частям было предложено подтвердить свою лояльность коалиционному правительству и политическому совету.

В середине мая 1975 г. в центре освобожденной зоны в городе Виенгсае состоялось расширенное заседание ЦК НРПЛ и ЦК ПФЛ, на котором была обсуждена складывавшаяся в стране политическая обстановка и намечены очередные задачи. Формулируя главное направление деятельности революционных сил, председатель ЦК ПФЛ Суфанувонг подчеркнул в своем докладе: «Мы должны всемерно поддерживать патриотическую борьбу народа за превращение нашей страны в подлинно единое, независимое, демократическое, нейтральное государство»³.

Массовое демократическое движение в городах и сельских районах вьентьянской зоны продолжало нарастать. Из местных административных органов убирались наиболее реакционные чиновники, их места явочным порядком с одобрения народных масс занимали патриотические деятели. Во Вьентьяне было объявлено о роспуске наиболее влиятельных правых партий и организаций. Состоялись демонстрации протеста про-

³ «Правда», 18.V.1975.

тив подрывной деятельности в Лаосе ЦРУ и других американских организаций. Коалиционное правительство приняло решение запретить в стране деятельность американского управления по оказанию помощи (ЮСАИД) и закрыть многочисленные отделения этого управления, персонал которых достигал 800 человек.

Важным моментом явилось активное участие в массовом движении военнослужащих королевской армии, выступивших в поддержку политического курса НРПЛ — ПФЛ. По просьбе воинских частей королевских вооруженных сил (КВС), поддержанных населением, в ряд городов южного Лаоса вступили подразделения Народно-освободительной армии с целью совместного поддержания порядка и безопасности и противодействия подрывной деятельности реакционных элементов. На улицах Тхакека, Саваннакета, Паксе проходило братание военнослужащих НОАЛ и КВС, тысячи жителей приветствовали бойцов патриотических сил. Коалиционное правительство поддержало эту инициативу, и в последующем подразделения НОАЛ вошли во все основные центры вьетнамской зоны, создав тем самым условия для фактического объединения двух зон и слияния вооруженных сил лаосских сторон.

Все эти события создали благоприятные условия для осуществления в стране под руководством Народно-революционной партии задач очередного этапа национально-демократической революции. На местах стали возникать народно-революционные комитеты, которые постепенно заменяли назначенных ранее правительством губернаторов провинций, префектов городов, начальников уездов. Народные массы брали власть в свои руки, создавая новые органы власти. Этот революционный процесс, проходивший в стране в течение лета 1975 г., завершился 23 августа грандиозным митингом во Вьентьяне, на котором были избраны городской и провинциальный народно-административные комитеты. Во главе новой администрации встали представители НРПЛ.

В результате массового демократического движения, которое развернулось в Лаосе в мае — августе 1975 г., революционные силы во главе с НРПЛ, значительно упрочив позиции, взяли в свои руки основные рычаги власти. Сложилось своеобразное положение, когда при монархическом строе в рамках сохранявшихся коалиционных органов власти руководящей силой в стране являлась Народно-революционная партия. Новому революционному содержанию уже не соответствовала старая форма существования лаосского общества.

Созванный 1 декабря 1975 г. Национальный конгресс народных представителей призван был организационно закрепить победу революционных сил. Провозглашение Лаосской Народно-Демократической Республики явилось выдающейся победой лаосского народа, его боевого авангарда — Народно-революционной партии. «Это историческое событие, — говорилось в телеграмме товарища Л. И. Брежнева генеральному секретарю ЦК НРПЛ Кейсону Фомвихану, — достойно венчает 30-летнюю героическую борьбу лаосских патриотов против империалистических интервентов и сил местной реакции, за свободу, независимость и единство родины»⁴.

Президентом молодой лаосской республики стал председатель ЦК ПФЛ Суфанувонг. В новое правительство, которое возглавил генеральный секретарь ЦК НРПЛ Кейсон Фомвихан, вошли видные лаосские деятели, многие годы активно участвовавшие в решении задач революционной, антиимпериалистической борьбы. Делегаты конгресса с удовлетворением восприняли решение короля Шри Саванг Ваттханы добро-

⁴ «Правда», 6.XII.1975.

волью отречься от престола и стать гражданином новой республики, ибо дряхлость лаосской монархии, превратившейся в отживший атрибут прошлого, — была очевидна для всех.

* * *

Приход к власти в Лаосе революционных сил без организации вооруженного восстания оказался возможен благодаря гибкому и умелому использованию ими богатого арсенала политических средств борьбы, благоприятных внутренних и внешних условий.

Среди внутренних факторов первостепенное значение имел тот факт, что во главе лаосских революционных и прогрессивных сил стояла марксистско-ленинская партия рабочего класса — НРПЛ, которая в течение ряда лет вела огромную организационную, политическую и воспитательную работу по объединению и сплочению широких народных масс, по их мобилизации на борьбу против иностранной агрессии и внутренней реакции, за осуществление в стране национально-демократической революции.

Важное значение имело заключение вьентьянского соглашения от 21 февраля 1973 г., которое, устранив главное препятствие для развития лаосской революции — империалистическое вмешательство, создало необходимые предпосылки для урегулирования двумя лаосскими сторонами внутренних проблем политическими средствами, создало условия для успешного развития в стране революционного процесса.

Активная работа представителей НРПЛ и ПФЛ в коалиционных органах власти, выдвижение развернутой политической программы, предусматривавшей решение важных задач национально-демократического характера, использование ими всех появившихся возможностей для работы среди народных масс вьентьянской зоны — все это способствовало образованию вокруг революционного ядра широкого демократического фронта, выступившего в поддержку политической линии НРПЛ.

В ходе упорной и сложной политической борьбы, которую вели НРПЛ и ПФЛ, основная масса населения вьентьянской зоны открыто выступила против существовавшего порядка и потребовала изменения политической структуры общества.

Силы лаосской реакции, представленной различными правыми и ультраправыми политическими группами и семейными кланами, были значительно ослаблены, особенно после майских событий, а их влияние в народных массах было сведено к нулю. Резко изменилось морально-политическое состояние личного состава королевской армии, являвшейся до этого основной опорой вьентьянской группировки: солдатские массы вместе с прогрессивно настроенными офицерами в основном солидаризировались с выступлениями трудящихся.

Сильной стороной лаосских революционеров являлось то, что они постоянно могли опираться на крепкий и надежный тыл — освобожденные районы.

Внутренние факторы, обеспечившие мирный путь развития революции в Лаосе, в огромной степени могли проявить себя в результате исключительно благоприятных внешних условий. Активная внешнеполитическая деятельность ЦК КПСС и Советского правительства, направленная на дальнейшее углубление процесса разрядки напряженности, обеспечение прочного мира, на решение основных проблем современности, содействовала важным позитивным сдвигам в мире, в том числе и в районе Индокитая. Выступая на XXV съезде КПСС, генеральный секретарь ЦК НРПЛ, премьер-министр Лаоса Кейсон Фомвихан особо подчеркнул

«огромную и важную помощь и поддержку делу революционной борьбы лаосского народа», которую оказывали и оказывают ему Коммунистическая партия Советского Союза и советский народ⁵.

Существенное воздействие на ситуацию в Лаосе оказали коренные изменения в военно-политической обстановке в Южном Вьетнаме и в Камбодже, связанные с победами революционных и патриотических сил. Возможности империализма в плане оказания давления и вмешательства во внутренние дела Лаоса оказались ограниченными как следствие подрыва его военно-политической системы в этом районе в целом.

На стороне справедливого дела лаосского народа, как и народов Вьетнама и Камбоджи, постоянно выступали братские социалистические страны, все прогрессивные силы мира, которые оказывали и оказывают ему большую помощь и поддержку. Особо тесные узы союзнических отношений сложились за долгие годы борьбы у лаосских революционных сил с соседней страной — Демократической Республикой Вьетнам.

Ныне лаосский народ под руководством Народно-революционной партии приступил к коренной социально-экономической перестройке своей страны. Принятая в декабре 1975 г. программа действий предусматривает сплочение и объединение всего лаосского народа для полного завершения национально-демократической революции. Первостепенная задача заключается в том, чтобы быстрее восстановить подорванную длительной войной экономику и, освободив ее от сохранившихся феодальных пут, добиться существенного подъема всех отраслей. Таким образом, намечается постепенный переход к созданию в дальнейшем основ социалистического народного хозяйства. Именно в этом лаосский народ видит единственный путь для построения новой свободной и счастливой жизни.

Как было подчеркнуто в совместном советско-лаосском заявлении, подписанном по окончании официального визита в СССР (19 апреля — 5 мая 1976 г.) делегации Народно-революционной партии Лаоса и правительства ЛНДР во главе с Кейсоном Фомвиханом, «верный принцип пролетарского интернационализма, Советский Союз, как и прежде, будет поддерживать лаосский народ, вставший на путь строительства нового общества».

⁵ «Правда», 27.11.1976.

⁶ «Правда», 5. V. 1976.

Трудный этап в развитии Японии

А. И. Иванов

В декабре 1974 г. японское правительство, возглавлявшееся премьер-министром К. Танака, ушло в отставку. Оказавшись не способным вывести страну из экономических затруднений, оно вызвало массовое недовольство и критику не только со стороны оппозиции, но и со стороны многих единомышленников по Либерально-демократической партии. Для быстрого ухода с поста главы правительства К. Танака, который в свое время был разрекламирован как «народный» премьер, вышедший чуть ли не из самых «низов» японского общества, имелись и другие веские основания. Этот «представитель простого народа» оказался замешанным в многочисленных финансовых операциях столь скандального характера, что правящей верхушке страны пришлось принять срочные меры, чтобы замять «дело Танака», бросившее мрачную тень на Либерально-демократическую партию и методы ее правления.

ЛДП срочно нуждалась в новом лидере с незапятнанной репутацией, чтобы быстро преодолеть кризис власти и восстановить пошатнувшийся престиж правящей партии. Взоры японских монополий были обращены к видному деятелю ЛДП Такэо Мики — человеку, который, исходя из своих соображений, резко критиковал политику прежнего правительства и был известен умением находить общий язык с оппозицией. По убеждению политиков консервативного лагеря, Т. Мики больше всего подходил для роли «умиротворителя страны» и предотвращения дальнейшего падения престижа либеральных демократов.

Углубление экономического кризиса и маневры ЛДП

В программной речи, с которой Т. Мики выступил в январе 1974 г. в парламенте, новый премьер-министр не скупился на обещания. Он провозгласил политику стабилизации цен, обещал изменить стратегию японской экономики, уделив особое внимание «совершенствованию общественного благосостояния» и «обеспечению принципа социальной справедливости». Он заявил о своем намерении проводить «чистую политику», пересмотреть «антимонополистическое законодательство», «демократизировать» ЛДП, завязать конструктивный «диалог с оппозицией».

Что же удалось реально сделать японскому правительству во главе с Т. Мики?

Самой трудной проблемой, с которой столкнулось правительство Т. Мики, явился продолжающийся экономический кризис, начало которого относится к концу 1973 г. Выявилось, что нынешний кризис не только самый продолжительный, но и самый глубокий из всех, которые имели место в послевоенной истории страны. Не оправдались завершения нового правительства о том, что с лета 1975 г. экономика страны быстро пойдет в гору.

Январь — февраль прошлого года оказались для Японии «дном» кризиса. Но если в отдельных отраслях промышленности позже стало наблюдаться некоторое оживление, то положение в других, напротив, резко ухудшилось. Выпуск продукции в таких важных отраслях, как черная и цветная металлургия, нефтепереработка и нефтехимия, станкостроение, целлюлозно-бумажная и цементная промышленность, резко снизился. С мрачными перспективами столкнулось и японское судостроение.

Сроки восстановления достигнутого Японией два с лишним года назад уровня промышленного производства относятся теперь, по расчетам японских специалистов, лишь к 1977 г. Так, согласно прогнозу Федерации экономических организаций (Кэйданрэн), на конец 1976 финансового года (то есть в марте 1977 г.), индекс промышленного производства будет на 9 пунктов ниже уровня наивысших показателей, относящихся к октябрю — декабрю 1973 г., а загрузка имеющихся производственных мощностей составит всего 89,7%¹.

Вступив на пост главы правительства, Т. Мики обещал уделить первоочередное внимание выводу Японии из экономического тупика, особенно борьбе с инфляцией. Конкретные меры в этой области должен был разработать вновь созданный экономический совет из ведущих членов правительства во главе с заместителем премьер-министра Т. Фукуда.

Экономический совет признал крах прежней политики «быстрого роста экономики» и с первых дней своей работы наметил курс «умеренного и устойчивого развития». В целях стабилизации экономики совет наметил меры по ограничению кредитов и совокупного спроса, в том числе за счет сокращения государственных расходов. Из заявления совета о «зависимости успеха или неудачи в борьбе с инфляцией от изменений в заработной плате»² видно было, что главное направление поисков путей преодоления экономических трудностей лежало в плоскости усиления эксплуатации трудящихся. Т. Мики, как и его предшественники, выступил в поддержку японских монополий, требовавших ужесточения позиции в отношении японских трудящихся, все настойчивее добивающихся повышения своего жизненного уровня. Приступив к «диалогу» с руководителями японских профцентров, Т. Мики неопределенно заявлял, что правительство «не будет вмешиваться в переговоры о зарплате между трудом и капиталом», но будет создавать обстановку для установления заработной платы «на разумной основе»³.

Поддерживая в принципе линию капитала на замораживание заработной платы, правительство в середине 1975 г. вопреки собственным призывам к борьбе с инфляцией стало настойчиво добиваться в парламенте одобрения намеченного им повышения цен на товары и услуги государственного сектора экономики. К концу года ему удалось провести законопроект о весьма значительном повышении цен на табачные изделия, алкогольные напитки, почтовые услуги. Этот акт означал фактическое одобрение и поощрение взвинчивания цен на товары массового потребления, производимые частными предприятиями.

Хотя темпы роста потребительских цен по сравнению с 1974 г. несколько замедлились, они и в 1975 г. оставались исключительно высокими. Инфляцию, таким образом, остановить не удалось.

В конце 1975 г. официальные статистические органы сообщили, что индекс розничных цен в зоне Токио вырос до 171,1 (1970 г. = 100), при-

¹ «Никкан когё симбун», 10.XII.1975.

² «Daily Yomiuri», 18.XII.1974.

³ «Japan Times», 27.XII.1974.

чем по сравнению с 1974 г. цены поднялись в среднем на 12%. Самый высокий рост цен отмечался на товары и услуги массового спроса. Это означало удар прежде всего по бюджету трудовых семей. Так, в течение года плата за обучение возросла на 29,3%, за содержание детей в дошкольных учреждениях — на 16,9, за пользование транспортом и услугами связи — на 16,5, за электроэнергию и газ — на 14,4, цены на рис и другие основные продукты питания — на 17,7%⁴.

В нынешнем году правительство поднимает цены за проезд на государственных железных дорогах на 50%, удваивает плату за обучение в государственных высших учебных заведениях, повышает плату за пользование радио и телевидением и т. д. Показатели роста цен закладываются правительственными органами и в перспективные планы развития экономики на последующие годы.

Один из главных способов выхода из кризисного положения, широко применяемый капиталистическими предпринимателями, — экономия рабочей силы. «Рационализация производства», «регулирование найма рабочей силы» стали, пожалуй, своеобразной стратегией монополий в условиях экономического кризиса. В результате этого безработица в Японии, как пишет газета «Майнити», является сейчас проблемой не только для трудящихся мелких и средних предприятий, которых она еще ранее захлестнула большой волной, эта проблема «затронула и рабочих крупных предприятий»⁵. Массовые увольнения в ходе «рационализации производства» осуществлялись в 1974 г. главным образом в текстильной и электротехнической промышленности, а в 1975 г. они имели место в судостроении, металлургии и других отраслях. По сообщениям японской прессы, «регулирование найма» происходит на 3/4 предприятий страны.

В первую очередь предприятия освобождаются от рабочих, имеющих статус «временных», которые заняты на черновой работе и не пользуются правами кадрового состава даже и при многолетней работе на одном заводе. Временный найм особенно характерен для такой отрасли, как судостроение, где его удельный вес чрезвычайно высок. Временные рабочие увольняются без каких-либо выходных пособий. А в отношении кадровых рабочих на крупных предприятиях применяются увольнения «по собственному желанию», перемещения на другие работы или другие заводы, им предлагают выходить в принудительные, неоплачиваемые отпуска и т. д.

По статистике министерства труда Японии, в 1975 г. пик безработицы пришелся на март, когда число полностью безработных составило 1 млн. 120 тыс. К концу года оно устойчиво превышало 1 млн., а в марте 1976 г. приблизилось к 1,3 млн. человек. Заметим, что к полностью безработным в Японии относят лиц, которые в последнюю неделю месяца, когда производится обследование, не работали где-либо более одного часа. Если человек выполняет временную или надомную работу свыше одного часа в неделю, он в безработные не зачисляется. Японские профсоюзы, глубоко изучающие проблему занятости, считают, что правительственная статистика резко занижает данные по безработице. Они называют цифры безработных в 3 раза более высокие, чем официальные данные правительства.

Своего рода амортизатором для монополий при столкновении с различными экономическими трудностями является система их отношений с мелкими и средними предприятиями. Монополии взвинчивают цены на

⁴ «Акахата», 27.XII.1975.

⁵ «Майнити симбун», 14.X.1975.

сырье и полуфабрикаты, отпускаемые мелким предприятиям, выполняющим их заказы, и в то же время стараются принимать изготовленную субподрядчиками продукцию по возможно более низким ценам. Невыгодные условия, в которые поставлены мелкие предприятия, видны из того, что к марту 1975 г. по сравнению с октябрем 1973 г. оптовые цены на продукцию обрабатывающей промышленности выросли по крупным предприятиям на 27,1%, а на продукцию мелких и средних предприятий — всего лишь на 12,3%, то есть в два с лишним раза меньше⁶. К тому же крупные предприятия иногда просто отказывались от оказывавшихся им ранее услуг мелких предприятий, переставали делать им заказы, налаживая производство деталей и т. д. на своих заводах. Пользуясь финансовым и техническим превосходством, крупный капитал проникает в традиционные сферы господства мелких предприятий, создавая собственные предприятия, например, в сфере услуг.

Дешевый труд рабочих и мелких средних предприятий способствовал в конечном счете сохранению высоких прибылей японских монополий. Но не каждому из мелких и средних предприятий удается в этих условиях выжить. Кризис ускоряет процесс их разорения. Уже в 1974 г. было зарегистрировано около 11,7 тыс. банкротств мелких и средних предприятий, но и этот послевоенный рекорд был быстро перекрыт: в 1975 г. число банкротств составило 12,6 тыс. Они происходили во всех отраслях хозяйства — в обрабатывающей промышленности, строительстве, торговле, сфере услуг⁷.

В условиях экономического спада еще резче обострились проблемы, имеющие отношение к удовлетворению материальных и культурных потребностей трудящихся, — жилищная, здравоохранения, социального обеспечения, образования и т. д. Значительно сокращено, например, жилищное строительство, и в то же время часть построенных жилищ остается незастроенной из-за непомерно высокой квартплаты, которую назначают домовладельцы. Правительство отказалось от выполнения прежнего решения о предоставлении бесплатной медицинской помощи лицам старше 70 лет, то есть той категории населения, которая особенно сильно ощущает последствия инфляции. Непрерывно растет плата за образование, бывшая и без того баснословно высокой во всех частных учебных заведениях, на долю которых приходится $\frac{4}{5}$ всех студентов страны.

По личному указанию Т. Мики его ближайшие соратники — специалисты в области экономики разрабатывают сейчас «план жизненного цикла». Наметки плана были опубликованы в сентябре прошлого года. Составители документа стремятся придать благопристойный вид политике либеральных демократов, убедить население страны в том, что Мики и его правительство заботятся исключительно о построении в Японии «общества благосостояния для всех». Планом намечается создать «систему образования, дающую возможность каждому где-нибудь и когда-нибудь учиться», «условия для получения жилища каждым при его собственных усилиях», «систему социального обеспечения, гарантирующую каждому национальный минимум», «общество, в котором каждому обеспечена спокойная старость». Однако прогрессивные японские экономисты, анализируя реальное содержание «плана жизненного цикла», пришли к выводу, что в его основе лежит замысел создать такую систему, при которой все периоды жизни населения включаются в цикл накопления монополистического капитала, и сделать так, чтобы

⁶ «Дзэнъэй», 1975, № 10, стр. 142.

⁷ «Майнити симбун», 14.I.1976.

проблемы благосостояния решались в духе «самопомощи» и «собственных усилий»⁸.

Действительно, что касается, например, жилищной проблемы, то «собственные усилия» означают, что рабочий или служащий, выделяя из своей зарплаты не менее 20%, должен за 6—13 лет накопить большую сумму вступительного взноса, а затем еще расплачиваться в течение 20 лет до полной выплаты стоимости жилья⁹. К тому же, поскольку за время накопления необходимой суммы цены на землю и за строительство неизбежно возрастают, это еще более отдаляет и без того малодоступную мечту о «собственном домике с садом» или о «благоустроенной квартире». Если же рабочий или служащий пойдет на столь большие затраты в ущерб другим своим неотложным потребностям, то это и явится его «включением в цикл накопления монополистического капитала», поощрением частной индустрии жилищного строительства, движимой целью получения максимальной прибыли.

Глубокий, затяжной экономический кризис, поразивший Японию, не является следствием случайного стечения обстоятельств, это закономерный результат развития японской экономики по капиталистическому пути, как части мировой системы капитализма. Он наглядно демонстрирует трудящимся массам страны противоречия капиталистической общественной системы, показывая, что высшим принципом деятельности капитала является получение максимальной прибыли и, руководствуясь этим принципом, капитал игнорирует интересы труда, большинства населения страны.

Факты показывают, что политика нынешнего правительства, по существу, не отличается от политики предыдущих кабинетов, формировавшихся либеральными демократами. Столкнувшись с экономическими трудностями, оно защищает интересы крупного капитала и пренебрегает нуждами большинства населения, а во внешней политике считает своей первоочередной задачей сохранение и укрепление позиций японских дзайбацу на мировых рынках.

Вместе с тем в методах деятельности, направленной на обеспечение интересов японских монополий, у кабинета Т. Мики отмечаются и некоторые особенности. Это прежде всего — более тонкое сочетание игры в «демократию» с фактическим наступлением на демократические права трудящихся и их организаций.

Такие методы наглядно выявились в ходе двух парламентских сессий 1975 г. Известны неоднократные заявления Т. Мики о его желании оградить парламентские выборы от влияния «денежного мешка» и защищать «парламентскую демократию». Характерным в этом отношении является выдвижение им проекта об усилении отдельных положений так называемого «антимонопольного закона», ставящего некоторые стороны деятельности монополий под контроль комиссии по «справедливой торговле». Такой необычный шаг для либеральных демократов, поставивших себя на службу того же «денежного мешка», был вызван слишком явными злоупотреблениями монополий, которые привели не только к недовольству громадного большинства населения, но и затрудняли предпринимательскую деятельность мелкой и средней буржуазии — одной из главных опор ЛДП. Неоднократно пересматривавшийся правительством в сторону смягчения законопроект получил одобрение палаты представителей. Но дальнейшее его прохождение в пар-

⁸ «Дзэнгэй», 1975, № 11, стр. 209.

⁹ Там же, стр. 212.

ламенте было приостановлено теми же либеральными демократами по указке монополий.

Правительство представило в парламент два законопроекта, имеющих отношение к порядку проведения парламентских выборов. Первый — о регулировании политических фондов — создавал видимость законодательного контроля над финансированием политических партий и их кандидатов на парламентских выборах. Но фактически он открывал широкие возможности поддержки крупным капиталом кандидатов правящей партии и одновременно затруднял финансовую поддержку прогрессивных кандидатов со стороны трудящихся слоев населения, демократических организаций. Этот законопроект встретил сопротивление всех оппозиционных сил. Фракция ЛДП вопреки заверениям об уважении «парламентской демократии» игнорировала их мнение. Она провела свой законопроект в парламенте большинством всего в один голос.

Второй законопроект правительства и либеральных демократов вводил ограничения на использование партийных печатных органов для предвыборной пропаганды (распространение их специальных выпусков и т. п.). Ни у кого не вызывало сомнения, что этот законопроект был направлен прежде всего против Компартии Японии и партии Комэйто, располагающих собственными ежедневными газетами, но по вполне понятным причинам имеющих ограниченные возможности обращаться к дорогостоящим услугам коммерческих средств массовой информации. Более того, в перспективе законопроект не выгоден и для СПЯ, поскольку и внутри этой партии, не имеющей финансовой поддержки крупного капитала, активно обсуждается проблема перехода к ежедневному выпуску своей газеты.

Что же касается ЛДП, то для нее нет особой необходимости издавать собственную ежедневную газету и специальные предвыборные листки, поскольку основные средства массовой информации находятся в руках капитала, контролируются монополиями. Против реакционного предложения правительства решительно выступали депутаты КПЯ и Комэйто, они были поддержаны массовыми демократическими организациями, в том числе Сохэ и рядом крупных отраслевых профсоюзов. Но и этот законопроект был проташен через парламент, причем голосовали за него не только депутаты ЛДП, но также и парламентарии от СПЯ и ПДС.

Со второй половины 1975 г. все важные законопроекты либеральные демократы проводили своими односторонними действиями, полностью забыв заверения своих лидеров об «уважении парламентской демократии», не считаясь с мнением оппозиционных партий. Так было, например, при принятии законов о повышении цен, о бюджете, о выпуске государственного займа на покрытие бюджетного дефицита, имевших целью «стимулировать» капиталистическое предпринимательство, помочь ему выйти из кризиса путем мобилизации государственных средств, восполняемых из кармана трудящихся.

Классовые схватки продолжают

По мере рассеивания иллюзий в отношении нового правительства ЛДП массовые выступления трудящихся становятся более активными и ожесточенными.

В 1975 г. трудящиеся страны провели традиционное «весеннее наступление», организованное Объединенным комитетом весенней борьбы (профсоюзы Сохё, Тюрицу рорэн, ряд независимых профсоюзов). В условиях продолжающегося экономического кризиса трудящиеся требовали повышения заработной платы, обеспечивающего сохранение жизненного уровня при непрекращающемся росте цен, введения единого гарантированного минимума заработной платы, принятия эффективных мер по борьбе с инфляцией и обузданию роста цен, установления контроля за прибылями монополий и борьбы со спекуляцией, улучшения системы социального обеспечения и здравоохранения, предоставления права на забастовку работникам государственных предприятий. Были выдвинуты и такие политические лозунги, как ликвидация японо-американского военного союза, недопущение милитаризации страны и др. Требования трудящихся адресовались как предпринимателям, так и правительству.

«Весеннее наступление» 1975 г. встретилось с ожесточенным сопротивлением капитала, развернувшего при поддержке правительства кампанию пропаганды под лозунгом, будто повышение заработной платы трудящихся является главной причиной инфляции. К тому же, как впоследствии признано самими профсоюзами, их действиям недоставало согласованности, размаха и боевитости. В результате требования о повышении зарплаты были удовлетворены лишь частично и в более поздние сроки по сравнению с предыдущими годами. По данным японского министерства труда, основанным на результатах обследований части предприятий с числом занятых свыше 100 человек, в 1975 г. рост заработной платы в среднем составил 13,1%, то есть был в два с лишним раза меньше того, что требовали трудящиеся. Другие требования профсоюзов правительство и владельцы предприятий оставили без внимания.

Ухудшающееся положение японских трудящихся требовало подготовки японских профсоюзов к новым упорным боям с капиталом в защиту жизненных интересов рабочего класса. Ход событий показал, что не менее серьезной задачей, чем требование повышения зарплаты, является борьба против нарастающей угрозы массовой безработицы. «Мы хотим, — говорил генеральный секретарь Сохё С. Оки, — во второй половине года придать проблеме безработицы более важное значение, чем проблеме роста цен, поскольку проблема безработицы — это вопрос жизни для рабочих»¹⁰.

Осенняя борьба японских профсоюзов, развернувшаяся со второй половины ноября 1975 г., приняла более острый характер. На первый план было выдвинуто требование обеспечения занятости. Трудящиеся Японии протестовали также против шагов правительства, направленных на резкое повышение цен на товары и услуги государственного сектора. Они выражали недоверие кабинету Т. Мики и требовали его отставки.

Несколько ранее, в день единых антивоенных действий 21 октября, в проведении которого приняли участие КПЯ, СПЯ, Сохё и другие демократические организации, японские трудящиеся продемонстрировали свое несогласие с линией правительства на укрепление военного союза с США, они требовали ликвидации так называемого «договора безопасности» и вывода вооруженных сил США с территории Японии.

Весна 1976 г. ознаменовалась новыми мощными выступлениями рабочего класса Японии. Антимонополистические и антиправительственные

¹⁰ «Нихон кэйдзай симбун», 29.IX.1975.

выступления прокатились по всей стране. Одна волна однодневных забастовок, застрельщиками которых вновь выступили рабочие транспорта, сменялась другой. Трудящиеся не ограничиваются экономическими требованиями, борьба за удовлетворение которых в условиях кризиса принимает особо острый характер. Рабочий класс сурово обличает правящие круги Японии в проведении политики, игнорирующей интересы большинства населения страны, выражает свое возмущение коррупцией, которая, как показывает скандал со взятками американской компании «Локхид», стала неотъемлемым атрибутом государственного аппарата Японии. Трудящиеся массы требуют радикального пересмотра всей государственной политики.

Вместе с тем продолжалась борьба прогрессивных сил за расширение своего влияния в органах местного самоуправления.

В настоящее время в Японии насчитывается более 200 прогрессивных органов местного самоуправления, на территории которых проживает 43% всего населения страны¹¹. Этот успех связан с налаживанием на местах сотрудничества прогрессивных сил. Совместные действия, а затем и создание единого фронта не только на местном уровне, но и в общенациональном масштабе — главное условие дальнейших успехов прогрессивных сил. Это хорошо понимают сейчас коммунисты, социалисты, представители других демократических организаций страны. Однако на пути от понимания необходимости единства до претворения этой идеи в жизнь имеются еще значительные препятствия, в том числе все еще непреодоленные антикоммунистические предубеждения в различных слоях населения страны. Демократические силы страны, и прежде всего КПЯ, ведут большую работу по преодолению этих консервативных предрассудков и отсталых настроений, которые насаждаются и культивируются в стране буржуазной пропагандой.

С этой точки зрения интересен призыв японских коммунистов к «достижению национального согласия в целях спасения страны и осуществления преобразований». Взгляды КПЯ по этому вопросу огласил К. Миямото на пресс-конференции 30 июля 1975 г. Он охарактеризовал обстановку в стране как кризис в политике, экономике, культуре и морали. С целью выхода из такого положения КПЯ призвала «всех людей, желающих мира, прогресса и улучшения жизни народа, преодолеть различия в мировоззрении и вероисповедании и, руководствуясь духом терпимости и взаимопонимания, стремиться к объединению»¹².

Базой «национального согласия подавляющего большинства, 99 процентов населения», по мнению КПЯ, могут быть выдвинутые коммунистами еще в 1971 г. три цели прогрессивных преобразований: 1) ликвидация японо-американского военного союза и обеспечение нейтралитета Японии; 2) отказ от проведения политики в интересах крупного капитала, осуществление политики защиты жизни и обеспечения условий существования народа; 3) недопущение полного возрождения и усиления милитаризма, обеспечение демократизации парламентской деятельности и утверждения демократии.

Отметив, что эти цели конкретизированы в предложениях КПЯ о программе коалиционного демократического правительства на XII съезде (ноябрь 1973 г.), К. Миямото изложил неотложные задачи нации в области экономики, внешней политики, демократизации полити-

¹¹ «Дзэнъэй», 1975, № 11, стр. 140.

¹² «Акахата», 31.VII.1975.

ческой жизни страны, культуры и морали и призвал все слои и круги общества развернуть самое широкое народное движение за их осуществление. На примере заключения соглашения между КПЯ и массовым религиозным обществом Сока гаккай¹³ председатель президиума ЦК КПЯ К. Миямото показал возможность расширения взаимопонимания и сотрудничества в решении названных им задач между разными политическими силами страны, невзирая на различия их в мировоззрении и идеологии.

Претворяя в жизнь призыв, изложенный в заявлении К. Миямото, Компартия Японии развернула диалог с различными организациями и группами населения. К ноябрю прошлого года КПЯ обратилась к 3 тыс. организаций и отдельным лицам с предложением вступить в открытый обмен мнениями по актуальным проблемам, волнующим страну, и провела более 900 посвященных этому собраний и встреч. В городах Киото и Камакура, в префектурах Канагава и Айти состоялись встречи с представителями религиозных кругов. Широко практиковалось проведение диалогов с мелкими предпринимателями, в том числе с представителями Японской федерации организаций мелких предпринимателей. На предложение КПЯ откликнулась Японская федерация ассоциаций рыболовных кооперативов.

Много встреч проведено с представителями профсоюзов, с учеными и деятелями культуры, с представителями молодежи и студенчества, женщин, спортивных кругов и т. п. Такая работа организовывалась не только на уровне центральных органов КПЯ, но и префектуральными и нижестоящими организациями КПЯ. Она способствовала, с одной стороны, разъяснению политической линии и взглядов коммунистов в разных кругах населения страны и преодолению последствий антикоммунистической буржуазной пропаганды. С другой стороны, коммунисты еще более глубоко знакомились с нуждами населения страны — рабочих, крестьян, интеллигенции, средних городских слоев, лиц разного мировоззрения и вероисповедания, различных профессий и разнообразного круга интересов. Все это ведет к созданию благоприятной атмосферы для сплочения демократических сил страны.

Как отмечает печать КПЯ, подобная работа требует от партии как повышенного внимания к разработке теоретических взглядов на будущее социалистического общества в Японии, так и конкретного ответа на ближайшие требования масс. В КПЯ ведется активная работа в этом направлении. Ее успеху может способствовать как учет особенностей конкретной исторической обстановки в Японии, так и глубокое изучение опыта международной революционной борьбы, накопленного мировым коммунистическим движением, ознакомление с опытом реального социализма в СССР и других социалистических странах.

Рассматривая объединение прогрессивных сил как главную угрозу власти крупного капитала, ЛДП стремится внести раскол в демокра-

¹³ 28 декабря 1974 г. представители КПЯ и Сока гаккай подписали соглашение сроком на 10 лет, по которому стороны дали обещание быть на стороне народа и не поддерживать власти, противоречащей его интересам, бороться против социальной несправедливости, за народное благосостояние, вечный мир, ликвидацию ядерного оружия, против неонацизма, в защиту демократии и основных прав человека. При расхождении взглядов на пути решения указанных задач стороны должны действовать в соответствии со своими принципами, а при совпадении взглядов — действовать совместно. Общество Сока гаккай заявило, что оно «не относится враждебно к научному социализму и коммунизму», а КПЯ выразила твердое намерение «при любом строе безоговорочно поддерживать свободу вероисповедания, включая и свободу религиозной пропаганды» (Полный текст соглашения см. в «Japan Press Weekly Bulletin», № 953, 2.VIII.1975).

тический лагерь страны и запугать оппозиционные партии «неизбежностью» их подчинения коммунистам, фальсифицирует историю борьбы японских коммунистов и извращает цели этой борьбы. Некоторые лидеры оппозиции, исходя из эгонистических соображений соперничества на парламентских выборах, следуют примеру либеральных демократов. Так поступил, например, лидер ПДС И. Касуга, вытащив из архива одно из «дел», состряпанных японской охранкой против руководителей КПЯ в мрачные годы военно-полицейского режима. Но такие действия идут не в ногу с жизнью. Реальная действительность, обостренные противоречия между интересами большинства населения и кучкой монополий создают объективные условия объединения прогрессивных сил страны в борьбе за мир, демократию и социальный прогресс.

Политика блоков или политика взаимовыгодного сотрудничества?

Углубление общего кризиса капиталистической системы, провалы империалистической агрессии в Индокитае и в других районах мира заставляют японские правящие круги задумываться над проблемами внешнеполитического курса. В нынешних условиях все более отчетливо выявляется противоречие многих внешнеполитических установок Японии с национальными интересами страны.

Еще в 1973—1974 гг. в Японии шла оживленная дискуссия о том, по какому пути следует пойти после того, как отгремят бои во Вьетнаме. Но весной прошлого года эта задача потребовала уже не теоретических построений, а конкретных, практических решений.

Казалось бы, индокитайский опыт должен убедить японских политиков в том, что никакой прогнивший, реакционный режим нельзя удержать поддержкой извне — ни моральной, ни экономической, ни военной, даже если эту поддержку оказывает такая могущественная держава, как США, с их громадным военным потенциалом. Но в Японии, видимо, не было сделано должных выводов из индокитайского кризиса. После позорного поражения американских агрессоров в Индокитае японская дипломатия стала все активнее втягиваться во внутренние дела Корейского полуострова, стремясь всеми средствами укрепить позиции южнокорейского диктатора Пак Чжон Хи. В Японии была инспирирована шумиха о «критическом положении» на Корейском полуострове, якобы чреватом немедленным возникновением военного конфликта, если Южная Корея не получит твердых гарантий о сохранении военного присутствия США на полуострове. Эта пропагандистская кампания призвана служить определенным политическим силам Японии средством для обоснования «необходимости» не только сохранить, но даже усилить японо-американский военный союз.

В апреле 1975 г. министр иностранных дел К. Миядзава посетил Вашингтон. На встречах с Г. Киссинджером обе стороны признали ядерный потенциал США «важным средством сдерживания нападений на Японию». Г. Киссинджер подтвердил, что США «будут выполнять по договору безопасности свои обязательства о защите Японии», а К. Миядзава обещал, что Япония продолжит выполнение собственных обязательств, взятых по этому договору¹⁴.

Военные круги Японии и США восприняли договоренность между

¹⁴ «Daily Yomiuri», 13.IV.1975.

дипломатическими ведомствами двух стран как сигнал для собственной активизации. Начальник управления обороны Японии М. Саката в мае 1975 г. потребовал от премьер-министра конкретных шагов японского правительства по координации военных планов с вооруженными силами США на основе учета «обострения военной обстановки» на Корейском полуострове. Вслед за этим в июне прошлого года Токио для обсуждения проблем военного сотрудничества посетил командующий вооруженными силами США на Тихом океане Н. Гейлер.

Демонстрация готовности Японии к участию в совместных военных усилиях на Дальнем Востоке, в частности к координации мер по поддержке южнокорейского режима, подготовила почву для последовавшего в августе прошлого года визита премьер-министра Т. Мики в Вашингтон, где он был принят как руководитель «самой дружественной к США державы», имеющей общую с американским империализмом политическую цель сохранения капиталистических порядков в странах Азии. Обе стороны сделали вид, что предали забвению острые экономические противоречия, существующие между ними, и на первое место выдвинули согласование политических проблем двустороннего и международного характера. Не успел вернуться из Вашингтона японский премьер-министр, как в США с первым за свою жизнь визитом направился император Хирохито. Официальная Америка принимала его торжественно. Демократическая общественность Японии восприняла поездку императорской особы в Вашингтон как попытку правящих кругов возродить культ японского императора и постепенно приобщить его к решению политических вопросов, что, однако, противоречило конституции страны.

Тем временем бывший министр обороны США Дж. Шлессинджер прибыл в Токио из Сеула, где он изучал военные нужды южнокорейского правительства. В ходе его переговоров с партнерами из управления обороны Японии была достигнута договоренность о создании в ближайшее время нового японо-американского консультативного органа для выработки совместной стратегии и оперативного решения других военных вопросов. Шлессинджеру не понравилось состояние вооруженных сил в Японии. «Нынешний оборонительный потенциал Японии может явиться ядром для хорошо оснащенных в техническом отношении вооруженных сил, — заявил он, — однако в настоящее время нельзя сказать, что этого достаточно для обороны Японии». Он отметил недостатки в функционировании военного аппарата своего союзника и поставил перед Японией задачу «в течение нескольких лет повысить боеспособность тыла и одновременно обеспечить качественный подъем противолодочной и противовоздушной обороны...»¹⁵.

Чуть более недели потребовалось японскому военному руководству на раздумье. На пресс-конференции, проведенной управлением обороны Японии, было заявлено о готовности до конца года разработать «новую концепцию самообороны», получившую название «план Саката». Эта концепция, инициатором которой является начальник управления обороны М. Саката, предусматривает дальнейшее развитие вооруженных сил Японии с тем, чтобы они органически вписались в «крепкую японо-американскую систему безопасности» и могли «заполнить вакуум во времени и пространстве в действенной работе этой системы»¹⁶. Иначе говоря, М. Саката требует отвести Японии роль передового эше-

¹⁵ «Майнити симбун», 30.VIII.1975.

¹⁶ «Asahi Evening News», 19.XI.1975.

лона американской военной машины при решении, например, такой задачи, как попытка спасти южнокорейский режим.

Отношение официальной Японии к этому волнующему американский империализм вопросу понравилось Вашингтону. «Чтобы снять ярлык «оппортунистической страны», — писала весной прошлого года газета «Джэпэн таймс», — Япония должна доказать, что она тоже может быть верна своим обязательствам и ее друзья, американский союзник, могут доверять ей»¹⁷. В конце 1975 г. Японии удалось заслужить похвалу американских лидеров. Президент США Дж. Форд, излагая «новую тихоокеанскую доктрину», назвал партнерство с Японией «одной из опор стратегии» США. Если верить японской прессе, то в министерстве иностранных дел Японии в свою очередь высоко отозвались о том, что Форд представил партнерство своей страны с Японией «как один из столпов американской стратегии в Азии»¹⁸.

Но отвечает ли подключение к стратегическим замыслам американского империализма в Азии, и, в частности, в Корее национальным интересам Японии? Напомним высказывание одной из газет, отражающих, как правило, взгляды японских деловых кругов: «США называют Японию своим «другом на вечные времена» и стремятся поддерживать с ней дружественные отношения, преследуя свои собственные интересы и полностью сознавая, какое значение имеет Япония для политической игры США»¹⁹.

Сложную проблему оставил своему преемнику кабинет К. Танака в области японо-китайских отношений. Нынешнему правительству предстоит реализовать обещание К. Танака оформить договор, закрепляющий нормализацию отношений. Переговоры по этому вопросу начались между Японией и Китаем в конце 1974 г. Однако в ходе их все более четко выявлялось, что китайскую сторону мало волнуют двусторонние проблемы отношений с Японией. Она свела переговоры к проблеме взаимоотношений Японии с третьей страной, не скрывая, что эта страна — Советский Союз. Другого решения пекинские руководители и не мыслили. Японские инициативы, даже выражение готовности пойти на частичные уступки, решительно отвергаются китайской стороной. Пекин требует полной капитуляции в деле безоговорочного подключения Японии к антисоветскому курсу маоистского руководства.

В Японии имеются такие политические деятели, которые не прочь связывать в один узел проблемы японо-китайских и японо-советских отношений. Они берут на вооружение теорию «равных расстояний» Японии от СССР и Китая. Если присмотреться к этой теории, то в ней можно увидеть, во-первых, спекулятивный подход к отношениям с обеими странами, надежду на получение каких-либо выгод от враждебного отношения нынешних руководителей Китая к Советскому Союзу, и, во-вторых, отказ от самостоятельного решения вопросов двусторонних отношений, исходя из национальных интересов, оглядку, например, на мнение Пекина даже при решении самых простых вопросов двусторонних торговых отношений с Советским Союзом.

В правящих кругах Японии есть еще люди, которые при решении вопросов советско-японских отношений более всего озабочены мнением Пекина. Другие делают ставку на антисоветскую карту Мао, наивно полагая, что это поможет им навязать Советскому Союзу свои условия при урегулировании нерешенных вопросов или вынудить СССР изменить его

¹⁷ «Japan Times», 13.IV.1975.

¹⁸ «Ёмиури симбун», 12.XII.1975.

¹⁹ «Санкэй симбун», 26.XI.1975.

принципиальную линию, направленную на обеспечение мира и безопасности в Азии в интересах всех народов континента.

Мало пользы Японии приносят и те деятели, которые заражены духом антисоветизма и недоброжелательства к нашей стране. Идя на поводу у внешних сил, они пытаются предъявлять Советскому Союзу необоснованные и незаконные претензии в вопросе мирного урегулирования.

Но дальновидные представители японских политических и деловых кругов активизируют свои требования расширить экономические связи Японии со всеми странами мира, в том числе и с Советским Союзом, который располагает устойчивой и не подверженной кризисам экономикой. В Японии понимают, что нельзя игнорировать все более возрастающий авторитет Советского Союза на мировой политической арене, остаться в стороне от процесса разрядки напряженности, не откликнуться на инициативные шаги Советского Союза и других стран социалистического содружества, направленные к расширению взаимовыгодных связей со всеми капиталистическими странами.

«У Советского Союза и Японии, — говорил Л. И. Брежнев в октябре 1973 г., — могут существовать по тем или иным международным проблемам или вопросам двусторонних отношений разные взгляды и разные оценки. Но мы хотели бы в интересах мира и укрепления советско-японских добрососедских отношений, чтобы сфера наших расхождений постепенно уменьшалась, а сфера согласия расширялась. Это, как мы убеждены, будет полезно не только для народов обеих наших стран, но и для всех, кому нужны и дороги мир и спокойствие на земле»²⁰.

Упрочению реалистического подхода Японии к отношениям с Советским Союзом способствует откровенный обмен мнениями государственных деятелей двух стран.

Хотелось бы привлечь особое внимание к тому факту, что в феврале 1975 г. при обмене посланиями с премьер-министром Т. Мики Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев предложил пойти по линии поисков конструктивного решения проблемы договорного оформления отношений между двумя странами, учитывающего неготовность японской стороны к заключению с Советским Союзом такого акта, как мирный договор.

Достижению более полного взаимопонимания между СССР и Японией способствовали визиты министра иностранных дел Японии К. Миядзава в Москву в январе 1975 г. и министра иностранных дел СССР А. А. Громыко в Токио в январе нынешнего года.

Прочную базу добрососедских отношений создает непрерывное расширение экономических и торговых связей СССР с Японией. Примечательными событиями прошлого года в этой области были заключение генерального соглашения о сотрудничестве двух стран в разведке и добыче нефти и газа на шельфе острова Сахалин (январь), а также соглашения по ведению рыбопромысловых операций, предусматривающего учреждение в Москве и Токио постоянных комиссий по урегулированию вопросов, связанных с рыболовством (июнь). Начало нынешнего года ознаменовано крупным соглашением о поставках японскими фирмами в Советский Союз под кредит государственного Экспортно-импортного банка Японии серии комплектов заводского оборудования и стальных труб большого диаметра для газопроводов. Хорошие перспективы дальнейшего роста объема торгово-экономических связей двух стран открываются в связи с одобренным XXV съездом планом развития народного хозяйства СССР на десятую пятилетку.

²⁰ «Правда», 9.X.1973.

Успешно развиваются советско-японские научно-технические и культурные связи. Большого объема достигли связи по линии общественных организаций, особенно профсоюзный обмен. Все это, вместе взятое, создает базу для упрочения и расширения советско-японских отношений в духе мира, дружбы, добрососедства.

Убеждаясь во взаимовыгодности деловых отношений с Советским Союзом, японские политические и деловые круги принимают меры к развитию связей и с другими социалистическими странами. Только в течение 1975 г. связи Японии со странами социализма ознаменовались рядом важных событий. Среди них — переговоры в Токио правительственной делегации ГДР во главе с первым заместителем председателя Совета Министров Г. Миттагом и заключение торгового соглашения с ГДР на принципах наибольшего благоприятствования; визиты в Токио президента СРР Н. Чаушеску и министра иностранных дел НРБ П. Младенова; заключение договора о торговле и мореплавании с ВНР; визиты японских экономических и правительственных делегаций на Кубу и в МНР, установление дипломатических отношений с ДРВ и начавшееся обсуждение вопросов японо-вьетнамского экономического сотрудничества. Все большее число японцев приходит к выводу, что расширение политических отношений и деловых связей с социалистическими странами создает благоприятную атмосферу вокруг Японии, повышает ее международный авторитет.

Важнейшей приметой сегодняшней Японии является то, что вопросы внешнеполитической ориентации становятся предметом не только дискуссий, но и конкретных действий все более широких кругов демократической общественности страны. В Японии растут и крепнут силы, выступающие против милитаризма и агрессии, против втягивания страны в военно-политические блоки, за проведение политики разрядки международной напряженности, за развитие страны по пути мира и всестороннего международного сотрудничества. И этим силам принадлежит будущее.

«Третий мир» во внешнеполитической стратегии Пекина

А. Г. Кручинин

«Не то важно, кто отстаивает непосредственно известную политику... Важно то, кому выгодны эти взгляды, эти предложения, эти меры»¹.

В. И. Ленин

За последние 15—18 лет во внешнеполитической стратегии маонистов произошли кардинальные изменения. От экстремизма в борьбе с империализмом китайское руководство скатилось к экстремизму в борьбе с международными социалистическими и другими революционными и прогрессивными силами.

Характеризуя внешнюю политику китайского руководства, Л. И. Брежнев в докладе на XXV съезде КПСС говорил: «Политика его (Китая. — А. К.) нынешних руководителей откровенно направлена против большинства социалистических государств. Более того, она прямо смыкается с позицией самой крайней реакции во всем мире — от милитаристов и врагов разрядки в западных странах до расистов Южной Африки и фашистских правителей Чили. Эта политика не только совершенно чужда социалистическим принципам и идеалам, но по существу стала важным резервом империализма в его борьбе против социализма»².

И хотя уже сама внутренняя логика взаимосвязей основных аспектов внешнеполитической стратегии Пекина на современном этапе не могла не изменить места «третьего мира» в этой стратегии, маонисты по сей день изображают регион развивающихся стран как свою основную опору в вопросах мировой политики. В чем тут дело? Почему, став в оппозицию другим, основным антиимпериалистическим силам современности, Пекин продолжает демонстрировать свою заинтересованность в связях именно с зоной национально-освободительного движения? И является ли подобная демонстрация свидетельством сохранения в политике маонизма хоть какого-то антиимпериалистического заряда?

Представляется, что уже накопилось более чем достаточно фактов, позволяющих исчерпывающе ответить на эти вопросы и показать, что эволюция внешнеполитической стратегии китайского руководства затронула его позицию в отношении национально-освободительного движения так же глубоко, как и его позицию в отношении других антиимпериалистических сил.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 23, с. 61.

² «Правда», 25.II.1976.

Взаимосвязь между постоянными компонентами маоистской стратегии и отношением Пекина к «третьему миру». В наши дни уже мало кто верит в то, что маоисты борются за классовые интересы международного пролетариата. Однако китайской и буржуазной пропаганде все еще удается вводить в заблуждение определенные социальные слои относительно роли Пекина в борьбе против империализма, колониализма и неоколониализма. Этому заблуждению способствуют и некоторые аспекты практической политики китайского руководства, в частности длительная поддержка национально-освободительного движения народов Индокитая, экономическая помощь ряду развивающихся стран и т. п. Но при всем этом практически все отряды мирового антиимпериалистического фронта так или иначе видят, что великодержавно-гегемонистские цели маоизма являются двигательной пружиной внешней политики китайских лидеров*.

Столь же отчетливо, особенно на фоне происходящей ныне разрядки, мировая прогрессивная общественность, а равно и мировая реакция видят, что магистральный путь маоистов к этим целям пролегает через глобальный военный конфликт.

Если свою стратегическую цель маоисты всячески скрывают, маскируя заверениями о том, что-де Китай никогда не станет «сверхдержавой», никогда не будет стремиться к гегемонизму, то к созданию «великого хаоса в Поднебесной» китайские лидеры с циничной откровенностью призывают уже почти два десятка лет.

Несомненно, именно с этими двумя постоянными компонентами внешнеполитической стратегии связано и относительное постоянство ставки маоистов на «третий мир», их демонстративно подчеркнутое внимание к нему в 60—70-х гг. (Однако это постоянство вовсе не означает, что действительное место «третьего мира» в маоистской стратегии не менялось в процессе ее эволюции.)

Нетрудно представить, что сами по себе гегемонистские притязания Пекина не могут быть в принципе привлекательны для кого бы то ни было в мире, в том числе для народов Азии, Африки и Латинской Америки. И все же именно на этих континентах, особенно на первых двух, маоисты надеются «разыграть свою гегемонистскую карту». Известно, что ответ народов Азии и Африки на многовековое колониальное угнетение

* Прогрессивные силы «третьего мира» давно уже разглядели национально-эгоистическую, реакционную суть маоизма и ведут против него решительную борьбу. Застрельщиками в этой борьбе, естественно, выступают коммунисты. Региональные совещания коммунистических партий арабских стран и стран Латинской Америки и Карибского бассейна, состоявшиеся в апреле и в июне 1975 г., энергично осудили внешнюю политику китайского руководства, квалифицировали борьбу против нее как долг всех компартий этих регионов.

Все более четкую позицию в отношении политики Пекина занимают революционно-демократические круги стран «третьего мира». Разоблачая предательскую позицию маоистов, особенно четко раскрывшуюся в их «братании» с чилийской хунтой, мексиканский журнал «Сиемпре» указывал, что эта позиция — следствие «нового курса» Китая, курса, который «предполагает смыкание с наиболее зловещими режимами и системами, построенными на угнетении народов» («Siempre», 1975, № 1124, p. 33). Нигерийская газета «Вест Африкан пайлот» 29 апреля 1975 г. подчеркивала, что «маоисты делают все, чтобы не быть связанными международными обязательствами, что могло бы помешать им в дальнейшем осуществлять собственные гегемонистские устремления». Печать африканских стран все более активно разоблачает проимпериалистическую позицию Пекина в связи с событиями в Анголе, где он действовал рука об руку со странами НАТО и с расистским режимом ЮАР против подлинно антиимпериалистических национально-освободительных сил ангольского народа.

ние, на расистскую политику европейского и американского капитализма вылился не только в антиимпериалистическое, революционно-демократическое и социалистическое движение, но и в определенной мере обернулся реакционным национализмом. Эту хотя и чрезвычайно реакционную, но, в общем, исторически объяснимую реакцию народов бывшей колониальной периферии империализма китайские лидеры и надеются самым широким образом использовать в своих гегемонистских планах.

Помимо того, что с точки зрения Пекина, именно «третий мир» в силу особенностей нынешнего этапа своего развития и отсутствия в этом регионе общепризнанной державы-лидера будто бы вполне созрел для признания Китая в качестве своего патрона, маоистское руководство проявляет постоянный интерес к развивающимся странам еще и потому, что острые противоречия между ними и империализмом остаются одним из потенциальных источников международных конфликтов, а значит, и могут способствовать созданию столь желанного для китайских лидеров «великого хаоса в Поднебесной».

Однако очевидная взаимосвязь между великодержавными целями и стремлением маоистов добиться их через провоцирование глобального военного конфликта, с одной стороны, и присутствием «третьего мира» как важного постоянного компонента в маоистской внешнеполитической стратегии, с другой стороны, еще ничего не говорит о действительном месте этого региона в данной стратегии на разных этапах ее эволюции. Истинное место «третьего мира» во внешнеполитических планах Пекина на современном этапе может быть установлено лишь в результате анализа доминирующей тенденции в эволюции курса китайского руководства на международной арене за последние 15—18 лет, изменений в направлении главного удара и в подходе к выбору стратегических союзников, а также в результате объективной оценки той роли, которую каждый из союзников фактически способен сыграть в достижении маоистами их великодержавно-гегемонистских целей.

Главная тенденция эволюции внешней политики китайского руководства. Внешняя политика КНР с конца 50-х гг. характеризуется возрастающим влиянием на нее маоизма, сердцевину которого составляет социализм, великодержавные устремления к глобальному гегемонизму. По мере роста влияния этой реакционной идеологии и в соответствии с ее сущностью и происходила эволюция внешнеполитической позиции Китая в 60—70-х гг.

Мелкобуржуазный революционаризм и связанные с ним авангардистские настроения определенной части китайского руководства довольно быстро под влиянием маоизма трансформировались в националистический прагматизм и великодержавие. Быстрота этой трансформации во многом была предопределена тем, что сам мелкобуржуазный революционаризм-авангардизм в значительной мере был порождением националистических настроений. В свою очередь революционаристская социальная демагогия, прикрывая и подогревая эти настроения, давала им новый мощный импульс. Развитие событий в Китае вновь убедительно подтвердило, что мелкобуржуазный социал-национализм, спекулирующий на тяге трудящихся к социализму и на их доверии к политическим партиям, выступающим под лозунгами социализма, является наиболее опасным видом национализма, способным наносить особенно болезненные удары по международным социалистическим и другим революционным, антиимпериалистическим силам.

Как всякий другой мелкобуржуазный национализм, маоизм на деле, говоря словами В. И. Ленина, «объявляет интернационализмом призна-

ние равноправия наций и только, сохраняя... неприкосновенным национальный эгонизм...»³. А это в конце концов ведет и к фактическому отрицанию самого равноправия наций, ибо национальный эгонизм проявляется не только в действиях по принципу «моя хата с краю», но и в великодержавных притязаниях.

Революционаристский авангардизм и национальный эгонизм мелкой буржуазии Китая трансформировались в великодержавие не только под воздействием собственных внутренних импульсов, но и под влиянием традиционного китаецентризма — этой феодальной гегемонистской идеологии, которая усиленно возрождалась и культивировалась китайской национальной буржуазией в XIX—XX вв. В дальнейшем она была глубоко воспринята реакционными кругами китайской мелкой буржуазии и в модифицированной форме закрепилась ныне в социал-шовинистической идейно-политической платформе маонизма.

Как выразитель контрреволюционных сторон мелкобуржуазной стихии, маонизм не только не поднялся и не мог подняться выше национализма, но и под ширмой революционаристской демагогии сумел полностью выхолостить демократическое антиимпериалистическое содержание из национализма, обратив его против социализма и демократии. Именно в этом лишенном революционно-демократического, антиимпериалистического содержания виде маоистский национализм действует на международном арене.

Превращение реакционного национализма в идеологическую основу внешней политики китайского руководства предопределило характер эволюции курса КНР на международной арене, пересмотра таких важнейших компонентов внешнеполитической стратегии, как направление главного удара, а следовательно, и выбор стратегических союзников. Мелкобуржуазная сущность маонизма, его глобальные великодержавные цели сделали закономерной полную трансформацию этих аспектов внешнеполитической стратегии Пекина. От борьбы за гегемонизм в мировом освободительном процессе как средства достижения глобальных великодержавных целей маоистское руководство Китая в конце концов перешло к борьбе за гегемонию, опираясь на международный фронт реакции и контрреволюции.

Утратив в результате такой эволюции классовое, социалистическое содержание, внешняя политика КНР приобрела по своей реальной классовой функции социал-шовинистический характер, стала органической частью антикоммунистической политики монополистической буржуазии и других эксплуататорских классов. Это смыкание есть прежде всего результат сознательной деятельности находящихся у власти в Китае политических сил, прямо направляющих внешнюю политику страны в русло основных классовых интересов мировой монополистической буржуазии, в русло интересов наиболее воинственных кругов империализма и реакции.

Главная тенденция эволюции внешнеполитической позиции китайского руководства привела его к блокированию с этими кругами, враждебными всему антиимпериалистическому фронту, в том числе и национально-освободительному движению, и к качественно новому этапу конфронтации с международными социалистическими силами. И было бы в высшей степени странно, если бы все это никак не повлияло на взаимоотношения Пекина с «третьим миром», который имеет собственное представление о врагах и союзниках. Такая ситуация могла иметь место лишь в одном случае, а именно если бы позиция развивающихся

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 41, с. 165—166.

стран эволюционировала в том же направлении и теми же темпами, как позиция маоистского Китая. Однако на деле такой взаимосвязи между их позициями нет.

Революционно-демократические, антиимпериалистические аспекты позиции развивающихся стран по-прежнему определяют их внешне-политическую ориентацию и, следовательно, находятся в острейшем противоречии с маоистским национализмом, утратившим такие аспекты. Пекину поэтому приходится теперь делать ставку не на главные, исторически прогрессивные, а на реакционные силы «третьего мира», подавляющее национально-освободительное движение (Бангладеш, Чили, Ангола и т. д.). В результате этого резко сужается социально-политическая среда, которая в той или иной мере может играть роль опоры маоизма в развивающихся странах. Китайское руководство пытается компенсировать этот урон установленным максимально тесных связей с теми странами «третьего мира», где реакция стоит у власти и, таким образом, имеет более широкие каналы для воздействия на развитие международной обстановки, по крайней мере в отдельных частях «третьего мира». Однако эти попытки пока не приносят китайскому руководству заметных успехов в регионе в целом. Очевидной тенденцией ныне является углубление расхождений между большинством развивающихся стран и Пекином по многим кардинальным проблемам мировой политики, и прежде всего по проблемам сотрудничества с СССР и другими социалистическими странами, упрочения мира и безопасности на земле. Несмотря на заклинания и «предостережения» китайских руководителей, большинство развивающихся стран расширяет экономические и иные связи с СССР и другими социалистическими странами, выступает за закрепление и углубление разрядки напряженности в международных отношениях.

Маоисты ныне еще более, чем прежде, далеки от того, чтобы играть роль лидера «третьего мира». Ставка на него, продолжая оставаться компонентом внешнеполитической стратегии маоизма, явно утрачивает свое былое значение. Это и понятно. Если уж оказалась несбыточной надежда Пекина подчинить себе «третий мир» с «ультралеевой» антиимпериалистической позиции, то тем более очевидна бесперспективность добиться этого с нынешней, так сказать, ультрапроимпериалистической позиции.

Маоистская «концепция империализма» и «третий мир». Маоистские представления об империализме всегда питались узконациональными или реакционно-националистическими интересами. В 30—40-х гг., когда милитаристская Япония своей агрессивней поставила под угрозу само существование китайского государства, олицетворением империализма, его самой опасной силой для маоистов был японский империализм, захватническая политика Японии. Затем, вплоть до второй половины 60-х гг., маоисты отождествляли империализм с враждебной политикой США в отношении Китая. С конца 60-х гг., когда Пекин довел свои отношения с социалистическими силами до антагонизма, маоисты фактически свели свою «концепцию империализма» к политике «сверхдержавы, именующей себя социалистической страной».

По маоистским утверждениям, империализм, включая американский, якобы одряхлел, давно сброшен народами с его пьедестала и подвергается всевозрастающему давлению со стороны «нового» империализма или «социал-империализма», то есть со стороны СССР, который-де ныне и есть единственный подлинный враг всех народов мира. На фоне опасности, создаваемой «новым» империализмом, «старый» (а на деле единственный, реальный) империализм под пером маоистских «теоре-

тиков» превратился в некую исторически прогрессивную силу, ибо он жизненно заинтересован в сокрушении «социал-империализма». С этим-то якобы столь дивно преобразившимся «старым» империализмом народы мира должны, утверждают маонисты, не столько вести борьбу, сколько по возможности теснее спланиваться для совместного нажима на СССР, на другие страны социализма, на международное коммунистическое движение, на силы демократии и мира.

Маонистская концепция империализма есть, в сущности, модифицированная в социал-шовинистическом духе стародавняя оппортунистическая теория империализма, в свое время подвергнутая В. И. Лениным сокрушительной критике. Эта «теория» рассматривала империализм не как определенную, высшую и последнюю стадию развития капитализма, а всего лишь как политику крупного государства. Иначе говоря, она допускала империалистическую политику без империализма. Маонисты позаимствовали ее у ревизионистских идеологов II Интернационала, все же в отличие от них попытались придать ей видимость логичности и последовательности, подведя под «империалистическую политику» СССР соответствующую социально-экономическую базу, тезис о так называемой «реставрации капитализма» в СССР⁴.

Как и всякая безответственная и беспардонная клевета, эта тоже не заслуживает какого-либо серьезного опровержения. Внимания, безусловно, заслуживает другое — зачем она потребовалась маонистам, на кого прежде всего она рассчитана.

Ответы на эти вопросы легко получить при рассмотрении этапов эволюции внешнеполитической стратегии китайского руководства. К тому же анализ ее эволюции одновременно позволяет бросить дополнительный свет на ход изменения места «третьего мира» в глобальных планах Пекина, что и является основной целью данной статьи.

Этапы эволюции внешнеполитической стратегии маоизма.** Хотя авангардистские и гегемонистские устремления маонистов начали обнаруживаться еще на рубеже 40—50-х гг., тем не менее вплоть до конца первого десятилетия существования КНР они не оказывали решающего влияния на внешнюю политику страны, и внешнеполитический курс китайского руководства в основном пролегал в русле политики социалистического мира. И все же именно конец этого десятилетия, период 1957—1960 гг., можно считать временем, когда маонистское крыло китайского руководства сделало решающий шаг в переходе на путь открытой борьбы за великодержавно-гегемонистские цели.

Особенностью этого периода было то, что, форсируя авантюристическими методами экономическое и социальное развитие Китая, маонисты рассчитывали на автоматическое превращение его в гегемона международных социалистических сил. «Большой скачок», «народные коммуны», курс «ста цветов» — все это средства, которые должны были, по замыслу Мао и его единомышленников, превратить Китай в самую могучую и динамичную страну социалистического лагеря, указать миру новые, неизмеримо более короткие пути движения к коммунизму, чем

⁴ «Жэньминь жибао», 9. V. 1975.

** Этапы эволюции внешней политики Пекина не вполне совпадают с этапами эволюции внешнеполитической стратегии маонистов. В первом случае при периодизации учитываются не только стратегические, но и тактические повороты, изменения методов и приемов пекинской дипломатии. Об этапах внешней политики КНР см.: «Китайская Народная Республика: политическое и экономическое развитие в 1973 году». М., 1975. с. 257—266.

те, которые открыты теорией научного коммунизма и опробованы на практике другими странами мировой социалистической системы.

К концу периода, когда явно обнаружился провал маоистских попыток обеспечить «автоматическое» превращение Китая в центр мировой революции путем авантюристического форсирования экономического и социального развития страны, китайское руководство вернулось к старой маоистской идее достижения мировой гегемонии для Китая путем провоцирования глобального конфликта. Известно, что Мао Цзэ-дун еще в 1957 г. на Международном совещании представителей коммунистических и рабочих партий предлагал социалистическим странам помериться силами с империализмом в военной схватке⁵. Известно также, что уже в 1959—1960 гг. китайское руководство повело пропагандистскую кампанию против принципа мирного сосуществования и начало утверждать, что мировая война неотвратима и неизбежна⁶, что социалистические силы мира якобы заинтересованы в ней и без нее не смогут добиться победы в мировом масштабе⁷. Эти послышки и тезис «атомная бомба — бумажный тигр» в дальнейшем, в 60-х гг., и стали краеугольным камнем маоистской концепции «действовать острием против острия» в борьбе с империализмом, «ультрареволюционный» характер которой, по замыслу Пекина, должен был выдвинуть Китай в лидеры социалистического содружества и коммунистического движения. В конце рассматриваемого периода (1958—1960) маоисты, таким образом, рассчитывали использовать эти ведущие революционные силы современности для создания «великого хаоса в Поднебесной». «Третий мир» в этих расчетах в указанные годы еще не играл самостоятельной роли.

Положение «третьего мира» в маоистской внешнеполитической стратегии коренным образом изменилось в 60-х гг. в связи с переходом китайского руководства к открытой раскольнической деятельности против социалистического содружества, которая уже в середине этого десятилетия привела Пекин к полному разрыву с подавляющим большинством социалистических стран и коммунистических партий. На рубеже двух периодов «третий мир» еще рассматривался маоистами как вспомогательная сила и использовался для давления на позицию социалистических стран и компартий в вопросах войны и мира. Однако, стремясь с экстремистских (а по существу, с провокационных) антиимпериалистических позиций добиться гегемонии хотя бы в отношении какой-то части революционных сил современности, встречая особенно решительный и всевозрастающий отпор со стороны социалистических государств и международного коммунистического движения, маоисты в начале 60-х гг. вынуждены были серьезно скорректировать свою глобальную стратегию. Врагами Китая они объявили уже не только империализм, но и социалистическое содружество, то есть, по маоистской

⁵ «В Китае еще не развернулось по-настоящему строительство. Если империалисты навяжут войну, мы готовы будем к тому, чтобы прекратить строительство; давайте сначала попробуем силы, а потом вернемся к строительству». — говорил Мао на этом совещании (цит. по: КПСС высоко несет великое знамя ленинизма. М., 1963, с. 185).

⁶ Журнал «Чжунго цинянь» (1960, № 4) утверждал: «В конечном счете, будет или не будет развязана мировая война, будет или не будет использовано ядерное оружие, зависит не от нас, а от империалистов». В брошюре «Да здравствует ленинизм!» (Пекин, 1960, с. 23) также подчеркивалось: «Конечно, развяжут ли в конце концов империалисты войну — это зависит не от нас, мы же не начальники генеральных штабов империалистов».

⁷ Эта мысль была выражена Мао Цзэ-дуном на Международном совещании коммунистических и рабочих партий 1957 г. Открыто в китайской печати она в разных вариациях стала подаваться с начала 60-х гг.

терминологии, «современный ревизионизм». Действия маоистов в духе такой стратегии «борьбы на два фронта» достигли кульминационного пункта к концу 60-х гг. «Третий мир» в ней занял первостепенное место, поскольку и сама маоистская внешнеполитическая позиция не оставляла места для каких-то других крупных союзников, и китайское руководство еще питало иллюзии по поводу того, что «третий мир» может стать некой единой и мощной самостоятельной силой в этом разделенном на две противоборствующие социальные системы мире. Воинственные антиимпериалистические призывы Пекина, а также его домыслы о «реставрации капитализма» в социалистических странах и «ревизионистском перерождении» международного коммунистического движения имели поэтому целью сближение прежде всего с «третьим миром».

Разумеется, практическая борьба маоистов против социалистического содружества, усилия Пекина, направленные на разобщение и травмирование друг на друга различных отрядов антиимпериалистического фронта, объективно превращали китайское руководство в проимпериалистическую силу и создавали условия для взаимной тяги к сближению между ним и империализмом. Однако эта объективная сторона процесса в значительной мере затушевывалась тем, что декларируемая китайским руководством политика, а главное некоторые действия Пекина в духе этой политики продолжали представляться значительной части национально-освободительного движения как последовательно антиимпериалистические, несмотря на усиливавшуюся враждебность маоистов к социалистическому содружеству. Международная изоляция, в которой Китай оказался к концу 60-х гг., особенно усиливала такое впечатление и как бы придавала враждебности маоистов к социалистическому содружеству и международному коммунистическому движению всего лишь форму крайнего проявления разногласий в антиимпериалистическом фронте.

И все же именно в конце 60-х гг. вполне четко стала просматриваться тенденция последующих перемен во внешнеполитической стратегии маоизма. Во-первых, в шуме «пролетарской» демагогии Пекина все слышнее становился националистический лейтмотив. С осени 1968 г. применительно к так называемому «советскому ревизионизму» маоисты начали употреблять новый термин «социал-империализм». На IX съезде КПК ими был брошен призыв ко всем странам и народам объединяться «в широчайший единый фронт» для защиты своей национальной независимости, угрозой которой создает не только американский империализм, но якобы и Советский Союз. Во-вторых, в 60-х гг. маоисты «развили» свою «теорию промежуточной зоны», включив в нее все империалистические государства, кроме США. Таким образом, они ясно обозначили направление дальнейшей эволюции своей внешнеполитической стратегии. Блокирование с империализмом в целом явно выдвигалось Пекином на повестку дня.

Начало 70-х гг., когда китайское руководство предприняло меры по преодолению международной изоляции, показало, что поиски выхода из нее оно повело именно в направлении развития официальных контактов с центрами развитого капитализма. Объявив в 1970 г. «две сверхдержавы» (США и СССР) своими главными противниками, Пекин с того времени дал массу убедительных доказательств того, что его политика на деле заключается в усилении борьбы против Советского Союза и в одновременном сближении с Соединенными Штатами. Линия опоры на империализм, принятая китайским руководством на рубеже 60—70-х гг., требовала коренного изменения отношений с США, которые при всех своих противоречиях с другими капиталистическими

странами были и остаются самой влиятельной силой в мировой капиталистической системе. Без взаимопонимания с Соединенными Штатами, а тем более при сохранении враждебности к ним у Пекина, как показал опыт 60-х гг., когда маоисты начали усиленно заигрывать с «неамериканским» империализмом, никаких реальных шансов широко использовать поддержку какой-то более или менее значительной части империалистических держав не могло быть. О решающей роли поворота Пекина от антиамериканизма к взаимопониманию с США в развитии процесса сближения и блокирования Китая с империализмом в целом свидетельствует и волна дипломатических признаний КНР со стороны государств капиталистической системы в начале 70-х гг. и их «массовый» отказ от своей традиционной позиции недопущения Китая в ООН сразу же после резкого смягчения позиции США в этом вопросе и после сенсационного объявления о предстоящем визите Никсона в Пекин.

С тех пор китайское руководство неизменно исходит из того, что ключевым моментом в блокировании с империализмом является все более тесное сближение с Соединенными Штатами. Разумеется, прямых указаний на это нельзя найти в официальных вариантах маоистской внешнеполитической концепции. Но то, что это важный ход китайской дипломатии, не должно вызывать сомнения ни у кого. В частности, о нем с абсолютной убежденностью говорил после визита в КНР канцлер ФРГ Г. Шмидт. Выступая 5 ноября 1975 г. на заседании фракции бундестага от СДПГ с подведением итогов своей поездки в Китай и Иран, он заявил: «Конечно, в ее (китайской стороны. — А. К.) внешнеполитической концепции самую важную роль на Западе играют Соединенные Штаты Америки, однако также несомненно и то, что ее особым вниманием пользуется Федеративная Республика Германия».

Новый этап эволюции внешнеполитической стратегии маоизма, начавшийся на рубеже 60—70-х гг. и продолжающийся по сей день, отличается от предыдущего целым рядом существенных черт:

Во-первых, законченно националистический смысл и вид приобрела концепция маоизма о мировых противоречиях, получившая наиболее четкое отражение в тезисе о «трех мирах», впервые публично изложенном главой китайской делегации на VI специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН 10 апреля 1974 г. С новейшей маоистской политической карты мира исчезли и социализм и капитализм. Соответственно и историческое противоборство между ними, как стержень всего мирового развития в современную эпоху, также исчезло из представлений Пекина о характере переживаемой человечеством эпохи. Национализм, только национализм и ничего, кроме национализма, — такова суть эпохи, как ее изображает маоизм, с которого жизнь наконец полностью смыла остатки «пролетарского» «антиимпериалистического» камуфляжа.

Во-вторых, характерная для внешнеполитической стратегии 60-х гг. линия борьбы на два фронта была заменена в начале 70-х гг. линией борьбы только на одном фронте — против СССР и всех других социалистических сил мира. Сохранение в маоистской пропаганде формулы о «двух сверхдержавах» лишь маскирует тот факт, что второстепенный противник Пекина — Соединенные Штаты — является не столько противником вообще, сколько наиболее желанным союзником.

В-третьих, антиимпериализм Пекина на новом этапе эволюции маоистской глобальной стратегии уже не только объективно, то есть по его реальным последствиям, но и субъективно, то есть по официально по-

ставленным и выраженным в политике целям, полностью трансформировался в проимпериализм, в откровенную контрреволюцию⁸.

В-четвертых, вследствие того, что международные социалистические силы стали единственным стратегическим противником маоизма и что у Пекина появились новые мощные союзники в лице империализма и всей реакции, «третий мир» из основной опоры маоистского режима на международной арене, по существу, превратился во второстепенную⁹. Такая роль «третьего мира» точно соответствует реальному весу местной реакции в общем балансе сил мировой реакции, на союзе с которой маоизм ныне и строит свои глобальные планы. При всем том, что нынешняя внешнеполитическая концепция маоизма исключает борьбу двух противоположных социальных систем из процесса мирового развития, Пекин в своей стратегии учитывает прежде всего именно ее. В 60-х гг. он фактически покончил со своими иллюзиями насчет самостоятельной роли «третьего мира» в социально-политическом прогрессе человечества и, следовательно, насчет возможностей этого региона как опоры в борьбе за свои глобальные цели. Логика и практика борьбы за эти реакционные цели заставили маоистов вновь «сменить лошадь» и сделать ставку на империализм как главную силу мировой реакции. Объективная логика этой борьбы оказалась сильнее субъективных надежд Пекина обеспечить Китаю некое промежуточное положение между двумя мировыми социальными системами и заставила маоистов вновь примкнуть к одной из них для борьбы против другой. Случилось именно то, о чем международное коммунистическое движение предупреждало Компартию Китая еще в начале 60-х гг. ЦК КПСС на своем февральском (1964) пленуме недвусмысленно подчеркнул опасность перерастания маоистского левачества в смычку с империализмом. «...Мы, как и все марксисты-ленинцы мира, — говорилось в докладе М. А. Суслова, — испытываем чувство законной тревоги за то, на какой опасный путь тащат китайские руководители свою великую страну. Как бы не получилось, что, идя по своему неверному, антиленинскому пути, китайские руководители не пришли к фактическому смыканию с реакционными, воинственными элементами империализма»¹⁰.

Внешнеполитическая стратегия маоизма на современном этапе и «третий мир». Эволюция маоистских устремлений от революционаристского авангардизма к авангардизму в стане мировой контрреволюции, вся совокупность практических действий Китая на международной арене с начала 70-х гг. дают основания следующим образом определить основные компоненты внешнеполитической стратегии Пекина на современном этапе:

1. Стратегическая цель — максимально быстрое увеличение роли китайского государства в мировой политике, превращение его в решаю-

⁸ В обстоятельном аналитическом материале «Маоистский режим на новом этапе», опубликованном в органе ЦК КПСС журнале «Коммунист» (1975, № 12, с. 121), дана следующая характеристика внешней политики Пекина: «Политика китайского руководства на международной арене, направленная на раскол революционного, антиимпериалистического фронта, на противоборство с социалистическими странами, блокирование с наиболее реакционными силами империализма, на подрыв дела мира, по сути своей является контрреволюционной».

⁹ «В настоящее время китайское руководство в своей внешней политике все более явно отдает приоритет отношениям с капиталистическим миром. Процесс расширения контактов Китая с Западом вышел за рамки обычной нормализации отношений и приобрел характер сближения КНР с реакционными силами империализма на националистической, антисоциалистической основе» («Коммунист», 1975, № 12, с. 114).

¹⁰ М. А. С у с л о в. Избранное. Речи и статьи. М., 1972, с. 382.

щий фактор формирования международной обстановки, с тем чтобы обеспечить благоприятные условия для борьбы за великодержавно-гегемонистские идеалы.

2. Объект главного удара — социалистические силы мира, выступающие в качестве наиболее последовательного и непримиримого противника маоистского великодержавия и гегемонистских притязаний Пекина, глубоко враждебных целям и принципам социализма. Естественно, что удар наносится прежде всего по СССР и всему социалистическому содружеству, являющимся центром концентрации могущества социалистических сил мира.

3. Стратегические союзники — международные антисоциалистические силы, в первую очередь — империализм в целом, как наиболее мощный антагонист мирового социализма, как международная сила, которой по самой ее социальной природе свойственно стремление к агрессии и которая в современную эпоху является главным источником войн.

4. Важнейшие пути реализации стратегической цели — максимально быстрое наращивание собственной военной мощи Китая, всемерное использование мировых противоречий, и особенно главного из них — противоречия между двумя мировыми социальными системами, провоцирование конфликтных ситуаций в мире, и прежде всего между этими системами. Создание под идейной эгидой Пекина широкого фронта самых различных отрядов международной реакции, основой которого должен стать альянс Китая с империализмом в целом, — таков ныне главный путь борьбы маоистов за стратегическую цель.

Созданию и упрочению именно этого альянса и подчинена практическая внешняя политика Пекина, в том числе и его курс в отношении «третьего мира».

Этот курс, пожалуй, в большей мере, чем другие аспекты внешней политики китайского руководства, представляется внешне противоречивым. Действительно, начав усиленное сближение с империализмом, пекинское руководство осенью 1971 г. объявило Китайскую Народную Республику развивающейся страной, относящейся к «третьему миру». (Несколько позже в официальных заявлениях Пекина стала применяться «исправленная» формула: «Китай — развивающаяся социалистическая страна, относящаяся к третьему миру».) Весной 1974 г. китайское руководство объявило развивающиеся страны главной движущей силой, «толкающей вперед колесо мировой истории»¹¹.

Почему же, совершенно открыто ведя курс на самое тесное блокирование с империализмом — этим историческим врагом развивающихся стран, Пекин превратил последние в наиболее шумно рекламируемый объект своей дипломатии?

Безусловно, зачислением КНР в разряд развивающихся стран маоисты рассчитывали, во-первых, ослабить удар, который они сами же нанесли по своим позициям в «третьем мире» поворотом к блокированию с империализмом в целом; во-вторых, и это, пожалуй, самое главное, на начальном этапе упомянутого поворота Пекину важно было дать правящим кругам Запада дополнительные веские подтверждения своей враждебности к социализму. В 60-х гг. маоисты изображали себя как самых бескомпромиссных и последовательных борцов за ускорение победы мировой социалистической революции, а Китай — как единственную цитадель «истинного» социализма. В начале 70-х гг. они

¹¹ В том же духе роль «третьего мира» в современном мировом развитии была охарактеризована в материалах сессии ВСНП (январь 1975 г.).

стали представлять себя главным образом лишь как борцов против гегемонизма, причем против гегемонизма, который якобы присущ политике СССР, а Китай — как страну, относящуюся к «третьему миру», в целом еще находящемуся на перепутье социального развития. Все это, несомненно, имело целью облегчить империализму пересмотр своего отношения к маоистскому режиму, помочь правящим кругам Запада глубже понять подлинные устремления режима и те новые возможности для противоборства с силами мира, демократии и социализма, которые открывают перед империализмом тесный, хотя и противоречивый, союз с маоистским Китаем.

В 1974 г. Пекин, как уже отмечалось, вновь стал рекламировать развивающиеся страны как своего якобы главного союзника на международной арене. Однако в свете возрастающей враждебности маоистского режима к СССР, ко всему социалистическому содружеству, в свете продолжающихся активных усилий Пекина, направленных на сближение с империалистическими державами, вполне очевиден тактический характер маоистских маневров вокруг «третьего мира». Можно с уверенностью утверждать, что, квалифицируя СССР как враждебное государство, маоисты рассчитывают в первую очередь соблазнить именно империализм, а вовсе не «третий мир» на создание некоей новой, будто бы прогрессивной коалиции во главе с «социалистическим Китаем».

И, уже возомнив себя лидером такой исторически «прогрессивной» коалиции «социалистического Китая» с мировым империализмом для борьбы против СССР и других социалистических стран, Пекин бесцеремонно пытается загнать в нее крупнейшие империалистические государства. Назойливость, с которой он продвигает это, например, с Японией, в конце концов вывела из равновесия выдавшее виды японское внешнеполитическое ведомство. Газета «Йомиури» 5 ноября 1975 г. опубликовала изложение закрытого документа относительно позиции Китая в связи с вопросом о заключении японо-китайского договора о мире и дружбе. В этом изложении говорилось: «Всем ясно, что в настоящий момент гегемония, о которой говорит Китай, направлена против Советского Союза... Китай с самого начала не пошел ни на какие уступки, настаивая на включении в текст договора статьи о гегемонии... Подобная позиция Китая, которую нельзя не расценивать как великодержавие, гегемонизм, навязывание другим странам своих позиций, вызывает крайне серьезную озабоченность с точки зрения дружественных отношений между Японией и Китаем».

Претендуя на более глубокое осознание стратегических целей коалиции «социалистического Китая» с империализмом, Мао и его приближенные упорно навязывали президенту США Дж. Форду, нанесшему в декабре 1975 г. визит в Пекин, мысль о «губительности» линии на разрядку напряженности в отношениях между США и СССР. Незадолго до этого они пытались убедить прибывшего с визитом в Китай канцлера ФРГ Г. Шмидта в том, что Западная Европа не должна верить в искренность шагов СССР, направленных на разрядку напряженности.

На фоне явного предпочтения, которое Пекин отдает империализму как стратегическому союзнику, особенно очевиден конъюнктурный смысл шумихи, поднятой маоистами в последние полтора-два года вокруг своего отношения к «третьему миру». Демонстративно подчеркнутый интерес Пекина к этому региону связан не только с разочарованием по поводу инертности правящих кругов Запада в реагировании на предельно четко и многократно выраженную маоистским режимом готовность к тесному альянсу с ними на экстремистской антисоветской основе, но и с тем, что развивающиеся страны впервые сумели ока-

зять экономическое давление на империализм. В этом пекинские лидеры прежде всего увидели новые возможности использовать свое влияние в «третьем мире» для сближения с империализмом.

Беззастенчиво подбивая развивающиеся страны к тесному экономическому «сотрудничеству» с империалистическими государствами «второго мира», то есть с бывшими колониальными метрополиями¹², Пекин тем самым способствует неоколониалистской политике империализма в целом. Это со всей очевидностью проявилось в раскольнической, контрреволюционной деятельности Пекина в Анголе. Пекин выступил на стороне заклятых врагов независимой Африки — империалистов и южноафриканских расистов, пытавшихся вооруженным путем задушить независимую Анголу. К той же цели направлены и его рекомендации «третьему и второму миру» избегать развития сколько-нибудь значительных хозяйственных связей с социалистическим содружеством, и, конечно же, в первую очередь с Советским Союзом, с Советом Экономической Взаимопомощи. Пекин, так сказать, личным примером показывает «второму и третьему миру», как надо осуществлять «правильные» экономические отношения со «сверхдержавой, именующей себя социалистической страной», и с «американской сверхдержавой». Известно, что внешние хозяйственные связи КНР маоисты давно уже переориентировали на Японию, западноевропейские и другие развитые государства капиталистической системы, включая США. (Их доля во внешнеторговом обороте КНР составила в 1974 г. $\frac{2}{3}$, тогда как доля социалистических стран — всего 13,5%¹³.) Пекин словом и делом афиширует эти связи, в том числе и связи с США, как якобы более выгодные и предпочтительные для развивающихся стран, чем экономические отношения с социалистическим миром (товарооборот Китая с Соединенными Штатами в несколько раз больше, чем с СССР). Выступая 16 сентября 1975 г. на VII специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, заместитель главы китайской делегации Хуан Хуа, слегка пожурив США за стремление сохранить старый экономический порядок в мире, обрушился с клеветническими нападками на СССР и заявил, что именно эта «сверхдержава» якобы и есть «самый опасный враг стран третьего мира».

Политика китайского руководства в отношении «третьего мира» ныне, как никогда прежде, является откровенно проимпериалистической, подчиненной задаче укрепления альянса маоистского режима в Китае с империализмом в целом, ибо в этом альянсе маоисты на данном этапе видят самое главное средство давления на социалистическое содружество, являющееся основным противником великодержавных устремлений Пекина.

Свое влияние в «третьем мире» Пекин рассматривает как важный резерв для торга с империализмом за лучшие условия блокирования против своего главного противника — международных социалистичес-

¹² Мня себя наставником «третьего мира», Пекин еще в 1972 г. в директивном тоне указывал народам Азии, Африки и Латинской Америки, что «для завоевания победы в национально-освободительном движении» они «должны не только поддерживать друг друга, но также обязаны (?) и могут объединяться с борьбой второй промежуточной зоны (т. е. со всеми империалистическими странами, кроме США. — А. К.) против гегемонизма...» («Хунци», 1972, № 3, с. 72). С другой стороны, Пекин почтительно обращается к развитым капиталистическим странам с пожеланием проводить в отношении «третьего мира» более гибкую политику. 8 мая 1975 г. министр внешней торговли КНР Ли Цян в беседе с заместителем председателя комиссии европейских сообществ К. Соумсом заявил: «Нам хотелось бы видеть, что ЕЭС («Общий рынок») лучше наладило отношения с «третьим миром».

¹³ «Коммунист», 1975, № 12, с. 116.

ких сил ***. Подлинные национальные интересы развивающихся стран он беззастенчиво использует в качестве разменной монеты в этом торге. Еще 24 ноября 1973 г. газета «Аш-Шааб» отмечала, что в Пекине «с удовольствием восприняли» просьбу Г. Киссинджера оказать давление на арабские страны, с тем чтобы они прекратили использовать нефть как орудие борьбы против США. «Китайские представители в арабских странах, — писала газета, — уже начали свою деятельность в этом направлении. С аналогичной просьбой к Пекину обратилась и Голландия».

«Третий мир» — это важная сфера политики, где китайское руководство конкретно и наглядно демонстрирует империализму свою преданность борьбе против социализма. Действительно, вся линия Китая в отношении развивающихся стран призвана подтвердить, что его гегемонистские претензии в «третьем мире» не только не подрывают здесь позиции империализма в главном — в его противоборстве с мировым социализмом, но, напротив, способствуют их укреплению. Это относится и к позициям американского империализма. Исключение США из числа развитых стран, с которыми «третьему миру», по пекинским рецептам, следует сотрудничать, на деле является формальным по крайней мере по двум причинам: во-первых, американский капитал, имея прочные и широкие связи с капиталом других стран Запада, занимая в их экономике серьезные позиции, может через них, через многонациональные компании компенсировать сужение прямых каналов эксплуатации стран «третьего мира»; во-вторых, ставя США на второе после СССР место как врага развивающихся стран, Пекин тем самым дает понять, что, с его точки зрения, связи этих стран с Америкой предпочтительней для них, чем связи с Советским Союзом. Словом, одной рукой Пекин пишет для «третьего мира» антиамериканские призывы, а другой — перечеркивает их.

Из всего этого следует, что борьба Китая за гегемонизм в «третьем мире» помогает империализму навязывать этому региону капиталистический путь развития. Из этого следует также, что на современном этапе свои великодержавные амбиции в «третьем мире» Пекин имеет возможность частично удовлетворить лишь при содействии империализма, в союзе с ним. И хотя маоистский режим может оказаться неудобным партнером для империализма, пока его действия не выходят за рамки вполне привычного для капиталистической системы соперничества между державами за сферы влияния. В конце концов империализму в це-

*** Примечательно, что еще в середине 60-х гг., когда Пекин еще метал громы и молнии против США и одновременно усиленно искал пути сближения со всеми другими империалистическими державами, особенно с Японией, Чжоу Энь-лай через группу влиятельных японских экономистов, посетивших Китай, стремился убедить правящие круги Японии в том, что самые светлые перспективы монополистическому капиталу этой страны открывает сотрудничество с КНР в создании некоей новой «сферы процветания», охватывающей Азию, Африку и Латинскую Америку (см.: «Кэндзай хёрон», 1964, № 9). В сущности, за сближение с Японией Чжоу Энь-лай расплачивался обещанием оказать монополистическому капиталу этой страны всяческое содействие в проникновении его в «третий мир». И это обещание выполнялось. Как заявил министр иностранных дел КНР Чэнь И в беседе с видным деятелем Либерально-демократической партии Японии Токума Уцуномия, пекинские лидеры во время визитов в страны Африки неизменно советовали им: «Если вам необходима техническая помощь, лучше всего обращаться к Японии, которая является азиатской страной» («Асахи дзюнару», июнь 1965 г., № 15).

Теперь пекинские лидеры не столь часто подчеркивают достоинства «небелого империализма». Они выступают как агенты по рекламированию «преимуществ» технической помощи империализма в целом перед аналогичной помощью, оказываемой развивающимся странам социалистическим содружеством.

лом важнее, чтобы в «третьем мире» не возросло влияние подлинно социалистических сил, которое только и может действительно шаг за шагом привести к сужению зоны господства капитализма.

И в начале 60-х гг., когда китайское руководство развернуло борьбу против социалистических сил мира в форме раскольнической деятельности, и в уже истекшей первой половине 70-х гг., когда оно придало этой борьбе характер тотальной конфронтации с ними и сомкнулось с наиболее воинственными кругами империализма, Пекин настойчиво стремился к объединению мелкой буржуазии в международном масштабе. Только в первом случае он пытался сыграть на ее склонности к «ультрареволюционным» порывам, а во втором — на ее контрреволюционных потенциях. И в том и в другом случае маоисты, преследуя собственные великодержавно-гегемонистские цели, выступали и выступают на стороне мирового капитализма в его противоборстве с мировым социализмом.

Вместе с тем у маоистов имеются довольно острые противоречия с империализмом, связанные с их взаимным стремлением использовать друг друга исключительно в собственных интересах. Поэтому Пекин проводит в отношении империализма своеобразную линию «союза и борьбы», главным в которой является стремление к союзу. Борьба же ведется так, главным образом, чтобы, теснее блокируясь с империализмом, всемерно усиливая его позиции в борьбе с силами мира, демократии и социализма, обеспечить Китаю, так сказать, командные высоты в этом блоке. Соответственно и в своих отношениях с «третьим миром» Пекин, все более активно способствуя сплочению местной реакции с империализмом, одновременно использует националистическую специфику этой реакции, ее частные противоречия с империализмом как подспорье в своих гегемонистских притязаниях в отношении всех антисоциалистических сил.

В конечном итоге данная особенность роли «третьего мира» в маоистской внешнеполитической стратегии ни в коей мере не меняет исторически контрреволюционного смысла этой стратегии, ни на йоту не прибавляет позиции Пекина подлинно антиимпериалистического содержания.

* * *

В сложном переплетении интересов, которые проявляются в политике различных групп государств на международной арене, имеется, однако, совершенно четкая разграничительная линия, определяемая классовой сущностью каждой из них. И в «третьем мире», и на более широкой международной арене маоистский мелкобуржуазный режим стремится реализовать свои великодержавно-гегемонистские идеалы, борясь исключительно против сил мира, демократии и социализма, в первую очередь против стран социалистического содружества. Поэтому в конечном итоге вся практическая деятельность этого режима, особенно его внешнеполитическая линия, выгодны лишь мировому фронту реакции. Это положение является единственно верным исходным пунктом при оценке реального значения всех аспектов внешнеполитической позиции маоистского режима, всех и всяких конкретных практических действий этого режима на международной арене, в том числе и в особенности его политики в отношении «третьего мира», проимпериалистический смысл которой может быть четко вскрыт именно в контексте главной тенденции мирового развития в современную эпоху, тенденции, определяемой борьбой социализма и капитализма в глобальном масштабе.

О некоторых аспектах японской внешней политики

Н. Н. Николаев

В последние годы одним из основных объектов китайской внешней политики стала Япония. Вслед за нормализацией дипломатических отношений между двумя странами усилия пекинского руководства направляются на активизацию связей с Токио по всем направлениям. Цель этих усилий в том, чтобы, с одной стороны, использовать экономический потенциал Японии для залатывания прорех и брешей в своей экономике, вызванных политикой «большого скачка», развития военных отраслей промышленности, а с другой — превратить эту страну, занимающую важные стратегические позиции в Азии и бассейне Тихого океана, в своего союзника по осуществлению гегемонистских планов.

В настоящее время Япония уже стала основным торговым партнером Китая. Если в 1972 г., то есть в год нормализации отношений между двумя странами, доля Японии в общем объеме внешней торговли КНР составила 19,2%, то в 1975 г., по предварительным данным, она достигла уровня 30%. Если в 1972 г. японский экспорт в Китай выражался цифрой 609 млн. долл., а импорт — 491 млн. долл., то в 1975 г. они составили 2500 млн. долл. и 1500 млн. долл. соответственно. Основными статьями японского экспорта в Китай являются машины и оборудование, металлы и металлоизделия (сталь, прокат черных металлов, цветные металлы и т. д.), химические товары (удобрения, пластмассы), а импорта — нефть (42,3% общего объема), текстильные товары, продукты питания и т. д. Нельзя не обратить внимания на хронический дефицит КНР в торговле с Японией. В 1974 г. отрицательное сальдо КНР в торговле с Японией составляло 600 млн. долл., а в 1975 г. превысило уровень 1 млрд. долл.

Примечателен рост экспорта в Японию китайской нефти. В 1973 г. он составил 1 млн. т, в 1974 г. — 4 млн. т, а в 1975 г. — 8 млн. т. Китайцы предлагают довести поставки нефти в Японию в течение ближайших 5 лет до 50 млн. т, преследуя при этом цель не только пополнения своих валютных резервов и ликвидации дисбаланса в торговле с Японией, но и создания экономической привязки Японии к Китаю. Пока японцы не идут на это, рассматривая лишь возможность увеличения импорта к 1981 г. до 15 млн. т. Причина этого кроется не только в том, что китайская нефть относится к разряду «тяжелой», что требует от японских деловых кругов значительных капиталовложений в переоснащение нефтеперерабатывающих заводов. Судя по всему, в памяти деловых кругов Японии еще живут события 1958 г., когда Китай по политическим причинам в одностороннем порядке прекратил торговые операции с Японией и поставил тем самым ряд японских компаний на грань банкротства. Есть ли гарантия того, что Китай не предпримет такой же меры в отношении Японии в будущем, если тот или иной политический шаг

последней не будет отвечать интересам Пекина? Очевидно, такой гарантии никто дать не может. Вероятно, поэтому департамент экономического сотрудничества МИД Японии и разработал рекомендации, в соответствии с которыми Япония исходя из интересов национальной безопасности не должна допускать такого положения, при котором объем ее торговли с Китаем мог бы превысить в обозримом будущем 10% ее общего внешнеторгового оборота.

Экономическая привязка Японии, по замыслам маоистов, должна быть закреплена и политическим документом. Таковым им представляется договор о мире и дружбе с включением в него положения о борьбе против «гегемонии». Переговоры о заключении такого договора ведутся уже больше года. Хотя содержание договора не передается гласности, из сообщений японской печати и заявлений политических деятелей Японии видно, что главным препятствием к его заключению стало требование Китая включить в договор положение о борьбе против «гегемонии». О какой «гегемонии» шла речь и кого китайская сторона видела в качестве основного объекта борьбы — не вызвало никакого сомнения. Об этом открыто говорили китайские деятели, об этом писала и японская печать¹.

В июне 1975 г. японская газета «Джэпэн таймс» суммировала это так: «Пекин запросил высокую цену за договор с Японией — открытую антисоветскую декларацию. Он стремится навязать выбор между Китаем и СССР не только Японии, но и другим азиатским странам»². Яснее, кажется, сказать трудно.

Откровенно антисоветский характер проектируемого договора вызвал широкую дискуссию в политических кругах Японии, в том числе и правящей партии. Все громче стали раздаваться голоса в пользу более осторожного подхода к вопросу о переговорах в целом и к положению о борьбе против «гегемонии» в частности. Японские газеты «Асахи» и «Токио симбун» писали, что включение положения о борьбе против «гегемонии» в предполагаемый договор означало бы серьезный поворот во внешней политике Японии и могло быть расценено как заключение военного союза. С предупреждениями в адрес правительства выступили и некоторые депутаты парламента Японии. В частности, депутат палаты представителей от правящей Либерально-демократической партии И. Накагава заявил, что «заключение договора о мире и дружбе с Китаем вызовет исключительно сильное чувство недоверия к Японии и повлечет за собой нежелательные последствия для нашей дипломатии»³.

Отражением таких настроений явилось и заявление министра иностранных дел Японии К. Миядзава на заседании бюджетной комиссии палаты представителей парламента 3 апреля 1975 г. Он сказал, что, «поскольку Япония придерживается курса на сохранение добрососедских и дружеских отношений с любыми странами, нежелательно включать в договор положение, имеющее особый смысл»⁴.

Такая позиция Японии в отношении китайского требования включить в договор положение о борьбе против «гегемонии» вызвала недовольство в Пекине. Там рассчитывали на сговорчивость Японии по этому вопросу, так как это положение в общей форме уже было изложе-

¹ См. подробнее: «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 3.

² «Japan Times», 18.VI.1975.

³ «Миндзоку то сэйдзи», 1975, № 3.

⁴ «Санкэй симбун», 3.IV.1975.

но в японо-китайском заявлении о нормализации отношений в сентябре 1972 г. Кроме того, Китай пошел на серьезные уступки Японии, согласившись не затрагивать в договоре вопрос о принадлежности островов Сэнкаку, на которые претендуют как Япония, так и Китай.

В тактике Пекина произошли определенные изменения. С одной стороны, стали раздаваться угрозы в адрес Японии, а с другой — активизировалась работа с многочисленными японскими делегациями, посещающими Пекин. Японцам стала внушаться мысль о том, что Китай не подпишет такой договор, в котором не будет положения о борьбе против «гегемонии», и что если Япония не согласится с включением этого пункта, то это будет расценено как ее стремление к установлению гегемонии в Азии. Заместитель премьера Госсовета КНР Цзи Дэнь-куй 14 апреля 1975 г. в беседе с делегацией национального совета японо-китайской дружбы заявил: «Если пункт о гегемонии не будет включен в текст договора, это будет означать, что Япония и Китай сами стремятся к гегемонии»⁵.

Для того чтобы оказать давление на правительство, заставить его капитулировать перед своими требованиями, Пекин усилил обработку японских политических деятелей как из рядов оппозиции, так и правящей Либерально-демократической партии. Нужно сказать, что некоторые из таких «деятелей», стремясь нажить себе сомнительный политический капитал, в ущерб национальным интересам Японии, курсу своих партий идут на поводу у маоистов. Одним из свидетельств тому является поездка в мае 1975 г. в Пекин делегации социалистической партии Японии во главе с председателем ЦИК Т. Нарита и подписанное там совместное коммюнике. Нарита, игнорируя официальную позицию партии, одобренную на ее 38-м съезде в декабре 1974 г., полностью солидаризировался с требованиями Пекина.

Нажим Пекина стал настолько откровенным, что его справедливо начали расценивать не иначе, как проявление «гегемонизма» Китая. По сообщению агентства Кёдо Цусин от 22 мая 1975 г., ответственный руководитель комитета по международным вопросам ЦК Компартии Японии М. Канэко заявил, что «навязывание одной стороной своей позиции другой стороне, по сути дела, и есть гегемония. Обсуждение проблемы гегемонии без учета гегемонии Китая и других стран является пустословием и даже лицемерием».

Серьезным предупреждением прозвучало Заявление правительству Японии, переданное 12 июня 1975 г. японскому послу в Москве, в котором было обращено внимание Токио на попытки руководства КНР повлиять на Японию с целью осложнить ее отношения с третьими странами, в том числе с Советским Союзом. В ответе японского правительства ссылкой на то, что основой дипломатии Японии является «укрепление дружественных отношений со всеми странами и внесение тем самым вклада в дело мира во всем мире», утверждалось, что развитие отношений Японии с Китаем, равно как и позиция японской стороны на переговорах по заключению договора о мире и дружбе с Китаем, не направлены против третьих стран. Но факты — вещь упрямая, и, хотя этого в Японии или нет, объектом предполагаемого договора и его положения о борьбе против «гегемонии» является прежде всего Советский Союз, который на последнем съезде маоистов был провозглашен фактически главным врагом Китая. К известным фактам ныне добавились и новые.

⁵ «Asahi Evening News», 16.IV.1975.

20 октября 1975 г. «Токио симбун» опубликовала содержание статьи «Ускорить заключение японо-китайского договора о мире и дружбе», написанной председателем финансового комитета Либерально-демократической партии, бывшим министром иностранных дел Японии Д. Косака. В статье этот один из активнейших поборников скорейшего заключения договора пишет, что, согласно китайской интерпретации, «гегемония» означает «агрессию, господство, вмешательство во внутренние дела, грабеж или подрывную деятельность в отношении зарубежных стран путем применения силы»⁶. Призывая японское правительство к заключению договора, Косака рекомендует правительству согласовать с Китаем некоторые вопросы в этой связи, с тем чтобы согласие на включение в договор указанного положения не нанесло ущерба экономическим интересам Японии и ее союзу с США. Во-первых, Косака считает, что термин «гегемония» не может быть применен к японским зарубежным инвестициям и положительному сальдо Японии в торговле с Китаем. Во-вторых, отношения с США для Японии имеют важное значение. Однако есть еще политические деятели, которые считают, что США, используя договор безопасности, установили свою гегемонию в Японии. С учетом изложенной выше китайской интерпретации «гегемонии» отношения США к Японии нельзя квалифицировать как «гегемонию». В-третьих, ряд политических деятелей, ошибочно выступает против положения о противодействии «гегемонии», считая, что включение этого положения в предполагаемый договор о мире и дружбе означало бы заключение наступательно-оборонительного союза между Японией и Китаем.

Если на первом этапе переговоров руководящие деятели Японии довольно ясно давали понять о неприемлемости для них положения о борьбе против «гегемонии», то начиная с середины прошлого года можно четко проследить линию на поиски компромиссного решения. Стала высказываться мысль о том, что Япония может согласиться с китайским требованием, вместе с подписанием договора односторонне заявив о том, что положение о «гегемонии» не направлено против какой-либо определенной страны. Однако вполне естественно возникает вопрос, меняет ли это суть дела, если другая сторона — участник договора придерживается другой точки зрения и трактует его по-своему? История знает немало случаев подобного рода односторонних оговорок и заявлений, которые, не меняя существа дела, служили всего лишь прикрытием истинных намерений участников того или иного соглашения. В качестве примера можно сослаться на антикоминтерновский пакт 1936 г. Как известно, МИД Японии на следующий день после его подписания, то есть 26 ноября 1936 г., опубликовал в печати заявление, в котором, в частности, говорилось, что «настоящее соглашение не направлено против Советского Союза или против какой-либо другой определенной страны». Между тем этот пакт, как и тройственный союз, заключенный между Германией, Италией и Японией в 1940 г. и также содержавший оговорку о том, что он «никоим образом не затрагивает политического статуса, существующего в настоящее время между каждым из трех участников соглашения и Советским Союзом»⁷, был альянсом, направленным прежде всего против СССР. Об этом красноречиво свидетельствует антисоветская политика, проводившаяся японскими правящими кругами как до начала второй мировой войны, так и в ходе ее.

⁶ «Токио симбун», 20.X.1975.

⁷ Archiv der Gegenwart. Berlin, 1940, S. 4714—4715.

В сентябре 1975 г. в Японии появилась теория о том, что борьба против «гегемонии» носит характер универсального принципа мира и что это якобы не противоречит духу Устава ООН. В сентябре 1975 г. во время работы XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке состоялись переговоры между министрами иностранных дел Японии и КНР, в ходе которых японской стороной была изложена позиция по вопросу о «гегемонии». Суть ее состояла в том, что Япония может согласиться на включение в договор о мире и дружбе положения о борьбе против «гегемонии», если китайская сторона согласится с японским пониманием содержания указанного положения, а именно: во-первых, выступать против гегемонии не только в Азии и в районе Тихого океана, но и во всем мире; во-вторых, это положение не направлено против определенной третьей страны; в-третьих, оно не означает совместных действий Японии и Китая и, в-четвертых, оно не противоречит духу Устава ООН⁸.

Однако и такой камуфляж пресловутого положения о борьбе против «гегемонии» не меняет содержания, вкладываемого в него авторами, и не дает Японии гарантий от втягивания ее во враждебную делу мира и безопасности народов политику Пекина. Больше того, подобные поиски компромиссов только подталкивают китайских руководителей к усилению нажима на Японию и ее политических деятелей с целью принятия китайских требований. В этой связи было бы уместным привести высказывание газеты «Ёмиури» о политике Китая по вопросу о японо-китайском договоре о мире и дружбе. Эта газета писала: «Китай с самого начала не пошел ни на какие уступки, настаивая на включении в текст договора статьи о гегемонии. К тому же он не проводил обмен мнениями в ходе спокойных переговоров на дипломатическом уровне, а часто заявлял о своей позиции через тех, кто не участвует в переговорах. Китай, похоже, считает, что тот, кто не выступает против гегемонии, не может говорить о японо-китайской дружбе. Подобная позиция Китая, которую нельзя не расценивать как великодержавие, гегемонизм, навязывание другим странам своих позиций, вызывает крайне серьезную озабоченность с точки зрения дружественных отношений между Японией и Китаем»⁹.

Перспектива заключения договора между Японией и Китаем с включением в него положений, создающих серьезную угрозу миру и безопасности в Азии, не может не вызвать беспокойства в азиатских странах. Индийская газета «Нав бхарат таймс» 22 мая 1975 г. опубликовала статью «Китайско-японские переговоры о мирном договоре вызывают тревогу в Юго-Восточной Азии», в которой отмечалось: «В большинстве столиц азиатских государств явно чувствуется тревога по поводу этого договора, а также затянувшихся переговоров между Китаем и Японией. В этих столицах опасаются, что в результате неестественной дружбы между Китаем и Японией, которые лишь вчера были злейшими врагами, обе эти страны могут установить свою гегемонию над Азией»¹⁰. Такое беспокойство в азиатских странах вполне обоснованно. Народы стран Азии еще не забыли, какие страдания и беды, какие опустошения принес им японский милитаризм во второй мировой войне. Они также знают о великодержавной политике Пекина, о его вмешательстве во внутренние дела стран, поддержке различного рода сепаратистских и

⁸ «Асахи», 17.XII.1975.

⁹ «Ёмиури», 5.XI.1975.

¹⁰ «Нав бхарат таймс», 22.V.1975.

антиправительственных группировок и движений, взявших на свое вооружение маоистский тезис «винтовка рождает власть».

Страны Юго-Восточной Азии не могут оставаться равнодушными к проектируемому японо-китайскому договору о мире и дружбе, поскольку видят в нем опасность создания своего рода кондоминиума двух государств, который взял бы на себя роль вершителей судеб азиатских народов. Уже сейчас нельзя игнорировать имеющих место попытки договориться о совместной экономической экспансии Японии и Китая в страны Юго-Восточной и Южной Азии, о возможном разделе сфер влияния и приложения усилий. В январе 1973 г. Чжоу Энь-лай в беседе с тогдашним министром внешней торговли и промышленности Японии Я. Накасонэ призывал Японию к сотрудничеству «рука об руку», подчеркивая большие возможности Китая в области сельского хозяйства и легкой промышленности, а Японии — в области тяжелой промышленности¹¹. Можно с достаточным основанием предполагать, что в случае заключения договора, накладывающего на его участников определенные обязательства, возможности соединения естественных и людских ресурсов Китая с высоким научно-техническим и промышленным потенциалом Японии станут значительно большими, а попытки совместной экономической экспансии в азиатские страны активизируются.

Подобная перспектива содержит в себе и другую опасность — опасность военного характера. Как известно, Китай прекратил критику политики японского правительства в военной области. Еще недавно китайская пропаганда при случае и без такового резко критиковала тенденции к возрождению японского милитаризма. «Японские милитаристы пытаются вновь пробудить прежний дух», — так говорил Чжоу Энь-лай в интервью корреспонденту лондонской газеты «Санди таймс» Н. Максуэллу, опубликованном 5 декабря 1971 г. Сейчас же китайские руководители призывают японские правящие круги укреплять военный союз с США, наращивать вооружение и добиваться возврата захваченных японским милитаризмом и потерянных во второй мировой войне земель, выступают за сохранение американского военного присутствия в Азии. 20 января 1975 г. в беседе с видным деятелем Либерально-демократической партии Японии С. Хори Чжоу Энь-лай поучал: «Японскому народу, очевидно, нужно знать, что отношения между Японией и Америкой являются чрезвычайно важными. Обладание оборонной мощью для великого японского народа является вполне естественным»¹².

В этой связи не остались без внимания довольно острые дебаты в японском парламенте в конце февраля нынешнего года по вопросу о поставках Японией в Китай гидросамолетов типа УС-1 для борьбы с подводными лодками. Как сообщала японская печать, возможность таких поставок в Китай, несмотря на имеющиеся на этот счет соответствующие ограничения в стране, уже рассматривается в правящих кругах Японии. Другими словами, речь может идти о содействии со стороны Японии укреплению военного потенциала Китая. И это происходит тогда, когда китайское руководство прямо говорит о подготовке страны к новой войне, когда в самом Китае предпринимаются всевозможные меры к наращиванию военного потенциала, в том числе ракетно-ядерного. Кроме того, Китай всячески препятствует достижению каких-либо договоренностей по вопросам разоружения, активно проводит испытания ядерного оружия. С октября 1964 г. по январь 1976 г. в Китае бы-

¹¹ См. «Асахи», 22.I.1973.

¹² «Ёмиури», 21.II.1975.

ло произведено 18 испытаний ядерного и термоядерного оружия, причем только два — под землей, а остальные — в атмосфере.

Было бы ошибкой считать, что проектируемый японо-китайский договор направлен только против Советского Союза. Он содержит в себе аспекты, которые могут затронуть существенным образом как независимость других стран, так и их политические и экономические интересы. Этим договором с включением в него китайского тезиса о борьбе против «гегемонии», равно как и навязыванием этого тезиса другим азиатским странам, пекинские руководители хотели бы вбить клин в отношения Советского Союза с Японией и странами Азиатского континента, расчистить путь к осуществлению своих гегемонистских замыслов в Азии. Можно со всей определенностью сказать, что если сегодня, как это признают пекинские руководители, тезис о борьбе против «гегемонии» объявляет Советский Союз своим главным объектом, то завтра им может стать любое государство, которое чем-либо не угодит Пекину или будет проводить политику, мешающую его великодержавным устремлениям. В Отчетном докладе XXV съезду Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил: «Большую опасность для всех миролюбивых народов представляют лихорадочные попытки Пекина сорвать разрядку, не допустить разоружения, сеять недоверие и вражду между государствами, его стремление спровоцировать мировую войну, а самому погреть на этом руки. Такая политика Пекина глубоко противоречит интересам всех народов»¹³.

В своих отношениях с Японией Советский Союз руководствуется тем, что развитие отношений между двумя нашими странами на путях подлинного добрососедства и дружественного сотрудничества в полной мере отвечает интересам советского и японского народов, интересам мира и безопасности народов, и прежде всего Азиатского континента. Это неоднократно подтверждалось в заявлениях советских руководителей. Это подтверждается и практическими мерами, которые предпринимаются Советским Союзом для дальнейшего развития отношений с Японией. Однако, для того чтобы отношения между двумя государствами стали действительно добрососедскими, необходимы усилия обеих сторон. При этом важно акцентировать внимание не на том, что их разделяет, не на различии в позициях по некоторым вопросам, а на том, что объединяет. А Советский Союз и Японию может объединять многое, а главное стремление к устранению какой бы то ни было угрозы возникновения новой войны, к установлению прочных устоев мира в Азии.

За последние годы сделано многое для развития и укрепления советско-японских отношений. Заметно активизировались политические контакты, расширяются связи по парламентской линии, из года в год увеличивается товарооборот между двумя странами. Но сегодняшний уровень отношений — не предел, есть еще много неиспользованных возможностей. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии подчеркивал: «...В советско-японских отношениях законом должны быть именно добрососедство и дружественное сотрудничество, к чему мы и стремимся»¹⁴.

Разумеется, делу дальнейшего развития отношений, подведению под них прочной основы служило бы заключение мирного или соответствующего

¹³ «Правда», 25.II.1976.

¹⁴ Там же.

щего договора между нашими странами. Переговоры по этому вопросу, как известно, уже ведутся. Однако достижение договоренности следует искать не на путях выдвигания необоснованных и незаконных претензий, а на основе существующих реальностей. Именно с таких позиций подходит к переговорам Советский Союз.

Есть и еще одна сторона переговоров по мирному или соответствующему договору. На первый взгляд может показаться, что она не связана непосредственно с договором. Однако это далеко не так. Речь идет об общем развитии отношений, создании соответствующей атмосферы для проведения переговоров. Нет, очевидно, нужды говорить о том, что развязывание различного рода кампаний по выдвиганию территориальных притязаний к Советскому Союзу не только не способствует переговорам, но и создает дополнительные трудности на их пути. Построены на песке и расчеты использовать «поддержку извне», другими словами, подстрекательские заявления Пекина, для подкрепления своих необоснованных притязаний. Уже давно известно, что такой язык не подходит в разговорах с Советским Союзом.

Ведущиеся между Токио и Пекином переговоры о заключении договора о мире и дружбе также не могут не оказать влияния на советско-японские отношения, в том числе и на заключение договора. Вполне естественно может возникнуть вопрос о том, следует ли продолжать переговоры со страной, которая вступает в договорные отношения с государством, проводящим враждебную в отношении Советского Союза политику, со страной, которая поддается нажиму и готова принять обязательства, направленные против Советского Союза. В этих условиях продолжать переговоры о мирном или соответствующем договоре было бы довольно трудно, если вообще не невозможно.

В Японии, однако, есть еще политические деятели, которые исходят из того, что нынешнее состояние напряженности в советско-китайских отношениях выгодно для Японии и поэтому, мол, дело нужно вести к тому, чтобы всемерно способствовать сохранению существующего положения. Недалековидность такой политики не вызывает сомнений. Довоенный и послевоенный опыт являет немало примеров тому, когда Японии приходилось в спешном порядке перестраивать свою политику, в основе которой лежали интересы одного дня и не учитывались долгосрочные интересы страны, перспектива развития международной обстановки. Так было в связи с известным в Японии «шоком Никсона», неожиданным поворотом в американской политике в отношении Китая, так было с пересмотром ближневосточной политики Японии, вызванным разразившимся экономическим кризисом, и т. д. Не повторяется ли снова эта же ошибка, когда в угоду конъюнктурным соображениям на чашу весов ставятся отношения Японии с Советским Союзом и другими странами, искренность многократных заявлений японских государственных деятелей о намерении проводить сбалансированную политику укрепления мира и международного сотрудничества? Японская газета «Санкэй симбун» 26 ноября 1975 г. опубликовала статью под заголовком «Япония и США — друзья на вечные времена?», в которой, в частности, писала: «В настоящее время — в период многополюсной системы международных отношений — разграничительные линии, проходящие между противниками и союзниками, в общем-то, становятся все более расплывчатыми. Это неизбежный процесс, который проявляется, например, в том, что у США и Китая, некогда являвшихся открытыми врагами и до сих пор не разрешивших много серьезных проблем, появились общие интересы в вопросах, касающихся их отношений с Советским Союзом, и нет никаких гарантий, что отношения США со странами, которые в

прошлом считались союзниками Америки, не изменятся в худшую сторону»¹⁵.

Разумеется, нельзя согласиться со всеми положениями данной статьи. В частности, неизбежность процесса эрозии союзнических отношений применима только к капиталистическим странам, где властвует конъюнктура, где под ширмой союзнических отношений одна страна стремится сдерживать другую, где главное — капитал и выгоды монополий. Укрепление союза социалистических стран, основанное на общности идеологической, на совместной борьбе за мир и счастье человечества, союза, в котором каждый имеет равные права и равные обязательства, представляет собой новый характер отношений между государствами. Такой союз не может быть поставлен на одну доску с отношениями между капиталистическими странами. Вместе с тем в статье довольно четко говорится о том, что союзнические отношения, построенные на конъюнктурных соображениях, чреватые превращением в отношения конкуренции и соперничества.

Сейчас Япония оказалась перед выбором пути — куда идти дальше. Пойдет ли она по пути союза с нынешним Китаем, чреватому серьезными осложнениями для отношений Японии с другими странами, либо по пути независимого взаимовыгодного сотрудничества и дружбы со всеми странами. Разумеется, выбор пути — дело самой Японии. Тем не менее думается, что твердый и взвешенный подход возьмет верх и Япония не даст втянуть себя в стратегию Пекина, идущую вразрез с получающей все большую поддержку в мире тенденцией к углублению разрядки международной напряженности и расширению взаимовыгодного сотрудничества между странами.

Что касается советско-японских отношений, то хотелось бы привести слова члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко, сказанные им во время пребывания в Японии в январе 1976 г.: «Нельзя не видеть, что коренная перестройка системы международных отношений на принципах мирного сосуществования происходит в противоборстве между сторонниками и противниками этого. Еще есть силы, выступающие против разрядки напряженности, пытающиеся осложнить отношения между государствами, в том числе и между нашими странами. Им больше по душе напряжение и накал в отношениях между государствами. Мы такую линию, такую политику отвергаем. Они не отвечают интересам народов. Мы твердо убеждены, что в общих интересах Советского Союза и Японии оградить свои отношения от подобного рода попыток и их влияния. Надеемся, что в Японии разделяют эту точку зрения»¹⁶.

¹⁵ «Санкэй симбун», 26.XI.1975.

¹⁶ «Правда», 10.I.1976.

Экономические связи КНР и Шри Ланка

Т. П. Константинов

В настоящее время обозначился новый этап в борьбе маоистов за осуществление их геополитических планов. В новой конституции КНР поставлена задача вывести Китай к концу текущего столетия «в первые ряды стран мира», обеспечив тем самым предпосылки для осуществления великодержавных, шовинистических установок маоизма — «водрузить знамя идей Мао Цзэ-дуна над всем миром». Пекин ныне обращает особое внимание на развивающиеся страны, объявляя их главной революционной силой, «двигающей вперед колесо мировой истории». Стратегия группы Мао направлена на то, чтобы вбить клин в дружбу и сотрудничество развивающихся государств с социалистическими странами, навязать «третьему миру» пекинские концепции политического и экономического развития, использовать развивающиеся страны для достижения собственных гегемонистских целей.

Особое место в этих планах отводится Азии, которую в Пекине уже давно рассматривают как сферу преимущественного влияния Китая. Желая поставить национально-освободительное движение в молодых азиатских государствах на службу своим корыстным интересам, Пекин широко использует методы экономического давления на страны региона, что, в частности, нередко приводит к появлению у этих стран крупных материальных и валютных потерь в ходе их двусторонних экономических отношений с КНР. В этом плане не являются исключением и торгово-экономические связи Китая с такой страной региона, как Республика Шри Ланка (до 22.V.1972 г. Цейлон).

Начало торговых отношений между независимым Цейлоном и Китайской Народной Республикой следует отнести к октябрю 1952 г., когда между этими странами было подписано первое официальное соглашение о торговле. С этого момента товарооборот с Китаем стал одним из крупнейших секторов цейлонской внешней торговли. За период 1953—1975 гг. среднегодовой оборот торговли между двумя странами составил около 0,4 млрд. руп.¹ В настоящее время на долю Китая приходится 11% общей стоимости экспорта и импорта Шри Ланка, то есть больше, чем на долю любого другого торгового партнера.

Для Шри Ланка основная цель торговли с Китаем — закупки в этой стране большого количества риса, являющегося для ланкийского населения главным продуктом питания. В последние годы каждый пятый килограмм риса, потребленный жителями этой страны, был ввезен из КНР. Не располагая большим набором товаров для экспорта, Шри Ланка может обеспечивать поступление этого вида продовольствия из Китая лишь

¹ Здесь и далее данные за период 1953—1968 гг. пересчитаны с учетом девальвации рупии Шри Ланка в 1967 г. на 20%. По курсу на середину 1975 г. 6,9 рупии равны 1 ам. долл.

в обмен на свое традиционное сырье, прежде всего каучук, в закупках которого испытывает заинтересованность КНР. Это и предопределяет особый характер торговых отношений Шри Ланка с Китаем, стержневым направлением которых вот уже более 20 лет служит бартерный обмен цейлонского каучука на китайский рис, известный в торговой практике этих стран под названием «рис — каучук». За счет взаимных поставок этих товаров в рассматриваемый период формировалось в среднем около $\frac{1}{5}$ всего цейлоно-китайского оборота.

Стремясь придать устойчивость обмену каучука на китайский рис, Шри Ланка осуществляет его в рамках специальных долгосрочных соглашений; всего между двумя странами было заключено пять таких соглашений (на периоды 1952—1957, 1958—1962, 1963—1967, 1968—1972 и 1973—1977 гг.). По этим соглашениям в 1953—1975 гг. в Шри Ланка поступило около 4 млн. т китайского риса, в КНР — свыше 1 млн. т каучука.

Вместе с тем, несмотря на кажущуюся стабильность и относительно большой объем бартерного обмена, получение Республикой Шри Ланка в Китае требуемого количества риса в обмен на каучук становилось все более сложным делом. И как следствие в первой половине 70-х гг. доля китайского риса в общем импорте риса в Шри Ланка продолжала падать.

Это объясняется действиями Пекина, все более откровенно демонстрирующего свой корыстный подход к торговле со Шри Ланка. Стало очевидным, что в Пекине смотрят на торговлю «рис — каучук» лишь под углом зрения текущих, подверженных колебаниям потребностей в каучуке и увязывают их с задачами своего политического курса в отношении основных стран — производителей натурального каучука, а именно Индонезии, Сингапура и Малайзии.

Поставки цейлонского каучука в Китай прошли в своем развитии четыре основных этапа: период активной торговли (1953—1957), резкого спада (1958—1965), оживления (1966—1970) и нового сокращения с начала 70-х гг.

В 1953 г. Шри Ланка была для КНР, по существу, единственным рынком натурального каучука в Азии, поскольку остальные страны региона придерживались эмбарго на экспорт в Китай этого стратегического сырья. Именно тогда КНР заключила со Шри Ланка первое соглашение «рис — каучук», обеспечившее поступление в Китай в 1953—1957 гг. около 250 тыс. т цейлонского каучука.

Снятие эмбарго, расширение Пекином торгово-политических контактов с китайской иммиграцией в Сингапуре, заигрывание маоистского руководства с правительством Сукарно предопределили наступление в 1958 г. фазы резкого спада в китайском импорте каучука из Шри Ланка: в период действия второго торгового соглашения он сократился в сравнении с первым в 1,7 раза. Однако события «30 сентября» (1965) в Индонезии, приведшие к официальному прекращению экспорта индонезийского каучука в КНР, вновь внесли коррективы в тактику китайских закупок в Шри Ланка: уже в 1966 г. они достигли уровня 1953 г. (60 тыс. т), а к началу 70-х гг. поднялись до 70 тыс. т в год.

Политика Китая в этом вопросе не претерпела существенных изменений и в 70-е гг. Для цейлонских экспортеров каучука вопрос устойчивого сбыта этого товара в Китай остается по-прежнему проблематичным, особенно в свете новых попыток Пекина усилить свое торгово-политическое влияние в Сингапуре. Зарубежные обозреватели считают также, что, «поскольку закупки каучука стали неотъемлемой частью внешней политики Пекина в Юго-Восточной Азии, все более широкие цели дан-

ной политики, несомненно, будут толкать КНР к увеличению импорта каучука и из такой страны, как Малайзия»².

За последние два десятилетия цейлоно-китайские торговые соглашения становились все более выгодными для Китая и соответственно все меньше отвечали основным торговым потребностям Шри Ланка. Достаточно сказать, что если доля каучука в стоимости китайского импорта из этой страны в эти годы оставалась практически неизменной (порядка 95%), то доля риса в цейлонском импорте из КНР сократилась с 97% в 1953 г. до 84% в 1974 г.

Не в пользу Шри Ланка складываются и тенденции мировых цен на натуральный каучук и рис. В 60-х гг. цены на цейлонский каучук были подвержены падению, тогда как на мировом рынке риса наблюдалось заметное оживление. Спекулятивный взлет цен на промышленное сырье (в том числе каучук), происшедший в 70-х гг. под влиянием мирового энергетического кризиса, не внес существенных корректив в вышеупомянутые тенденции. В итоге коэффициент обмена тонны цейлонского каучука на китайский рис неуклонно снижался: в 1960 г. Шри Ланка получала за тонну своего каучука 7,6 т риса, в 1970 г. — лишь 4,8, в 1973 г. — 3,5, в 1975 г. — 3,6 т. Следовательно, в эти годы Китаю для увеличения импорта цейлонского каучука не было необходимости соответственно расширять встречные поставки риса.

Для установления эффективного контроля над ходом торговли «рис — каучук» китайские компании используют весьма изощренные торгово-политические методы, среди которых особое место отводится так называемым премиальным ценам, уплачиваемым Китаем цейлонским экспортерам каучука. Как было зафиксировано еще в первом соглашении «рис — каучук» (1952), цены на цейлонский каучук устанавливаются на базе цен сингапурского рынка с известной надбавкой, размеры которой определяются Китаем. Формально такого рода «премии» рассматриваются Китаем в качестве дополнительной помощи Шри Ланка в восстановлении ее национального каучукового хозяйства. Однако на деле все обстоит отнюдь не так, как об этом говорят в Пекине.

Прежде всего бросается в глаза падение размеров вышеупомянутых «премий». Если в 1953 г. китайская цена за фунт цейлонского листового каучука превышала мировую на 28 центов, то в 1955 г. — уже только на 14, в 1970 г. — на 8,7, в 1973 г. — на 7,2 цента. В этих условиях полезность такого рода «помощи» для цейлонского хозяйства заметно утрачивается. Если в 1954—1955 гг. Шри Ланка получила от повышенных цен на каучук прибыль в размере 140 млн. руп.³, то, как показывают расчеты, за весь период действия третьего соглашения «рис — каучук» (1963—1967) — не более 25 млн. руп. При этом в те же годы благодаря падению мировых цен на каучук Китай смог сэкономить на его импорте из Шри Ланка 32 млн. руп. По сообщениям прессы, цейлонские производители каучука продолжают крайне скептически относиться к возможности поправить свои дела за счет китайских «премий»⁴.

Для торгово-экономических организаций КНР предоставление «премий» за каучук — отнюдь не жест доброй воли. Достаточно сказать, что столь необычные в мировой торговой практике акции еще в начале 50-х гг. позволили КНР полностью устранить американских конкурентов с цейлонского рынка каучука. В 60-х гг. китайским компаниям удалось практически целиком монополизировать закупки данного сырья в Шри

² «Patriot», 3. I. 1974.

³ А. Б а т у р и н. Цейлон. М., 1957, с. 37.

⁴ «Times of Ceylon», 28. III. 1972.

Ланка. Для этого им пришлось лишь несколько «усовершенствовать» систему поощрительных цен. Так, начиная с третьего торгового соглашения, КНР дифференцировала «премии» на минимальные (6,2 цента за фунт низкосортного каучука) и максимальные (8,7 цента); последние выплачиваются только за листовой каучук высших сортов, да и то лишь в случае, когда его доля в общих поставках в КНР превысит 50%. Все это и по сей день дает возможность КНР закупать до 80% цейлонского высокосортного каучука.

Сказанное отнюдь не означает того, что Китай неукоснительно придерживается им самим предложенных условий торговли. В периоды снижения интереса к цейлонскому рынку Китай резко сокращает размеры надбавок, а в отдельные годы таковые вообще не поступают в распоряжение Шри Ланка (в частности, в период 1958—1962 гг.).

В деловых кругах Шри Ланка растет беспокойство не только по поводу вышеупомянутых махинаций КНР вокруг размеров «премий». Цейлонскую сторону все больше волнует и тот факт, что вывоз каучука в Китай нередко сопряжен с прямыми убытками для нее. Так, в 70-х гг. в прессе появилось немало сообщений, согласно которым китайские покупатели каучука, ссылаясь на его недоброкачественность, нередко добиваются от цейлонских экспортеров согласия понизить цены на этот товар. Подобная «пересортица» явилась одной из причин того, что в настоящее время доля каучука первого сорта в цейлонском экспорте в Китай упала до 30% по сравнению с 70% в начале 50-х гг. Возможность допущения «пересортицы» при вывозе каучука в КНР иногда объясняют тем, что «лишь немногие цейлонские эксперты имеют правильное представление о международных стандартах каучука высших сортов»⁵. По всей видимости, за счет «пересортицы» Китаю удается компенсировать до 40% своих расходов на выплату «премий» к ценам за цейлонский каучук.

Восполнения своих затрат на надбавки Пекин добивается и путем практикуемой им системы установления контрактных цен на каучук. Последние фиксируются по настоянию Китая на базе среднемесячных цен сингапурского рынка. Это позволяет торговым организациям КНР внимательно следить за динамикой мировых цен и подавать свои суда в Коломбо для погрузки каучука в периоды наиболее низкой конъюнктуры на этот товар. Настойчивые попытки Шри Ланка вернуться к практике использования средненедельных цен, как это делалось в 50-х гг., остаются безуспешными. Нерегулярность прибытия китайских судов для вывоза каучука оборачивается для Шри Ланка серьезными потерями — затовариванием и ростом складских расходов, сокращением производства, особенно в периоды интенсивного сбора латекса, снижением и без того минимальной рентабельности национальных каучуковых хозяйств⁶.

В этой связи нельзя не упомянуть также попыток торговых компаний Китая получать цейлонский каучук в обмен на рис, поставляемый по спекулятивно-высоким ценам. Такого рода случаи участились в начале текущего десятилетия в связи с небывало острой нехваткой риса на мировом рынке. Так, например, в торговом протоколе на 1971 г. цена на китайский рис была зафиксирована на уровне 35 ф. стерл. за тонну, то есть почти на 6% выше мировых цен, предусмотренных в контракте между Шри Ланка и Таиландом — одним из крупнейших мировых экспортеров риса. Следует подчеркнуть, что после подписания упомянутого протокола Китай неожиданно снизил цену на 2,4%, выдав это за поддержку,

⁵ «Ceylon Daily News», 7. I. 1971.

⁶ «Times of Ceylon», 28. III. 1972; «Ceylon Daily News», 29. III. 1972.

направленную на преодоление валютных затруднений в Шри Ланка⁷. Тем не менее уже в следующем году (1972) КНР потребовала от этой страны уплаты 52 ф. стерл. за тонну риса, цинично мотивировав этот шаг «необходимостью учета перспектив роста мировых цен». Результаты такого рода торговой политики ложатся особенно тяжелым бременем на расходную часть бюджета Шри Ланка, поскольку продажа риса на внутреннем рынке этой страны частично субсидируется государством.

К числу утраченных Республикой Шри Ланка надежд относится и намерение этой страны осуществлять с Китаем сбалансированную торговлю. Для Шри Ланка, золотовалютные резервы которой находятся на грани истощения, весьма ощутимы потери, которые она несет вследствие своей хронической торговой задолженности КНР.

По оценкам автора, суммарный дефицит в торговле Шри Ланка с Китаем в последние 20 лет превысил 150 млн. руп. в иностранной валюте. Подлинную природу факторов, приведших к такому положению, установить не столь просто в силу особой изощренности договорно-правовых норм, применяемых Китаем в торговле с Республикой Шри Ланка.

Прежде всего следует отметить, что в самом начале своих торговых отношений с КНР Шри Ланка имела значительное положительное сальдо (более 200 млн. руп. за 1953—1957 гг.). Последнее объяснялось, естественно, особым интересом Китая в те годы к цейлонскому каучуку. Однако КНР не сочла возможным мириться с потерей валюты — уже в 1957 г. в платежное соглашение со Шри Ланка китайской стороной была внесена оговорка о «соблюдении принципа равенства между импортом и экспортом». При этом в соглашении появились два финансовых счета — первый для оплаты гарантированных операций «рис — каучук», второй — по обмену прочими товарами. Как выяснилось позже, подобный договорный трюк привел к весьма пагубным для Шри Ланка последствиям.

С вступлением в силу нового положения Китай сразу же снизил размер гарантированных поставок риса в обмен на каучук. Вместе с тем для КНР это не уменьшило возможности получения дополнительных количеств цейлонского каучука. Таковые, когда это было необходимо Китаю, стали приобретаться в рамках торговли «прочими товарами», то есть в обмен на китайскую промышленную продукцию.

Организация обмена по принципу «промышленные товары против каучука» была осуществлена Китаем с дальним прицелом. Уже в период действия второго торгового соглашения стало ясно, что Пекин, получив доступ на рынок промышленных товаров Шри Ланка, будет стремиться к неограниченной экспортной экспансии. Так оно и случилось: в 1958 г. Китай впервые продал свои промышленные товары на сумму, значительно превышающую стоимость дополнительно закупленного им каучука, положив тем самым начало общей несбалансированности цейлоно-китайского торгового оборота. Если в ходе осуществления гарантированных взаимопоставок «рис — каучук» за период 1953—1973 гг. поступления Шри Ланка составили примерно 470 млн. руп., то от торговых операций по другим статьям в те же годы она потеряла свыше 620 млн. руп., в том числе почти $\frac{5}{6}$ этой суммы — в течение последних 10 лет. Это и явилось главной причиной образования общего дефицита в торговле Шри Ланка с Китаем в размере 150 млн. руп.

Что же представляет собой китайский экспорт так называемых «новых» товаров, способных заменить, по мнению Пекина, столь необходимый Республике Шри Ланка рис?

⁷ «Ceylon Daily Mirror», 22. I. 1972.

Структура вывоза промышленных товаров, на долю которого приходится уже почти четверть общего китайского экспорта в Шри Ланка, весьма специфична. Первоначально КНР обеспечивала часть потребностей цейлонского хозяйства в такой важной для него продукции, как железнодорожные вагоны, цемент, сахар. Однако все они не привились в китайском экспорте в Шри Ланка. Уже в середине 60-х гг. их вытеснили хлопчатобумажные ткани, составляющие половину общего объема экспорта.

Выбор Китаем хлопчатобумажных тканей в качестве ключевого экспортного товара отнюдь не случаен. Текстиль обладает массовым спросом на цейлонском рынке, что дает Китаю возможность осуществлять свою торговую экспансию на широкой основе. Если к 1963 г. экспорт китайских тканей в Шри Ланка составлял лишь 7 млн. руп., то в 1973 г. он достиг уже 30 млн. руп. Такого прироста торговли Пекин добился с помощью неприкрытого демпинга. Торговые конкуренты КНР на цейлонском рынке текстиля были вынуждены уступить свои позиции еще в середине 60-х гг. Используя введенный в этот период цейлонским правительством запрет на ввоз текстиля по цене свыше 1,2 цейл. руп. за ярд, торговые компании КНР буквально наводнили эту страну своим текстилем, продавая его по бросовым ценам⁸. В настоящее время цейлонский рынок этого товара по-прежнему более чем наполовину монополизирован Китаем.

В погоне за твердой валютой Китай ищет все новые подступы к цейлонскому рынку, используя в этих целях такие крупнейшие международные центры реэкспортной торговли, как Сингапур и Гонконг. В частности, через Гонконг в Шри Ланка попадает такая продукция КНР, как консервы, фаянсовая посуда, канцелярские принадлежности, инструменты и т. п. С учетом оценок, согласно которым на товары КНР обычно приходится около четверти гонконгского реэкспорта в Азию, можно полагать, что Пекин зарабатывает на таких поставках в Шри Ланка ежегодно более 13 млн. руп. в иностранной валюте⁹.

Существуют и другие примеры того, как торговля со Шри Ланка превращается в руках китайских компаний в средство извлечения односторонних валютных выгод. В цейлонскую прессу, например, не раз просачивались сведения о перепродаже этими компаниями цейлонского чая странам Северной Африки и даже Англии на свободную валюту, хотя он был получен Китаем в Шри Ланка в обмен на китайские товары, не пользующиеся спросом на рынках с твердой валютой¹⁰. В последние годы стал бросаться в глаза ажиотаж, поднятый торговым представительством КНР в Шри Ланка вокруг торговли драгоценными камнями. Китайские закупки самоцветов в этой стране растут стремительно. Как стало известно, они осуществляются Китаем в целях последующей перепродажи камней и изделий из них по высоким ценам на международной ярмарке в Кантоне иностранным туристам из западных стран¹¹. В тех же целях КНР активно скупает в Гонконге цейлонские полудрагоценные камни (последние заняли первое место в гонконгском импорте полудрагоценных камней; в то же время КНР стала одним из ведущих их покупателей в Гонконге). По всей видимости, не без участия китайских посредников осуществляется и контрабандный вывоз драгоценных камней из Шри Ланка в Гонконг.

⁸ «Times of India», 26. V. 1965.

⁹ Подсчитано по: Hong-Kong Trade Statistics. Exports and Re-exports, December 1973.

¹⁰ «Ceylon Observer», 24. IV. 1966.

¹¹ «Times of Ceylon», 27. IV. 1973.

Маоистская доктрина «преимущественного влияния Китая в Азии» находит свое отражение и в подходе Пекина к экономической и научно-технической «помощи» Республике Шри Ланка. Как и в процессе торгового сотрудничества с этой страной, Пекин прежде всего стремится создать иллюзию особой выгоды китайской внешней помощи. Следует отметить, что претенциозность позиции КНР в вопросах предоставления экономической помощи проявляется уже в самих ее формах. Стремясь подчеркнуть «братский» характер своего внешнеэкономического содействия, КНР одно время практиковала помощь в виде даров и безвозмездных субсидий.

На деле, однако, безвозмездная китайская помощь преследовала цели далеко не бескорыстные. Если обратиться, например, к соглашению от 1957 г., то причины его появления на свет вновь приведут нас к торговле «рис — каучук»: именно в этот период Китай впервые отказался платить «премии» за цейлонский каучук, заменив их бесплатными поставками своих товаров в Шри Ланка. Однако их реализация на внутреннем рынке Шри Ланка в целях получения средств для последующего субсидирования ее каучуковых хозяйств принесла столь ничтожные результаты, что уже в начале 60-х гг. цейлонское правительство вынуждено было отказаться от получения таких товаров и потребовать возврата к торговле по «премиальным» ценам¹².

В целом субсидии не создали китайской экономической помощи должного ореола. В связи с этим Китай делает теперь основную ставку на займы и кредиты. Особой формой китайских кредитов Шри Ланка являются займы в свободно конвертируемой валюте. В связи с существующей утечкой валюты из Шри Ланка в Китай в счет погашения ее хронической торговой задолженности многие международные обозреватели высказывали мнение, что упомянутыми займами Пекин намерен «усыпить бдительность» цейлонцев. «Если уж подводить итоги, — писал в этой связи журнал «Африк нувель», — то следовало бы честно признать, что скорее Шри Ланка оказывает валютную «помощь» Пекину, хотя последний и твердит неустанно о своем бескорыстии и финансовых жертвах»¹³.

Для экономики молодых государств, особенно таких малых, как Шри Ланка, большое значение имеет получение помощи, включающей комплексное финансовое и научно-техническое содействие развитию конкретных промышленных и сельскохозяйственных объектов. Оказание такой помощи рассматривается официальными цейлонскими кругами в качестве наиболее полезного шага со стороны иностранных государств. Учитывая это обстоятельство, Пекин стремится продемонстрировать свой благожелательный подход к вопросу о предоставлении такого рода помощи.

Китайская сторона обещала Шри Ланка значительные средства на создание около десятка крупных объектов. Однако лишь малая часть из них была действительно предоставлена для строительства одной текстильной фабрики (в Пугода) и для финансирования нескольких мало-значительных программ. В результате доля использованной проектной китайской помощи во всей сумме реально отпущенных для Шри Ланка средств не превышает 20%, а непосредственно в промышленность направлено лишь 7% этой помощи.

Скудость финансовой «помощи», оказанной Китаем в сооружении промышленных объектов в Шри Ланка, предопределила их низкую производительность. Поставленные Китаем ткацкие и шлихтовальные станки целиком предназначались для развития мастерских кустарного типа,

¹² «Times of Ceylon», 12. I. 1959.

¹³ «Afrique Nouvelle», 15. VI. 1972.

тогда как в текстильных отраслях Шри Ланка давно уже наметился переход к современным формам машинного производства. Что касается текстильной фабрики в Пугода, то ее проектная мощность достигает лишь 1,6 тыс. т хлопчатобумажной пряжи и 11 млн. м готовых тканей в год (соответствующие показатели производительности текстильного комбината, построенного в Шри Ланка при содействии ГДР, составляют, например, 8 тыс. т и 50 млн. м тканей).

Можно считать, что Китай побил все «рекорды» по растягиванию сроков сооружаемых им объектов. Так, создание текстильной фабрики в Пугода с помощью КНР было впервые оговорено еще в начале 60-х гг., тогда как фактически она была введена в эксплуатацию лишь недавно. Это не мешало, однако, руководству КПК засчитывать выделенные на фабрику средства в актив своей «помощи», а китайская пропаганда все это время рекламировала ведущееся в Пугода строительство, задержки в ходе которого оправдывались якобы исключительно «нехваткой в Шри Ланка требуемых сырья и материалов».

Подобные иллюзорные посулы со стороны Китая оборачиваются для Шри Ланка срывами в выполнении ее государственных планов. В стране растут убеждения в том, что экономическое и техническое содействие со стороны Китая не способствует решению фундаментальных проблем промышленного развития, формированию устойчивых источников экономического роста. Основная ставка при оказании «помощи» делается пекинским руководством на достижение чисто пропагандистского, политического «эффекта».

В этой связи обращает на себя внимание характер «экономической помощи» КНР, во многом формирующийся под влиянием ее текущих политических интересов в этом районе. После бурной демонстрации «дружественных чувств» к ланкийскому народу в конце 50-х — начале 60-х гг. Пекин уже во второй половине прошлого десятилетия резко сократил свое экономическое содействие Шри Ланка. Начиная с 70-х гг. КНР вновь взяла курс на расширение своей «экономической помощи» — достаточно сказать, что за пять последних лет она предоставила Шри Ланка почти $\frac{2}{3}$ всей своей «помощи» этой стране.

Не вызывает сомнения, что нынешняя политика заигрывания Пекина со Шри Ланка — один из его практических шагов на пути осуществления великодержавных планов глобального масштаба, разработанных маонистами и получивших законодательное «одобрение» на сессии ВСНП в январе 1975 г. Еще в начале 1974 г. прогрессивная общественность Шри Ланка указывала на вероятность значительной активизации действий маонистов в отношении их страны. Как отмечала цейлонская газета «Трибюн», пекинские политики, исповедующие принцип «каждому овощу свое время», склонны, по-видимому, считать, что такое время для них уже настало и экономические усилия Китая в Шри Ланка должны начать приносить политические дивиденды¹⁴.

Что же конкретно интересует пекинских политиков в Шри Ланка?

Повышенный интерес Пекина к этой стране определяется прежде всего тем, что остров занимает исключительно выгодное положение в Индийском океане, что, по мнению цейлонских исследователей, заставляет китайских геополитиков смотреть на Шри Ланка как на «плацдарм для удобного доступа к странам Центральной и Восточной Африки, равно как и к государствам Персидского залива, с которыми Китай недавно установил тесные контакты»¹⁵.

¹⁴ «Tribune», 5. I. 1974, p. 2.

¹⁵ A. Wilson. Politics in Sri Lanka, 1947—1973. London, 1974, p. 270.

Воплощение Китаем своей идеи «присутствия» в водах Индийского океана уже дает о себе знать. 20 апреля 1972 г. КНР предоставила Шри Ланка два торговых судна водоизмещением около 6 тыс. т каждое. Было также заключено соглашение об открытии цейлоно-китайской судоходной линии, обслуживать которую будут два упомянутых цейлонских судна и два сухогруза, принадлежащих КНР¹⁶. В 1974 г. китайская сторона вела в Коломбо переговоры о продаже Шри Ланка еще одного судна водоизмещением 15 тыс. т, а также о возможности использования Китаем своего грузового флота для транспортировки 50% объема поставляемого им риса и приобретаемого в Шри Ланка каучука.

По имеющимся сведениям, открытое морское сообщение между Китаем и Шри Ланка обеспечивает транспортировку товаров не только этих двух стран, но и третьих государств, в частности Японии. Таким образом, основная точка пересечения планируемых Китаем судоходных линий от дальневосточных стран до африканских государств, несомненно, приходится на остров Ланка. В Пекине вынашиваются еще более далеко идущие планы, а именно создание морской линии КНР — Шри Ланка — Европа, с открытием которой все экспортные цейлонские грузы будут перевозиться восемью судами, четыре из которых будут принадлежать КНР.

Неотъемлемой частью планов усиления китайского влияния в бассейне Индийского океана является наращивание здесь Китаем своего военно-морского потенциала, направленного в первую очередь против Индии. Намерение изолировать Республику Шри Ланка от Индии, с которой она имеет весьма широкие традиционные связи, — одна из основных целей нынешнего экономического и политического заигрывания Пекина со Шри Ланка. Китайские руководители учитывают также ее географическую близость к Индии, что порождает у них желание использовать остров в качестве опорного пункта для китайских военно-морских сил. В этой связи Пекин проявляет особый интерес к исключительно удобной естественной гавани Тринкомали на северо-востоке острова. Аренда ее портовых сооружений, по мысли пекинских стратегов, могла бы создать прямую морскую угрозу Южной Индии. Терпя, однако, в этом деле одну неудачу за другой, китайская дипломатия пытается исподволь влиять на расстановку морских сил в этом районе, используя в качестве рычага военную помощь, в рамках которой она уже предоставила Шри Ланка в дар пять современных быстроходных катеров стоимостью более 1 млн. руп. каждый¹⁷.

Несомненно, руководство КПК намерено заручиться поддержкой Шри Ланка на международной арене, где, как известно, эта страна пользуется большим авторитетом, в том числе среди неприсоединившихся государств. Отнюдь не случайным в этой связи выглядит недавнее предостережение цейлонской печати о том, что маоисты особенно тщательно наблюдают за подготовкой предстоящей в Коломбо в 1976 г. V конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран. Чтобы оказать влияние на решения этого важного международного форума, Пекин вновь пускает в ход такое средство «вербовки сторонников», как расширение экономической помощи государствам «третьего мира», хотя всем хорошо известен ее «двусмысленный и сомнительный» характер¹⁸.

Китай хотел бы также добиться от Шри Ланка признания его концепции «сверхдержав», истинным содержанием которой является анти-

¹⁶ «Ceylon Daily News», 15. IV. 1972; 21. IV. 1972.

¹⁷ «Ceylon Daily News», 2. XII. 1971.

¹⁸ «Tribune», 26. VII. 1975.

советизм. Однако цейлонская общественность дает этим попыткам отпор. Так, например, в ответ на стремление маоистов на проходивший в 1974 г. в Коломбо 30-й сессии ЭСКАТО навязать дискуссию о «сверхдержавах», прогрессивная цейлонская пресса прямо заявила, что все эти попытки делаются Пекином лишь для того, чтобы отвлечь внимание от его собственных притязаний на лидерство в «третьем мире»¹⁹.

Новое наступление маоизма на «третий мир» вряд ли принесет Пекину ожидаемые результаты. У молодых независимых государств уже имеется необходимый опыт для своевременного распознавания и нейтрализации подрывных действий Пекина. Достаточно вспомнить реакцию азиатской общественности на трагические события в Шри Ланка в апреле 1971 г. Спекулируя на росте экономических трудностей и безработицы в среде цейлонской молодежи, пропекински настроенные элементы выступили в этот период с требованиями провести в Шри Ланка немедленные революционные преобразования по типу Китая и Албании²⁰. Идеологическим фоном поднятого ими вооруженного мятежа послужила маоистская концепция разжигания «народных войн», приправленная хорошо известными в Азии китайскими лозунгами борьбы с «индийским экспансионизмом». Как писала в этой связи азиатская пресса, «сейчас уже мало кто сомневается в причастности Китая к мятежу»²¹.

* * *

В целом, как показывает опыт двух прошедших десятилетий, подход Пекина к развитию торгово-экономических отношений с Республикой Шри Ланка принимает все более «целенаправленный» характер. КНР стремится к монопольному положению в сфере цейлонских внешнеэкономических связей с целью извлечения крупных односторонних выгод. Располагая уже немалым весом в отдельных сферах этих связей, Пекин намерен использовать этот факт и для достижения своих политических целей. Именно этим объясняются его неоднократные попытки поставить перспективы торговли «рис — каучук» в прямую зависимость от того, насколько терпимым окажется правительство Шри Ланка к идеологической диверсии маоистов в этой стране. Характер нынешней китайской «помощи» целиком определяется задачами нового этапа политического и военного курса маоизма в Азии, имеющего целью поставить национально-освободительное движение под контроль Пекина, воспрепятствовать разрядке напряженности в регионе, дискредитировать идею создания системы коллективной безопасности в Азии, поскольку она не согласуется с его гегемонистскими планами.

Маоистским лидерам не удалось тем не менее направить национально-освободительное движение в Шри Ланка в фарватер своей политики. Шри Ланка продолжает следовать независимым миролюбивым курсом, осуществляя серьезные антиимпериалистические преобразования в своей экономике, расширяя торгово-экономическое сотрудничество с СССР и другими социалистическими странами.

В Азии, несомненно, зреет понимание того, что «маоисты ведут двойную игру в отношении Бирмы, Шри Ланка, Малайзии и ряда других стран этого региона»²². Это приближает время окончательной дискредитации гегемонистской стратегии Пекина в глазах народов этих стран.

¹⁹ «Satan Maga», 11. IV. 1974.

²⁰ «Far Eastern Economic Review», 1971, № 21, p. 14.

²¹ «Hindustan Times», 4. IV. 1972.

²² Маоистский курс: против мира и прогресса. М., 1973, с. 35

Стюарт Шрам — апологет маоизма

Н. И. Пащенко

Зарождение промаоистской концепции в буржуазной историографии относится к 30-м гг. XX в., когда появилась первая работа Э. Сноу, «Красная звезда над Китаем», а затем и другие его книги и статьи. Дальнейшее обоснование и развитие эта концепция получила в 40—50-е гг. в работах Д. Фэрбэнка, Б. Шварца и других буржуазных ученых.

С начала 60-х гг. маоизм стал одной из самых популярных тем у буржуазных авторов. Идеологи капиталистического мира по достоинству оценили тот факт, что в лице националистического руководства КПК они имеют усердного союзника, далеко зашедшего в своей борьбе против международного коммунистического движения. В США, Англии и других странах одна за другой появляются работы о Мао Цзэ-дуне, на все лады «обосновывающие» величие «вклада» Мао в марксизм-ленинизм и не скупящиеся на похвалы «самостоятельности» Мао, выразившейся на деле в его измене принципам марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Говорят уже о возникновении в западной синологии специального направления — «маоведения». К известным авторам этого направления относят американского синоведа А. Коэна, историка, китайца по происхождению, Дж. Чэня (долгое время работавшего в Англии, а ныне находящегося в Канаде), итальянку Э. Пишел, но самым «заслуженным» специалистом по «маоведению» считают американца С. Шрама (работавшего во Франции, а в последние годы осевшего в Англии).

Шрам, как и другие названные исследователи, разрабатывающие золотую для буржуазных авторов жилу маоизма, выдвинулся в начале 60-х гг. В отличие от своих коллег А. Коэна и Дж. Чэня, в последнее время несколько охладевших к этой тематике, Шрам и в 70-е гг. продолжал активно писать книги и статьи по маоизму, стремясь занять в этой области монопольное положение.

Работы Шрама внешне могут произвести впечатление на западного читателя. Бросается в глаза, например, внимание автора к первоисточникам: большой удельный вес источников в работах Шрама (нередко до половины всего текста), цитирование и текстологический анализ работ Мао Цзэ-дуна, привлечение документов Коминтерна (Шрам пользуется наряду с китайскими также материалами на русском языке). Все это может создать у неопытного читателя мнение, будто перед ним серьезный исследователь, которому можно верить. Шрам рассматривает взгляды Мао в их становлении и развитии с 1917 г. до наших дней. Впечатление солидности работ Шрама усиливается широтой подхода автора к теме: не ограничиваясь собиранием биографических данных о Мао, Шрам то и дело сравнивает проблемы китайской революции с историей революционного движения в России

и других странах, обращается к философии, социологии. Но это впечатление научной основательности исчезает при более внимательном анализе работ Шрама.

Выясняется, что источники, лежащие в основе главных работ Шрама, подобраны тенденциозно, не так уж многочисленны и в общем типичны для большинства современных буржуазных авторов, занимающихся проблемами маонизма: речи и статьи Мао, беседы его с Э. Сноу, воспоминания друзей детства Мао — братьев Сяо. Только широкое привлечение материалов на русском языке (главным образом документов Коминтерна) можно было бы, пожалуй, счесть за собственную заслугу Шрама, но привлечение им этих документов, к сожалению, вовсе не преследует цель выяснения объективной истины. Обычный прием его в работе над источниками состоит в том, что берется какое-либо одно произведение Мао Цзэ-дуна, которое кажется автору типичным для взглядов Мао на том или ином этапе, детально разбирается и только на нем строятся выводы. Это создает впечатление большой историкоисследовательской глубины. Между тем такой прием, когда все внимание исследователя сосредоточивается на одном источнике, взятом отдельно, изолированно, создает возможность субъективного, одностороннего подхода.

В работах Шрама, так же как и в работах большинства других буржуазных авторов 60—70-х гг., вся история китайской революции до наших дней рассматривается исключительно через личность Мао Цзэ-дуна. Такой антинаучный подход приводит к подмене периодизации китайской истории этапами зарождения и развития маонизма.

Однако апологетическая концепция Шрама вырисовывается не сразу. Характеризуя мировоззрение молодого Мао накануне «движения 4 мая», Шрам справедливо отмечает наиболее характерные черты Мао: «национализм, военный дух и индивидуализм», проходящие через всю жизнь и «идеи Мао Цзэ-дуна»¹. К подобным выводам Шрам пришел на основе изучения первой работы Мао, «Изучение физической культуры» (1917).

Шрам отмечает также, что в момент окончания Педагогической школы в Чанша весной 1918 г. взгляды Мао не отличались от взглядов его поколения, представляя смешение китайских элементов с западными².

Выводы Шрама в данном случае верны, так как даже сам Мао признавался Э. Сноу в 1936 г., что в период 1912—1918 гг. в голове у него была «мешанина» из «идей либерализма, демократического реформизма и утопического социализма»³.

Подробно рассматривая влияние различных западных и китайских политических течений на формирование мировоззрения молодого Мао⁴, Шрам не только не упоминает о влиянии марксистских идей на первое поколение китайских революционеров, а, наоборот, подчеркивает, что «Мао, как и большинство китайцев его поколения, испытав влияние идей модернизации и вестернизации, продолжал считать своими образцами двух великих китайских реформаторов конца XIX в. —

¹ S. R. Schram. The Political Thought of Mao Tse-tung. Penguin Books, 1969, p. 23.

² Ibid., p. 28.

³ E. Snow. Red Star Over China. L., 1937, p. 146.

⁴ Mao Tse-tung. Textes traduits et présentés par Stuart Schram. Paris, 1963, p. 18—19.

Кан Ю-вэя и Лян Ци-чао»⁵, а также, что «для Мао, как и для всех китайцев и вообще неевропейцев, ленинизм был инородной формой мышления. Не только Мао Цзэ-дуну, но и самым блестящим коммунистам-интеллигентам его поколения нужно было время, чтобы научиться обращаться с новыми, сбивающими с толку западными категориями»⁶.

Противоречивость концепции Шрама проявляется и в том, что, не относя марксизм-ленинизм к факторам, оказавшим влияние на Мао Цзэ-дуна, он в дальнейшем будет называть этого китайского лидера «выдающимся марксистом-ленинцем наших дней».

К созданию мифа о «вечности» маонизма Шрам подводит читателя осторожно и постепенно, считаясь в определенных условиях с объективными фактами.

Так, он стремится отнести начало революционной деятельности Мао как можно раньше — к 1919 г. На самом деле науке не известны какие-либо объективные факты о революционной деятельности Мао в это время. Шраму же для конструирования его концепции служат в первую очередь работы самого Мао, в данном случае статья «Широкий союз народных масс» (1919).

На наш взгляд, из этой статьи можно узнать всего лишь то, что Мао в то время принимал некоторое участие в студенческом движении. Шрам же рассматривает эту статью как «наиболее полно выражающую взгляды Мао того времени». Свидетельством «революционной активности» Мао Цзэ-дуна он считает то, что в ней выражена идея «обновления Китая посредством восстания молодежи, прежде всего студентов, против старого порядка»⁷.

Однако объективные факты при всем апологетическом подходе Шрама к маонизму заставляют его признать, что Мао в 1919 г. был далек от марксизма⁸ и считал движущей силой революции не рабочих и крестьян, а студентов и интеллигенцию⁹.

На основе первых работ Мао Шрам определяет взгляды Мао Цзэ-дуна скорее как народнические. В общем, это близко к точке зрения советских исследователей, которые полагают, что в период «движения 4 мая» 1919 г. взгляды Мао Цзэ-дуна были типичны для мелкобуржуазного революционера-демократа с сильным налетом анархизма. Из статьи Мао «Широкий союз народных масс» следует, как пишет А. М. Румянцев, что Мао в то время отдавал анархизму предпочтение перед марксизмом, считая взгляды анархистов «более широкими и более глубокими», чем взгляды марксистов¹⁰.

В отличие от советских авторов Шрам склонен сближать данную статью Мао именно с народничеством, хотя в ней отсутствует основное положение народников — опора на крестьянство. Эта небольшая натяжка, как мы увидим ниже, играет свою роль в общей концепции Шрама, представляющего Мао исконно крестьянским идеологом.

Итак, по Шраму, Мао — революционер по убеждению с 1919 г., но революционер, как мы бы сказали, мелкобуржуазный, далекий от марксизма. С таким выводом можно было бы согласиться. Но если в 1919 г. Мао Цзэ-дун не был марксистом, то когда он все же обратился к марксизму и стал ли когда-нибудь марксистом? Чтобы ответить на

⁵ S. R. Schram. The Political Thought of Mao Tse-tung, p. 22.

⁶ S. R. Schram. La «Révolution permanente» en Chine. Paris, 1963, p. 31.

⁷ S. R. Schram. From The «Great Union of the Popular Masses» to the «Great Alliance». — «China Quarterly», 1972, № 49, p. 102.

⁸ Ibid., p. 90, 93.

⁹ Ibid., p. 103.

¹⁰ А. М. Румянцев. Истоки и эволюция «идей Мао Цзэ-дуна». М., 1972, стр. 10.

этот вопрос. Шрам без особых сомнений принимает на веру заявление Мао, что его обращение к марксизму произошло зимой 1920 г., после того как он впервые прочитал «Коммунистический манифест» и «съездил в Шанхай для беседы с Чэнь Ду-сю о своих марксистских чтениях»¹¹.

Однако факты опровергают это заявление Мао, они говорят о том, что он не стал марксистом и в последующем.

Первым вышедшим из-под пера Мао текстом, который имел что-то общее с марксизмом, Шрам считает статью, написанную по случаю первой годовщины рабочей ассоциации (ноябрь 1920 г.).

К такому весьма ответственному выводу Шрам пришел на основании того, что в этой статье Мао впервые говорит о ведущей роли рабочих, о важности крепкой организации¹², идею которой, по мнению Шрама, можно рассматривать как «близкую идею Ленина о демократическом централизме»¹³.

Итак, установив, что в 1919 г. Мао начал свою революционную деятельность, а в 1920 г. обратился к марксизму, Шрам далее спешит показать, почему Мао в статье 1920 г. не упоминает о роли крестьянства в революции — статья, дескать, специально обращена к рабочим, а не к крестьянам, она отражала якобы попытку «применить к Китаю классическую марксистскую схему социальной революции под руководством пролетариата, а не ленинскую схему национальной революции в зависимых странах, основанную на союзе рабочих, крестьян и революционно настроенной буржуазии»¹⁴.

Рассматривая отрывки из писем Мао, адресованных Цай Хэ-сэню в ноябре 1920 г. и январе 1921 г., и статью «Государственный переворот в Пекине и торговцы» (1923), Шрам вновь отмечает отсутствие в них упоминаний о крестьянстве¹⁵.

В статье Мао «Государственный переворот в Пекине и торговцы» Шрам подмечает еще одну черту взглядов Мао: чрезмерное усердие в сотрудничестве с гоминьданом¹⁶. Объективно это замечание справедливо, но для Шрама оно служит доказательством того, что Мао Цзэ-дуну уже тогда якобы были ясны значение и место буржуазии в национальной революции. По крайней мере он заявляет, что, хотя статья «Государственный переворот в Пекине и торговцы» очень далека от теоретического решения проблемы единого фронта с буржуазией, она будто бы позволяет все же судить о том, как Мао решит эту проблему в будущем¹⁷. Шрам, таким образом, исподволь внушает читателю мысль, что Мао Цзэ-дун выступил как бы предтечей единого национального антиимпериалистического фронта. Здесь уже от объективного признания идейной слабости мировоззрения молодого Мао Шрам начинает поворот к идеализации Мао как мыслителя, который якобы понимал китайскую специфику всегда лучше других и шел значительно впереди партии.

Главной отличительной чертой маоизма, с точки зрения буржуазных синологов, является опора на крестьянство, а не на пролетариат в

¹¹ S. R. Schram. The Political Thought of Mao Tse-tung, p. 35.

¹² Ibid., p. 35.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid., p. 36.

¹⁵ Mao Tse-tung. Textes..., p. 35; S. R. Schram. The Political Thought of Mao Tse-tung, p. 43.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Mao Tse-tung. Textes..., p. 158.

революции. Поэтому Шрам, конструируя свою концепцию, прилагает максимум усилий, чтобы представить Мао в образе «идеолога крестьянства» и «крестьянского вождя». В этом отношении деятельность Мао Цзэ-дуна в период революции 1925—1927 гг. и его работы, написанные в этот период, оказывают Шраму неоценимую помощь. Мао и сам стремился выдать себя за крестьянского вождя и теоретика (статьи «О классах китайского общества», 1926 г., и «Доклад об обследовании крестьянского движения в провинции Хунань», 1927 г.). Шрам берет эти статьи за основу и развивает свою концепцию.

Умело используя явные немарксистские положения в работах Мао 1926—1927 гг. (непонимание идеи гегемонии пролетариата, переоценка самостоятельности крестьянства в революции), Шрам утверждает, что в них впервые получила обоснование проблема крестьянской революции. Признавая низкий теоретический уровень этих статей Мао Цзэ-дуна¹⁸, Шрам видит их основное значение в том, что в них впервые давалась оценка потенциальных возможностей китайского крестьянства, предлагалось обратить на крестьянское движение особое внимание. Всячески восхваляя «доклад» Мао Цзэ-дуна 1927 г., в котором превозносилась стихийная сила крестьянских масс и отсутствовало упоминание об исторической роли пролетариата в революции, Шрам выступает как апологет маоизма, прямо заимствующий у маоистских пропагандистов их оценку данной работы Мао.

Объективные факты, однако, свидетельствуют о том, что крестьянский вопрос был поставлен во всем объеме не Мао Цзэ-дуном, а в «Директивах ИККИ III съезду КПК» от 24 мая 1923 г., в которых говорилось, что крестьянский вопрос является центральным во всей политике. ИККИ в ряде директив КПК и специальных решениях по китайскому вопросу (особенно в резолюциях VI и VII расширенных пленумов, состоявшихся соответственно в марте и ноябре—декабре 1926 г.) дал теоретические и практические рекомендации по главным проблемам китайской революции, и в частности о роли крестьянства в революции. Мао, претендуя на роль теоретика, в дальнейшем присвоил себе авторство в отношении части этих установок, исказив их, однако, в мелкобуржуазно-националистическом духе.

Как раз в этих работах Мао впервые обнаруживается характерное для его позднейших взглядов противопоставление крестьянства пролетариату, поэтому буржуазные историки имеют определенные основания писать в данном случае о несовпадении взглядов Мао с тогдашними установками КПК и Коминтерна. Но при этом западные маоведы, в их числе Шрам, вновь преувеличивают теоретическую самостоятельность Мао в 1925—1927 гг., завышают его роль в партии и в то же время совершенно вопреки фактам изображают взгляды Мао правильными, соответствовавшими интересам китайской революции, а линию КПК и Коминтерна — якобы ошибочной.

Делается это так. Сначала повторяется фраза Мао, сказанная им в беседе с Э. Сноу в 1936 г., о том, что еще в 1925 г. Мао якобы выступил в качестве организатора крестьянского движения в своей родной провинции Хунань¹⁹. Никаких фактов, которые как-то подтверждали бы это заявление Мао, до сих пор не найдено (известно лишь, что Мао действительно был в это время в Хунани, но не известно, что он там делал). В результате ответственное заявление о том, будто подъем крестьянского движения в Хунани в конце 1926 — начале 1927 г. был

¹⁸ S. R. Schram. The Political Thought of Mao Tse-tung, p. 47, 54, 55.

¹⁹ E. Snow. Red Star Over China, p. 157.

подготовлен деятельностью Мао в этой провинции еще в 1925 г., повисает в воздухе. Тем не менее Шрам опирается на это заявление как на незыблемый факт.

Следующим пунктом в концепции Шрама, призванным подтвердить, что Мао в революции 1925—1927 гг. прокладывал какие-то новые теоретические пути, служит факт, что летом 1926 г. Мао Цзэ-дун возглавлял в Гуанчжоу созданные компартией Курсы организаторов крестьянского движения. Шрам сопоставляет с этим фактом некоторые другие: увеличение среди слушателей курсов процента хунаньцев (в их числе был и брат Мао Цзэ-дуна, Мао Цзэ-минь), большую роль, отводимую на курсах военной подготовки (треть всего учебного времени), а также то, что некоторые выпускники курсов оказались впоследствии в партизанском отряде Мао Цзэ-дуна в горах Цзинганшань²⁰. Механическое сопоставление фактов дает возможность Шраму толковать их в том духе, что Мао уже в 1926—1927 гг. якобы последовательно проводил в жизнь свою идею крестьянской революции. Между тем трезвый анализ не позволяет делать таких широких выводов.

Факты не подтверждают исключительной роли Мао Цзэ-дуна ни в организации курсов, ни в руководстве ими. Хорошо известно, что организатором курсов был Пэн Бай. Нет никаких доказательств того, что увеличение числа хунаньцев среди курсантов связано именно с деятельностью Мао Цзэ-дуна, а не явилось просто результатом подъема крестьянского движения в Хунани, возникшего независимо от Мао. Остается недоказанным также, что большое внимание, отводившееся на курсах военному делу, началось только с момента прихода Мао к руководству курсами. В каждой фразе видна пристрастность автора, его следование предвзятой точке зрения, нежелание отделить твердо установленные факты от домыслов.

Стремление представить Мао Цзэ-дуна как теоретика, предвосхитившего многие решения Коминтерна, отчетливо проявляются в оценке Шрамом позиции Мао на заключительном этапе революции 1925—1927 гг. Шрам заявляет, например, что в августе 1927 г. Мао шел «вперед» ЦК КПК, так как в письме 20 августа 1927 г. он предлагал отказ от гоминьдановского флага и создание Советов²¹, то есть ту политику, к проведению которой КПК приступила в сентябре—ноябре того же года. Но и этот вывод Шрама объясняется обычными для него недостатками научного метода. Письмо Мао Цзэ-дуна берется в отрыве от всей обстановки в КПК, между тем как оно написано после августовского пленума ЦК КПК, когда в партии широко распространились именно такие настроения, какие отразились в письме. Мао был лишь одним из многих, толковавших подобным образом решения ЦК КПК и Коминтерна.

В своем желании все приписать одному Мао Шрам, по существу, обходит совершенно недвусмысленное указание Мао в его письме о том, что «на его точку зрения относительно гоминьдана повлияла новая инструкция Коминтерна»²² (то же, очевидно, относится к лозунгу создания Советов, так как лозунги отказа от гоминьдановского флага и создания Советов взаимообусловлены). Другая фраза письма Мао о том, что «Китай давно достиг уровня 1917 г.»²³, доказывает, конечно,

²⁰ Мао Тзе-тунг. Textes..., p. 41; S. R. Schram. The «Military Deviation» of Mao Tse-tung. — «Problems of Communism». Wash., 1964, № 1, p. 51.

²¹ S. R. Schram. On the Nature of Mao Tse-tung's 'Deviation' in 1927. — «China Quarterly», 1964, № 18, p. 59—60.

²² Ibid., p. 58.

²³ Ibid.

что Мао, как и ряд других китайских революционеров, во второй половине 1927 г. был настроен крайне левацки. Такие настроения нанесли китайской революции огромный ущерб и были исправлены с помощью Коминтерна только в 1928 г. Однако Шрам не акцентирует внимания на ошибочности данной фразы Мао, он приводит ее лишь для того, чтобы снова показать самостоятельность Мао по отношению к Коминтерну. Пусть ошибки, только бы они шли вразрез с линией Коминтерна! Такова, по существу, позиция, с которой Шрам неизменно подходит к оценке политики и взглядов Мао.

Таким же путем оценивается Шрамом позиция Мао в период восстания «осеннего урожая» в 1927 г., которая, как известно, была осуждена ноябрьским пленумом ЦК КПК. История, по мнению Шрама, доказала, что «военный оппортунизм», к которому — автор признает это несомненным — имел склонность Мао Цзэ-дун в конце 1927 и начале 1928 г., диктовался определенными обстоятельствами и на деле открывал путь к победе. «Соответствовали ли положения Мао ленинизму, — пишет Шрам, — предстоит еще решать, но в любом случае они были вкладом в ленинизм»²⁴.

Здесь бросается в глаза поразительная нелогичность Шрама, с которой постоянно приходится встречаться при трактовке им отношения маоизма к ленинизму. Взгляды и практика Мао, как готов признать Шрам, может быть, не соответствуют ленинизму, однако они в то же время есть «...вклад в ленинизм». На этом вопиющем противоречии Шрам строит всю свою концепцию.

Следуя в русле общих для буржуазной синологии концепций, Шрам делает вывод, что именно после поражения революции 1925—1927 гг., когда революционное движение в Китае уходит из-под контроля Москвы, Мао Цзэ-дун и начинает свой «путь к власти».

В работах Шрама период от поражения революции 1925—1927 гг. до 1949 г. рассматривается исключительно под углом зрения «пути Мао Цзэ-дуна к власти». Этот период (более 20 лет) Шрам рассматривает как «проявление усилий Мао, направленных на выработку синтеза ленинизма с аграрной революцией в Китае»²⁵. Шрам считает, что именно период 1926—1936 гг. был временем формирования маоизма как определенного идейного и политического течения²⁶.

Путь, приведший Мао к победе сначала в КПК, а затем во всем Китае, Шрам характеризует как «долгий и извилистый». Проследившая отдельные этапы этого пути, Шрам все больше проявляет склонность приписать Мао Цзэ-дуну все заслуги КПК и Коминтерна. Подобно другим западным историкам, он принимает на веру тезисы маоистской пропаганды о том, будто Мао (а не VI съезд КПК и не Коминтерн) разработал после 1927 г. стратегию перенесения революционной борьбы из города в деревню²⁷; будто Мао был инициатором создания единого национального антияпонского фронта²⁸.

Между тем известно, что Коминтерну и китайской делегации в ИККИ стоило большого труда убедить Мао Цзэ-дуна в необходимости единого антияпонского фронта²⁹.

²⁴ S. R. Schram. The «Military Deviation» of Mao Tse-tung, p. 52.

²⁵ Mao Tse-tung. Textes..., p. 49.

²⁶ S. R. Schram. Mao Tse-tung and Secret Societies. — «China Quarterly», 1966, № 27, p. 1.

²⁷ S. R. Schram. The Political Thought of Mao Tse-tung, p. 59.

²⁸ Ibid., p. 64—65.

²⁹ К. В. Кукушкин. Коминтерн и единый национальный антияпонский фронт в Китае (1935—1943). — Коминтерн и Восток. М., 1969, стр. 358—375.

Опять-таки дело не в том, что Шрам писал свои труды, когда отсутствовали еще марксистские исследования, посвященные указанным вопросам. Дело в другом — Шрам игнорировал некоторые документы, вполне доступные ему (например, решения Коминтерна), и принял без доказательств другие — маоистские положения. Такой подход, разумеется, не является научным.

Победа китайской революции, одержанная вопреки националистической и субъективистской деятельности Мао, под пером Шрама сводится лишь к заслугам Мао, проводившего свою правильную «линию», признававшего руководящую роль КПК в революционной борьбе как руководящую роль одного только направления в партии, возглавляемого им самим³⁰.

Основными чертами, характеризующими взгляды Мао в период борьбы за власть, по Шраму, явились все те же национализм, «военный романтизм», а также вера в возможность перестройки психологии китайского народа³¹.

Истинный смысл концепции Шрама раскрывается, когда автор переходит к деятельности Мао после 1949 г. Шрам исходит из того, что десятилетие дружбы Китая с СССР было как бы случайным, что разрыв между обоими государствами был предопределен всей предшествовавшей историей китайской революции. Эта предопределенность «доказывается» им таким образом, что КПК и Китай отождествляются с Мао Цзэ-дуном, немарксистские взгляды Мао и его национализм рассматриваются как якобы характерные черты мышления всех китайцев. С другой стороны, Шрам клеветает на советский опыт, на помощь СССР Китаю, стремится убедить читателя, будто советский опыт не подходит Китаю.

Шрам полагает, что даже в 1949—1955 гг., когда Мао должен был признать плановое экономическое развитие движущей силой необходимых Китаю преобразований, Мао не принимал «советскую модель» социалистического строительства в чистом виде³². 1955—1963 гг. Шрам считает периодом, когда Мао стал отходить от советского опыта, а после 1964 г. вступил, по его мнению, целиком на собственный путь, а именно приступил к «революции в области морального перевоспитания личности»³³.

Самым важным вопросом, вставшим перед Мао после 1949 г., утверждает Шрам, был вопрос о том, лежит ли ключ к преобразованию китайской сельской местности внутри самой деревни или вне ее. Марксистская теория и советская практика, утверждает Шрам, давали на этот вопрос ответы, диаметрально противоположные собственному жизненному опыту Мао, который, дескать, подсказывал ему, что революция должна проходить в деревне, что руководить ею должны люди, вышедшие из сельской местности, что главная задача революции — выражение интересов крестьянства³⁴. В этом рассуждении Шрам намеренно смешивает несовместимые вещи: факт подлинной узости прошлого опыта Мао Цзэ-дуна с ложным представлением, будто не совет-

³⁰ S. R. Schram. The Party in Chinese Communist Ideology. — «China Quarterly», 1970, № 38, p. 1—26.

³¹ S. R. Schram. Mao Tsé-toung, l'homme et sa doctrine. — «Preuves», 1967, № 193, p. 9—16.

³² S. R. Schram. Mao Tse-tung and the Search for a «Chinese Road» to Socialism. — «Royal Central Asian Journal», 1969, Vol. 56, pt. 1, p. 35.

³³ Ibid., p. 40.

³⁴ S. R. Schram. What Makes Mao a Maoist. — «New York Times Magazine», 8.III.1970, p. 62.

ский опыт, а маонистские идеи способны выражать подлинные крестьянские интересы.

Утверждение, что Мао «вступил на путь коммун», «большого скачка» и «культурной революции» лишь после того, как убедился, что советские методы планирования экономического развития оставляют формы человеческого сознания в основном без изменения³⁵, является ничем не прикрытой клеветой на опыт СССР и других социалистических стран. Известно, что азбука марксизма состоит в том, что коренные экономические изменения ведут в конечном счете к изменению общественного сознания, что второе без первого невозможно. Пример СССР и других социалистических стран подтвердил, что коренное преобразование экономики привело к преобразованию и сознания людей, их образа жизни. Если в КНР влияние экономического базиса на надстройку не проявилось столь заметно за короткий срок, то надо учитывать, что социалистическое переустройство в такой огромной и страшно отсталой стране, как Китай, в 1949—1956 гг. только начиналось.

1955 г., по мнению Шрама, явился поворотным в развитии КНР. В этом году Мао приступил к тому, что Шрам называет «обобщением яньаньского опыта», подразумевая под этим возвращение к «духу Яньаня». Характерными чертами «духа Яньаня» Шрам считает: 1) «линию масс» (как особый метод труда); 2) ставку прежде всего на человека, а не на технику³⁶, «пристрастие» к которой он приписывает советским людям. Планы развития, опиравшиеся главным образом на расчеты советских специалистов и китайских специалистов, получивших образование за границей, клеветнически и без привлечения каких-либо фактов заявляет Шрам, «превращали китайский народ, в частности подавляющее большинство китайцев на местах, в пассивных наблюдателей, а при таком положении невозможно было добиться необходимых коренных реформ, чтобы совершить эффективную социальную революцию в такой стране, как Китай»³⁷.

Здесь перед нами уже не пересказ взглядов Мао (сопровождавшийся, как видно из сказанного выше, у Шрама везде «тонкими» намеками на то, что Мао всегда был прав), а собственное утверждение автора, достаточно прямое и категорическое, показывающее, что движущим мотивом всей шрамовской концепции по истории маонизма является заурядный антисоветизм. Шраму в конце концов не удалось скрыть это обстоятельство под прикрытием внешней солидности и объективности. Какими фактами может подтвердить Шрам свое утверждение, что обращение к советскому опыту, советской помощи мешало развитию Китая? Никаких фактов он даже не пытается привести. Антисоветизм, антикоммунизм автора предстает перед нами в чистом виде.

Совершенно бездоказательно Шрам объясняет начало расхождений между Китаем и СССР тем, что к 1958 г. «китайская сторона, хотя со стороны СССР ничего определенного на этот счет сказано не было (! — Н. П.), вероятно (! — Н. П.), поняла, что в дальнейшем (? — Н. П.) Москва окажется в положении, когда сможет помогать лишь в размерах, немного превышающих помощь, которая оказывалась раньше»³⁸. (Здесь

³⁵ S. R. Schram. *The Party in Chinese Communist Ideology*, p. 11.

³⁶ S. R. Schram et H. C. D'Encausse. *L'URSS et la Chine devant les révolutions dans les Sociétés pré-industrielles*. Paris, 1970, p. 25; S. R. Schram. *The Political Thought of Mao Tse-tung*, p. 80.

³⁷ С. Шрам. Позиция Мао по отношению к СССР (1958—1962). — «Азия Куо-тарн», т. 3, 1971, № 3, стр. 7—8.

³⁸ С. Шрам. Позиция Мао Цзэ-дуна по отношению к СССР (1958—1962), стр. 6.

сами выражения «вероятно», «в дальнейшем», «хотя» и т. п. подчеркивают голословность и клеветнический, антисоветский характер данного утверждения). «Таким образом, — не смущаясь, делает «вывод» из собственных домыслов Шрам, — то, что Мао Цзэ-дун в 1958 г. перешел к политике, основным содержанием которой являлась опора на собственные силы, было не его личным выбором, а неизбежным и необходимым итогом»³⁹.

Ссылаясь на речь Мао Цзэ-дуна на «митинге 7000 человек» в январе 1962 г., Шрам, окончательно не выдерживая «объективного» тона, прямо признается, что в споре Мао с «надменным старшим братом» «мы (то есть сам Шрам и те западные круги, представителем которых он себя считает) можем полностью посочувствовать Мао Цзэ-дуну»⁴⁰.

Наконец-то становится ясным, для чего понадобилось Шраму искусственно приподнимать Мао с начала его политической деятельности, превращать в достоинства все его ошибки. Цель Шрама состоит в противопоставлении маоистского Китая «старшему брату».

Откровенность, иногда проявляемая Шрамом в разделах, трактующих политику и взгляды Мао после 1949 г., не означает, что в этих случаях он полностью отбрасывает видимость объективности. Нет, и в этих разделах можно найти констатацию некоторых верных моментов. Шрам не отрицает, например, что политика «большого скачка» привела к серьезным экономическим трудностям, так как Мао, видите ли, не только переоценил технические возможности китайского сельского хозяйства, но и умышленно пренебрег необходимостью эффективной координации экономического развития⁴¹.

Шрам обращает внимание на то, что весь период коллективизации сельского хозяйства (1955—1956) и особенно период «большого скачка» характеризовались «военным духом» при подходе к экономике и социальным проблемам, «военным языком» и «военными методами», заимствованными из опыта гражданской войны⁴². Шрам также отмечает связь идеи «перманентной революции», выдвинутой Мао Цзэ-дуном в 1958—1959 гг., с теорией перманентной революции Троцкого⁴³.

Особенно любопытные признания автор делает, когда доходит до отношения Мао к партии — вопроса, в котором антиленинский характер взглядов Мао проявился наиболее ярко⁴⁴.

Основная мысль Шрама сводится к тому, что отношение Мао к коммунистической партии коренным образом отличается от ленинских партийных принципов и традиций. Для Шрама, как обычно, признание антиленинского характера взглядов Мао служит подтверждением «самобытности» и «оригинальности» Мао. Проследившая эволюцию отношения Мао к КПК, Шрам выделяет следующие этапы взаимоотношений Мао с КПК: на первом этапе партия была для Мао лишь средством, облегчавшим ему проникновение в гоминьдан (1922—1927) и затем в Красную армию. К партии Мао относился в то время, по мнению Шрама, как к организму, паразитирующему на теле возглавляемой им, Мао, армии. Шрам делает вывод, что именно подобное отношение Мао Цзэ-дуна к партии привело к признанию вооруженной

³⁹ Там же, стр. 6—7.

⁴⁰ Там же, стр. 11.

⁴¹ S. R. Schram. What Makes Mao a Maoist, p. 75.

⁴² S. R. Schram. Mao Tse-tung and the Search..., p. 30—41.

⁴³ S. R. Schram. La «Révolution Permanente» en Chine, p. XLVII; S. R. Schram. Mao Tse-tung and the Theory of the Permanent Revolution, 1958—1969. «China Quarterly», 1971, № 46, p. 221.

⁴⁴ S. R. Schram. The Party in Chinese Communist Ideology, p. 1—26.

борьбы единственной формой классовой борьбы, к подчинению всей деятельности КПК идеям вооруженной борьбы⁴⁵. До 1949 г., как считает Шрам, Мао хотя на словах и признавал руководящую роль КПК, но фактически отождествлял КПК с самим собой.

Новым этапом в отношении Мао к партии Шрам считает «культурную революцию». Он приводит высказывание Мао, что лучший способ сохранить партию как символ — это уничтожить конкретную организацию партии, если она отказывается подчиняться воле вождя (Шрам ссылается при этом на статью Мао в «Хунци», 1967, № 3). По справедливому замечанию Шрама, назначение в свое время Линь Бяо преемником Мао Цзэ-дуна, зафиксированное в уставе партии, было сведением на нет прав партии как коллективного органа, узаконением культа Мао.

Но из объективно правильных фактов автор и в этом случае делает субъективные, неправильные выводы. Так эволюция идей Мао в отношении партии должна подтвердить клеветническое утверждение Шрама о том, будто Мао сначала (при всей своей «самобытности»!) принимал на веру советский опыт, а свой путь вырабатывал только тогда, когда «следование по пути Советов терпело крах».

По словам Шрама, Мао, начиная «культурную революцию», руководствовался не только «низменными», но и «благородными» побуждениями, он не только стремился устранить своих бывших соратников, установить культ личности, но и искренне хотел «не допустить бюрократизации и усиления капиталистических тенденций»⁴⁶. Оправдывая маоистскую «культурную революцию», нанесшую Китаю огромный вред, Шрам снова разоблачает себя как антикоммуниста, ставшего на путь апологии маоизма именно потому, что отлично понимает непримирную враждебность маоизма социализму, Советскому Союзу.

Противоречиво, как многое из того что написано Шрамом, выглядит его попытка сформулировать общий вывод об отношении маоизма к национально-освободительным движениям.

С одной стороны, Шрам вслед за американскими традиционалистами утверждает, что «идеи Мао» отражают специфические, китайские взгляды и интересы, поэтому, с его точки зрения, маоизм не может найти большого отклика за пределами Китая⁴⁷. С другой стороны, Шрам пытается рассматривать маоизм шире, чем только китайское явление — как нечто типичное для отсталых стран⁴⁸.

В основе порочна постанова Шрамом и вопроса об отношении маоизма к марксизму-ленинизму. Он объявляет «вкладом» в марксизм-ленинизм и «народнический национализм» Мао, и его крайний волюнтаризм, называет Мао Цзэ-дуна «синтезом» Ленина и Гарибальди, а его взгляды — «синтезом» марксизма-ленинизма и китайской традиции⁴⁹.

Для всякого, знакомого хотя бы с основами марксизма-ленинизма, очевидно, что невозможно объединить в рамках единой идеологии интернационализм с национализмом, марксизм с народничеством. Казалось бы, это должно было быть ясно и Шраму, претендующему на доскональное знание многих марксистских документов, издавшему (конечно,

⁴⁵ Ibid., p. 2.

⁴⁶ S. R. Schram. What Makes Mao a Maoist, p. 82.

⁴⁷ S. R. Schram. The Political Thought of Mao Tse-tung, L., 1963, p. 57.

⁴⁸ S. R. Schram. The Cultural Revolution in Historical Perspective.—«Authority, Participation and Cultural Change in China». Camb., 1973, p. 108.

⁴⁹ S. R. Schram. The Political Thought of Mao Tse-tung (1963), p. 81—82.

со своими тенденциозными комментариями) переводы марксистских трудов об Азии⁵⁰.

Но дело, конечно, не в знании или незнании текстов. Все работы Шрама свидетельствуют о том, что и в данном случае мы имеем дело с сознательным искажением фактов, предпринятым убежденным противником марксизма-ленинизма с целью внести свою лепту в борьбу против него.

Существенным критерием для определения направленности концепций современных буржуазных синологов на наш взгляд, могут служить их оценки событий «культурной революции».

Определенный интерес в этом отношении представляет последняя работа Шрама «Культурная революция в исторической перспективе», появившаяся в 1973 г.⁵¹, в которой как бы подводится итог всех исследований Шрама по проблеме маоизма.

В этой работе Шрам дает свое определение «китайской революции», под которой имеет в виду «борьбу» Мао и его сторонников сначала «за власть, а затем за преобразование страны»⁵². Главным импульсом революции, по Шраму, явилось «стремление китайцев усилить свою нацию, чтобы помешать политическому и экономическому господству иностранцев»⁵³.

Весь ход рассуждений Шрама в этой работе сводится в конечном итоге если не к оправданию «культурной революции», то к доказательству ее исторической обусловленности. С этой целью Шрам подчеркивает многосторонность китайской революции XX в., называя ее «национальной, культурной, политической, экономической и социальной», а также стремится убедить читателя в том, будто Мао Цзэ-дун, «назвав «культурной революцией» движение, которое началось в 1966 г., и восстановив таким образом термин, возникший в период «движения 4 мая» 1919 г. (и который сам Мао использовал в яньаньский период), хотел этим подчеркнуть единство и непрерывность китайской революции в целом, несмотря на резкие различия между ее фазами»⁵⁴.

Шрам характеризует «культурную революцию» Мао как «самую широкую попытку, направленную на преодоление пагубного наследия прошлого в оригинальных и специфических условиях Китая»⁵⁵.

В последней работе Шрама наглядно демонстрируется и антисоветская направленность его концепции. Проследившая этапы «китаизации» марксизма Мао Цзэ-дуном, этот буржуазный ученый все больше сближается с маоистской историографией. Его оценка исторических событий периода 30—40-х гг. представляется уже не просто анализом буржуазного автора, а откровением человека, который лучше других понимает «логику» Мао Цзэ-дуна.

Так, Шрам пишет, что даже в 30-е гг. Мао «решительно основывал свои претензии на руководство не на связях с Советами, а на знании своей собственной страны». В октябре 1938 г. Мао Цзэ-дун на VI пленуме ЦК КПК отверг возможность существования так называемого «абстрактного марксизма», потребовав вместо этого «применения марксизма к условиям Китая». Главную кампанию по приспособлению марксизма к условиям Китая Мао развернул весной 1941 г.⁵⁶.

⁵⁰ S. R. Schram et H. C. D'Encausse. Le Marxisme et l'Asie, 1853—1964. Paris, 1965, 494 p.

⁵¹ S. R. Schram. Cultural Revolution in Historical Perspective.

⁵² Ibid., p. 1.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Ibid., p. 7.

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Ibid., p. 9.

По мнению Шрама между «культурной революцией» 1966—1969 гг. (хотя она, по его словам, была в подлинном смысле слова уникальна) и «чисткой» 1942—1943 гг. можно провести интересные параллели: «...как и «культурная революция», кампания «по упорядочению стиля» была и борьбой за власть, и конфликтом по основным принципиальным вопросам»⁵⁷.

Шрам не согласен с советскими авторами, что кампания «по упорядочению стиля» была «кровавой баней», но даже он вынужден признать, что она не была и просто кампанией по воспитанию и убеждению, что эта кампания «проходила более или менее одновременно с кампанией по выявлению вражеских шпионов, в ходе ее использовались и пытки для получения признаний». «Чжэнфын», — признает Шрам, — был направлен главным образом не на исправление партийного стиля работы, а на разгром интернационалистской фракции»⁵⁸.

Несмотря на такие признания, Шрам в своих промаоистских симпатиях заходит так далеко, что заявляет, будто «цель Мао перед началом борьбы, развернувшейся в Яньане в 40-х гг., заключалась не в укреплении его собственных позиций, а в проведении такой политики, которая наилучшим образом подходила бы к китайской действительности, и что главной целью кампании «упорядочения стиля» была попытка доказать, что китаизация марксизма должна была быть как можно шире воспринята членами партии и народными массами»⁵⁹.

Исходя из этого, в ходе дальнейших рассуждений Шрама делается попытка оправдать авантюристический курс, который Мао начал проводить со второй половины 50-х гг., и подвести читателя к мысли о «закономерности» также «культурной революции», которая, по мнению Шрама, как и большинства буржуазных авторов, была и «борьбой за власть», и «поиском дальнейшего пути китайской революции»⁶⁰.

Основная цель концепции Шрама в его последней работе сводится в конечном итоге к тому, чтобы доказать «универсальность» маоистской теории для слаборазвитых стран Азии и Африки⁶¹.

Анализ концепции Шрама приводит к выводу, что этот буржуазный ученый в настоящее время является одним из ведущих апологетов маоизма в западной буржуазной синологии, а также заправским фальсификатором. Конкретный материал, приводимый Шрамом для обоснования его концепции, хотя и односторонне и тенденциозно подобранный, нередко противоречит самой концепции автора, показывая пропасть между взглядами Мао Цзэ-дуна и марксизмом-ленинизмом, ненаучность и непригодность для практики «идей Мао», наконец, их несамостоятельность, эклектичность. Но Шрам всячески старается уйти от таких диктуемых ему фактами выводов.

⁵⁷ Ibid., p. 20.

⁵⁸ Ibid., p. 21.

⁵⁹ Ibid., p. 22.

⁶⁰ Ibid., p. 85.

⁶¹ Ibid., p. 108.

Из истории философской мысли Китая

О материалистических тенденциях в философских взглядах Сюнь-цзы

*В. Ф. Феокистов,
кандидат философских наук*

Труды Сюнь-цзы (ок. 313 — ок. 238 гг. до н. э.) занимают выдающееся место в истории философской и общественно-политической мысли Китая. Его учение, охватывающее важнейшие области философии и идеологии китайского общества конца эпохи «Сражающихся царств» (V—III вв. до н. э.), завершает собой ранний этап развития конфуцианства в Китае. Опираясь на достижения естественно-научных знаний того времени, изучив и критически восприняв рациональные идеи современных и предшествовавших ему школ и направлений общественной мысли Китая, Сюнь-цзы создал первую в истории китайской философии систему взглядов, изложенную в труде, носящем имя его автора — «Сюнь-цзы».

Взгляды Сюнь-цзы представляют собой, по существу, синтез философской и общественно-политической мысли Древнего Китая; с одной стороны, это критически осмысленный итог развития материалистических и атеистических тенденций в китайской философии того времени и, с другой — философски переработанное в соответствии с новыми социально-экономическими и политическими явлениями жизни китайского общества этико-политическое учение Конфуция. Не случайно поэтому взгляды Сюнь-цзы оказали большое влияние как на последующее развитие материалистического направления в китайской философии, так и на развитие и упрочение этико-политической доктрины ортодоксального конфуцианства, которое он не только поставил на теоретический фундамент, но и дополнил существенными положениями других политических течений, главным образом легизма.

Энциклопедичность взглядов Сюнь-цзы, их обобщающий критический характер превращают труды мыслителя в важный источник изучения древнекитайской философии.

Исследование взглядов Сюнь-цзы дает нам возможность в общих, главных чертах представить себе процесс развития философской и общественно-политической мысли Древнего Китая, проследить идеологическую борьбу различных философских школ и двух направлений в истории китайской философии: материализма и идеализма.

Философское наследие Сюнь-цзы свидетельствует о глубоком знакомстве мыслителя со всеми основными философскими течениями Китая того времени, которые оказали несомненное влияние и на формирование его собственных взглядов. Здесь необходимо сразу же оговориться: речь идет не об эклектическом заимствовании взглядов тех или иных философов, а о глубоком внутреннем восприятии Сюнь-цзы того объективного рационального, что содержали в себе учения различных школ, с последующей его переработкой в собственное оригинальное мировоззрение.

Одной из основных проблем, стоявших в центре внимания философских представлений Сюнь-цзы, был вопрос о происхождении и сущности мира. Проблемы онтологии и гносеологии не являлись главными в конфуцианском учении VI—IV вв. до н. э. Ни Конфуций, ни Мэн-цзы не исследовали их специально: основное внимание в своем учении они отводили проблеме человека и принципам организации общества, то есть этико-политическим вопросам.

Вопросы сущности мира и его познания стояли в центре внимания двух других крупнейших философских школ Древнего Китая — даосизма и моизма. И именно взгляды их представителей оказали наибольшее влияние на формирование наивно-материалистического мировоззрения Сюнь-цзы.

Проблемы сущности бытия, существования закономерности в природе и отношения к ней человека занимают важное, причем самостоятельное место в системе взглядов Сюнь-цзы.

В этой связи вызывает серьезное возражение утверждение английского синолога Г. Дабса о том, что философия Сюнь-цзы «является преимущественно практической философией», в которой «теоретическим проблемам, таким, как эпистемология и метафи-

зика, отведена роль фона»¹. «Кульминационный пункт и душу философии (Сюнь-цзы), — пишет Г. Дабс, — составляет политическая философия, все остальное по отношению к которой должно быть лишь средством»². Такое низведение теории познания Сюнь-цзы и его онтологических воззрений до положения лишь «фона», «средства», сопутствующего политической концепции философа, по существу, лишает философские взгляды Сюнь-цзы самостоятельной теоретической значимости, сводит взгляды философа к политической, «прагматической» теории.

Политическая направленность философских взглядов Сюнь-цзы сама по себе не вызывает сомнений. Анализируя те или иные философские проблемы — происхождение мира, его сущность, взаимоотношения человека с природой, процесс ее познания человеком, Сюнь-цзы, как правило, увязывает этот анализ с социально-политическими вопросами, пытаясь подвести философскую базу под свое понимание процессов общественной жизни. Именно это стремление философски осмыслить политические проблемы отличает взгляды Сюнь-цзы от взглядов других представителей конфуцианства того периода, ограничивших круг своих интересов лишь этико-политическими вопросами. Но это отнюдь не значит, что философские рассуждения Сюнь-цзы не имеют самостоятельной теоретической ценности. Как раз наоборот, именно в области онтологии и теории познания Сюнь-цзы внес наиболее значительный вклад в развитие китайской философии. Утверждение же Г. Дабса о том, что «философия Сюнь-цзы базируется на двух основных концепциях — вполне определенной концепции человеческой природы и особой интерпретации истории»³, и его вывод о том, что философия Сюнь-цзы «является скорее практической, нежели теоретической»⁴, означают игнорирование философских взглядов мыслителя, искусственное ограничение рамок его интересов традиционными для конфуцианства этико-политическими проблемами. Сочинения Сюнь-цзы, в которых теоретическим проблемам онтологии и гносеологии посвящены три специальных трактата — «О небе» («Тянь лунь»), «Освободиться от заблуждений» («Цзе би») и «Исправление имен» («Чжэн мин»), опровергают эту точку зрения Г. Дабса.

Анализ философских высказываний Сюнь-цзы позволяет говорить о стихийно-материалистическом подходе мыслителя к коренным вопросам философии.

Исходным положением мировоззрения Сюнь-цзы является наивно-материалистическое понимание им природы, ее сущности и происходящих в ней процессов как «естественной» реальности, существующей независимо от человека. «Движение неба обладает постоянством, — писал Сюнь-цзы. — (Это) постоянство существует не благодаря (доброму) Яо и не умирает из-за (тирана) Цзе»⁵. «То, что совершается без участия труда (человека), и то, что он получает помимо своих желаний, — составляют деятельность неба. В этом случае совершенный человек, обладая глубокими мыслями, не затрачивает их на размышление (там, где проявляется деятельность неба), располагая большими способностями, не прилагает их к этой деятельности и, будучи способным тщательно исследовать, не делает этого там, где проявляется деятельность неба. Вот что называется не пытаться оспаривать у неба его деятельности. Небу дано смеяться четыре времени года, земле — нести в себе богатства, человеку — правильно использовать все это. Вот что называется умением занять свое место»⁶. «...Великое умение заключается в том, чтобы не стремиться подменить собой (деятельность неба), а великая мудрость — в том, чтобы не думать (о нем)... Зима, (приносимая) небом, не исчезнет из-за того, что люди ненавидят холод; земля не станет менее обширной из-за того, что люди не любят больших расстояний...»⁷.

Следовательно, первая, довольно четко выраженная мысль Сюнь-цзы состоит в утверждении объективности процессов, которые он именуется «деятельностью неба» («тянь чжи»).

Что же представляет «небо» в понимании Сюнь-цзы?

Философ вкладывает в это слово два содержания. Первое — это часть природы, все то, что находится «наверху» или действует «сверху» — в противоположность земле, или тому, что находится «внизу». К «небесным» явлениям Сюнь-цзы относит «времена года», «холод и зной», «ветры и дожди», «наводнения и засуху», «движение звезд», «сияние Солнца и свет Луны» — то есть те процессы, происхождение которых связано с небом как частью природы.

¹ H. D u b s. Hsüntze, the Moulder of Ancient Confucianism. L., 1927, p. 51. Эту точку зрения Дабса разделяет и Го Мо-жо, который пишет, что «...Сюнь-цзы... не избрал метафизику полем своих исследований, его разум восставал против изысканий в этой области». — См. Го Мо-жо. Философы древнего Китая. М., 1961, стр. 305.

² Ibid.

³ H. D u b s. Hsüntze, the Moulder of Ancient Confucianism, p. 51.

⁴ Ibid., p. 57.

⁵ Сюнь-цзы. «О небе». — «Чжунцзы цинчэн» («Сборник сочинений философов»). Шанхай, 1935, т. 2, стр. 205.

⁶ Там же, стр. 205—206.

⁷ Там же, стр. 207—208.

Второе, имеющее уже философский смысл значение слова «небо» у Сюнь-цзы — это «естественность», «естественно-данное». «Человек, — писал Сюнь-цзы, — (от рождения) наделен способностью любить и ненавидеть, радоваться и веселиться — это называется «небесными чувствами». Уши, глаза, нос, рот и кожа человека дают ему возможность соприкасаться с вещами... — вот что называется «небесными органами чувств» (человека)⁸. По такому же принципу Сюнь-цзы называет «разум» (по древнекитайской терминологии — «сердце», «синь») — «небесным повелителем» человека, способ существования человека за счет «не себе подобных» — «небесным путем существования человека»⁹. То, что в понимании Сюнь-цзы «небесное» в этом случае означает «естественно-данное», видно из сопоставления приведенных выше фраз со следующим отрывком из другой главы сочинений Сюнь-цзы, «Фэй сянь» — «Против прорицательства»: «Испытывая голод — желать поесть, в холоде стремиться к теплу, будучи усталым — желать отдохнуть, любить выгоду и ненавидеть ущерб — все это то, чем человек наделен от рождения, все это не приобретается, а является естественным (разрядка моя. — В. Ф.)»¹⁰. Таким образом, врожденные свойства человека, его чувства, называемые Сюнь-цзы выше «небесными», и есть то естественно-данное, что он получает от природы.

Именно в этом значении — «естественности», «природы» — «небо» рассматривается Сюнь-цзы как единственный источник происхождения всех вещей, в том числе и человека: «Одна за другой совершают звезды полный круг (по небесному своду); свет Луны сменяет сияние Солнца; чередуются четыре времени года; силы «инь» и «ян»¹¹ вызывают великие изменения (в мире), повсюду дуют ветры и выпадают дожди; через гармонию этих сил рождаются вещи, они получают (от неба) все необходимое, чтобы существовать и совершенствоваться»¹². «Когда деятельность неба осуществлена и результат достигнут, рождается человек: сначала плоть, а затем — дух»¹³.

Происхождение вещей, их существование и «совершенствование» Сюнь-цзы выводит из процессов самой природы: рождение вещей — из «гармонии сил «инь» и «ян», то есть отрицательного и положительного начала в природе, а существование вещей — из самой природы.

Природа же рождает и человека — «сначала плоть, а затем — дух». В этом последнем замечании Сюнь-цзы содержится — в наивной, примитивной форме — догадка о первичности физического, «телесного» в человеке по отношению к его «духу», то есть сознанию. Хотя философ не развивает эту мысль, не поясняет, каким образом возникает в человеке «духовное», — он и не мог этого сделать при современном ему уровне развития научных знаний, — для нас важна сама постановка вопроса: «сначала плоть, а затем — дух». Духовное начало в человеке, его «дух» рассматривается, таким образом, Сюнь-цзы как нечто вторичное по отношению к «плоти», телу человека и производное от природы вообще.

Представление о естественности всего сущего означает у Сюнь-цзы не только признание его объективности, независимости от человека, но и отрицание божественного, сверхъестественного начала в природе. Таким началом — персонифицированным богом — в раннем конфуцианстве было «небо», обладавшее, по терминологии Конфуция и Мэн-цзы, «волей» («мин»), способной фатально предопределять судьбу людей. Эту «волю неба» решительно отвергает Сюнь-цзы: «Если (человек) старательно занимается сельским хозяйством и бережет добро, то небо не в силах свергнуть его в нищету. Когда человек обеспечивает себя всем необходимым для своего существования и действует своевременно — небо не может сделать его большим... Того же, кто запустил свое хозяйство и не бережет добро, небо не может сделать богатым... Поскольку естественные условия, в которых сейчас живет человек, одинаковы с теми, какие были в эпоху мира и порядка, однако в отличие от тех времен приходят беды и несчастья — не ропщи на небо: это плоды действия самого человека»¹⁴.

Таким же образом Сюнь-цзы отрицает и способность «неба» определять положение дел в государстве: «Спрашивают: небо ли наводит порядок и приносит смуту в государстве? Отвечаю: и при Юе и при Цзе счет времени вели по Солнцу, Луне, звездам, но во времена Юя в Поднебесной был порядок, а во времена Цзе — смута. Отсюда видно, что порядок и смута не зависят от неба»¹⁵. Именно поэтому Сюнь-цзы и призывал людей не надеяться на «небо», а рассчитывать лишь на себя, ибо судьба человека зависит от него одного: «Совершенный человек преклоняется перед тем, что заключено в нем самом, а не уповает на то, что относится к небесным явлениям; по-

⁸ «Чжуцзы цзичэн», т. 2, стр. 206.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 50.

¹¹ В древнекитайской натурфилософии «инь» — отрицательное, темное начало. «ян» — положительное, светлое начало в природе.

¹² «Чжуцзы цзичэн», т. 2, стр. 206.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, стр. 205.

¹⁵ Там же, стр. 207.

этому в своем развитии совершенный человек постоянно движется вперед. Ничтожный же человек отбрасывает то, что заключено в нем самом, и уповает на то, что относится к небесным явлениям; поэтому ничтожный человек постоянно идет назад! Происходит это оттого, что один надеется на себя, другой — на небо!»¹⁵ «...Если отбросить дела, которые должны совершать люди, — писал философ, — и думать только о небе — это значит потерять чувство вещей»¹⁷. Последняя фраза Сюнь-цзы имеет особо важное значение для характеристики понимания философом сущности мира: обладание «чувством вещей» (то есть реальности) для Сюнь-цзы несовместимо с признанием божественности «неба».

Мысль Сюнь-цзы о том, что сам человек является хозяином своей судьбы, говорит о влиянии на него в этом вопросе взглядов Мо-цзы. Последний также придерживался той точки зрения, что если землепашец «будет усердно трудиться, то обязательно будет богат, если же не будет усерден, то непременно будет нищим»¹⁸. Однако если Мо-цзы видел в этом воплощение «воли неба», то Сюнь-цзы считает это «естественным путем существования человека»¹⁹.

Отрицание Сюнь-цзы «воли неба», его божественной силы проявляется и в тезисе философа о возможности человека подчинить себе «небо», то есть природу. Именно в этом видел Сюнь-цзы главный смысл взаимоотношений человека с природой («небом и землей»). «Мудрый человек... — писал Сюнь-цзы, — подчиняет себе небо и землю и заставляет служить себе вещи»²⁰. «Вместо того, чтобы возвеличивать небо и размышлять о нем, — продолжал Сюнь-цзы, — не лучше ли, самим умножать вещи, подчинить себе небо?! Вместо того, чтобы служить небу и воспевать его, — не лучше ли преодолевать небесную судьбу, самим использовать небо в своих интересах!»²¹

Заявив о естественности небесных явлений, Сюнь-цзы сделал первую в истории китайской философии попытку научного объяснения обожествления людьми «неба», природы. Основную причину наделяния природы («неба») сверхъестественной силой философ видел в недоступности для восприятия человека происходящих в ней скрытых процессов: «...Через гармонию сил (инь и ян) рождаются вещи, — писал Сюнь-цзы в трактате «О небе», — они получают (от неба) все необходимое для своего существования и совершенствования. Человек не видит этого (процесса), он видит лишь его результат и поэтому называет его «происшедшим от духа». Человек знает лишь то, чего достигают вещи в своем развитии, и не представляет себе самих этих невидимых изменений — поэтому он называет их «небесными»²².

Это гносеологическое объяснение Сюнь-цзы обожествления людьми «неба», природы представляет собой значительное достижение древнекитайской материалистической философии. Оно серьезно подрывало концепцию Конфуция и Мэн-цзы о предопределенности судьбы, выразителем которой является «воля неба». Если учесть к тому же ритуальную систему того времени, главное содержание которой составляли культ неба, как верховного божества, и культ предков (духов), то станет еще более очевидным прогрессивное значение упомянутого тезиса Сюнь-цзы. Это не значит, однако, что философ выступал в целом против традиционной конфуцианской обрядовой системы, так называемого принципа «ли», наоборот, он был ее ревностным защитником, видя в соблюдении обрядов, «этикета», одно из основных условий мира и порядка в стране. Но, принимая обрядовую систему как социально-политическое явление, Сюнь-цзы выводит ее уже не из божественности «неба», а из социальных условий жизни людей. «(Спрашивают): когда возносят молитвы о дожде и он приходит — что это значит, — писал Сюнь-цзы в трактате «О небе». — Отвечаю: ничего не значит. Это значит то же самое, когда идет дождь, о приходе которого не просили (в молитвах). То, что при затмениях Солнца и Луны люди стремятся спастись от них, при засухе — молят о дожде и решения по важным делам принимают только после гадания, — все это отнюдь не говорит о том, что, вознеся молитвы и гадая, действительно можно добиться цели! Это всего лишь внешние украшения дел правителя. Поэтому совершенный человек считает это украшением, а для простых людей в этом заключено «божественное». Когда это считают украшением — это приносит счастье, когда же все это обожествляют — это ведет к несчастьям...»²³

Отрицая божественное начало в природе, Сюнь-цзы выступал и против суеверия, страха людей перед ее явлениями. «Падение звезд и шум деревьев внушают людям страх, — писал философ в трактате «О небе». — Спрашивают: что это такое? Отвечаю:

¹⁶ Там же, стр. 208—209.

¹⁷ Там же, стр. 212.

¹⁸ Мо-цзы. Против судьбы, ч. 3. — Цитируется по переводу М. Л. Титаренко в изд. «Антология мировой философии». М., 1969, т. 1, ч. 1, стр. 200.

¹⁹ Сюнь-цзы. «О небе». — «Чжуцзы цзинчэн», т. 2, стр. 207.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, стр. 211.

²² Там же, стр. 206.

²³ Там же, стр. 211.

ничего особенного. Это изменения, происходящие на небе и на земле. Они вызваны сменой сил «инь» и «ян». Такие явления бывают редко. Удивляться им можно, но бояться их не следует»²⁴.

Суеверия людей, их веру в «нечистую силу», Сюнь-цзы объяснял — так же, как и обожествление людьми природы в целом, — особенностями человеческого восприятия окружающего мира.

В трактате «Освободиться от заблуждений» философ приводит следующий пример, вскрывающий гносеологические корни суеверий: «К югу от устья (реки) Сяшуй жил человек по имени Цзюань Чу-лян. Как человек — он был глупец, да к тому же большой трус. Однажды в светлую лунную (ночь) он шел по дороге. Посмотрев вниз, он увидел собственную тень и решил, что это лежащее (на земле) привидение. Посмотрев вверх, он увидел собственные волосы и решил, что это стоящий оборотень. Повернувшись, он (пустился) бежать. Когда он добежал до дома, то совсем потерял присутствие духа и от страха умер. Разве это не печально? Обычно люди (верят) в существование нечистой силы потому, что определяют они это в то время, когда (мысли их) находятся в смятении, а (в глазах) мерещится. Именно в этот момент человек несуществующее принимает за существующее, а существующее принимает за несуществующее»²⁵.

Следовательно, никакой «нечистой силы» не существует — это лишь плод ненормального восприятия окружающего мира человеком, разум которого находится в состоянии «смятения».

Обосновав подобным образом происхождение понятия «нечистая сила», Сюнь-цзы дает ему новое определение, которое исходит уже не из философских, а из социальных предпосылок.

«Из тех вещей и явлений, — пишет он в трактате «О небе», — которые действительно имеют место среди людей, можно по-настоящему опасаться лишь людской нечисти. Например, грубая обработка земли наносит вред посевам: если не произвести своевременно прополки сорняков — поле зарастает ими; жестокое и коварное правление государством приводит к тому, что правитель теряет (расположение) народа. Когда поля зарастают сорняками — посеvy чахнут, цены на зерно становятся высокими, народ голодает и на дорогах можно найти людей, умерших от голода, — вот что называется «людской нечистью». Когда приказы правителя не мудры, когда трудовые повинности назначаются и отменяются не вовремя, — все это называется «людской нечистью»... Вся «нечисть» происходит от беспорядка у людей»²⁶.

Вопрос о существовании «нечистой силы» переносится Сюнь-цзы из плоскости философских размышлений в область социального анализа: «беспорядок у людей», порочные методы организации их социальной жизни и есть та единственная, реально существующая «нечисть», которой следует опасаться.

Отрицание Сюнь-цзы «воли неба», существования духов, «нечистой силы» является развитием того скептицизма, который наметился в отношении этих традиционных идеологических институтов еще в эпоху Восточного Чжоу (770—403 гг. до н. э.).

В древнем памятнике «Цзочжуань» приводятся многочисленные высказывания государственных деятелей и мыслителей этого периода, свидетельствующие о том, что такие непреходящие атрибуты идеологической жизни начального периода эпохи Чжоу, как «воля неба», «злые и добрые духи», отходят уже на второй план в определении судьбы людей и государства, ставятся «в положение, зависимое от народа»²⁷. Для эпохи Восточного Чжоу характерным было уже не слепое преклонение перед «небом» как божественным началом, а выдвигание на первое место человека как главного творца своей судьбы.

Очевидным представляется также и влияние наивно-материалистических взглядов Лао-цзы о «естественности» мира на формирование онтологической концепции Сюнь-цзы. Однако если Лао-цзы ограничился лишь признанием естественности всего сущего, то Сюнь-цзы развил эту мысль до последовательного отрицания «воли неба», божественного начала в природе, сделав попытку научного обоснования веры людей в сверхъестественное. Далее. Исследуя традиционное для древнекитайской космогонии отношение «небо—земля—человек», Сюнь-цзы уже в отличие от Лао-цзы не рассматривает человека творцом наряду с небом и землей всех вещей, не отождествляет его с природой, а выделяет из нее. Если Лао-цзы считал, что «человек с дао тождествен дао»²⁸ (то есть естественной закономерности природы), то Сюнь-цзы признает человека продуктом природы, «производным» от нее, относя и его к категории вещей, порождаемых естественными процессами, происходящими в природе. Человек у Сюнь-цзы противопоставляется природе как существо, с одной стороны, не способное

²⁴ «Чжуцзы цзинь», т. 2, стр. 209.

²⁵ Там же, стр. 270.

²⁶ Там же, стр. 209—210.

²⁷ См. Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая. М., 1958, стр. 153.

²⁸ Цит. по: Ян Хин-шун. Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М. — Л., 1950, стр. 128.

подменить собой его «деятельность», а с другой — призванное подчинить себе природу и использовать ее в своих интересах.

Это положение Сюнь-цзы по сравнению с концепцией Лао-цзы было значительным шагом вперед в развитии наивно-материалистических взглядов в древнекитайской философии.

Важное место в философской системе Сюнь-цзы занимают гносеологические взгляды. И это не случайно. Развитие производительных сил и естественно-научных знаний, социально-политические сдвиги в китайском обществе в IV—III вв. до н. э. поставили перед философской мыслью Китая проблему не только объяснения, но и познания сущности процессов, происходящих в природе и обществе. Конечной целью этого познания должно было быть определение истинного пути управления страной.

Теория познания до Сюнь-цзы в Древнем Китае довольно подробно разрабатывалась двумя философскими школами: моистами и даосистами. Начав с крайнего сенсуализма Мо-цзы, моистская школа впоследствии сумела преодолеть ограниченность взглядов своего учителя, дополнив их учением о «рациональном знании». Даосистская школа в лице Сун Цзяна и Инь Вэня развивала в основном учение о логическом знании, об «искусстве мышления». Достижения двух этих школ были использованы Сюнь-цзы при выработке собственной концепции познания.

Исходным моментом гносеологических взглядов Сюнь-цзы является положение о познаваемости мира.

«Способность познавать (вещи) — врожденное свойство человека, — писал он в трактате «Освободиться от заблуждений», — возможность быть познанным — закономерность вещей»²⁹.

«Среди вещей нет таких, которые имели бы тело и были бы невидимы, были бы видимы и о них ничего нельзя было бы сказать»³⁰.

Как и поздние моисты, Сюнь-цзы различает способность человека к познанию мира и само знание: «То, при помощи чего человек познает (вещи), называется способностью к познанию. Когда способность к познанию отвечает (состоянию вещей) — это называется знанием»³¹.

Способность к познанию мира Сюнь-цзы рассматривает как качество, присущее только человеку. «Быть способным познавать (вещи) — значит (уметь) различать их», — пишет он в трактате «Освободиться от заблуждений»³². Но различать вещи в состоянии лишь человек. «Небо способно рождать вещи, но не может различать их; земля способна нести человека, но не может управлять им», — читаем мы в трактате «О ритуале»³³. «Что делает человека человеком? — продолжает Сюнь-цзы в главе «Против пририцательства». — ...Человека делает человеком не то, что только он имеет две ноги и не покрыт шерстью: человеком его делает (умение) различать (вещи). У птиц и зверей есть родители и дети, но нет той родительской и сыновней привязанности, (которая существует у людей), поэтому «дао» человека³⁴ состоит в том, что он не может не различать (вещи)»³⁵.

Следовательно, способность познавать мир является тем врожденным свойством человека, которое выделяет его как из неживой, так и живой природы.

Признавая способность человека познать мир, «вещи», Сюнь-цзы в то же время выступал за ограничение этого познания определенными рамками, целями. Прежде всего познание мира не должно содержать в себе стремления подменить человеческим знанием «деятельность неба» (то есть природу). Именно в этом смысле Сюнь-цзы говорил, что «совершенный человек, обладая глубокими мыслями, не затрачивает их на размышление там, где проявляется деятельность неба, располагая большими способностями, не прилагает их к этой деятельности и, будучи способным тщательно исследовать, не делает этого там, где проявляется деятельность неба. Вот что называется не пытаться оспаривать у неба его деятельности»³⁶.

Цель познания — проникновение в сущность общественных явлений, постижение их всеобщей закономерности «дао». «Что (позволяет) оценивать (вещи)? — пишет Сюнь-цзы в трактате «Освободиться от заблуждений». — Отвечаю: «дао». Поэтому разум не может не знать «дао»...»³⁷.

«Дао», о котором говорит здесь Сюнь-цзы, — это не естественное «дао», закономерность в природе, а всеобщие принципы управления страной, сущность которых составляют ритуал (ли) и чувство долга (и).

²⁹ «Чжуцзы цзинчэн», т. 2, стр. 270.

³⁰ Там же, стр. 264—265.

³¹ Там же, стр. 275.

³² Там же, стр. 264.

³³ Там же, стр. 242.

³⁴ Здесь «дао» означает сущность.

³⁵ «Чжуцзы цзинчэн», т. 2, стр. 50.

³⁶ Там же, стр. 206.

³⁷ Там же, стр. 263.

Подобная постановка вопроса о целях познания имеет у Сюнь-цзы как философский, так и политический смысл.

Во-первых, он исходил из того, что возможности человеческого познания ограничены. «Если с помощью свойства человека познавать (вещи), — писал он в трактате «Освободиться от заблуждений», — стремиться постигнуть закономерности всех вещей, которые могут быть познаны, и при этом никак не ограничивать это стремление, то за всю жизнь, до самой смерти, так и не сможешь узнать всего! Если даже какой-либо человек постигнет закономерности бесчисленного множества (вещей), то и тогда в конечном счете он не сможет узнать закономерностей всех (вещей) и их изменений и в результате окажется похожим на глупца...»³⁸.

Ограниченность субъективных возможностей человеческого восприятия окружающего мира рассматривается, кстати, Сюнь-цзы как единственная причина «непознаваемости» отдельных вещей и явлений. «Когда органы чувств соприкасаются с вещами, — писал он в трактате «Исправление имен», — но не в состоянии (разрядка моя. — В. Ф.) познать их, когда разум реагирует на вещи, но не в состоянии выразить это в словах — в таком случае люди всегда говорят: «непознаваемое»³⁹.

Методом, позволяющим преодолеть эту ограниченность, Сюнь-цзы как раз и считал сосредоточение усилий человека прежде всего на познании всеобщей закономерности общественных явлений, «дао», и уже через это «дао» — на исследовании свойств отдельных вещей. «(Кто) всецело сосредоточивается на «дао», — тот правильно мыслит; кто исследует вещи (исходя из «дао») — (тот) прозорлив в делах»⁴⁰. «Если исследовать (вещи), сосредоточив все внимание на «дао», тогда все вещи смогут быть познаны»⁴¹.

Таким образом, познание человеком окружающего мира обуславливается Сюнь-цзы постижением общественной закономерности «дао», иными словами — идеальных принципов управления страной. Здесь обнаруживается второй, социально-политический аспект постановки философом вопроса о целях познания — стремление подвести философскую (в данном случае — гносеологическую) базу под общую политическую концепцию идеального государства. Человек способен познать мир, говорит Сюнь-цзы, но для реализации этой способности он должен стремиться прежде всего постигнуть сущность идеальных принципов управления страной и уже затем через это знание познавать «все вещи». Но постичь всеобщие принципы правильного управления государством, по мысли Сюнь-цзы, способен лишь «совершенный человек». Следовательно, только он один и в состоянии познать «закономерности всех вещей», в то время как обычные люди способны постичь лишь сущность отдельных (пусть даже и многих) вещей. Это положение Сюнь-цзы имеет глубокий социальный смысл: оно служит ему философским основанием тезиса о неизбежности разделения людей в обществе на «управляющих» и «управляемых», другими словами — социальной градации общества. «Крестьянин все свои силы сосредоточивает на работе в поле, — пишет Сюнь-цзы в трактате «Освободиться от заблуждений», — однако он не может быть управителем полей; торговец все свои силы сосредоточивает на торговле, однако он не может быть управителем рынка; ремесленник все свои силы сосредоточивает на производстве инструментов, однако он не может быть управителем этого производства. А есть и другие люди: они не обладают навыками трех (последних), но им можно позволить управлять и крестьянами, и торговцами, и ремесленниками. Это происходит потому, что они сосредоточили все свое внимание на «дао», а не на вещах. Тот, кто все свое внимание сосредоточивает на вещах, способен управлять лишь одной категорией вещей, (в то время как) человек, сосредоточивший все свое внимание на «дао», способен одновременно управлять всеми категориями вещей. Поэтому совершенный человек всецело сосредоточивается на «дао» и таким путем исследует вещи»⁴².

Следовательно, учение Сюнь-цзы о целях и методах познания мира носит отчетливую социально-политическую окраску: оно сводится философом в конечном итоге к познанию идеальных принципов управления страной, осуществление которых составляет прерогативу лишь «совершенного человека».

Тем не менее эта ограниченность гносеологических взглядов Сюнь-цзы, вытекающая из его социально-политической концепции, не отменяет принципиального признания философом познаваемости мира: человек может познать мир, однако успех познания, его полнота зависят от правильности избранного метода.

Каким же образом представляет себе Сюнь-цзы сам процесс познания мира человеком?

³⁸ «Чжуцзы цзицэн», т. 2, стр. 270—271.

³⁹ Там же, стр. 278.

⁴⁰ Там же, стр. 266.

⁴¹ Там же. Во всех приведенных отрывках под «дао» Сюнь-цзы подразумевает всеобщие принципы управления государством.

⁴² «Чжуцзы цзицэн», т. 2, стр. 266.

Восприняв моистскую концепцию «трех видов знания», Сюнь-цзы преобразует ее в попытку выделить ступени познания, с указанием на их последовательность и взаимную обусловленность. Первым, начальным «этапом» познания, по мысли Сюнь-цзы, является восприятие человеком окружающего мира, «вещей» с помощью органов чувств. «Разум обладает способностью, соприкасаясь с вещами, воспринимать их, — пишет Сюнь-цзы в трактате «Исправление имен», — обладая этой способностью, разум через уши может познавать звуки, через глаза познавать внешний вид вещей. Отсюда видно, что способность разума, соприкасаясь с вещами, воспринимать их может проявить себя только после того, как «небесные» органы чувств войдут в соприкосновение каждый с той категорией (раздражения), на которую он реагирует»⁴³.

Чувственное восприятие человеком вещей является у Сюнь-цзы, следовательно, исходным моментом познания.

Следующим «этапом (ступенью) познания Сюнь-цзы считал «размышление»: «Когда разум помогает... естественным чувствам отличать (истину от лжи), это называется размышлением»⁴⁴.

Разумное знание рассматривается в Сюнь-цзы как новый, качественно отличный от чувственного восприятия этап в процессе познания, на котором человек уже «отличает» (то есть познает) истину.

Выделение двух ступеней познания — чувственного и рационального — мы находим и у поздних моистов, в этом Сюнь-цзы не оригинален. Новое же, что он внес в теорию познания в древнекитайской философии, состоит в признании человеческой деятельности, практики, элементом самого процесса познания. «Познать «дао», — пишет Сюнь-цзы в трактате «Освободиться от заблуждений», — это значит: размышляя, глубоко проникнуть (в его сущность) и, действуя, претворять в жизнь»⁴⁵.

Осуществление на практике полученных знаний выступает у Сюнь-цзы не просто как один из этапов процесса познаний, но как высшая его ступень. В главе «Конфуцианский образец» («Жу сяо») он пишет: «Не слышать о (чем-то) хуже, чем слышать; слышать о чем-то хуже, чем видеть это; видеть что-то хуже, чем знать это; знать что-то хуже, чем претворить это в жизнь»⁴⁶.

В то же время рациональное знание, «размышление», рассматривается Сюнь-цзы — наряду с практикой — как существенный признак человеческой деятельности. «Когда человек размышляет, — пишет он в трактате «Исправление имен», — а его способности претворяют эти мысли в дела, это называется человеческой деятельностью»⁴⁷.

Таким образом, человеческая деятельность, практика, с одной стороны, входит в процесс познания, а с другой — сама включает в себя познание мира.

Наивно-диалектическая догадка Сюнь-цзы о человеческой практике как одном из элементов познания составляет наиболее примечательную черту его гносеологических взглядов. Под практикой Сюнь-цзы понимал претворение полученных знаний (или выдвинутых теорий) в жизнь. «Осуществить (полученные знания), — писал он в трактате «Конфуцианский образец», — означает постигнуть сущность (вещей)»⁴⁸. «Тот, кто сидя выдвигает какую-либо теорию, — пишет Сюнь-цзы в другом трактате — «О дурной природе человека», — должен встать, развернуть (перед слушателями) все положения своей теории и затем суметь провести ее в жизнь»⁴⁹.

Условием, обеспечивающим осуществление на практике человеческих знаний и различных теорий, Сюнь-цзы считал их доказательность, соответствие реальным «фактам». «Тот, кто искусно говорит о древности, — писал он в трактате «О дурной природе человека», — должен подтвердить (свои слова примерами) из настоящего; тот, кто искусно говорит о небе (то есть природе. — В. Ф.), должен подтвердить (свои слова примерами) из жизни людей. Ценность всех учений зависит от приводимых в них различающих и суммирующих (суждений и соответствующих фактам) доказательств»⁵⁰.

В приведенных высказываниях Сюнь-цзы содержится наивная попытка выявить тот объективный критерий, который позволил бы определять «ценность» человеческих знаний и различных теорий. Таким критерием философ признавал их «практичность» (то есть возможность претворения в жизнь).

Подобное внимание к человеческой деятельности, практике, вытекает из общего отношения Сюнь-цзы к познанию, как активному процессу, позволяющему человеку не только постигнуть сущность вещей, но и подчинить себе природу, «заставить служить себе вещи» («О небе»). «Чем (только) надеяться на время года и ожидать, что тебе принесет (природа), — писал Сюнь-цзы в трактате «О небе», — не лучше ли самим в соответствии со временем года добывать этого?! Чем ожидать самоумножения

⁴³ «Чжунцзы цзинчэн», т. 2, стр. 277.

⁴⁴ Гл. «Исправление имен». — Там же, стр. 274.

⁴⁵ «Чжунцзы цзинчэн», т. 2, стр. 264.

⁴⁶ Там же, стр. 90.

⁴⁷ Там же, стр. 274.

⁴⁸ Там же, стр. 90.

⁴⁹ Там же, стр. 294.

⁵⁰ Там же, стр. 293—294.

вещей, не лучше ли, используя возможности человека, самим изменить вещи? Чем только желать, чтобы вещи рождались так, как нам того хочется, не лучше ли самим заставить их развиваться согласно нашим желаниям?!»⁵¹.

Говоря о познании мира, природы, Сюнь-цзы всегда имел в виду практическое значение человеческих знаний, возможность их использования в интересах людей.

Верой в возможность человеческого разума постигнуть сущность мира и подчинить себе природу проникнуты все сочинения Сюнь-цзы. В трактате «Освободиться от заблуждений» он следующим образом формулирует смысл познания мира: «Сидя в комнате, видеть (просторы) четырех морей, находясь в настоящем, говорить о прошлом и будущем, наблюдая вещи, знать их состояние, рассматривая и исследуя (эпохи) порядка и смуты, понимать периоды (истории), привести в порядок небо и землю и тем самым управлять вещами (в соответствии с их свойствами), овладеть великой сущностью (природы) — и тогда Вселенная придет к системе!»⁵².

Такова краткая характеристика представлений Сюнь-цзы о процессе познания. Но она была бы неполной, если бы мы не коснулись еще одного важного аспекта гносеологических взглядов философа — вопроса о том, что он понимал под истинностью знаний человека.

Проблема истины и теории познания Сюнь-цзы представляется весьма сложной, и она не может быть определена однозначно. Объясняется это общей противоречивостью онтологических взглядов философа, с одной стороны, признававшего объективную, независимо от человека существующую закономерность в природе и, с другой — идеалистически понимавшего сущность общественных явлений, их закономерность как продукт деятельности и разума мудрецов. Отсюда вытекает и непоследовательность Сюнь-цзы в трактовке истинности человеческого знания: когда философ говорит о познании явлений природы, объективно существующих «вещей» — он обнаруживает наивно-материалистический подход к проблеме истины; когда же он касается постижения человеком сущности общественных процессов, их всеобщей закономерности «дао» — он трактует эту проблему идеалистически.

Наивно-материалистическое понимание Сюнь-цзы истинности человеческих знаний о природе прослеживается в уже приводившемся высказывании философа об отличии «знания» от «способности к познанию»: «Когда (способность к) познанию отвечает состоянию вещей, — писал он, — это называется знанием» («Исправление имен»). Знание, следовательно, характеризуется Сюнь-цзы как «соответствие» субъективных способностей человека к познанию (то есть способности его органов чувств воспринимать вещи и разума «оценивать» их) объективному «состоянию вещей», иначе говоря — реальной действительности. Мысль о необходимости «соответствия» разума человека, его мышления естественной закономерности вещей, их «дао», встречается и в других местах сочинений Сюнь-цзы. В трактате «Исправление имен» он пишет: «Когда разум соответствует (естественному) «дао», речь соответствует мышлению, а фразы — (смыслу) речи, когда имена (то есть понятия. — В. Ф.) установлены правильно и соответствуют вещам — тогда легко понять и (реальные) свойства вещей!»⁵³.

Знание «реальных свойств вещей» рассматривается, таким образом, Сюнь-цзы как соответствие этого знания, мысли человека, естественной закономерности природы.

По-иному трактует Сюнь-цзы истинность знаний человека применительно к общественным явлениям. В трактате «Освободиться от заблуждений» он пишет: «Предание гласит: «В Поднебесной есть две (стороны: истинное и ложное); по ложному различают истинное, по истинному — ложное». Это значит, что (истинное) должно соответствовать режиму (совершенного) вана, а (ложное) — это то, что не соответствует ему. Когда (люди) в Поднебесной не делают этот образец (мерилом) высшей степени правильного пути — разве возможно тогда различить истинное и ложное и определить, что справедливо, а что несправедливо?»⁵⁴. Путь, «режим» совершенного правителя объявляется Сюнь-цзы мерилом истинности в познании общественных явлений, определении «правильного пути» человека. Именно это положение имел в виду философ, когда он говорил в другом месте того же трактата, что «Поднебесная не может иметь двух правильных путей, мудрый человек не может иметь двух (способов) мышлений»⁵⁵.

Таким образом, гносеологические взгляды Сюнь-цзы, являясь в основе своей наивно-материалистическими, носят тем не менее непоследовательный характер и содержат в себе определенную уступку идеализму, вытекающую из общего социально-политического содержания его учения.

В целом же философские взгляды Сюнь-цзы — одного из самых выдающихся мыслителей Древнего Китая — составляют яркую и необходимую страницу в истории зарождения и становления китайской материалистической мысли, без прочтения которой невозможно правильно представить себе процесс развития философии в Китае.

⁵¹ «Чжунцзы цзинь», т. 2, стр. 212.

⁵² Там же, стр. 265.

⁵³ Там же, стр. 281.

⁵⁴ Там же, стр. 272.

⁵⁵ Там же, стр. 258.

ИСТОРИЯ

Так начиналась «культурная революция»

*В. Н. Усов,
кандидат исторических наук*

Прошло 10 лет с начала пресловутой «культурной революции», однако, как постоянно подчеркивает маоистская печать, «внутри страны борьба еще не закончена». Сам Мао Цзэ-дун начиная с весны 1967 г. неоднократно заявлял, что для полного утверждения его «линии» потребуется еще 3—4 новые «культурные революции». В уставе КПК, принятом в августе 1973 г., данный тезис уже становится программным. На X съезде и после него маоисты усердно и настойчиво подчеркивают правильность и необходимость «культурной революции». Оценка данной кампании и ее места в развитии КНР превратилась в предмет острейшей политической борьбы в Китае. До сегодняшнего дня маоисты вынуждены вновь и вновь «доказывать» своим оппонентам «необходимость» этой кампании. Наличие борьбы вокруг оценки «культурной революции» признают журнал «Хунци»¹ и газета «Жэньминь жибао»².

«Культурная революция» — это сложное, многоплановое явление в новейшей истории Китая, возникшее в результате столкновения двух противоположных подходов к проблеме целей и путей развития КНР. Разные подходы проявились как в проведении внешнеполитического, так и внутриполитического курса Китая.

Во внешней политике это, с одной стороны, отношение к СССР, к другим социалистическим странам, к мировому коммунистическому движению в целом, с другой — к ведущим капиталистическим странам во главе с США, а также к развивающимся странам.

Во внутренней политике это перспектива экономического развития страны, определение целостного внутривнутриполитического курса, путей дальнейшего развития образования и культуры, форм и методов влияния на молодежь и ее идеологической обработки, роли и места партии, комсомола и других общественных организаций в жизни Китая.

Руководители КНР в беседах с многочисленными зарубежными представителями пытаются представить себя и Мао Цзэ-дуна не только противниками крайностей «культурной революции», но и сторонниками социальной справедливости, равноправия граждан, широкой демократии, даже свободы критики правительства. Они передергивают факты недалекого прошлого, фальсифицируют историю. Однозвучные стороны своей деятельности, все эксцессы «культурной революции» они пытаются списать за счет деятельности своих политических противников. Разоблачение подобных демагогических заявлений и фальсифи-

¹ «Хунци», 1973, № 1, 4, 5; 1974, № 1, 2, 5.

² «Жэньминь жибао», 28.IV. 1973; 20.II.1974.

каций истории с помощью показа истинного развития «культурной революции», и в частности ее начального этапа, является актуальной задачей советских историков.

В унисон с маоистами трубят и некоторые буржуазные историки за пределами КНР, стремясь также доказать «необходимость» «культурной революции» в Китае, представить ее как некий «демократический», «массовый взрыв снизу», направленный якобы против бюрократизма и ревизионизма в стране. Сюда относятся такие деятели, как Хань Су-инь, Дж. Цзэ-сюн, С. Шрам, Дж. Арчер, Дж. Фэрбэнк и другие³. Два последних в своих работах утверждают, что «культурная революция» была проведена для того, чтобы предупредить развитие китайского общества по «советской модели».

Маоистская и буржуазная апологетика «культурной революции» подхвачена представителями «лево»- и праворевизионистских групп и течений во многих странах. Во Франции, например, Роже Гароди трактует ее как «новую революционную модель социализма»⁴. Рецидивы маоистской пропаганды стали протаскиваться в статьях и работах некоторых неустойчивых коммунистов, плохо знакомых с истинным положением дел в КНР. В этом отношении характерны промаоистские публикации итальянских журналистов М. Маччокки и А. Яковьело. Необоснованными являются их утверждения о том, будто бы Компартия Китая в ходе «культурной революции» не только не была разгромлена, но и не понесла урона⁵. Публикации А. Яковьело и М. Маччокки подверглись справедливой критике со стороны ИКП⁶.

Таким образом, мы видим, что разоблачение демагогических заявлений маоистского руководства, фальсификаций буржуазных историков и оппортунистов всех мастей, своевременное выявление заблуждений тех исследователей и публицистов, кто искренне стремится разобраться в происходящих событиях в КНР с помощью показа истинного развития «культурной революции», является актуальной задачей марксистско-ленинской историографической науки.

* * *

Политическая жизнь в Китае в предшествующие «культурной революции» годы была отмечена нарастанием борьбы в партийном руководстве по основным вопросам внутренней и внешней политики. Однако борьба двух линий в ЦКК в тот период, отражавшая столкновение двух противоположных подходов к проблеме целей и средств развития КНР, проходила в скрытых формах. Открыто ни одна из сторон не выдвигала своего курса и программы. Мао Цзэ-дун и его последователи, учитывая критическое и настороженное отношение большин-

³ Han Su-yin. China in the year 2001. L., 1967; James Chien Hsiung. Ideology and practice. The evolution of Chinese communism. N. Y., 1970; S. Schram. The cultural revolution in historical perspective. — In: Authority, participation and cultural change in China. L., 1973; J. Archer. Mao Tse-tung. A biography. N. Y., 1973; J. Fairbank. The United States and China. Cambridge (Mass), 1971.

⁴ Более подробно о позиции Р. Гароди см. Е. Ф. Ковалев. «Китайская проблема» в извращенном толковании Роже Гароди. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 2.

⁵ М. А. Macciocchi. Dalla Cina dopo la rivoluzione culturale. Milano, 1971, p. 414.

⁶ Результатом этого явилось исключение М. Маччокки из списка депутатов от Итальянской коммунистической партии на парламентских выборах в мае 1972 г. Осенью 1971 г. во время праздника газеты «Юманите» книга М. Маччокки была запрещена для распространения в рядах ФКП. Книгу М. Маччокки «Юманите» 12 октября 1971 г. назвала «политической апологией режима Мао Цзэ-дуна».

ства членов КПК после «большого скачка» к их попыткам вновь вмешиваться в экономические проблемы страны, делали ставку в период «урегулирования» (1961—1965) на восстановление утраченных позиций в сфере идеологии и политики, ограничиваясь в основном пропагандой своих социально-экономических проектов и схем. Поборники иного направления, чьи силы и влияние в руководящих органах партии в центре и на местах в тот период значительно выросли, избрали тактику закрепления своих позиций в сфере практической деятельности. Однако открыто они не вели прямой критики обанкротившегося социально-экономического курса Мао Цзэ-дуна. Борьба между сторонниками Мао Цзэ-дуна и представителями антимаоцзэдуновской оппозиции велась в своеобразной форме: как те, так и другие прибегали к методам скрытой критики, к эзоповскому языку. Причем и критику оппозиция сдабривала изрядными дозами лицемерного славословия в адрес Мао Цзэ-дуна. Действуя «от имени» Мао Цзэ-дуна, она в большинстве случаев стремилась вложить в его «идеи» содержание, полностью или в значительной мере чуждое принципам и установкам их создателя. Антимаоистские силы в центре и на местах выступали против установок Мао Цзэ-дуна нередко под предлогом защиты его «идей» от неверного толкования. В этом проявилась одна из слабых сторон оппозиции, которой маоисты не преминули воспользоваться позднее, когда борьба приняла открытую форму. Следует отметить, что характер политической борьбы на этом этапе определялся и тем обстоятельством, что противники курса маоистов были весьма неоднородны. Их ряды состояли из различных групп: от последовательных марксистов-интернационалистов, ориентировавшихся на применение опыта социалистических стран, и прежде всего Советского Союза, до «умеренных маоистов», выступавших лишь против «крайностей» маоцзэдуновского «кособого» курса⁷. Все это помогло Мао Цзэ-дуну и его сторонникам поочередно устранять своих противников в ходе «культурной революции».

В сентябре 1965 г. внутриполитическая борьба между группой Мао Цзэ-дуна и ее противниками обострилась с новой силой. Она развертывалась в высших эшелонах руководства КПК и внешне проявлялась в ставшей в КНР уже «традиционной» форме «кампаний по проработке» представителей интеллигенции. Началась она с кампании «критики У Ханя», сотрудника Пекинского горкома КПК, заместителя мэра Пекина, писателя и драматурга.

По свидетельству «Жэньминь жибао», Мао Цзэ-дун поставил вопрос о критике У Ханя в сентябре—октябре 1965 г. на заседании Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК с участием представителей всех региональных бюро ЦК КПК⁸. Мао Цзэ-дун заявил на этом заседании, что «соль драмы» У Ханя «Разжалование Хай Жуня» — защита осужденной на Лушаньском пленуме «группы» Пэн Дэ-хуая, поскольку автор в аллегорической форме пытался изобразить Мао императором Цзя Цинном, а Пэн Дэ-хуая — Хай Жунем⁹. Мао Цзэ-дун потребовал придать кампании с самого начала острополитический характер, предлагая рассматривать У Ханя в качестве защитника осужденной «группы» Пэн Дэ-хуая. Расчет Мао Цзэ-дуна, видимо, состоял в том, чтобы выяснить на заседании Постоянного комитета Политбюро

⁷ Новейшая история Китая. 1917—1970 гг. М., 1972, стр. 345.

⁸ «Жэньминь жибао», 16.V.1967.

⁹ Там же, 16.VII.1967. Подробнее о Хай Жуне см. В. Г. Градов, «Критика» У Ханя — капан «культурной революции». — «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 1.

ро ЦК КПК расстановку сил в центральных и местных органах партии. Она складывалась, как показали результаты заседания, не в его пользу. Отдел пропаганды ЦК КПК, горком партии Пекина, находившийся под контролем Лю Шао-ци, Дэн Сяо-пина и первого секретаря столичного горкома Пэн Чжэня, большинство представителей провинциальных комитетов партии не поддержали Мао Цзэ-дуна. Позднее Мао Цзэ-дун признавал это сам. «В тот период,— подчеркивал он,— некоторые отделы и места в нашей стране так прочно удерживались ревизионистскими элементами, что капле воды не просочиться, иголке не пролезть»¹⁰.

Особенно неблагоприятная обстановка для Мао Цзэ-дуна складывалась в Пекине, где сосредоточились основные силы оппозиции. Поэтому первый «снаряд» по своим политическим противникам Мао Цзэ-дун решил выпустить из Шанхая.

В Шанхай направляется жена Мао Цзэ-дуна Цзян Цин. Она должна была организовать публикацию критической статьи в адрес У Ханя. Позднее Мао Цзэ-дун, отвечая на вопрос, почему критика У Ханя началась не в Пекине, а в Шанхае, подчеркивал, что в то время в Пекине «не было ни одного человека, который мог бы это сделать. Поэтому ничего не оставалось делать, как отправиться в Шанхай»¹¹. В Шанхае Мао Цзэ-дун и его сторонники нашли поддержку прежде всего в лице Яо Вэнь-юаня, главного редактора газеты «Цзефан жибао», и Чжан Чунь-цяо, заведующего отделом агитации и пропаганды Шанхайского горкома партии.

Анализ маоистских документов позволяет сделать вывод о том, что подготовка статьи, в которой критиковался У Хань и его пьеса, велась маоистами еще задолго до того, как Цзян Цин прибыла в Шанхай. «Мы хранили это в тайне от окружения в течение 7—8 месяцев,— признавалась Цзян Цин 22 апреля 1967 г. на расширенном заседании Военного совета ЦК КПК.— За это время статья подвергалась неоднократным переделкам. Всякий раз, когда товарищ Чжан Чунь-цяо приезжал в Пекин, некоторые контрреволюционные элементы заявляли, что его приезд наверняка связан с критикой У Ханя. Конечно, приезды Чжан Чунь-цяо были связаны с этим...»¹². Цзян Цин также призналась на этом совещании, что статья была написана группой лиц, находившихся непосредственно под руководством Яо Вэнь-юаня. Позже она была подписана, как известно, только его именем. Маоисты придавали данной статье, как явствует из высказывания Цзян Цин, особо важное политическое значение.

Приезд Цзян Цин в Шанхай, однако, не дал тех результатов, на которые, видимо, надеялись сторонники Мао Цзэ-дуна. Часть работников Шанхайского горкома партии решительно выступила против публикации статьи Яо Вэнь-юаня. Они требовали санкции на выход ее в свет со стороны Пэн Чжэня. В Шанхайском горкоме партии разгорелась борьба¹³. На ее ход повлияло сообщение, полученное от имени Мао Цзэ-дуна. Мао категорически требовал публикации статьи. Партийная организация Шанхая под давлением маоистов в конце концов «одобрила» статью Яо Вэнь-юаня. Однако и этого оказалось мало для того, чтобы сломить сопротивление в Шанхае. 10 ноября 1965 г. в Шанхай выезжает сам Мао Цзэ-дун. В этот же день шанхайская газета

¹⁰ «Шидай пипин». Сянган, 1968, № 343.

¹¹ «Минбао». Сянган, 1969, № 46.

¹² «Чжаньван». Сянган, 1970, № 204.

¹³ «Унита», 13.I.1971.

«Вэньхуэй бао» публикует на своих страницах статью Яо Вэнь-юаня «О новой редакции исторической драмы «Разжалование Хай Жуя», которая, как признавала пресса хунвэйбинов, прежде чем появиться в свет, «трижды просматривалась» Мао Цзэ-дуном.

Публикация статьи Яо Вэнь-юаня, по оценке Мао Цзэ-дуна, Цзян Цин и их сторонников, явилась сигналом к началу «культурной революции»¹⁴.

В Пекине были явно недовольны ее появлением. Центральные и большинство местных газет в течение долгого времени хранили молчание. Только в последней декаде ноября, то есть через 20 дней, орган горкома Пекина «Бэйцзин жибао» (29.XI.1965), а затем орган ЦК КПК «Жэньминь жибао» (30.XI.1965), «Гуанмин жибао» (2.XII.1965) перепечатали статью Яо Вэнь-юаня из «Вэньхуэй бао», предпослав ей, однако, свое «слово от редакции». Эти газеты пытались направить кампанию «критики У Ханя» в русло чисто научных обсуждений. Они призывали «не делать политических выводов» относительно того, является ли драма У Ханя «душистой» или «ядовитой» травой. Единственной газетой, ясно определившей свое отрицательное отношение к драме У Ханя, была «Цзефанцзюнь бао» — орган НОАК. Она также выступила со своим «словом от редакции». Газета назвала драму «большой ядовитой травой». Комментарии «Цзефанцзюнь бао» перепечатала лишь одна газета — «Гуанчжоу жибао», представлявшая партийную организацию провинции Гуанчжоу, которая, кстати, для перестраховки тут же опубликовала «слово» и из «Жэньминь жибао». Все остальные газеты, включая и большинство шанхайских, поместили на своих страницах редакционное примечание органа ЦК КПК — газеты «Жэньминь жибао».

Такое положение не устраивало маоистов. В третьей декаде декабря в Шанхай были вызваны Пэн Чжэнь и Кан Шэн, где они встретились с Мао Цзэ-дуном. 21 декабря в беседе с Пэн Чжэнем Мао, касаясь статьи Яо Вэнь-юаня, сказал, что она не плоха, но имеет тот недостаток, что ее автор «не бьет по стратегическому пункту. Стратегическим пунктом в драме «Разжалование Хай Жуя» является разжалование»¹⁵. Мао Цзэ-дун явно требовал от Пэн Чжэня расправы с У Ханем.

Беседы Пэн Чжэня с Мао продолжались 22 и 23 декабря. Подводя итог этим встречам, Пэн Чжэнь заявил: «Председатель Мао согласен с моей точкой зрения, вопрос об У Хане не является политическим». Мао Цзэ-дуну эти беседы, видимо, еще раз показали, что Пэн Чжэнь не желает развертывать кампанию в духе его требований. Он решает, что настала пора опереться на иные силы, с помощью которых можно активизировать кампанию.

Понимая, что статью Яо Вэнь-юаня нельзя обойти полным молчанием, руководство Пекинского горкома, поддерживаемое некоторыми сотрудниками отдела пропаганды ЦК КПК, в первой половине декабря провело несколько совещаний, на которых попыталось дать оценку этой статье и выработать единую тактику действий. Как результат этих совещаний 27 декабря «Бэйцзин жибао» опубликовала статью с «самокритикой У Ханя». 30 декабря она была перепечатана в «Жэньминь жибао».

Политические противники Мао на определенных периодах развития КНР пытались чаще вести борьбу против курса маоистов с помощью уставных методов — прибегая к созыву пленумов ЦК КПК, совещаний

¹⁴ «Жэньминь жибао», 24.V.1967.

¹⁵ «Цзуго», 1968, № 53.

партийного актива страны, широких дискуссий. Однако и они нередко пренебрегали уставными положениями ЦКПК, решениями ее съездов и пленумов ЦК, конституцией и законами КНР и осуществляли свой собственный курс в пределах той кампании, которую разворачивали маоисты. Естественно, эти обстоятельства лишали рядовых коммунистов четкого представления о программе и характере политической деятельности антимаоистских сил и намного снижали возможность претворения в жизнь своей политической линии.

Действуя согласно выработанной оппозицией тактике, Пэн Чжэнь в январе 1966 г. проводит в Пекине ряд совещаний работников культуры и просвещения, издательств и редакций как пекинских газет и журналов, так и центральных органов печати, а также представителей воинских частей. Пэн Чжэнь и другие ответственные лица Пекинского горкома партии, выступая на этих совещаниях, неизменно подчеркивали, что начавшаяся кампания должна вестись в русле научной дискуссии.

В последней декаде января 1966 г. с санкции Лю Шао-ци были распространены по всей стране тезисы доклада парткома министерства культуры «По некоторым вопросам нынешней работы на культурном фронте»¹⁶, автором которого был заместитель министра культуры КНР Сяо Ван-дун, вступивший на этот пост 30 апреля 1965 г. и ставший секретарем парткома министерства. Распространение этих тезисов и их содержание преследовало весьма определенную цель — показать, что министерство культуры и его партком придерживаются правильной политической линии, которую никто не должен подвергать критике и сомнению, поскольку ее придерживается ЦК КПК.

Отношение в центре и на местах к «делу» У Ханя показало Мао Цзэ-дуну, что отдел пропаганды ЦК КПК и влиятельный столичный горком партии, находившийся под контролем его политических противников, не поддерживают его курса.

В этих условиях Мао Цзэ-дун и его сторонники в начале 1966 г. стали активно готовить к намечавшемуся политическому столкновению армию, развернув активную закулисную деятельность по подбору и сколачиванию в ней своих приверженцев, по превращению НОАК в свою надежную опору. Уже 26 ноября 1965 г. неожиданно «исчезает» начальник Генерального штаба НОАК, заместитель премьера Госсовета КНР, секретарь ЦК КПК Ло Жуй-цин. По некоторым зарубежным данным, в тот момент его арестовал Линь Бяо.

Затем маоисты проводят совещание по вопросам работы в области литературы и искусства в армии. Оно открылось 2 февраля 1966 г. и продолжалось до 20 февраля. Совещание проходило по указанию Мао Цзэ-дуна и Линь Бяо и под руководством Цзян Цин¹⁷. В ходе совещания был выработан «Протокол по вопросам работы в области литературы и искусства в армии»¹⁸.

Совещание и его основной документ готовились без ведома ЦК КПК¹⁹. По личному указанию Мао 10 апреля протокол без утверждения ЦК КПК был разослан в низовые организации НОАК с сопроводи-

¹⁶ «Жэньминь жибао», 13.VIII.1967.

¹⁷ Великая пролетарская культурная революция (важные документы). Пекин, 1970, стр. 181—183.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Как явствует из сопроводительного письма Линь Бяо, направленного Постоянному комитету Военного совета ЦК КПК, от 22 марта 1966 г., Линь Бяо только 22 марта просил сообщить ему замечания Постоянного комитета к протоколу «для представления его на утверждение в ЦК».

тельным письмом Линь Бяо, в котором подчеркивалось, что на протяжении «всех шестнадцати лет на фронте литературы и искусства идет классовая борьба, вопрос «кто кого» все еще остается нерешенным». В нем охивались и отрицались все достижения в области литературы и искусства со дня образования КНР, говорилось, что работники литературы и искусства с 1949 г. «находились под диктатом антипартийной, антисоциалистической черной линии, противостоящей идеям Мао Цзэ-дуна». Эта «черная линия» «представляет собой сочетание взглядов буржуазии и современных ревизионистов на литературу и искусство с так называемой литературой и искусством 30-х гг.». Хотя фамилии лиц, осуществляющих такой «диктат», и не были названы, однако посвященному читателю было ясно, что речь шла прежде всего о заведующем отделом пропаганды ЦК КПК Лу Дин-и, о его заместителе, кандидате в члены ЦК КПК Чжоу Яне, и всех тех, кто работал вместе с ними в гоминьдановских районах, а затем в агитпропе ЦК КПК.

Задача по ликвидации «этой черной линии» в протоколе возлагалась на армию. В документе был зафиксирован ряд «программных» положений «культурной революции»: под предлогом борьбы с «современным ревизионизмом» провозглашалась антисоциалистическая и антисоветская направленность «культурной революции» (пункты 5 и 8); установка на всеобщее изучение «идей Мао Цзэ-дуна» подавалась как неперемное условие для повышения идейно-политического уровня (пункт 10).

Сам факт созыва совещания, на котором впервые были высказаны положения о «культурной революции», о роли армии в ней, говорит о том, что маонисты заранее и активно готовили армию в качестве своей главной ударной силы.

3 февраля 1966 г., на день позже, чем в Шанхае, в Пекине также состоялось совещание, на котором присутствовали 11 человек: Пэн Чжэнь, Лу Дин-и, Кан Шэн, заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК КПК, главный редактор «Жэньминь жибао» У Лэн-си, заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК КПК, редактор «Хунци» Сюй Лицунь, редактор «Хунци» Ху Шэн, заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК КПК Яо Жэнь, ответственный работник аппарата ЦК КПК, заместитель главного редактора «Хунци» Ван Ли, заместитель директора ВПШ при ЦК КПК Фань Жо-юй, секретарь Северо-Китайского бюро ЦК КПК, кандидат в члены ЦК КПК, второй секретарь Пекинского горкома Лю Жэнь и секретарь Пекинского горкома партии Чжэнь Тянь-сян²⁰.

Выступивший на этом совещании Кан Шэн заявил, что Мао Цзэ-дун требует развернуть борьбу против У Ханя и «уханевщины», обсудить в ходе этой борьбы «подоплеку» Лушаньского пленума и выявить связи критикуемых с Пэн Дэ-хуаем и другими «правыми оппортунистами», против которых развернулась борьба на этом пленуме²¹. Кан Шэн практически призывал начать новую кампанию против «правых», то есть против противников политического курса Мао Цзэ-дуна. Это ясно понимали в Пекине. Именно поэтому Пэн Чжэнь вновь выступил в защиту У Ханя, напомнив совещанию, что «расследование установило полное отсутствие связи между У Ханем и Пэн Дэ-хуаем»²².

²⁰ «Цзуго», 1968, № 54, стр. 29.

²¹ «Цуйцзю чжаньбао», 17.V.1967 (хунвэйбиньовская газета «Покончим со старым», орган партшколы Пекинского горкома КПК).

²² Там же.

3—4 февраля 1966 г. в Пекине был составлен проект «Сводных тезисов Группы пяти по делам культурной революции о ведущейся ныне научной дискуссии»²³. Решающая роль в составлении и окончательной редакции этого проекта принадлежала Пэн Чжэню²⁴. Позднее тезисы этого проекта стали известны как «февральские». Помимо Пэн Чжэня, в «группу пяти» вошли Кан Шэн, Лу Дин-и, У Лэн-си и Яо Чжэнь.

5 февраля Пэн Чжэнь передал эти тезисы в Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК, где они обсуждались в присутствии Лю Шао-ци и Сяо Ван-дуна²⁵. 7 февраля Лю Шао-ци утвердил тезисы. 8 февраля Пэн Чжэнь доложил о них Мао Цзэ-дуну, а 12 февраля 1966 г. они были от имени ЦК КПК разосланы во все партийные организации с целью руководствоваться ими в работе²⁶. В сопроводительном документе подчеркивалось, что они одобрены ЦК КПК и передаются в низовые организации для изучения и исполнения. После изучения тезисов предлагалось «организовать критические дискуссии в области науки и искусства». Во время дискуссии предлагалось использовать в качестве руководства выступление Мао Цзэ-дуна в марте 1957 г. на Всекитайском совещании КПК по пропагандистской работе, где он призвал к свободе дискуссий.

«Февральские» тезисы одобряли, хотя и довольно сдержанно, критику У Ханя. В них, в частности, говорилось: «По своему характеру эти широкие прения представляют собой ожесточенную борьбу марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэ-дуна с буржуазными воззрениями в области идеологии, борьбу за искоренение буржуазных и реакционных или ошибочных взглядов в сфере науки и искусства». Их авторы указывали, что партийным организациям «необходимо встать во главе этой борьбы», и призывали не спешить с политическими выводами в отношении лиц, подвергнувшихся критике.

В тезисах подчеркивалась необходимость отстаивать объективный подход, «принцип равенства всех перед лицом истины», отмечалось, что следует «правдой склонять людей на свою сторону». В них указывалось, что «нельзя, подобно «ученым-сатрапам», проявлять своеволие и подавлять других силой своей власти, необходимо проявлять осторожность при открытом упоминании имен в печати и перенесении центра тяжести на осуждение тех или иных людей». Рекомендовалось «позволить людям зарезервировать свою точку зрения, а после этого продолжать дискуссию». Авторы предупреждали, что «не следует сводить дело к взаимным склокам» при выявлении и исправлении ошибок.

На основании тезисов был учрежден Штаб по проведению критических обсуждений в науке и искусстве в составе Сюй Ли-цюня, Ху Шэна, У Лэн-си, Яо Чжэня, Ван Ли, Фань Жо-юя. Возглавить штаб было поручено Сюй Ли-цюню. Ответственным за работу в области науки и искусства назначался редактор «Хунци» Ху Шэн²⁷. В «февральских» тезисах было зафиксировано, что «группа пяти» и парткомы различных провинций должны взять в свои руки и контролировать всю работу по ведущейся на основе тезисов научной дискуссии. На основе этого положения на местах стали создаваться «группы по делам культурной революции».

²³ Тезисы открыто в Китае не публиковались. Впервые они появились в хунвэйбинновской газете «Жэньда саньхун», затем в «Цуйцзю чжаньбао», 17.V.1967.

²⁴ Великая пролетарская культурная революция (важные документы), стр. 99.

²⁵ «Жэньминь жибао», 13.VIII.1967.

²⁶ «Цуйцзю чжаньбао», 7.V.1967.

²⁷ «Цзуго», 1968, № 54, стр. 29; «Цуйцзю чжаньбао», 17.V.1967; «Синь ганюань», 20.V.1967.

После того как «февральские» тезисы были разосланы на места и изучены, постепенно начинается претворение их в жизнь. Это наглядно прослеживается на примере провинции Гуандун²⁸. В марте в столице проводится расширенное заседание партийного комитета министерства культуры по обсуждению «февральских» тезисов. Сяо Ван-дун призвал управления министерства и подчиненные ему организации выбрать научные и теоретические проблемы для дальнейшего изучения в духе тезисов²⁹.

В марте 1966 г. противоборствующие стороны попытались обеспечить себе позиции среди работников административно-хозяйственного аппарата. Государственный экономический совет КНР совместно с отделом ЦК КПК по политической работе в промышленности и на транспорте созвали в Пекине два всекитайских совещания: по вопросам промышленности и транспорта и по идейно-политической работе в промышленности и на транспорте³⁰. Оба совещания были созваны по инициативе соответствующего отдела ЦК КПК. 11 марта в адрес совещания пришло письмо от Линь Бяо, где он предлагал перенести установки, пропагандировавшиеся только в армии, во все сферы общественной жизни страны. В лице Линь Бяо НОАК выступила глашатаем сплочения всей страны на базе «единых идей» — «идей Мао Цзэ-дуна»³¹. Сам Линь Бяо впервые выступил, по сути дела, с программным заявлением по внутривластным вопросам во всекитайском масштабе, и притом как наиболее преданный и ревностный сторонник «идей Мао»³².

В тот период в центральных китайских газетах о письме Линь Бяо ничего не сообщали. Руководители совещания, видимо, сознательно умолчали о нем. В противоположность требованиям министра обороны они настаивали на обеспечении абсолютного руководства со стороны коммунистической партии.

Дальнейшие события показали, что за кампанией «критики У Ханя» и «работой в области литературы и искусства» стоял значительно более широкий замысел группы Мао Цзэ-дуна — массированный поход против руководящих органов партии, в первую очередь ее идеологических учреждений. Не случайно Мао в марте дает указание «взять под контроль» газеты, «отобрать» у Ляо Мо-ша и У Ханя теоретический журнал столичного горкома КПК «Цяньсянь».

Подготовив армию идеологически и, видимо, установив предварительно контакты с некоторыми руководителями НОАК и Главного политического управления, маонисты приняли меры к организационному закреплению своего контроля над армией. В первой декаде марта 1966 г. была создана так называемая специальная «рабочая группа ЦК КПК», которая на заседаниях 12—13 марта обвинила начальника Генерального штаба НОАК Ло Жуй-цина в том, что «он выступал против идей Мао Цзэ-дуна», «против Мао Цзэ-дуна и Линь Бяо». Ему вменялись в вину попытка «узурпировать власть в армии» и «выступление против

²⁸ Подробнее см. Хай Фэн. Летопись «культурной революции» в районе Гуанчжоу. Сянган, 1967, стр. 2—3 (на кит. яз.).

²⁹ «Жэньминь жибао», 13.VIII.1967.

³⁰ Там же, 3.IV.1966.

³¹ Великая пролетарская культурная революция (важные документы), стр. 221.

³² Там же. Видимо, письмо Линь Бяо следует рассматривать как документ, отражавший линию Мао Цзэ-дуна и его сторонников на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК, состоявшемся, по некоторым данным, в марте 1966 г. Мао на совещании остановился на вопросах науки и просвещения, а также на вопросе о промышленной структуре. Активную роль на совещании играли Чжоу Энь-лай и Линь Бяо.

партии»³³. Ло Жуй-цин не признал этих обвинений. 18 марта он, по сообщениям хунвэйбинских изданий, пытаясь покончить жизнь самоубийством, выбросился из окна здания и получил серьезную травму³⁴.

В конце марта Мао Цзэ-дун перешел к более решительным действиям. 28 марта Мао Цзэ-дун выступил с призывом разгромить отдел пропаганды ЦК КПК и сделал первый персональный выпад в адрес Пэн Чжэня, заявив, что «Пэн Чжэнь, Пекинский горком, отдел пропаганды ЦК покрывают плохих лиц. Отдел пропаганды необходимо распустить, группу пяти необходимо распустить»³⁵.

28 марта Кан Шэн, очевидно, после беседы с Мао Цзэ-дуном передал Пэн Чжэню критические замечания Мао относительно Пекинского горкома КПК: «Не различаете черное и белое, наносите удар по левым, сковываете путями массы, покрываете плохих людей. Раз не желаете исправляться, необходимо распустить»³⁶.

30 марта Мао Цзэ-дун вновь заявил о том, что «отдел пропаганды ЦК — это дворец владыки ада» и «что надо свергнуть владыку ада и освободить чертенят»³⁷. Вскоре после этого с политической арены исчезает заведующий отделом пропаганды ЦК КПК Лу Дин-и.

В конце марта — начале апреля Мао Цзэ-дун потребовал более активной критики авторов «февральских» тезисов, а также Дэн То, Ляо Мо-ша и У Ханя, которых он назвал «село трех»³⁸.

В середине апреля Мао Цзэ-дун и его сторонники приходят к выводу о необходимости отстранить Пэн Чжэня, отменить «февральские» тезисы, взять кампанию под свой контроль, придать ей желаемое направление, создать для ее проведения новый полномочный орган, стоящий, по сути дела, над ЦК КПК.

С 3 апреля в столице проходит серия совещаний секретарей Пекинского горкома КПК.

Мао Цзэ-дун, воспользовавшись тем, что Лю Шао-ци отбыл с официальными визитами в Пакистан, Афганистан и Бирму, пытается в короткий срок изменить политическую ситуацию в стране. Он созывает во второй половине апреля расширенное совещание Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК в Ханчжоу.

По мнению некоторых гонконгских наблюдателей, расширенное совещание открылось 16 апреля 1966 г., а закрылось не ранее 18 мая 1966 г.³⁹. Полный состав участников совещания не известен, однако можно предположить, что на нем присутствовало шесть членов Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК: Мао Цзэ-дун, Чжу Дэ, Чжоу Энь-лай, Чэнь Юнь, Линь Бяо и Дэн Сяо-пин, а также некоторые члены и кандидаты в члены ЦК КПК и, возможно, члены будущей Группы по делам культурной революции. Присутствовал на нем и Пэн Чжэнь. Лю Шао-ци прибыл в Ханчжоу на четвертый день совещания.

³³ По делу Ло Жуй-цина выступили Е Цзянь-ин, Се Фу-чжи, Сяо Хуа и Ян Чэн-у. — Документы ЦК КПК (о великой культурной революции), 1966—1967. Сянган, 1968, стр. 29. Далее: «Документы ЦК КПК...».

³⁴ Там же. Официально последний раз Ло Жуй-цин открыто появился 26 ноября 1965 г. в Шанхае, когда он вместе с Мао Цзэ-дуном присутствовал на приеме по случаю прибытия камбоджийской военной делегации («Жэньминь жибао», 27.XI.1965).

³⁵ «Синьбэйда жэньда саньхун», 20.IV.1967.

³⁶ «Цзуго», 1968, № 56, стр. 21.

³⁷ «Чжаньван», № 191, стр. 14; «Вэньсюэ чжаньбао», 30.III.1967 (орган полка революционных изаофаней Ассоциации китайских писателей).

³⁸ О появлении термина «село трех» см. А. Н. Желуховцев. Фельетоны Дэн То. — «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 2, стр. 181—182.

³⁹ «Цзуго», 1968, № 56, стр. 21—22.

Имеются сведения, что на совещании выступил Мао Цзэ-дун, однако текст его выступления так и не был нигде опубликован. В последние дни совещания с «программным» докладом выступил Линь Бяо.

Совещание в Ханчжоу проходило в два этапа. На первом решалась судьба Пэн Чжэня, на втором стоял вопрос о Ло Жуй-цине и его жене, Лу Дин-и, Ян Шань-куне и их сторонниках, которых обвиняли в том, что они поддержали Пэн Чжэня.

Вопрос о Пэн Чжэне был решен в первые дни совещания Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК⁴⁰. Мао Цзэ-дун приступил к подготовке дальнейшей расправы над ним. 20 апреля он направил из Ханчжоу членам Пекинского горкома семь так называемых разоблачительных документов о Пэн Чжэне, очевидно, уже известных участникам Ханчжоуского совещания, и потребовал от Пекинского горкома КПК немедленно рассмотреть их. Судя по всему, эти материалы были подготовлены Кан Шэном и Чжан Чунь-цяо. 23 апреля член Политбюро ЦК КПК Ли Фу-чунь, осуществлявший в то время от имени ЦК руководство в Пекине, заявил секретарям столичного горкома, что «вопрос с Пекином очень серьезный, Пэн Чжэнь совершил очень большие ошибки, Пэн Чжэнь сломал себе шею»⁴¹. 25 апреля в Пекинском горкоме было созвано заседание, на котором были признаны «ошибки» горкома.

Практически уже тогда был решен вопрос и о Ло Жуй-цине. 24 апреля «рабочая группа ЦК КПК» закончила его дело и направила Мао Цзэ-дуну специальный доклад о деятельности Ло Жуй-цина⁴².

В начале совещания в Ханчжоу, а точнее, на третий день его работы (18.IV.1966), в официальной печати впервые прозвучал призыв к проведению «культурной революции». Примечателен тот факт, что он прозвучал со страниц армейского органа печати — «Цзефанцзюнь бао». В передовой статье газеты, озаглавленной «Высоко держать великое красное знамя идей Мао Цзэ-дуна, активно участвовать в великой социалистической культурной революции», утверждалось, что на культурном фронте действует «антипартийная, антисоциалистическая черная линия, которую надлежит до конца искоренить»⁴³. Любопытно, что 2/3 статьи занимает дословное цитирование протокола февральского совещания без ссылок на источник.

Не дожидаясь решений совещания, маоисты начали новую, еще более широкую волну нападков на работников идеологического фронта, последовательно расширяя объект удара и вынося кампанию за рамки закрытых совещаний. В качестве главных рупоров «культурной революции» маоисты использовали газету НОАК «Цзефанцзюнь бао» и шанхайские органы печати. 4 мая «Цзефанцзюнь бао» публикует статью, в которой усиленно подчеркивалось, что развернувшаяся в стране кампания представляет собой «классовую борьбу». «Большая полемика, которая ныне развернулась на культурном фронте, — утверждалось в ней, — является острой классовой борьбой, борьбой большого принципиального значения в защиту идей Мао Цзэ-дуна». Предупреждая весь состав НОАК о существовании «врагов без оружия в руках», которые еще опаснее, чем открытые враги, «Цзефанцзюнь бао» при-

⁴⁰ В последний раз фамилия Пэн Чжэня появилась в официальной прессе 29 марта в связи с информацией о приезде делегации КПЯ в Пекин и митинге по этому случаю 28 марта, на котором Пэн Чжэнь выступил с речью.

⁴¹ «Цзуго», 1968, № 56, стр. 22.

⁴² «Документы ЦК КПК...», стр. 29.

⁴³ «Цзефанцзюнь бао», 18.IV.1966.

звала открыть решительный огонь по «антипартийной, антисоциалистической черной линии»⁴⁴.

8 мая в статье за подписью Гао Цзюй (некоторые зарубежные наблюдатели считают, что это псевдоним Цзян Цин) последовал призыв «открыть огонь по антипартийной, антисоциалистической черной линии» Пекинского горкома и его печатных органов⁴⁵. Она была перепечатана 9 мая газетой «Жэньминь жибао»⁴⁶. В тот же день «Гуанмин жибао» опубликовала аналогичную статью за подписью Хэ Мин (псевдоним Гуань Фэна)⁴⁷.

Вслед за пекинскими газетами вступили в бой шанхайские «Цзефан жибао» и «Вэньхуэй бао», опубликовав 10 мая статью Яо Вэньюаня «О селе трех или реакционная суть „Вечерних бесед в Яньшани“ и „Записок из села трех“». В статье утверждалось, что автором материалов, печатаемых в «Бэйцзин ваньбао» под рубрикой «Вечерних бесед», является Дэн То, а авторство «Записок из села трех» принадлежит «черному притону» — Дэн То, Ляо Мо-ша и У Ханю». Пекинский горком КПК обвинялся в том, что он превратил журнал «Цяньсянь», газеты «Бэйцзин жибао» и «Бэйцзин ваньбао» в орудие оппозиции партии и социализму⁴⁸.

11 мая эту статью с небольшими поправками перепечатал орган ЦК КПК журнал «Хунци», придав ей тем самым значение партийного документа. В том же номере «Хунци» была опубликована статья Ци Бэнь-юя «О буржуазной платформе журнала „Цяньсянь“ и газеты „Бэйцзин жибао“», в которой говорилось, что они долгое время служили орудием в руках Дэн То, У Ханя и Ляо Мо-ша для бешеного наступления на партию. Последняя статья еще более акцентировала внимание на Пекинском горкоме КПК и его теоретических органах.

Все эти выступления в печати должны были, по замыслу маоистов, оказать давление на участников расширенного совещания Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК в Ханчжоу.

Несмотря на давление, политику на изматывание участников совещания длительностью его работы, попытки разбить участников на фракции и группы, маоистам, видимо, не удалось осуществить все свои замыслы. Об этом говорит итоговый документ совещания «Уведомление ЦК КПК от 16 мая 1966 года», опубликованное в открытой печати только год спустя⁴⁹. Совещанием была распущена Группа пяти по делам культурной революции и сформирована новая Группа по делам культурной революции при ЦК КПК. То, что руководство этой группой передавалось Постоянному комитету Политбюро ЦК КПК, практически означало ее подчинение в дальнейшем Мао Цзэ-дуну и Линь Бяо (после вывода из комитета Лю Шао-ци, Дэн Сяо-пина и др.).

В заключительные дни работы совещания в Ханчжоу с большим докладом выступил Линь Бяо. Он остановился на ключевых вопросах, по которым развернулась борьба между Мао Цзэ-дуном и его противниками на первом этапе «культурной революции». Линь Бяо в своем выступлении заявил: «При подготовке государственного пересворота необходимо занять ключевые позиции во всех институтах идеологической работы — в аппарате агитации и пропаганды, в редакциях газет, на радио, в литературе, в кинематографии и в издательском деле... Во-

⁴⁴ «Цзефанцзюнь бао», 4.V.1966.

⁴⁵ Там же, 8.V.1966.

⁴⁶ «Жэньминь жибао», 9.V.1966.

⁴⁷ «Гуанмин жибао», 9.V.1966.

⁴⁸ «Цзефан жибао», «Вэньхуэй бао», 10.V.1966.

⁴⁹ «Документы ЦК КПК...», стр. 29—30.

вторых, необходимо занять ключевые позиции в армии, то есть взять винтовку в свои руки»⁵⁰. Естественно, маоисты не могли примириться с тем, что «Ло Жуй-цин, — как об этом заявил в своем докладе Линь Бяо, — захватил власть в армии, Пэн Чжэнь занял ключевые позиции в Секретариате ЦК партии, Лу Дин-и был руководящим работником культурного фронта и взял под свой контроль отдел пропаганды ЦК КПК, Ян Шан-кунь подвизался в печати и в области информации»⁵¹. Линь Бяо потребовал «одних — уничтожить, других — изолировать, третьих — подвергнуть трудовому перевоспитанию, четвертых — исключить из партии, пятых — снять с занимаемых постов»⁵².

Как неоднократно отмечалось позднее, «Уведомление ЦК КПК от 16 мая 1966 года» разрабатывалось «под непосредственным руководством и при личном участии Мао Цзэ-дуна»⁵³. По признанию «Хунци», уведомление впервые «систематически изложило и утвердило линию, курс и политические установки культурной революции» и послужило «боевым сигналом к действию», открыто сформулировало цели «культурной революции».

Наступление на партийную интеллигенцию подавалось в уведомлении как наступление на «буржуазных ученых-сатрапов», которых якобы поддерживают «крупные партийные сатрапы», стоящие у власти в партии и идущие по капиталистическому пути, оторванные от масс, лишенные каких-либо знаний и именем партии диктующие волю другим⁵⁴. Хотя в уведомлении отсутствовали персональные выпады, за исключением Пэн Чжэня, однако было ясно, что оно направлено не только против Пэн Чжэня, но и тех, кого уже называли «антипартийными, антисоциалистическими представителями буржуазии» в столичном горкоме и отделе пропаганды ЦК КПК. «Эти представители буржуазии имеются в центре, в партийных и правительственных учреждениях, и на местах — в провинциях, городах и автономных районах», — подчеркивалось в уведомлении. В противовес лозунгу «группы пяти»: «без созидания не может быть и настоящего, окончательного разрушения» выдвигалось положение Мао: «Без разрушения нет созидания. Разрушение — это критика, это революция... Прежде всего разрушение, а в самом разрушении заложено созидание»⁵⁵.

Таким образом, в уведомлении подводилась «теоретическая» база под будущий разгром партии и разрушение всей структуры государственного управления, под последующие атаки хунвэйбинов на культурное наследие великого китайского народа.

Осуждение «февральских» тезисов и их основного автора, роспуск «группы пяти» и создание Группы по делам культурной революции помогли Мао Цзэ-дуну еще более основательно выявить на совещании своих противников и скорректировать действия сторонников. Принятие «Уведомления ЦК КПК от 16 мая 1966 года» способствовало более энергичному «раскачиванию» движения, подводило под него «теорети-

⁵⁰ «Чжаньван», № 203, стр. 15.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ «Жэньминь жибао», 18.V.1967.

⁵⁴ Великая пролетарская культурная революция (важные документы), стр. 110.

⁵⁵ Там же, стр. 101—102, 108; еще в 1963 г. на совещании по литературе, искусству и просвещению заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК КПК Чжоу Ян говорил: «Разрушение — это расчистка пути, расчистка базы, но нельзя расчищать до пустыни, нельзя только разрушать, не создавая... Не надо больше убийств, рубки голов, разрушать легко, а создавать трудно, ибо не каждое разрушение одновременно означает созидание». — Цит. по: Л. С. Кюзаджян. Идеологические кампании в КНР. (1949—1966). М., 1970, стр. 221.

ческую» базу, нацеливало силы кампании на разрушение, на антипартийную направленность «культурной революции», которая закреплялась в установках о недоверии партийному руководству в центре и на местах. Удар по Пэн Чжэню означал дискредитацию Пекинского горкома КПК и тех отделов ЦК КПК, которые поддерживали столичный горком. Удар по авторам тезисов дискредитировал отдел пропаганды ЦК КПК и бросал тень на весь центральный аппарат партии.

В сложной обстановке, когда за Мао Цзэ-дунем шло, по его словам, меньшинство членов ЦК, осуждение Пэн Чжэня и лиц, которые стояли за ним, оказалось возможным только в результате приведения в полную боевую готовность армии и органов общественной безопасности. К тому же Мао Цзэ-дуну удалось к этому времени расколоть Политбюро и его Постоянный комитет на противоборствующие группировки, использовать соперничество между ними.

4 июня 1966 г. «Жэньминь жибао» сообщила о реорганизации Пекинского горкома КПК. «3 июня,— говорилось в ней,— ЦК КПК принял решение назначить первого секретаря Северного бюро ЦК КПК товарища Ли Сюэ-фэна первым секретарем Пекинского горкома КПК по совместительству, перевести первого секретаря Цзилиньского провинциального комитета КПК товарища У Дэ на пост второго секретаря Пекинского горкома КПК и реорганизовать Пекинский горком КПК. Товарищи Ли Сюэ-фэн и У Дэ начали работать на новых постах»⁵⁶. Однако в сообщении не было указано, с какого времени Ли Сюэ-фэн и У Дэ приступили к работе. 6 июня агентство Синьхуа сообщило, что новый горком еще 25 мая постановил: 1) распустить редакционную коллегию газеты «Бэйцзин жибао» и «Бэйцзин ваньбао», снять с должности директора этих газет Фань Цзиня; 2) создать новую редакционную коллегию этих газет; 3) распустить редакционную коллегию журнала «Цяньсянь», издание журнала «Цяньсянь» временно приостановить, провести упорядочение⁵⁷. Таким образом, основываясь на дате постановления, можно считать, что новый горком был создан не позднее 25 мая 1966 г.

Одновременно с реорганизацией Пекинского горкома и редакций столичных газет Мао Цзэ-дун и его сторонники сконцентрировали свой удар на одной из самых крупных партийных организаций столичных вузов — Пекинском университете. Первый удар был нанесен по секретарю парткома и ректору Лу Пину, в адрес которого 25 мая последовала критика со страниц дацзыбао, вывешенной на стенах столовой Пекинского университета Не Юань-цзы и пятью ее соавторами. Позднее данная дацзыбао была названа Мао Цзэ-дунем «первой марксистско-ленинской дацзыбао». Затем выбор Мао Цзэ-дуна пал на университет Цинхуа. В каждом из этих вузов обучалось более 10 тыс. студентов. Инспирируя выступление студентов университетов Бэйда и Цинхуа, маоисты стремились создать впечатление, что «культурная революция» начинается якобы «снизу», по инициативе «масс».

Таким образом, в конце мая «культурная революция» приняла открытый характер. Удар по руководителям Пекинского горкома, которых поддерживали Лю Шао-ци и его сторонники, наносился одновременно и сверху («реорганизация горкома») и «снизу» («критика» секретаря горкома, первого секретаря одной из самых мощных партийных организаций столичных вузов и его помощников). Это обстоятельство не давало возможности последним собраться с силами и объ-

⁵⁶ «Жэньминь жибао», 4.VI.1966.

⁵⁷ «Бэйцзин жибао», 6.VI.1966; «Жэньминь жибао», 7.VI.1966.

единиться. Одновременно маоистами делались попытки сформировать первые отряды хунвэйбинов для создания новой силы в наступлении на партию, комсомол, профсоюзные и другие общественные организации страны.

Анализ скрытой подготовки маоистов к «культурной революции» наглядно доказывает, что эта кампания практически являлась заговором горстки людей во главе с Мао Цзэ-дунем против партии. Выявленные расстановки сил в тот период свидетельствуют, что маоисты были в меньшинстве. Ведя борьбу против всей партии, они в тот момент не решались об этом сказать открыто. Обманывая членов партии, китайских трудящихся, Мао Цзэ-дун и его последователи постоянно утверждали, что борьба ведется против «изолированной горстки» людей, против «одного-двух человек», однако масштабы чисток говорили об обратном: горстка маоистов выступала против многомиллионной армии китайских коммунистов.

Мао Цзэ-дун и его сторонники уже на начальном этапе «культурной революции» обнажили почти весь свой «тактический» арсенал методов, приемов и средств борьбы. Это интриганство, выдвижение людей по принципу личной преданности, использование трений между отдельными руководителями и карьеристских устремлений некоторых из них, раскалывание противников на группы и фракции и натравливание одних на других, унижительная практика публичных покаяний, демагогия, фабрикация заведомо ложных документов.

КОММЕНТАРИИ

Политика Пекина и революционно-демократический процесс в Португалии

*А. С. Красильников,
кандидат исторических наук*

Вот уже более двух лет события в Португалии и ее бывших колониальных владениях, главным образом в Анголе, привлекают к себе пристальное внимание мировой общественности.

Португальская революция явилась прямым результатом классовых противоречий, обостренных недовольством широких слоев португальского общества колониальными войнами, подрывавшими и без того отсталую экономику этой страны. Мощным ускорителем этих событий были действия патриотов Анголы, Мозамбика и Гвинеи-Бисау, которые своей борьбой за свободу и независимость показали всю гнилость и внутреннюю слабость фашистского режима Каэтану. Важную роль в деле использования благоприятных условий для продвижения Португалии по пути демократических преобразований сыграл процесс разрядки международной напряженности, за углубление которой последовательно выступают Советский Союз и другие страны социализма, все прогрессивные силы нашей планеты.

Приход к власти Движения вооруженных сил (ДВС), создание правительства, в которое вошли и представители Португальской коммунистической партии (ПКП), значительно облегчили и ускорили решение проблемы колоний. Это был не только конец португальского колониализма, но и серьезный удар по южноафриканским расистам, которые лишились своих важных союзников по подавлению сил освобождения в Африке.

С самого начала страны социалистического содружества, независимые государства Азии и Африки, прогрессивные силы всего мира встали на сторону португальского народа, приветствовали новые веяния на португальской земле. Совершенно новую политику в отношении этой страны избрали пекинские лидеры. 28 апреля газета «Жэньминь жибао» дала краткую информацию о португальских событиях. В этой информации маоисты умышленно опустили политическую характеристику свергнутого режима, сообщив лишь, что «группа офицеров в Португалии свергла правительство Марсело Каэтану путем военного переворота 25 апреля»¹. Одновременно путем специальной подборки высказываний представителей организаций португальских колоний Пекин пытался представить события в Португалии ничего не значащими и не меняющими ее внутреннюю и внешнюю политику. Так, маоисты пропагандировали в те дни высказывание лидера раскольнической правонационалистической организации Национального фронта освобождения Анголы (ФНЛА) Х. Роберто о том, что «политический переворот в Португалии отнюдь не сможет принести освобождение Анголе»².

Маоисты не сообщили китайскому народу правду о событиях в Португалии, не информировали о вхождении в правительство страны представителей коммунистической и социалистической партий, об освобождении политзаключенных, роспуске тайной полиции, постепенной замене в муниципалитетах скомпрометировавших себя деятелей. Не было дано и информации о первой реорганизации правительства, сентябрьском кризисе и смещении временного президента Спинолы, как и о последующих событиях 1974 г.

Что определяло и определяет политику Пекина в отношении революционных преобразований в Португалии и процесса деколонизации в Африке? Анализ фактов и заявлений китайского руководства позволяет сделать вывод о том, что Пекин, как и правые круги в империалистическом лагере, был заинтересован в сохранении фашистского режима в Португалии, который активно противился процессу разрядки напряженности в Европе, открыто ратовал за усиление блока НАТО, вел борьбу против

¹ «Жэньминь жибао», 28.IV.1974.

² Там же, 2.V.1974.

СССР, других стран социализма, преследовал коммунистов и всех демократов внутри страны. Китайское руководство устраивало и колониальные войны Португалии в Африке, которые позволяли ему с минимальными затратами выступать с громкими пропагандистскими антиколониальными заявлениями, не боясь подорвать процесс налаживания отношений с главными капиталистическими державами. К тому же Пекин устраивала и политика правительства М. Каэтану в отношении португальской колонии Макао, где маонисты были полноправными хозяевами. Приход же к власти в Португалии прогрессивных сил, твердое решение ДВС прекратить колониальные войны и предоставить независимость колониальным народам, его выступления за сотрудничество и мир в Европе — все это шло и идет вразрез с планами и целями политики нынешнего китайского руководства.

Именно поэтому маонисты в 1974—1975 гг. приложили немало усилий, чтобы сорвать процесс демократизации в самой Португалии, затормозить и осложнить процесс деколонизации в Африке. Об этом наглядно свидетельствуют как их собственная деятельность, так и деятельность промаонистских групп в Португалии. Пекин и его португальские приверженцы в 1974 г. пытались вызвать экономические трудности в стране, действуя, по существу, заодно с силами реакции.

Демократическое движение Португалии в мае 1974 г. подвергло решительной критике безответственные акции отдельных ультралевых группировок, которые характеризуются в заявлении как «объективные союзники реакции»³. Среди них были и промаонистские группы. В то время корреспондент газеты «Правда» в Португалии отмечал, что группки маонистов «начали антикоммунистическую деятельность, применяя приемы, опробованные их „коллегами“ в других странах». «Представители групп маонистов,— писал он,— на днях опубликовали в одной из лиссабонских газет заявление, в которых фактически отрицается важность перемен, начатых в стране в ночь на 25 апреля... Прикрываясь ультралевыми фразами, маонисты Португалии выполняют роль прислужников свергнутых фашистов, сознательно льют воду на их мельницу»⁴.

Португальские промаонисты по указке из Пекина пытались разобщить прогрессивные силы, сосредоточили свои усилия на борьбе против Португальской коммунистической партии, профсоюзов. Португальские власти, борясь против подрывных действий, актов экономического саботажа, были вынуждены в начале июня 1974 г. арестовать промаониста Ж. Л. Салданья Санчеса, одного из лидеров левацко-маонистского движения за реорганизацию партии пролетариата.

Маонисты, играя на руку силам португальской реакции, империализму, взяли курс на бойкот новой Португалии, на создание дополнительных трудностей внутри страны. При этом Пекин и промаонистские группы в Португалии согласовывали свои действия, стремясь нанести как можно больший ущерб революционным силам. Агентство Синьхуа подробно сообщало о «стихийных» забастовках, а промаонистские деятели вели работу среди рабочих, служащих, призывая их принимать участие в забастовочном движении, требовать повсеместно увеличения заработной платы и т. п., сеяли семена недоверия к правительству⁵.

Для координации действий промаонистских групп в стране в мае 1974 г. было создано общество португальско-китайской дружбы, пользующееся материальной поддержкой Пекина. Начался наплыв в Португалию маонистской пропагандистской литературы, содержащей, как правило, грубые выпады против Советского Союза.

Острые выступления маонистов было направлено против ПКП, которую они рассматривали основным своим противником. Антикоммунистическая платформа португальских маонистов вполне закономерно привела их в лагерь врагов португальской революции. В 1975 г. они пытались сорвать выборы в Учредительное собрание, затем поддерживали руководство Народно-демократической партии, которое выступило против ПКП, прогрессивных преобразований.

Конечно, эта деятельность маонистов встретила отпор со стороны ПКП, ДВС, всех прогрессивных сил. Так, еще в начале 1975 г. федерация коммунистической партии в городе Порту распространила заявление, в котором призвала демократические силы сохранять бдительность, дать отпор всем попыткам как со стороны маонистов, так и со стороны реакционеров обострить обстановку. В марте 1975 г. Революционный совет на своем заседании постановил аннулировать официальное разрешение верховного трибунала юстиции на деятельность в качестве политической партии маонистско-левацкой группировки Движение за реорганизацию пролетарской партии (МРПП)⁶.

Однако маонисты в Португалии не сложили своего оружия. Они использовали любую возможность для нападков на ПКП, пытаясь любым путем внести раскол в ряды прогрессивных сил, вызвать недоверие к ее деятельности со стороны ДВС. Однозначно эти акции объективно были направлены и против самого ДВС, так как

³ «Правда», 30.V.1974.

⁴ Там же, 25.V.1974.

⁵ См. «Жэньминь жибао», 29.V.1974.

⁶ См. «Правда», 29.III.1975.

нападки, клевета в адрес ПКП, последовательно выступающей за демократические преобразования, уже давно использовались силами реакции для косвенной критики ДВС, ослабления его позиций.

В 1975 г. на политической сцене Португалии активизировала свою деятельность так называемая «Коммунистическая партия Португалии (марксистско-ленинская)» — промаонистская организация, вобравшая в себя ряд маонистских групп. О тесных связях португальских маонистов с Пекином свидетельствует целый ряд фактов. 3 апреля 1975 г. делегация этой организации во главе с ее генеральным секретарем Виларом прибыла в Китай. Вилар встречался в Пекине с членом политбюро ЦК КПК Цзи Дэн-куем, заведующим отделом международных связей ЦК КПК Гэи Бяо и его заместителем Фэн Сюанем⁷. Затянувшееся более чем на месяц пребывание португальских маонистов в Пекине свидетельствовало о серьезных переговорах, выработке согласованного плана действий.

Другим фактом, говорящим о связях Пекина с португальскими маонистами, служит наличие довольно солидной печатной базы у раскольников. Они издают газету «Унидаде популар», брошюры, листовки. И наконец, идеологическая направленность печатных изданий португальских маонистов не оставляет сомнений в том, что их подлинным хозяином и вдохновителем являются китайские лидеры. «Унидаде популар» стала в Португалии распространителем злобной клеветы в адрес СССР, вслед за Пекином ратует за усиление блока НАТО, ведет пропаганду против разрядки напряженности. Она пытается выдать политику СССР, направленную на обеспечение мира в Европе, за попытку «усыпить Западную Европу», а действия США по укреплению НАТО, навязывание ими странам — членам этого блока гонки вооружений — за «отпор» политике Советского Союза.

С начала 1975 г. в Португалии активизировали свою деятельность различные маонистские и экстремистские группы. Они пытались использовать сложную политическую обстановку в стране, чтобы создать атмосферу взвинченности, политического недоверия и взаимной подозрительности. И в этом маонисты нашли поддержку со стороны сил империализма. «...Словно по команде, — отмечал корреспондент «Известий» из Лиссабона, — в эту кампанию включилась пропагандистская служба НАТО... Натовский оркестр взял под защиту хулиганские выходки маонистов и обрушился на Португальскую коммунистическую партию...»⁸.

После того как в мае 1975 г. португальское правительство было вынуждено прибегнуть к арестам лиц, несших ответственность за беспорядки, и одновременно после возвращения делегации раскольников из Пекина, маонисты пошли значительно дальше в своей борьбе против демократических сил. Они стали активно участвовать совместно с силами реакции в нападениях на помещения прогрессивных партий и организаций, в первую очередь ПКП, в поджогах этих зданий, в устройстве взрывов, а также покушений на лиц левой ориентации. В профсоюзах маонисты шли на блокирование с любыми силами, лишь бы нанести поражение коммунистам. Эта их деятельность также отвечала интересам правых сил в Португалии, способствовала укреплению позиций реакции.

С лета 1975 г. политика маонистов в отношении демократических сил Португалии, страны в целом стала носить еще более провокационный, ярко выраженный антикоммунистический характер. Пекин активно включился в общую борьбу сил реакции против ПКП, прогрессивных сил. Главное, на чем сосредоточили свои усилия маонисты, заключалось в организации всех правых сил в Португалии и за ее пределами для нанесения удара по левым силам путем распространения клеветы в адрес этой страны, политики Советского Союза.

Португальские маонисты через свою газету «Унидаде популар» объявили Советский Союз «...главным врагом Португалии в ее борьбе за государственную независимость» и утверждали, что «контроль над Португалией — одна из важнейших целей» Советского Союза «в схватке за Европу». Обращаясь к силам реакции, империализму, маонисты запугивали их «красной опасностью», заявляли, что «если Португалия будет поставлена под контроль» СССР, то «Западная Европа и Средиземноморье попадут в клещи»⁹. Такую злобную клевету в адрес первой страны социализма можно лишь сравнить с геббельсовской пропагандой. Она свидетельствует о той патологической ненависти, которую маонисты питают к силам мира, прогресса и социализма. Не случайно португальские маонисты, как и их покровители в Пекине, с радостью восприняли гонения на левых военных после событий 25 ноября 1975 г., пытались добиться вывода коммунистов из правительства, активно участвовали в усилении антикоммунистической пропагандистской кампании.

Вмешательство Пекина во внутренние дела Португалии, его курс на срыв процесса демократизации, устройство при помощи промаонистов беспорядков — лишь одна сторона его политики. Другая проявилась в области межгосударственных отношений.

⁷ См. «Жэньминь жибао», 13.V.1975.

⁸ «Известия», 6.II.1975.

⁹ «Жэньминь жибао», 10.VI.1975.

Китайское руководство с 25 апреля 1974 г. проводило курс на изоляцию новой Португалии, который «обосновывался» тем, что португальское правительство якобы продолжало проводить антинародную колониальную политику, умышленно игнорируя значительные изменения в курсе этой страны. Так, 18 мая 1974 г. агентство Синьхуа, сообщая о формировании нового правительства, сделало упор на то, что якобы это правительство заявило о необходимости «продолжать войну в Африке и в то же время начать откровенные и свободные дебаты о будущем Мозамбика, Анголы и Гвинеи-Бисау»¹⁰. Выступая 25 мая 1974 г. в посольстве Танзании на приеме по случаю Дня освобождения Африки, министр иностранных дел КНР Цзи Пэн-фэй назвал прогрессивное португальское правительство, в которое вошли представители ПКП, «новой португальской военной хунтой»¹¹.

Пекинские лидеры, поддерживая тесные отношения с чилийской фашистской хунтой, франкистским режимом, упорно отказывались признать новую Португалию. По этому поводу югославская газета «Борба» писала 21 октября 1974 г.: «В настоящий момент немного парадоксально звучит то, что Китай относительно недавно установил дипломатические отношения с режимом в Испании... Однако нет никаких признаков, что Китай вступил в контакт ради нормализации отношений с Португалией после весеннего переворота в этой стране».

Этот курс маонистов проводился, несмотря на все попытки португальского правительства установить с КНР дипломатические отношения. Выступая 13 сентября 1974 г. в Лиссабоне на пресс-конференции, бывший в то время министром иностранных дел Марну Соареш сказал, что первые попытки со стороны Португалии найти какой-то канал для контакта с КНР не встретили никакого отклика со стороны китайских руководителей.

Летом 1975 г. в Макао побывал член революционного совета Португалии, посол по особым поручениям Витор Алвеш, который вновь предпринял попытки решить вопрос с этой колонией и установить дипломатические отношения с Китаем. Он заявил, что португальское правительство «весьма заинтересовано в установлении дипломатических отношений с Пекином, однако одного желания только португальской стороны для решения этого вопроса мало».

Немаловажную роль в негативном отношении Пекина к Португалии играл непосредственно вопрос о Макао, португальской колонии на китайской земле. Пекинские лидеры никогда не требовали возвращения этой исконной китайской территории от фашистских правительств Салазара и Каэтану. Китай еще в начале 60-х гг. встал, по существу, на сторону Салазара, когда Индия боролась за возвращение Гоа, Диу и Дамана. Португальское фашистское правительство сумело отблагодарить маонистов, встав на их сторону в индо-китайском вооруженном конфликте. «Португальские газеты и общественное мнение, — писал буржуазный ученый-журналист Кули, — находились на стороне Пекина»¹². Правительство КНР, на словах солидаризируясь с угнетенными народами, еще в то время обходило молчанием вопрос о колониальном господстве в Макао. Португальские коммунисты, касаясь этой проблемы, отмечали, что в целом понятна позиция Китая, который заинтересован в сохранении Макао для торговли с капиталистическими странами, но вопрос об этом городе, подчеркивали они, «касается не только Китая. Он касается также португальского народа и народов, угнетаемых португальскими колонизаторами». Но маонисты никогда не рассматривали вопрос с этой позиции, в «плане солидарности с народами остальных португальских колоний, в плане солидарности с португальским рабочим классом, который, выполняя свой интернациональный долг, поддерживает в меру своих сил справедливую борьбу народов колоний за свое освобождение»¹³.

Если новое португальское правительство решительно выступало за деколонизацию, предлагало обсудить вопрос о Макао, то маонисты столь же решительно выступали за сохранение колониальных порядков на этой территории, ибо в противном случае нарушались связи Гонконга с Макао, ликвидировался черный рынок золота, игорные дома в Макао, которые приносят многомиллионные прибыли Пекину.

Политика деколонизации Макао в случае ее проведения в жизнь, безусловно, могла бы способствовать разоблачению и так называемого антиколониального курса Китая, весьма остро поставила бы вопрос о необходимости деколонизации Гонконга. Именно в силу всех этих обстоятельств маонисты отказывались от признания Португалии, делая вид, что якобы курс этой страны остался неизменным, то есть колониальным.

¹⁰ «Жэньминь жибао», 19.V.1974.

¹¹ Там же, 26.V.1974.

¹² J. K. Cooley. East Wind Over Africa. Red China's African Offensive. N. Y., 1965, p. 124.

¹³ А. Ку н ь я л. Путь к победе (Задачи партии в демократической и национальной революции). М., 1967, стр. 140—141.

Характерной чертой политики Пекина в отношении Португалии в 1974 г. явились его попытки вызвать недоверие у африканских стран, представить новую политику этого государства в Африке чуть ли не фашистской. Так, 22 июля 1974 г. «Жэньминь жибао», грубо искажая действительность, писала: «Португальский военный режим в последнее время не раз провоцировал кровавые инциденты — массовое убийство негритянского населения». На самом деле провокационные столкновения устраивали крайне правые силы из числа белых поселенцев в Анголе и Мозамбике, которые открыто выступали против политики деколонизации, последовательно проводившейся правительством Португалии. Выступая с этим и подобными ему заявлениями, Пекин тем самым пытался помешать установлению контактов между португальскими властями и силами национально-освободительного движения, не допустить творения в жизнь процесса деколонизации и сохранить военные очаги в Африке.

В этом же направлении действовали силы империализма, правые, реакционные круги в самой Португалии, в Анголе и Мозамбике.

В Пекине с явным неудовольствием до конца 1974 г. воспринимали все сообщения о переговорах между представителями национально-освободительных движений и Португалией. Однако совершенно иной была позиция в отношении переговоров между бывшим временным президентом Спинолой и президентом Заира Мобуту о будущем Анголы, которые были осуждены прогрессивными силами Африки, в том числе и революционно-демократическими организациями ПАИГК, МПЛА.

Маоистское руководство в своей пропаганде не только отрицало исторический факт — вклад социалистических стран в ликвидацию колониализма, но и не желало считаться с взглядами лидеров национально-освободительного движения, упорно отстаивало свой антисоциалистический подход к событиям. Так, достижение независимости народом Гвинеи-Бисау Чжоу Энь-лай в поздравительной телеграмме охарактеризовал не более и не менее как вклад в «сплоченную борьбу против гегемонизма», обойдя известную всему миру роль стран социализма в победе гвинейского народа¹⁴. Маонисты ни разу не сообщили в своей печати о той высокой оценке роли стран социализма, которую неоднократно давали лидеры национально-освободительного движения, в частности председатель Фронта освобождения Мозамбика С. Машел, генеральный секретарь ПАИГК А. Перейра и др.

Налаживая с 1974 г. связи с ФРЕЛИМО, ПАИГК, лидеры Пекина в то время не отказывались полностью от поддержки раскольнических групп. Примером подобной политики может служить деятельность Китая в 1974 г. в Гвинеи-Бисау. Боясь развития отношений между этой страной и странами социалистического содружества, Пекин в то время активизировал свои связи с раскольнической организацией Союз народа островов Зеленого Мыса, выступавшей за полное отделение территории островов Зеленого Мыса от Гвинеи-Бисау. Эта организация, ориентированная на маонистов и капиталистический мир, вела борьбу против единства страны, клеветала на политику Советского Союза, которому она приписывала желание создать базы на этом занимающем важное стратегическое положение архипелаге. Но раскольники потерпели поражение. Народы Гвинеи-Бисау и островов Зеленого Мыса, руководимые ПАИГК, приступили к строительству новой жизни.

Маонисты всегда пытались выдавать себя за поборников единства Африки, национально-освободительного движения. Однако на самом деле они приложили максимальные усилия к тому, чтобы разобщить силы патриотов, нанести им как можно больший ущерб. Еще в 1963 г. Пекин активно участвовал в создании оппозиционных групп в МПЛА, ФРЕЛИМО, а затем и в расколе этих организаций. В МПЛА маонисты оказали помощь раскольнику В. да Крушу, который скоро нашел «общий язык» с лидером ФНЛА Х. Роберто. Слияние пропекинских групп да Круша с проимпериалистической организацией Х. Роберто, как в то время писал руководитель МПЛА А. Нето, «никого не может обмануть, так же как ультрареволюционные фразы да Круша не могут скрыть ориентации руководства США (Союз народа Анголы, предтеча ФНЛА. — А. К.) на Вашингтон»¹⁵.

В июне 1965 г. на основе слияния пропекинских и других раскольнических групп в Мозамбике был создан так называемый Революционный комитет Мозамбика (КОРЕМО), который длительное время боролся против ФРЕЛИМО, подлинного лидера народа Мозамбика. После своего возвращения в 1965 г. из Пекина руководитель КОРЕМО П. Гумане в своем заявлении корреспонденту Синьхуа в Каире прославлял Мао Цзэ-дуна, политику Пекина и выразил признательность Китаю за «дружбу»¹⁶. В 1966 г. китайское руководство прямо содействовало созданию новой раскольнической организации в Анголе — Национального союза за полное освобождение Анголы (УНИТА) во главе с Ж. Савимби, бывшим «министром» в «правительст-

¹⁴ «Жэньминь жибао», 6.IX.1974.

¹⁵ «Проблемы мира и социализма», 1965, № 1, стр. 45.

¹⁶ См. Т. Л. Дейч. Маонизм — угроза Африке. М., 1972, стр. 140.

ве» Х. Роберто. В 1968 г. Ж. Савимби, прикрывая свое заигрывание с силами империализма, заявил о своей ориентации на Пекин, подчеркнув, что он еще с 1966 г. пренебрег решимости «следовать по пути, указанному председателем Мао Цзэ-дунем»¹⁷.

Все эти примеры свидетельствуют о том, что китайское руководство своей раскольничьей деятельностью саботировало развитие борьбы за свободу, играло объективно на руку колонизаторам, силам империализма, расизма и реакции. И то, что в 1975 г. маоисты выступили в Анголе совместно с ЮАР, силами реакции против МПЛА, а затем и Народной Республики Анголы (НРА), не случайность, а закономерность, вытекающая из всей политики Пекина. Эта политика нанесла значительный ущерб делу освобождения ангольского народа.

Еще задолго до провозглашения независимости и рождения Народной Республики Анголы 11 ноября 1975 г. силы империализма и расизма, а также и маоисты, боясь прихода к власти МПЛА, начали субсидировать и вооружать ФНЛА и УНИТА. Когда же стало ясно, что МПЛА пользуется поддержкой всего народа, «вооруженные силы» раскольничьих организаций, пополнившись наемниками, развязали войну. Вскоре на их стороне открыто выступили расисты ЮАР, пославшие в Анголу свои войска. Министр обороны ЮАР П. Бота открыто заявил в ноябре 1975 г., что участие его страны в Анголе найдет в западном мире полное оправдание. В конце 1975 г. вскрылись факты широкого вмешательства Соединенных Штатов в дела НРА, поставивших раскольникам оружие, деньги, наемников¹⁸.

Молодая республика была вынуждена сражаться на свою свободу с интервентами. На стороне НРА и МПЛА выступило все прогрессивное человечество, в первую очередь страны социализма, многие государства Африки. По другую сторону баррикады совместно с расистами Претории и Солсбери, США, силами реакции оказался Китай.

С конца 1973 г. маоисты развернули массированную пропагандистскую кампанию, целью которой было оправдание пекинской позиции по Анголе, дискредитация политики СССР, других стран социализма, МПЛА, прогрессивных сил Африки, создание в Анголе кризисной ситуации, провоцирование обострения отношений Советского Союза и США, подрыв разрядки напряженности в мире. Понимая, что марионеточные организации не могут противостоять МПЛА, Пекин взял курс на подталкивание империалистов и расистов на борьбу против ангольского народа. С этой целью маоисты стали широко распространять версию о «советском вмешательстве», о том, что якобы цель Советского Союза — «установление контроля над Анголой»¹⁹. Более того, Пекин, выгораживая империалистов и расистов, обвинил СССР в «провоцировании гражданской войны» и «расколе Анголы» и даже в том, что якобы советские «корабли в порту Анголы выпустили ракеты по войскам одной из организаций освобождения»²⁰. Уже после провозглашения независимости НРА маоисты стали утверждать, что Советский Союз якобы хочет создать в этой стране военные базы, добиться «особого права на вмешательство в дела Анголы и даже всей Африки»²¹.

Цель этих и им подобных клеветнических и провокационных заявлений — оказание содействия и обоснование иностранной интервенции. Буржуазная печать Запада также много писала о «вмешательстве» СССР в дела Анголы, требовала «приостановить продвижение русских» в Африке. Так, английская газета «Санди экспресс» 14 декабря 1975 г., вторя маоистам, писала, что стремление Советского Союза «прибрать к рукам Анголу» основывается на желании «подкопаться под всю южную часть Африканского континента».

Прикрываясь разговорами о «советской угрозе», расисты и силы империализма совершили интервенцию против НРА, развязали войну. Это вполне закономерный шаг со стороны империализма. И как раз в нем-то был заинтересован Пекин! Создать новый очаг войны в Африке, осложнить международную обстановку, подорвать разрядку напряженности, столкнуть СССР и США в конфликте — стратегическая цель китайских лидеров, мечтающих о гегемонии Китая в мире.

Но провокаторы из Пекина просчитались. Молодую республику самым решительным образом поддержали страны социалистического содружества, широкий фронт народов Африки, на стороне Анголы решительно выступило все прогрессивное человечество. Это привело к тому, что агрессоры были осуждены на XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН, а на международной антифашистской конференции в декабре 1975 г. в Патне (Индия) наряду с американским империализмом, расистами Претории и Солсбери были резко осуждены и действия маоистов²².

¹⁷ Там же, стр. 138.

¹⁸ «Известия», 17.XII.1975.

¹⁹ «Жэньминь жибао», 27.VII.1975.

²⁰ Там же, 22.IX.1975.

²¹ Там же, 17.XI.1975.

²² См. «Правда», 8.XII.1975.

Провалилась и попытка Пекина представить помощь СССР МПЛА как вмешательство в дела Анголы и даже агрессию²³. В послании Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного Президенту НРА А. Нето по случаю провозглашения независимости Анголы отмечалось: «Советский Союз, выполняя свой интернациональный долг, неизменно был на стороне борющегося народа Анголы, оказывал его патриотическим силам всестороннюю помощь и поддержку. В этот исторический для Анголы день советский народ горячо желает ее народу успехов в построении новой жизни в условиях свободы, национального единства и территориальной целостности страны»²⁴.

Отвергая маоистскую трактовку советской политики, алжирская газета «Републик» 21 ноября 1975 г. писала, что помощь Советского Союза МПЛА ни для кого не является секретом, так как СССР никогда не скрывал своей помощи и поддержки прогрессивных движений. Именно США, отмечала газета, пытаются скрыть крупные поставки вооружений реакционным организациям ФНЛА и УНИТА. В декабре 1975 г. тайное стало явным. Появились неопровержимые факты того, что ЦРУ активно помогало вооружать ФНЛА и УНИТА²⁵. Маоисты не только не осудили агрессию США и ЮАР, но под одним антисоветским флагом, во имя «спасения Анголы от Советского Союза» выступили вместе с расистами и империалистами против НРА, всей прогрессивной Африки.

Пытаясь уйти от ответственности за свое предательство и сговор с расистами, Пекин стремился представить свою политику в отношении Анголы «бескорыстной», «честной» и т. п. Но приведенные выше факты говорят об обратном: Пекин на протяжении многих лет вел раскольническую деятельность в рядах национально-освободительного движения, отказывал в поддержке МПЛА — подлинному авангарду ангольского народа. Не желая прихода к власти этой организации, он с 1973 г. открыто стал оказывать значительную помощь ФНЛА, во главе которого стоит Х. Роберто, пользующийся поддержкой со стороны США и правых сил в Африке. Маоисты в 1974 г. в спешном порядке послали около 120 китайских военных инструкторов для оказания помощи ФНЛА в деле создания армии, поставили свыше 450 т вооружений и боеприпасов, оказали и другую помощь²⁶.

В марте 1975 г. по приглашению китайского руководства Пекин посетила делегация УНИТА, а в июле — многочисленная делегация ФНЛА, которые встречались с рядом китайских руководителей, в том числе со специалистом по африканским делам, заместителем министра иностранных дел КНР Хэ Инюем²⁷.

Политика Пекина в отношении новой Португалии, процесса деколонизации в Африке свидетельствует о том, что нынешнее китайское руководство выступает совместно или идет параллельным курсом с силами империализма и реакции против сил демократии, мира, свободы, социализма, национально-освободительного движения. Стержнем всей этой маоистской политики является антисоветизм, антисоциализм. Выступая на XXV съезде КПСС, Генеральный секретарь ПКП А. Куньял отметил, что империализм и внутренние реакционные силы активизировали свою деятельность против португальской революции. «Китайские руководители в свою очередь, не желая устанавливать отношения с демократической Португалией, поскольку в ее правительстве входят коммунисты, — указал он, — в то же время приглашают к себе в гости генерального секретаря реакционной народно-демократической партии и способствуют деятельности в Португалии маоистских групп, являющихся прямым орудием реакции»²⁸.

Политика Пекина, его антисоветская деятельность были осуждены представителями стран Африки во время обсуждения агрессии ЮАР против НРА в марте — апреле 1976 г. в Совете Безопасности ООН. Пекинский представитель отказался участвовать в голосовании по резолюции, осудившей агрессоров из Претории, продемонстрировав еще раз свою солидарность с силами реакции²⁹.

Блокирование пекинских лидеров с империализмом, расистами наносит ущерб не только африканским, португальскому народам, но и самому китайскому народу. Политика маоистов осуждается всем прогрессивным человечеством, в том числе и свободной Африкой, она идет вразрез с историческим развитием, всем ходом истории и потому бесперспективна.

²³ См. «Жэньминь жибао», 15.X.1975.

²⁴ «Правда», 12.XI.1975.

²⁵ См. «Известия», 17.XII.1975.

²⁶ См. «South China Morning Post», 3.VI.1974; «Правда», 18.XI.1975; «Известия», 17.VII.1975.

²⁷ См. «Жэньминь жибао», 12, 15.VII.1975.

²⁸ «Правда», 27.II.1976.

²⁹ См. «Правда», 28.III.1976.

Провинциальные парткомы в КНР

Г. А. Степанова

Первая половина 70-х гг. в Китае прошла под знаком официального законодательного оформления режима военно-бюрократической группировки Мао Цзэ-дуна. На X съезде КПК (август 1973 г.) и I сессии ВСНП четвертого созыва (январь 1975 г.) были закреплены кардинальные изменения в политической организации китайского общества, произведенные маонистами в ходе «культурной революции». В области партийного строительства были полностью отброшены идеологические и организационные марксистско-ленинские принципы. КПК превратилась в инструмент военно-бюрократической диктатуры узкой группы маоистского руководства.

Хотя в новом уставе КПК, принятом на X съезде КПК, как и в новой конституции, утвержденной последней сессией ВСНП, говорится о том, что теоретической основой партии и государства являются «марксизм-ленинизм-маоцзэдуньдэн», однако вся практическая деятельность маонистов внутри страны и за рубежом направлена на то, чтобы навязать партии и государству «идею Мао Цзэ-дуна» в качестве единственного руководства к действию. Практика свидетельствует, что маоизм как идеология и политика чужд и враждебен марксизму-ленинизму, является крайне реакционным и контрреволюционным течением в современном мире. Марксистско-ленинская терминология необходима маонистам лишь для того, чтобы скрыть великодержавно-экспансионистскую сущность маоизма и использовать в своих корыстных интересах громадный авторитет марксизма-ленинизма в Китае и за рубежом.

Основные события внутрипартийной и внутриполитической жизни в стране первой половины 70-х гг.: «дело Линь Бяо» и последующая чистка его сторонников, по существу, тайное проведение X съезда КПК и I сессии ВСНП четвертого созыва, кампания «критики Линь Бяо и Конфуция», развертывание кампаний «изучения теории диктатуры пролетариата», «критики романа «Речные заводы» и движения за дальнейшую «дачжайзаацию» китайской деревни — свидетельствуют о дальнейшем ужесточении маонистской диктатуры и полном игнорировании ленинских норм внутрипартийной жизни. Эти события показали, что реформированная маонистами КПК не является руководящей и направляющей силой китайского общества. Основная масса членов КПК не принимает участия в формировании политики партии и государства, более того, она не имеет никакого представления о той или иной намечающейся кампании, ее целях и задачах. Партийные массы ставятся перед каждой очередной политической кампанией как уже перед свершившимся фактом. Задача членов партии сводится, таким образом, к простому повторению формул, разработанных узкой группой высшего звена маонистского руководства. Мао Цзэ-дун и его сторонники относятся к партии не как к политическому авангарду китайского рабочего класса, не как к носительнице марксистско-ленинских идеалов нового общества, а как к инструменту, удобному для навязывания стране великодержавно-экспансионистского курса. Вместо важнейшего принципа деятельности коммунистической партии и социалистического государства — демократического централизма — маонисты навязали партии и государству своего рода бюрократический централизм, следствием чего является полная ликвидация демократии и установление единоличной военно-бюрократической диктатуры. Маоизм, таким образом, выступает как злейший враг всякой инициативы членов партии и партийной демократии.

Игнорирование ленинских норм партийной жизни, внедрение бюрократических принципов строительства партийного и государственного аппарата — неизбежное следствие замены маонистами социалистического содержания политики партии и государства антисоциалистической политикой подготовки общества к агрессивной войне как инструменту достижения великодержавно-гегемонистских устремлений правящей верхушки маонистского режима. Другими словами, антисоциалистическая политика нынешнего ленинского руководства, ее антинародный, антимарксистский характер неизбежно привели к отказу от ленинских принципов строительства партии и государства.

В чем конкретно это проявляется? Проследим прежде всего на примере деятельности провинциальных парткомов, являющихся связующим звеном между центром и

местными партийными организациями. Разъясняя принципы партийной демократии, В. И. Ленин указывал, что «все учреждения партии — выборные, подотчетные, сменяемые»¹. В условиях бюрократического централизма выборность заменена пресловутым методом «демократических консультаций». Само собой разумеется, что «консультации» проводятся сверху, а единственным принципом отбора представителей на тот или иной партийный форум является преданность «идеям Мао Цзэ-дуна», активное участие в «культурной революции» и других кампаниях, с помощью которых маоистское руководство навязывает партии и всей стране авантюристический великодержавный курс. Так, за минувшие 5—6 лет после создания провинциальных парткомов не было ни одного сообщения о партийной конференции на уровне провинции, хотя по новому уставу они должны созываться раз в три года. Таким образом, срок полномочий парткомов провинций, созданных даже по принципу «демократических консультаций», уже истек. Дело тут не только в нарушении устава. Нельзя забывать, что он весь пропитан духом бюрократического централизма, поэтому в нем предусмотрена возможность «в особых случаях» отсрочивать съезд или конференцию.

Сменяемость понимается маоистами также весьма своеобразно: партийные руководители сменяются не путем обсуждения отчетов о деятельности партийной организации и выборов на партийных конференциях, а путем беспрестанных переводов руководящих кадров с одного места в другое. Причем это делается всякий раз, как только маоистское руководство в Пекине заподозрит местных руководителей в том, что они слишком прочно обосновались в данной провинции. Перестановки преследуют цель ослабить ту или иную группировку на местах, оторвать провинциальных руководителей от районов, где они уже имеют влияние.

Что касается подотчетности, которая, согласно новому уставу партии, должна «периодически» проводиться, то ее попросту не проводят, как не созывают самих съездов. Характерным для партийных организаций провинциального уровня в последние годы является отсутствие сообщений о каких-либо партийных собраниях или конференциях.

Устав X съезда КПК обошел молчанием вопрос о периодичности созыва пленумов ЦК. То же самое можно отметить и на уровне провинций. Пленумы парткомов провинциального уровня созываются нерегулярно, окутаны атмосферой секретности. В ряде провинций с момента образования парткомов было проведено по 7—9 пленумов (как, например, в провинциях Гуандун, Шэньси), в других — всего по 3 пленума (например, в СУАР). Работа пленумов парткомов провинциального уровня не освещается в центральной печати. Как правило, основными вопросами на пленумах парткомов этого уровня являются вопросы, связанные с дальнейшим развертыванием очередной политической кампании в стране, а не вопросы партийной жизни. Атмосфера замалчивания важных вопросов, касающихся партийной жизни на местах, работы самих партийных органов, также является свидетельством полного игнорирования партийной демократии.

Отсутствует внутрипартийная демократия и при подготовке к такому важнейшему событию в жизни партии, каким являлся съезд в масштабах всей страны. Созыву очередного X съезда КПК, например, не предшествовала отчетно-выборная кампания в провинциях. Партийные съезды провинций для обсуждения вопросов проводимой КПК политики, отчетов и выборов делегатов на съезд не созывались. Парткомы провинциального уровня в закрытом порядке, за спиной коммунистов, обсуждали такие документы съезда, как проект нового устава. Это хранилось в большой тайне, не предавалось гласности. Только в докладе Ван Хун-вэня было сказано, что в ЦК был представлен «сорок один проект пересмотренного устава партии»². Нетрудно видеть, что бюрократический централизм, насаждаемый в центральных органах КПК, перенесен и в жизнь провинциальных парткомов. Маоистскому руководству в Пекине было важно узнать мнение о новом уставе руководителей провинциальных парткомов, подобранных путем «демократических консультаций», а не мнение всех членов партийных организаций провинций.

Отсутствует гласность и в работе парткомов на уровне провинций в том отношении, что партийные руководители почти не выступают с докладами и сообщениями о работе парткомов (выступления их на съездах провинциальных общественных организаций в 1973—1974 гг. нельзя считать самостоятельными, поскольку они в большинстве случаев повторяют друг друга, являясь, по существу, лишь копией директивы из центра). Очень редки статьи в центральной печати, посвященные вопросам работы парткомов провинциального уровня. Среди них можно назвать лишь статьи о работе Аньхойского и Ляонинского парткомов о руководстве сельским хозяйством и «школами 7 мая»³. В течение 1975 г. журнал «Хунци» дважды публиковал статьи партий-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 252.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 252.

³ «Жэньминь жибао», 15.VI.1973; 16.VII.1973.

них руководителей провинциального уровня: в мае — авторскую статью первого секретаря Цзянсийского парткома Цзян Вэй-цина и в октябре — статью первого секретаря парткома СУАР Сайфуддина⁴. В обоих случаях партийные посты, занимаемые этими деятелями, не указывались.

Специфической чертой КПК является отсутствие единства между звеньями руководящего аппарата партии, в нашем случае — между ЦК КПК и парткомами провинциального уровня. Хотя в общем и целом последние проводят линию, определяемую маоистским руководством из центра, однако проводят они ее под нажимом и проходит это отнюдь не гладко. Временами разногласия эти бывают, видимо, весьма серьезными. Как заявил в своем выступлении на семинаре для работников ЦК КПК Ван Хун-вэнь в январе 1974 г., со стороны провинциального руководства проявляется наибольшее сопротивление линии «культурной революции» в провинциях. Именно парткомы провинциального уровня, которые должны были, согласно указаниям маоистского руководства, возглавить кампанию «критики Линь Бяо и Конфуция», так и не возглавили ее, несмотря на неоднократные напоминания в течение года, и не проявляли в ней инициативы. Больше того, оказывается, что руководители ряда парткомов даже не доводили указаний ЦК до мест или давали им произвольное толкование. Показательны случаи прямого неповиновения местных руководителей директивам из центра. За рубежом стал известен «Документ ЦК КПК № 21 от 1 июля 1974 г.», в котором указывалось, что «некоторые руководящие кадровые работники до сих пор не возглавили это движение (имеется в виду «критика Линь Бяо и Конфуция». — Г. С.), не руководят кампанией «критики Линь Бяо и Конфуция», не исправляют ошибок и не проводят политику, отдельные руководящие кадровые работники... выступают против партии, ведут себя как им заблагорассудится».

Как показала кампания развешивания «дацзыбао» (лето 1974 г.), развертывание которой было санкционировано сверху, провинциальное руководство не только не оказывало ей поддержку, но, наоборот, давало отпор и оказывало давление на ее рьяных активистов. Весьма знаменательно, что критике в «дацзыбао» подверглось свыше 40 руководителей провинциальных парткомов и главным обвинением в их адрес при этом было «игнорирование и подавление народных масс».

В известной мере показателем расхождений между центром и провинциальным партийным руководством можно считать упреки в сепаратизме и местничестве провинциальных деятелей, особенно резко выраженные в ходе «критики Линь Бяо и Конфуция». В печати, например, говорилось о необходимости уничтожения «местных милитаристов» (то есть партийных секретарей, одновременно являвшихся командующими военными округами. — Г. С.) для защиты центральной власти⁵. Откровенно звучали в конце 1974 г. заявления в центральной печати об опасности «разъединения центральных и местных партийных органов», призывы к «партийным руководящим органам, и прежде всего к высшим руководящим органам», «быть примером» в деле «неуклонного проведения до конца» «истинного курса, направления и политики, выработанных председателем Мао и Центральным комитетом партии»⁶.

С достаточной уверенностью можно говорить и о наличии расхождений между парткомами провинциального уровня и уровня уезда и ниже. Несравненно менее надежным и менее проверенным с точки зрения маоистского руководства является руководящий состав парткомов этого низового звена. Анализ материалов показывает, что руководители парткомов именно на этом уровне ближе всего сталкиваются непосредственно с массами, самым непосредственным образом занимаются проведением маоистской линии у себя на местах. Как показывают события 1975 г., парткомы уездного звена и ниже все более резко начали обвиняться в том, что «не всегда придерживались основной линии партии», «не всегда проводили правильную линию»⁷. Еще весной 1975 г. партком провинции Шэньси заявил о необходимости «упорядочения» городских и сельских партийных организаций провинции, объясняя это тем, что некоторые руководители этих организаций «не в состоянии отличить социализм от капитализма», принимают «ревизионистские лозунги за марксистские». С особой силой и широтой это требование «упорядочения», то есть чистки низовых партийных комитетов, стало распространяться после Всекитайского совещания по вопросам учебы у Дачжая в октябре 1975 г., когда выяснилось, что движение это не получило развития в стране и ответственность за это возложили на уездные парткомы. Видимо, соответствующая директива центра уже была спущена вниз, поскольку из ряда районов страны поступают заверения о том, что будет проведено «упорядочение руководящих звеньев от начала до конца», а «в дальнейшем такое упорядочение будет проводиться один-два раза в год». Таким образом, чистке подлежит в ближайшее время низовое партийное звено, которое должно непосредственно заниматься вопло-

⁴ «Хунци», 1975, № 5, 10.

⁵ «Гуанмин жибао», 3, 13, 23.VII.1974; «Жэньминь жибао», 27.VII.1974.

⁶ «Хунци», 1974, № 11.

⁷ «Жэньминь жибао», 13.XI.1975.

щеннем маоистских планов в жизнь и которое, как говорят факты, делает это не всегда в соответствии с этими планами. Это не может не сказываться на деятельности парткомов провинциального уровня, испытывающих подобное давление снизу и сверху, естественны в подобных условиях и разногласия между провинциальными и уездным аппаратом. Пример провинции Юньнань говорит о том, что имеют место случаи неточного и неполного проведения в жизнь решений провинциального парткома.

Важной особенностью бюрократического централизма в нынешней КПК является тот факт, что значительная часть руководства провинциальных парткомов принадлежит к числу приближенных к маоистской верхушке в Пекине. Все первые секретари парткомов провинциального уровня, за исключением недавно назначенного в партком провинции Юньнань Цзя Ци-юна, входят в состав ЦК КПК, половина руководящего состава также является членами или кандидатами в члены ЦК. Вместе с тем обращает на себя внимание продолжающаяся «текучка» среди руководящего состава провинциальных парткомов. Лишь несколько из них не претерпели за время своего существования изменений. В подавляющем большинстве в их руководстве произошли значительные изменения. В некоторых провинциях, например Гуандун, за это время назначен уже четвертый первый секретарь парткома. Такие перестановки вызваны в одном случае тем, что нынешний состав провинциальных парткомов все еще не полностью удовлетворяет маоистское руководство, в другом случае, видимо, тем, что пекинское руководство стремится добиться оптимального сочетания партийной и военной власти на местах. Эти изменения, в частности, являются следствием внутрипартийной борьбы («чистки» сторонников Линь Бяо, перевода военных в другие районы). В результате широкой реабилитации старых кадровых работников часть их пополнила руководящие составы различных провинций.

Есть все основания полагать, что внутри самих парткомов, как и внутри высшего руководства КПК, продолжается борьба за власть. Это вынуждена признать и сама маоистская печать. «В парткомах, — писал журнал «Хунци», — все еще существуют разногласия во взглядах или по каким-либо вопросам»⁸. Этот же журнал наряду с утверждением, что «партия достигла невиданного сплочения и единства», в то же время признавал, что «внутри организаций различных ступеней существуют противоречия», что укрепление сплоченности является «вопросом первоочередной важности»⁹. По-видимому, сочетание «трех сторон», предложенное маоистами при формировании парткомов (представителей кадровых работников, армии и «революционных масс»), трансформированное позднее в соединение людей трех возрастов (старшего, среднего и молодого), не привело к желаемым для маоистов результатам и стабильности в парткомах. Маоистская верхушка по-прежнему стремится к достижению такой стабильности. «При условии внутреннего сплочения в парткомах всех ступеней и укрепления единого руководства партии, — писал журнал «Хунци», — возможна обстановка стабилизации и сплочения в стране»¹⁰.

Когда мы говорим о том, что маоистское руководство постоянно озабочено состоянием отношений между партийной властью и властью военных на местах, что этим часто объясняются многочисленные перестановки партийного и военного руководства в провинциях, то необходимо иметь в виду, что переплетение армейского и партийного аппарата издавна характерно для Китая. Если для 30—40-х гг. это было естественно, так как партия формировалась и шла к власти при непосредственной помощи Красной армии, то это стало анахронизмом в 50-е гг., когда партия уже была правящей. Тенденция к сращению военной и партийной власти особенно усилилась в ходе и после «культурной революции», когда армии стала принадлежать важная, если не решающая роль во внутрипартийных и внутривластных делах. В частности, в ходе формирования новых парткомов провинциального уровня армия играла ведущую роль¹¹.

На современном этапе для руководства КПК продолжает оставаться характерным слияние военной, партийной и государственной власти. В итоге проведенной в январе 1975 г. сессии ВСНП четвертого созыва крупнейшие деятели КПК — Мао Цзэ-дун, Чжан Чунь-цяо, Чэнь Си-лянь, Е Цзянь-ин — сконцентрировали в своих руках высшую власть также в военной и государственной областях. В общем, то же положение характерно в настоящее время и для парткомов провинциального уровня, хотя за последние годы можно отметить изменения в количественном и качественном составе представительства армии в парткомах. Прежде всего надо отметить некоторое уменьшение удельного веса армейцев в парткомах этого уровня по сравнению с периодом их формирования. Так, если в момент создания новых парткомов (1970—1971) доля военных в руководящем составе парткомов составляла 60%, то к концу 1974 г. она снизилась.

⁸ «Хунци», 1974, № 11.

⁹ Там же, 1975, № 8.

¹⁰ Там же, № 6.

¹¹ См. Г. А. Сергеев в а. Реорганизация партии по-маоистски. — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 3.

лась до 40%, а к концу 1975 г. — приблизительно до 1/3. Каковы причины этих изменений? В первую очередь здесь должна быть названа «чистка» сторонников Линь Бяо: 23 представителя армии, входивших в руководящий состав парткомов, в том числе 4 первых и 4 вторых секретаря парткомов, были смещены со своих постов (Нань Пин в Чжэцзяне, Чэн Ши-цин в Цзянси, Луи Шудзинь в СУАР, Лань И-нун в Гуйчжоу и т. д.).

Далее, определенные изменения в этом плане вызвало беспрецедентное перемещение 8 (из 11) командующих большими военными округами, одновременно являвшихся партийными руководителями в своих районах, в конце 1973 г.¹² Лишь к концу 1975 г. были заполнены 7 вакантных мест первых секретарей парткомов, образовавшихся в связи с переводом командующих. Около двух лет пустовало место первого секретаря в провинции Ляонин. В конце 1975 г. стало известно, что на это место поставлен политкомиссар Шэньянского военного округа Цзэн Шао-шань.

Широкая реабилитация старых кадровых работников, подвергшихся гонениям и критике в ходе «культурной революции», приводит к тому, что их кооптирование в состав провинциальных парткомов также существенно влияет на изменение в соотношении представителей армии и кадровых работников в руководстве парткомов. (Можно назвать имена Чжао Цзы-яна, Чжан Пин-хуа, Тань Ци-луна, Ли Бао-хуа и других.) Из этого, разумеется, не следует, что маоистская верхушка ослабляет свою опору в армии. Весь военно-бюрократический режим немыслим без армии и широкого карательно-репрессивного аппарата в стране. Речь идет о стремлении маоистского руководства сколотить новый руководящий состав в армии, который бы полностью разделял великодержавный курс маоистов.

Продолжает практиковаться и перемещение военных, занимающих вторые посты в парткомах на уровне провинций. Так, в течение 1975 г. можно отметить такие перемещения в парткомах 10 провинций — Ганьсу, Сычуань, Цзянси, Хунань, Хэбэй, Хубэй, Нинся, СУАР, Юньнань, Шаньдун. Как и при переводе командующих военными округами, терявших при этом посты первых секретарей, так и в данном случае военные, занимавшие посты вторых секретарей или заместителей секретарей, при перемещении были лишены партийных и административных постов.

О стремлении маоистского руководства добиться взаимного проникновения и взаимного контроля в военном и партийном аппарате говорит следующий факт. Подавляющее большинство первых секретарей парткомов провинциального уровня в настоящее время является политкомиссарами соответствующих военных округов. Если в момент создания новых парткомов такие кадровые партийные работники, занимавшие посты политкомиссаров, как Лю Цзы-хоу в Хэбэе, Чжан Чунь-цяо в Шанхае, Хуа Го-фын в Хунани, Лю Цзянь-сюнь в Хэнани, были исключением, то теперь большинство первых секретарей парткомов провинциального уровня являются кадровыми партийными или военно-политическими работниками, но не профессиональными военными.

Несмотря на некоторое ослабление влияния старых кадровых военных в свете вышеуказанных перестановок, они по-прежнему сохраняют прочные позиции в своих районах и обладают большим политическим весом. Не случайно в отношении армии не перестают звучать призывы о необходимости «абсолютного подчинения руководству партии», а также напоминания о том, что отношения между партией и армией «могут быть лишь отношениями руководителя и подчиненного», «такие отношения никоим образом нельзя изменить, ибо в противном случае армия изменит свой цвет»¹³. Особенно резким был тон статьи «Внитовка всегда должна находиться в руках партии и народа», опубликованной в «Жэньминь жибао»¹⁴.

Под лозунгом «партия руководит всем» продолжается борьба за армию между различными группировками маоистского руководства. Косвенным доказательством этой борьбы являлась критика в адрес провинциального партийного руководства, а еще чаще в адрес военных руководителей, в ходе кампании «дацзыбао» летом 1974 г. Главным объектом критики в «дацзыбао» были ведущие провинциальные руководители — командующие или политкомиссары военных округов. Так, в Шаньси резко критиковались Се Чжэнь-хуа и Цао Чжун-нань, в Хубэе — Цзэн Сы-юй и Лю Фын, в Аньхое — Ли Дэ-шэн, в Юньнани — Чэнь Кан и Ван Би-чэн, в Хэйлунцзяне — Ван Цзя-дао и Лю Гуан-тао, в Хунани — Ян Да-и и т. д.

В общем, армия была и остается опорой маоистского военно-бюрократического режима, продолжает оставаться в таком качестве и теперь, несмотря на принятые маоистской верхушкой некоторые меры по ограничению влияния военных. Именно к помощи армии прибегло маоистское руководство для выхода из затруднительного положения осенью 1974 г., когда бастовали рабочие на железнодорожных станциях. Именно к армии снова обратились центральные и провинциальные власти летом

¹² «Жэньминь жибао», 2.I.1974.

¹³ «Хунци», 1975, № 8.

¹⁴ «Жэньминь жибао», 13.XI.1974.

1975 г., когда в ряде районов страны, и особенно в районе Ханчжоу, происходили волнения рабочих. Армия продолжает оставаться и главным объектом, за влияние на который в центре и в провинциях продолжается борьба внутри маоистской верхушки. Опасаясь усиления влияния военных, маоистская группировка пытается расколоть их, ослабить группировки, чтобы поставить армию под свой контроль.

Другой важной проблемой для маоистского руководства являются взаимоотношения между парткомами и «ревкомами» провинций. Как известно, в ходе «культурной революции» появились ревкомы (1967—1968), в течение нескольких лет выполнявшие функции партийной и государственной власти на местах. С точки зрения административной власти появление их было антиконституционным, с точки зрения партийной — вопиющим нарушением устава, поскольку они узурпировали права ликвидированных по указанию Мао Цзэ-дуна парткомов, избранных и функционировавших согласно уставу. Когда же началось создание новых парткомов, сразу же встал вопрос о взаимоотношениях парткомов и ревкомов.

Долгое время маоистское руководство не давало четких установок относительно того, как должно осуществляться руководство ревкомами со стороны вновь создававшихся парткомов, давались лишь общие установки о том, что «большая часть членов ревкома является членами парткома, рабочие органы ревкома одновременно являются рабочими органами парткома. Рабочие органы парткома отдельно не создаются. Ревком обязан выполнять решения парткома» и т. п.

Такой подход был характерен и при создании парткомов провинциального уровня. В частности, первый секретарь одновременно являлся и председателем провинциального ревкома, а большинство партийных секретарей — заместителями председателя ревкома. Рабочие органы парткомов и ревкомов были объединены. Свыше 80% руководящего состава парткомов в момент создания их были в то же время руководящими деятелями соответствующих ревкомов. Поскольку, как указывалось, в руководящий состав и рабочие органы парткомов и ревкомов входили одни и те же люди, естественно, было трудно установить отношения субординации.

Анализ всевозможных директив, указаний, распоряжений, материалов совещаний провинциального уровня свидетельствует о том, что с созданием парткомов на уровне провинций, несмотря на тесное переплетение партийного и административного аппарата, решающую роль играют именно парткомы. Как правило, все важные решения и директивы издаются именно парткомами, важные совещания также созываются ими или совместно с ревкомами. При этом речь идет не только, скажем, о политических кампаниях, основную ответственность за проведение которых несут, конечно, парткомы, но и о решении коренных хозяйственных задач на местах.

Одним словом, ревкомы из некогда всевластных органов, осуществлявших по указанию маоцзэдуновской группы и партийную, и административную власть на местах, с созданием парткомов утратили свое влияние. Китайская печать в связи с этим призывает «выявлять роль ревкомов». На I сессии ВСНП четвертого созыва говорилось о том, что надо «под руководством партии усиливать строительство революционных комитетов всех ступеней»¹⁵.

Тесное переплетение партийного и государственного аппаратов имеет место и в настоящее время. До сих пор провинциальные руководители совмещают в своих руках партийную и государственную власть. Тем не менее наблюдается определенная тенденция к разделению функций партийных и административных органов в провинциях. Начинают работу отделы парткомов, а также управления и канцелярии ревкомов. В низовых организациях — на уровне коммун и предприятий — отмечается достаточно четкое разделение обязанностей между парткомами и ревкомами.

В заключение необходимо отметить, что вся деятельность по организации партийного и государственного аппарата на провинциальном уровне направлена на то, чтобы этот механизм проводил в жизнь политику нынешнего пекинского руководства. Маоисты боятся партийной массы, прячут от нее основные направления своей внутренней и внешней политики. Поэтому во всех партийных организациях провинций и уровнем ниже по-прежнему остается множество проблем по важнейшим вопросам внутривнутриполитического развития страны и ее внешнеполитического курса. Провинциальные парткомы не выражают интересы и мнение партийных масс. Они представляют собой довольно узкий круг партийных функционеров — проводников маоистской политики на местах, наделенных большими полномочиями, но не располагающих должной опорой среди широких партийных масс. Определенная инертность, отсутствие активности в проведении тех или иных политических кампаний, о чем постоянно говорится в маоистской печати, до некоторой степени можно объяснить постоянным давлением на них со стороны низовых партийных организаций.

¹⁵ I сессия ВСНП четвертого созыва (документы). Пекин, 1975, стр. 54.

Маоизм и этническая антропология Китая

*Н. Н. Чебоксаров,
доктор биологических наук*

Для обоснования своей великодержавной политики маонисты извлекли из пыли веков обветшалую теорию об исключительности китайского народа, якобы призванного быть гегемоном мировой истории. Теория эта связана с традиционным представлением о том, что Китай является центром мира, а народы всех других стран должны рассматриваться как «варвары». «Для реализации своих замыслов, — пишет монгольский академик, историк Б. Ширендыб, — группа Мао Цзэ-дуна не брезгает расистской теорией и, используя расизм, стремится столкнуть народы желтой и черной рас с народами белой расы. Все это имеет своей конечной целью отрыв национально-освободительного движения от мировой системы социализма и международное коммунистического движения и подчинение великих сил национально-освободительной борьбы диктату Мао Цзэ-дуна»¹.

Уже с начала 60-х гг. в КНР стали публиковаться статьи, в которых коренные проблемы всемирной истории, в частности вопросы этногенеза, трактовались не только с националистических, но и с откровенно расистских позиций. До какого абсурда могут пойти маоистские фальсификаторы мировой истории, показывают, например, статьи за подписью «Ши Цзюнь», опубликованные в 1972 г. в органе ЦК КПК журнале «Хунци» и недавно подвергнутые критическому разбору в советских периодических изданиях².

¹ Б. Ширендыб. Великодержавный шовинизм группы Мао Цзэ-дуна. — В кн.: Маоизм глазами коммунистов. М., 1969, с. 84.

² См.: Е. Жуков, В. Кривцов, ЕВ. Фетов. Всемирная история в кривом зеркале маонизма. — «Коммунист», 1972, № 16, с. 96—106; Ф. Б. Белелюбский. Маонистская концепция всемирной истории — подлинная история народов Востока. — «Народы Азии и Африки», 1972, № 5, с. 61—71; К. В. Кукушкин. Апология гегемонизма. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 1, с. 112—120; В. Н. Никифоров. Перекраивание истории маонистами. — Там же, № 2, с. 90—98.

Обозревая всемирную историю в целом, Ши Цзюнь, подменяя классовую точку зрения расовой, прямо заявляет, что «народ нашей страны (т. е. Китая. — Н. Ч.), угнетенные нации и угнетенные народы Азии, Африки и Латинской Америки кровно связаны между собой и являются братьями по классу»³. Китай рассматривается этим маоистским «теоретиком», который договаривается до того, что «нации»-де были «братьями по классу», как основной очаг человеческой цивилизации и центр исторического процесса всех эпох.

Вполне закономерно истоки подобных концепций с характерными для них теорией насилия, политическим прагматизмом и волюнтаризмом советские исследователи ищут в субъективистской социологии и социалдарвинизме, получивших широкое распространение в Китае с начала XX в. и оказавших влияние на взгляды Мао Цзэ-дуна еще задолго до образования КНР⁴. Так, в 1942—1945 гг. Мао Цзэ-дун стремился привить китайским коммунистам националистическое высокомерие к культурному наследию мирового прошлого, научным и философским знаниям, накопленным на Западе, в частности в СССР, воспитывал у них веру в духовное превосходство Китая над остальными странами⁵. В 1959 г. Мао заявлял: «Мы должны покорить земной шар. Нашим объектом является весь земной шар... Что же касается работы и сражений, то, по-моему, важнее всего наш земной шар, где мы создадим мощную державу. Непременно надо проникнуться такой решимостью»⁶.

В полном соответствии с этими расистскими домыслами в китайской прессе наших дней, совершенно так же, как во времена императоров, восхваляется природная «исключительность» китайцев, их «расовое» родство с другими народами КНР и всей Вос-

³ Ши Цзюнь. Изучать всемирную историю. — «Хунци», 1972, № 4, с. 19.

⁴ См.: В. А. Кривцов. Об одном реакционном идейно-политическом анахронизме XX века. — «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 1, с. 104—115.

⁵ П. П. Владимиров. Особый район Китая, 1942—1945. М., 1973, с. 275; см. также: Е. Ф. Ковалев. Маонизм без маски. — «Вопросы истории», 1975, № 2, с. 92—108.

⁶ Выступление Мао Цзэ-дуна на совещании по внешним политическим вопросам 11 сентября 1959 г. (цит. по: В. А. Кривцов. Маонизм и великоханьский шовинизм китайской буржуазии. — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 1, с. 84).

точной Азии. Так, например, в армейской газете «Цзефанцзюнь бао» от 2 марта 1966 г. утверждалось: «Народ нашей страны, вооруженный идеями Мао Цзэ-дуна, самый смелый, самый умный, самый единодушный народ»⁷. С начала 60-х гг. в КНР открыто проводится расистско-шовинистический курс на быстрое поглощение китайцами всех других народов Китая путем насильственной ассимиляции. «Китайцы составляют 94% всего населения Китая. — писал журнал «Синьцзян хунци» еще в 1960 г. (№ 23), — и в политическом, экономическом и культурном отношении они являются более передовыми по сравнению с другими малыми народами. Поэтому при слиянии национальностей китайцы должны стать основным костяком... Особенности китайской нации превратятся в общенациональные особенности национальных меньшинств». «Это слияние, — заявляла газета «Синьцзян жибао» 21 марта 1960 г., — является марксистской и коммунистической ассимиляцией, неизбежной тенденцией развития общества. Кто выступает против такой ассимиляции, тот выступает против социализма и коммунизма, против исторического материализма»⁸. Дальше, как говорят, идти некуда!

Ассимиляторская политика маоистов внутри страны обосновывается псевдонаучной концепцией, сложившейся еще в средние века, согласно которой все народы Китая «кровно» (т. е. расово и этнически) родственны китайцам, имеют с ними общее происхождение и должны воссоединиться и полностью слиться с ханьской нацией — основной в Среднем государстве. С этой концепцией непосредственно связано представление о том, что вся территория Китая с глубокой древности всегда была китайской, расово, этнически и культурно монолитной. Чтобы подкрепить такую точку зрения, маоисты не останавливаются перед подтасовкой или ложным толкованием археологических и исторических данных.

Несомненно, что национальная политика маоистского руководства является продолжением насильственной китаизации неханьских народов, которую осуществлял реакционный гоминьдан, а до него — цинская правящая верхушка. С начала 60-х гг. в КНР проводится усиленное переселение ханьцев (особенно «грамотной молодежи» из городов) в зоны компактного расселения других народов. Вместе с тем неханьские народы выдворяются с мест их коренного обитания, особенно расположенных у границ с СССР и МНР. В Синьцзян, например, где коренного населения, главным образом уйгуров, было около 5 млн. человек, переселено 7 млн. китайцев. Многие народы (например, чжуань, мяо и тибетцы) разделены искусственно созданными административными границами.

⁷ Цит. по статье из журнала «Einheit», 1968, № 4/5.

⁸ Цит. по: «Идеи Мао Цзэ-дуна» против марксизма. — В сб.: Маоизм глазами коммунистов. М., 1969, с. 56.

Одна из областей Тибета присоединена к Синьцзяну, другая — к провинции Сычуань, территория Автономного района Внутренняя Монголия сокращена почти в три раза. Часто дело доходит до массовых, граничащих с геноцидом репрессий против неханьских народов пограничных районов⁹.

Правда, в последнее время в национальной политике маоистов наметились известные демагогические сдвиги. Откровенный великоханьский шовинизм, вызвавший напряженные отношения между китайцами и другими народами КНР, стал приниматься «мошеникам типа Лю Шао-ши». В печати появились сообщения о назначении представителей неханьских народов, «прошедших закалку в культурной революции», на низовые административные должности, о приеме их в партию и в комсомол. Кое-где организуются показательные национальные праздники и ярмарки, звучат призывы «преодолеть настроение великоханьского шовинизма», «скромно учиться у национальных меньшинств». Однако «великоханьский шовинистический курс маоистов, направленный на насильственную ассимиляцию других национальностей Китая, на консервацию их экономической, политической и культурной отсталости, практически не изменился, изменились лишь формы и методы его проведения»¹⁰.

Маоистская концепция истории Китая, пронизанная великоханьским шовинизмом расистско-националистического толка, изложена с предельной откровенностью в документе МИД КНР от 8 октября 1969 г., который в 1974 г. был переиздан в виде отдельной брошюры¹¹.

* * *

Приведенных материалов вполне достаточно, чтобы понять, какое огромное теоретическое и практическое значение должны иметь исследования советских антропологов и других специалистов, посвященные вопросам формирования расового состава и происхождения народов Китая. В наши дни уместно вспомнить слова В. И. Ленина, который еще в 1900 г. решительно протестовал против попыток объяснить политические события в Китае с точки зрения «расовой теории». «Чем же вызвано, — спрашивал

⁹ См.: Т. Р. Рахимов. Великодержавная политика Мао Цзэ-дуна и его группы в национальном вопросе. — «Коммунист», 1967, № 7, с. 114—119; его же. Национальный вопрос в КНР. — В сб.: Китайская Народная Республика, 1970, с. 169—188; Т. Р. Рахимов, Н. А. Тешилов. Великоханьский шовинизм Пекина в национальном вопросе. — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 2, с. 87—98.

¹⁰ Политика маоистов и действительность. — «Коммунист», 1973, № 12, с. 101—102.

¹¹ См.: В. С. Ольгин. Экспансионизм в пограничной политике Пекина. — «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 1, с. 41.

И. Ленина, — нападение китайцев на европейцев (речь шла о восстании Ихэтуаней. — Ч.), этот мятеж, умиряемый с таким же успехом англичанами, французами, немцами, русскими, японцами и проч.? «Враждой желтой расы к белой расе», «ненавистью тайцев к европейской культуре и цивилизации», — уверяют сторонники войны. Да, тайцы, действительно, ненавидят европейцев, но только каких европейцев они ненавидят, и за что? Не европейские народы ненавидят китайцы — с ними у них не было столкновений, — а европейских капиталистов и покорные капиталистам европейские правительства»¹².

Другое, тоже связанное с Китаем замечание В. И. Ленина по «расовому вопросу» мы находим в статье «Демократия и народность к Китаю», посвященной анализу одного из печатных выступлений Сунь Ят-сена 1912 г. в бытность его временным президентом Китайской Республики. «Боевой, истинный демократизм пропитывает каждую ячейку платформы Сунь Ят-сена. Полное внимание недостаточности «расовой» революции»¹³. Слово «расовая» В. И. Ленин берет здесь в кавычки и, очевидно, понимает под «недостаточностью «расовой» революции» то положение, что истинное освобождение китайского народа лежит вовсе не в ликвидации «желтой расы», поскольку сама эта «раса» не представляет никакой реальной социальной единицы, не в борьбе этой «расы» с другими (например, с «белой»), а в борьбе с внешними и внутренними врагами китайской революции, — борьбе, в которой противники и союзники должны устанавливаться не по «расовому», а по «классовому признаку»¹⁴.

Конкретные данные антропологии — наука, изучающей биологическую изменчивость людей в пространстве и во времени, — находит в полном противоречии с маоистскими концепциями о расовой монолитности китайцев и других народов КНР, о единстве их происхождения и «особом» кровном родстве с народами развивающихся стран, о ведущей роли Китая в мировой истории, начиная от эпохи становления самого человечества и его первоначального расселения по поверхности земли и кончая нашим временем перехода от антагонистического, классового общества к бесклассовому, от капитализма к социализму. Столь же несовместимы с фактическими материалами антропологии, этнографии, всеобщей истории, социологии и других естественных и общественных наук домыслы маоистов об отождествлении таких качественно различных категорий, как расы, классы и нации, которые в

конечном счете неизбежно ведут к биологизации исторического процесса, к подмене марксизма-ленинизма социал-дарвинизмом и расизмом¹⁵.

Не выдерживает серьезной критики гипотеза китайских ученых о том, что прародина человечества захватывала, хотя бы частично, территорию современного Китая, а синантропы были первыми гоминидами, изготовлявшими орудия¹⁶. Новейшие археологические и палеоантропологические материалы позволяют предполагать, что древнейшие люди (архантропы) Восточной Азии, представленные костными остатками из Ланьтяня (Шэньси) и Чжоукоудяня (Хэбэй)¹⁷, пришли в эти места в середине плейстоцена (примерно 600—500 тыс. лет назад) с запада, скорее всего из Африки, где многие советские и зарубежные антропологи вслед за Ч. Дарвином помещают прародину человечества. Именно в Африке найдены самые

¹⁵ Автор настоящей статьи на протяжении 40 лет собирал материалы по этнической антропологии Китая сначала в СССР, а затем в КНР во время работы там в качестве советского специалиста в Институте национальностей в 1956—1958 гг. В Китае автор смог познакомиться также с палеоантропологическими коллекциями, начиная с черепов синантропов. Результаты исследований автора изложены во многих публикациях. На конкретные данные и выводы этих работ автор опирается в дальнейшем изложении; в них же приведена специальная литература, использованная автором в дополнение к оригинальным материалам.

¹⁶ См.: Пэй Вэнь-чжун. Культура каменного века в Китае. Пекин, 1954, с. 5, 18; его же. В конце концов синантроп самый древний человек? — «Синьцзяньшэ», 1962, № 4, с. 32, 41.

¹⁷ См.: У Жу-кан. Н. Н. Чебоксаров. О непрерывности развития физического типа, хозяйственной деятельности и культуры людей древнего каменного века на территории Китая. — «Советская этнография», 1959, № 4, с. 5—10; В. Е. Ларичев. Открытия в Ланьтяне. — «Изв. сиб. отд. АН СССР», 1970, № 6. «Сер. общ. наук». Вып. 2, с. 39—47; М. Ф. Нестурх. Происхождение человека. М., 1970, с. 292—305; А. М. Решетов, Н. Н. Чебоксаров. Антропология и этнография о происхождении китайцев. — «Расы и народы», 3, 1973, с. 89—90; F. Weidenreich. The Skull of *Sinanthropus pekinensis*; A comparative study on a primitive hominid skull. — «Palaeontologia Sinica», ser. D., № 10, p. 1—298; Woo Ju-kang. Human fossils found in China and their significance in Human evolution. — «Scientifica Sinica». Vol. 5, 1956, № 2, p. 389—397; Woo Ju-kang. Mandible of *Sinanthropus Lantianensis*. — «Current Anthropology», 1964, № 2, p. 98—101; его же. The Skull of Lantien Man. — Там же, 1966, № 1, p. 83—86.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 4, с. 379.

¹³ Там же, т. 21, с. 401.

¹⁴ Н. Н. Чебоксаров, Т. А. Трофимова. Расы и расовая проблема в работах Маркса, Энгельса и Ленина. — «Антропологический журнал», 1933, № 1—2, с. 31.

древние галечные орудия, изготовленные «умелыми людьми» (*homo habilis*), жившими за два и более миллионов лет до нашего времени¹⁸. Пути распространения этих людей на восток, вероятно, были благоприятные для жизни районы Передней Азии, Индии и Индокитая, в которых часты находки раннепалеолитических каменных орудий. Не исключена возможность, что архантропы использовали и другой путь, который пролегал из Средней Азии через современный Синьцзян в бассейн Хуанхэ. «Западные» черты в раннепалеолитических культурах Ланьтяня, Кэхэ и Динцуня представляют веский аргумент в пользу такого допущения. Во всяком случае, на протяжении всего раннего палеолита территория Китая была отнюдь не центральным очагом, а, скорее, периферией в грандиозном процессе расселения древнейших людей, которое происходило главным образом с запада на восток и отчасти с юга на север.

Проводившиеся на протяжении последних лет работы советско-монгольской археологической экспедиции под руководством академика А. П. Окладникова показали, что уже в начале древнего каменного века в заселении Центральной и Восточной Азии участвовали группы людей разного происхождения; одни из них, более ранние, были связаны, вероятно, с Юго-Восточной Азией, а другие, более поздние, продвигались в глубь Азиатского материка с запада, из области распространения раннепалеолитических культур Африки и Европы. «Имело место, следовательно, не расселение каких-то крупных и компактных масс древнего населения, а своего рода беспорядочное и стихийное перемещение «атомов» — первобытных общин, человеческих орд, следовавших за своей охотничьей добычей»¹⁹. Очевидно, уже на заре истории в пределах современного Китая взаимодействовали человеческие популяции разного происхождения, часто приходившие сюда издалека. Скучность костных и культурных остатков древних людей (палеоантропов) на территории Китая затрудняет окончательное решение вопроса об их отношении к древним людям других частей

эйкумены. Однако костные остатки палеоантропов из Маба (Гуандун), Чаньяна (Хубэй), Динцуня (Шаньси) и Ордоса (Внутренняя Монголия) позволяют предполагать, что на территории Китая обитали свои «неандертальцы» — потомки местных архантропов, создавшие культуры среднего палеолита, очень сходные с раннепалеолитическими²⁰.

Костные остатки неоантропов, живших в эпоху позднего (верхнего) палеолита (около 50—16 тыс. лет до нашего времени) и принадлежавших к людям современного вида *homo sapiens*, были обнаружены на территории Китая в Люцзяне и Лайбине (Гуанси-Чжуанский автономный район), а также в Шаньдиндуне, около Чжоукоудяня, близ Пекина — там же, где были найдены череп и скелеты синантропов. При общей слабодифференцированности этих находок на них можно обнаружить некоторые характерные признаки тихоокеанских (юго-восточных) монголоидов, к которым в более поздние исторические эпохи принадлежало почти все население Восточной и Юго-Восточной Азии²¹. Сравнение шаньдиндунских черепов с люцзянским показывает, что на юг

²⁰ См.: У. Жу-кан, Н. Н. Чебоксаров. Указ. соч., с. 10—13; Цун Чэн-яо. Неандерталондная находка в Маба, провинция Гуандун, Китай. — «Вопросы антропологии». Вып. 13, 1962, с. 151—155; М. В. Крюков, Н. Н. Чебоксаров. Древнее расселение человека. — В кн.: Народы Восточной Азии. М. — Л., 1965, с. 39—43; В. Е. Ларичев. Ашельско-мустьерские памятники Китая (Шаньси). — «Вопросы антропологии». Вып. 1, 1960, с. 111—115; П. Н. Борисковский. Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л., 1971, с. 163—170; Woo Ju-kang, Peng Ru-ce. Fossil human skull of early paleo-anthropic stage found at Mapa, Shaoguan, Kwantung province. — «Vertebrata palaeo-asiatica». Vol. 3, 1959, № 4; Chia Lan-po. Notes on the human and some other mammalian remains from Changyang, Hupei. Vol. 1, 1957, № 3, p. 247—257; Pei Wen-chung, Woo Ju-kang, Chia Lan-po, Chow Ming-chen, Liu Hsiangting, Wang Chia-yi. Report on the excavation of palaeolithic sites at Tingtsun, Hsiangfiensien, Shansi province, China. Peking, 1958; Chang Kwang-chih. New Evidence on Fossil Man in China. — «Science». Vol. 136, 1962, № 3518, p. 749—760.

²¹ У. Жу-кан, Н. Н. Чебоксаров. Указ. соч., с. 13—22; М. В. Крюков, Н. Н. Чебоксаров. Указ. соч., с. 43—50; F. Weidenreich. On the earliest representatives of modern mankind recovered on the soil of East Asia. — «Peking Natural History Bulletin». Vol. 13, 1939, p. 161—174; Woo Ju-kang. Human fossils found in Liukiang Kwangsi, China. — «Vertebrata Palaeoasiatica», 1959, № 3, p. 109—118.

¹⁸ Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова. Народы, расы, культуры. М., 1971, с. 139—146; М. И. Урысон. Истоки семейства гоминид и филогенетическая дифференциация высших приматов. — В сб.: Человек. М., 1972, с. 9—22; Люди или животные? (подбор статей). — «Природа», 1973, № 1, с. 30—37; № 2, с. 77—87; его же. Неужели человеку 3 миллиона лет? — Там же, 1974, № 6, с. 10—14.

¹⁹ А. П. Окладников. Палеолит Монголии (к истории первоначального освоения человеком Центральной Азии). — IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь 1973 г.). М., 1973, с. 10; см. также: А. П. Окладников. Новое в археологии Дальнего Востока. — «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 3.

временного Китая в эпоху позднего палеолита были распространены расовые типы, личавшиеся от северокитайских меньшинств абсолютными размерами, более грацильным общим обликом, несколько более узким гораздо более низким лицом, резче выраженной широконосостью. Таким образом, же тогда среди тихоокеанских монголоидов вычленились две группы популяций: восточноазиатская — географически и морфологически переходная к континентальным (сибирским и центральноазиатским) монголоидам, и южноазиатская — связываемая монголоидов с австралоидами²².

Вопрос об отношении восточноазиатских ископаемых людей современного вида (*homo sapiens*) к палеоантропам той же части первоначальной эйкумены очень сложен и не может считаться окончательно решенным. Появляющееся большинство советских антропологов (в том числе и автор настоящей статьи), как и многие прогрессивные зарубежные ученые, поддерживают концепцию моноцентризма — формирование людей современного вида (*homo sariensis*) на одной, хотя и достаточно обширной, территории в восточном Средиземноморье с прилегающими районами Юго-Восточной Европы, Северо-Восточной Африки и Южной Азии. Именно из этого первоначального очага сапиентации, где жили биологически и социально наиболее «прогрессивные» неандертальцы, палеоантропы расселились по другим регионам Афреазии (включая Дальний Восток), ассимилировали еще очень близких к ним местных палеоантропов и заселили впоследствии Америку и Австралию²³.

Вместе с тем археологические материалы позволяют проследить преемственность хозяйственно-культурного развития на протяжении всего древнекаменного века Восточ-

ной Азии от ланьянцев и сиантропов до шаньдиндушцев. Таким образом, создается кажущееся противоречие между данными археологии, с одной стороны, и палеоантропологии — с другой. Противоречие это отпадает, если допустить, что сапиентация, начавшаяся на рубеже среднего и позднего палеолита в Восточном Средиземноморье и соседних регионах, постепенно захватывала все новые и новые территории, по мере расселения сравнительно быстро размножавшихся сапиентирующихся, подвижных популяций первобытных охотников и их смешения на новых местах с разными локальными группами палеоантропов. Последние вследствие этого процесса насыщались сапиентными генами и вовлекались в общий ход формирования людей современного типа и их распространения от восточных берегов Средиземноморья в разных направлениях, в частности на восток, в глубины Азиатского материка, вплоть до Тихого океана. Отсутствие в Китае «типичного» позднего палеолита переднеазиатского европейского облика или его позднее появление²⁴ также говорит о том, что люди современного вида появились на востоке Азии с запада и ассимилировали здесь, как и в других местах эйкумены, более ранних неандертальцев. Очевидно, и в позднем палеолите, так же как и в раннем, Дальний Восток оставался периферией эйкумены.

Из костных находок мезолитического времени, вообще очень редких на востоке Азии, к континентальным монголоидам принадлежат, по-видимому, два черепа из Чжалайнора (Внутренняя Монголия), а к южной группе тихоокеанских монголоидов черепа из Цзыяна (Сычуань), Тампонга (Верхний Лаос) и из Кунньвана (на севере Вьетнама); у последних объектов довольно резко выражены многие особенности австралоидов, представленных в позднем палеолите и мезолите костными находками из более южных стран, например черепами из Ваджака (Ява), Ниа (Калимантан) и Антапе (Новая Гвинея)²⁵. В целом анализ палеоантро-

²² Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова. Народы, расы, культуры, с. 112—119; ил. же. Этнос, популяции, расы. — В сб.: Земля и люди, 1974, с. 211—219; N. N. Cheboxarov, A. A. Zoubov. Essential Problems of India's Ethnical Anthropology. — XXVIII International Congress of Orientalists. M., 1970, p. 1—18; N. N. Tchekobksarov. Problemes essentiels d'anthropologie ethnique de l'Asie du Sud-Est. — XXIX International Congress of Orientalists (Paris, July, 16—22, 1973; M., 1973, p. 1—18).

²³ Я. Я. Рогинский. Теория моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения человека и его рас. М., 1949; его же. Аргументы в пользу моноцентризма. — «Природа», 1970, № 10, с. 34—37; его же. О нерешенных проблемах возникновения человека современного типа. — «Вопросы антропологии». Вып. 40, 1972, с. 5—14; М. И. Урысон. Некоторые проблемы происхождения человека в свете новых данных. — «Биологические науки», 1969, № 6, с. 150—160; В. П. Якимов. Стадии и внутривидовая дифференциация в эволюции человека. М., 1967.

²⁴ Г. П. Григорьев. К методике установления локальных различий в палеолите. — «Успехи среднеазиатской археологии». Вып. 2. Л., 1972, с. 14—19.

²⁵ У Жу-кан, Н. Н. Чебоксаров. Указ. соч., с. 23—24; М. В. Крюков, Н. Н. Чебоксаров. Указ. соч., с. 50—52; В. Р. Кабо, Н. Н. Чебоксаров. Первоначальное заселение и древнейшая этническая история. — В кн.: Народы Юго-Восточной Азии. М., 1966, с. 27—28; Pei Wen-chung, Woo Ju-kang. Tzeyang Paleolithic Man, Peking, 1957 (на кит. и англ. яз.); J. Fromaget et E. Saurin. Note préliminaire sur les formations cénozoïques et plus récentes de la chaîne annamitique septentrionale. — «Bulletin de Service géologique de l'Indochine», XXII, 1936, № 3, p. 1—48; Нгуен Куанг Куен, Нгуен Зуи. К изучению древних чере-

пологических и археологических материалов эпохи палеолита и мезолита, найденных на территории современного Китая и соседних стран, позволяет утверждать, что Восточная Азия, заселенная древнейшими гоминидами с запада, в середине плейстоцена стала с тех пор областью непрерывного социально-экономического и культурного развития человеческих коллективов, а вместе с тем их метисации с популяциями, проникавшими из более западных и южных районов. Очень возможно, что само по себе смещение разных популяций, проходящее красной нитью через всю историю человечества, было одним из существенных стимулов сапientации²⁶. Метисация разных популяций сменялась в отдельные исторические эпохи их временной, хотя иногда и длительной, изоляцией, которая способствовала возникновению ареальных различий между разными группами единого по своему происхождению человечества.

В начале позднего палеолита, скорее всего в период II Вюрмского наступления ледников (35—30 тыс. лет до н. э.), люди современного вида разделились, по-видимому, на две большие группы популяций, которые оказались временно почти изолированными друг от друга. Различия между этими группами (восточной и западной) касались главным образом неадаптивных, нейтральных для биологической эволюции и тем более для общественного развития признаков зубной системы, узоров на подушечках пальцев рук и ног, на ладонях и подошвах, групп крови, белков сыворотки и некоторых других особенностей. В качестве примеров можно указать, что в восточных (тихоокеанских) популяциях, к которым всегда принадлежало, принадлежит и теперь население Дальнего Востока (включая Китай), была очень высока доля резцов лопатообразной формы (часто почти 100%), особого «резус-положительного» фактора крови и круговых узоров на подушечках пальцев рук; в западных (атланти-средиземноморских) популяциях, расселенных в Африке, Европе и Западной Азии, концентрация указанных особенностей была гораздо ниже. К восточному подразделению людей современного вида принадлежали монголоиды и, возможно, австралоиды, а к западному — негроиды и европеоиды. Образование этих рас homo sapiens происходило позднее, чем первоначальное разделение на два ствола, скорее всего в конце позднего палеолита, в мезолите и неолите, под влиянием приспособления к различным условиям окружающей среды²⁷.

пов из Куньвана (Hrean). — *Môt So Báo Cáo Vê, Khảo Cô Hoc Viêt Nam*, 1966, p. 351—361.

²⁶ Ю. И. Семенов. От кого же произошел homo sapiens. — «Природа», 1971, № 11, с. 50—63.

²⁷ А. А. Зубов. Антропологическая одонтология как источник информации исторического характера. М., 1970, с. 25—

Длительный период от конца палеолита и мезолита до развитого неолита в Китае и соседних странах почти не представлен археологическими находками. Только в конце неолита картина начинает меняться.

V — III тысячелетия до н. э. сложился целый ряд высокоразвитых неолитических культур, среди которых одной из самых ранних была культура Яншао (по названию стоянки в провинции Хэнань). Костные остатки носителей культуры Яншао были найдены при раскопках в бассейне реки Вэй в Шэньси и описаны в специальных работах Янь Ния и других китайских антропологов²⁸. Большинство яншаоских черепов обнаруживает все характерные особенности восточноазиатской группы тихоокеанских монголоидов. Почти по всем абсолютным размерам, углам и индексам яншаоские черепы настолько близко напоминают современные краниологические серии, что принадлежность тех и других к одному расовому типу несомненна. Вместе с тем, несмотря на суммарную принадлежность носителей культуры Яншао к северо-китайскому типу восточных монголоидов, среди них наблюдается заметный расовый полиморфизм. Краниологические серии из бассейна Вэйхэ обнаруживают немало особенностей, сближающих их с древними и современными популяциями южных монголоидов, которые, как уже было сказано, обладают некоторыми австралоидными чертами.

Таким образом, антропологические материалы хорошо согласуются с археологическими. Как известно, по новейшим данным, в эпоху неолита в Среднем и Южном Китае существовала целая цепь культур, которые были созданы предками мяо-яо, индонезийцев, вьетнамцев и таи (но отнюдь не китайцев), связывая бассейн Хуанхэ с Индокитайским полуостровом и островным миром Юго-Восточной Азии. Особенно сильно южнomo-

36; его же. Этническая одонтология. М., 1973, с. 182—190; его же. Первые итоги одонтологических исследований в Индии. — В сб.: Очерки экономической и социальной истории Индии. М., 1973, с. 20—27; Н. Н. Чебоксаров. Новые данные по этнической антропологии Индии. — Там же, с. 3—19; А. М. Решетов, Н. Н. Чебоксаров. Указ. соч., с. 90—91; Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова. Народы, расы, культуры, с. 125—163; их же. Этнос, популяции, расы, с. 211—219; N. N. Cheboxarov, A. A. Zoubov. Указ. соч.

²⁸ Yen Yin, Liu Chang-jhi, Gu Yu-min. Report on the Skeletal remains from the Neolithic Site at Bao Ji, Shensi. — «Paleovertebrata et Paleoanthropologia», 1960, № 3, p. 33—44; Yen Yin and other. Investigations of the neolithic human skeletons unearthed at Pan Po Sian. — «Kaogu», 1960, № 9, p. 36—47; Yen Yin. Neolithic human skeletons unearthed at Hua-Hsien, Shensi. — «Kaogu Yuebao», 1962, № 2, p. 85—104.

голодные черты выражены у позднепалеолитических черепов из Давэнькоу (Шаньдун), которые Янь Инь не без основания сопоставляет с черепами полинезийцев²⁹. Возможно, что в начале III тысячелетия до н. э. какие-то популяции, скорее всего аустронезийские, продвигались вдоль берегов Тихого океана, вплоть до приморских районов Северного Китая. В то же время антропологические различия между «протокитайскими» группами (по Янь Иню) и более поздними сериями из Ганьсу III — II тысячелетий до н. э. идут в том же направлении, что и различия между европеоидными и монголоидными расами³⁰. Хотя принадлежность большинства древнего населения Северного Китая к монголоидам не вызывает сомнения, можно предполагать, что на северо-западных рубежах расселения протокитайских племен в их состав вошли какие-то европеоидные расовые компоненты, проникшие в бассейн Хуанхэ из Средней Азии по широкому степному пути, проходившему через современный Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР. Очень важно, что внедрение европеоидных расовых элементов в среду протокитайских племен было обусловлено передвижениями с запада на восток реальных популяций, говоривших, скорее всего, на древнеиранских или тохарских языках.

Таким образом, на территории современного Китая и соседних стран уже несколько тысячелетий назад сложилась все основные группы рас, существующие здесь и в настоящее время. В южных районах этой части эйкумены расселялись южные монголоиды, переходные к австралоидам, на ее западных рубежах обитали различные европеоидные популяции, проникшие на восток, по крайней мере до нынешней провинции Ганьсу, на северных границах, наконец, жили континентальные монголоиды, доходившие на востоке до Большого Хингана, а на юге до Ордоса и Алашаня³¹. Весь Северный, а отчасти и Центральный Китай был занят восточномонголоидными популяциями, ареал которых на западе включал Тибет, а на севе-

ро-востоке Маньчжурию и север Кореи. Очень вероятно, что на базе этих популяций, составлявших северную группу тихоокеанских монголоидов, формировалась в последующие эпохи большинство тибето-китайских народов КНР, включая собственно тибетцев, другие тибето-бирманские этносы и, конечно, китайцев (хань), колыбелью которых был, скорее всего, сравнительно небольшой ареал распространения культуры Яншао. К восточномонголоидным расовым типам принадлежат, кроме скелетов, связанных с культурой Яншао, также костяки из погребений периода Шан Инь, из могильника I тысячелетия до н. э. из Ситуаньшаня с территории Маньчжурии и из древнего могильника около Линьчжи в Тибете³². В отличие от этих костных остатков черепа из Лобнора, условно датированные серединой I тысячелетия до н. э., принадлежали к европеоидам, которые и во все последующие периоды истории, вплоть до наших дней, играли главную роль в расовой структуре коренного населения Синьцзяна³³.

Расовый состав населения Китая с I тысячелетия до н. э. до конца XIX в. н. э., по существу, неизвестен. Только сопоставляя материалы по этнической антропологии современного населения КНР, собранные автором³⁴ и другими исследователями, с данными о расовой принадлежности древних популяций, можно высказать некоторые соображения об истории расовой структуры народов Китая в рассматриваемое время. Для северных китайцев провинций Шаньдун, Хэбэй, Хэнань, Шаньси, Шэньси и Ганьсу характерен восточномонголоидный «северокитайский» тип, у которого обшемонголоидные

³² См.: Мао Хсич-чун, Yen Yin. Dental condition of the Shang dynasty skulls excavated from Anyang and Hun. Xian. — «Vertebrata Paleosinica». Vol. 3, 1959, № 4, p. 183—186.

³³ См.: Ли Ци. Данные об пньских черепах из Хоуцзячжуаня. — Общий свод археологических источников. Т. 6. Токио, 1958, с. 174—175 (на япон. яз.); Цзя Лань-по, Янь Инь. Отчет об исследовании костяков из Ситуаньшаня. — «Каогу сюэбао», 1963, № 2, с. 101—110; Линь Й-пу. Остатки древнего человека, обнаруженные в тибетской деревне Линьчжи района Тагун. — «Палеонтология и палеоантропология», 1961, № 3 (на кит. яз.); А. М. Решетов. Новые антропологические материалы из Тибета (находки в Линьчжи 1960 г.). — «Вопросы антропологии». Вып. 18, 1964, с. 150—156.

³⁴ См.: И. Чебоксарова, Н. Чебоксаров. Полевые этнографические работы в КНР, 1957—1958. — «Советская этнография», 1959, № 5, с. 123—139; А. М. Решетов, Н. Н. Чебоксаров. Указ. соч., с. 106—110; Н. Н. Чебоксаров. К этнической антропологии Южного Китая (по материалам полевых исследований в провинции Гуандун). — «Советская этнография», 1973, № 5, с. 40—50.

²⁹ Янь Инь. Отчет об исследовании костных остатков неолитического человека из Давэнькоу. — «Каогу сюэбао», 1972, № 1, с. 91—122 (на кит. яз.).

³⁰ См.: J. G. Andersson. An Early Chinese Culture. — «Bulletin of Geological Society of China», V, № 1, 1923, p. 1—68; Davidson Black. A study of Kansu and Honan Aeneolithic Skulls and Specimens from later Kansu Prehistoric Sites in Comparison with North China and other Recent Crania. — «Paleoanthologia Sinica», ser. D, 1928, № 6, fasc. 1; Янь Инь. Первоначальное исследование черепов из погребений культуры Циньзя в Ганьсу. — «Каогу сюэбао», 1955, № 9, с. 193—197 (на кит. яз.).

³¹ См.: В. Р. Кабо, Н. Н. Чебоксаров. Указ. соч., с. 33—40; М. В. Крюков, Н. Н. Чебоксаров. Указ. соч., с. 52—75.

признаки (тугие прямые черные волосы, слабое развитие третичного волосяного покрова на лице и теле, желтоватая окраска кожи, уплощенное лицо, развитые складки верхнего века и эпикантус, невысокое переносье и др.) сочетаются с ростом выше среднего (166—169 см для взрослых мужчин), мезоцефалией, очень высоким и сравнительно узким лицом, выраженной узконосостью. К северокитайскому типу близок другой вариант восточных монголоидов — корейско-маньчжурский, более низкорослый (162—165 см) и брахицефальный, преобладающий в пределах КНР среди китайцев и других народов Маньчжурии (собственно маньчжуров, сибо, солонов, дауров, корейцев). Вариант этот сформировался, вероятно, в процессе брахицефализации северокитайского типа и его взаимодействия с континентальными монголоидами соседних территорий. На западной периферии ареала тихоокеанских монголоидов среди тибетцев и родственных им народов округа Чамдо (Кам) выделяется восточнотибетский тип, отличающийся от северокитайского большей массивностью, меньшей высотой черепа и большей шириной лица, а также ослабленной выраженностью монголоидных особенностей глазной области и носа. Эти черты сближают восточнотибетский тип с континентальными монголоидами и в то же время придают ему «американский» (сходный с американскими индейцами) внешний облик. Возможно, здесь имеет место сохранение древних морфологических черт, некогда свойственных предкам всех популяций восточной половины Азиатского материка³⁵.

На северных и отчасти западных рубежах своего ареала тихоокеанские монголоиды, как мы уже знаем, с глубокой древности соприкасались с монголоидами континентальными. В настоящее время различные типы этой последней группы рас в пределах КНР преобладают среди некоторых народов Маньчжурии (нанайцы, ороконы, эвенки),

³⁵ Н. Н. Чебоксаров. Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии. «Труды Ин-та этнографии АН СССР». Нов. сер., т. II, 1947, с. 72—74; его же. Основные проблемы этнической антропологии Китая. — XXV Международный конгресс востоковедов, 1960, с. 1—11; его же. Основные этапы формирования антропологического состава населения Восточной Азии. — VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, 1964, с. 1—11; его же. Антропологический состав населения. — В кн.: Народы Восточной Азии. М. — Л., 1965, с. 76—89; G. M. Mogant. A First Study of the Tibetan Skull. — «Biometrika», XIV, 1923, p. 193—260; Prince Peter of Greece and Denmark, E. L. Edlberg, Y. Balslev Jorgensen, K. Paludan and H. Shiger. Anthropological Researches from the 3-rd Danish expedition to Central Asia. København, 1966.

монголов Внутренней Монголии и Синьцзяна, а также среди многих тюркоязычных этносов — киргизов, казахов и др. Граница между ареалами преобладания тихоокеанских и континентальных монголоидов проходит через Китай по Большому Хингану в южном краю Монгольского плато. Морфологические различия между обеими основными группами монголоидных популяций очень велики: в расовом отношении китаец (особенно южный) отличается от монгола столь же сильно, как итальянец от норвежца! В районах соприкосновения тихоокеанских и континентальных монголоидов издавна происходило их смешение, обусловленное взаимодействием китайцев, продвигавшихся на север и запад, с тунгусо-маньчжурскими и тюркскими народами, во все исторические эпохи проникавшими далеко в глубь Китая. И в наше время китайцы из Шаньси и Шэньси, обследованные автором, отличаются от уроженцев других северокитайских провинций некоторыми северомонголоидными чертами (сильно уплощенное лицо, тенденция к депигментации радужины глаз, большой скуловой диаметр и др.)³⁶.

Среди народов Северо-Западного Китая, особенно в Нинся-Хуэйском и Синьцзян-Уйгурском автономных районах тихоокеанские и континентальные монголоиды смешиваются не только между собой, но с различными европеоидными популяциями, известными на юге Сибири, в Центральной и Средней Азии начиная с неолита и бронзового века. Процесс межрасовой метисации нашел яркое отражение в живописи известных Дуньхуанских пещер в провинции Ганьсу. В настоящее время тихоокеанские монголоидные типы, сильно смешанные с европеоидными компонентами, преобладают в составе всех групп хуэй (дунган), тогда как континентальные монголоиды, кроме казахов и киргизов, присутствуют в виде примесей у уйгуров, которые в массе, несомненно, характеризуются европеоидными чертами (сильный рост бороды, мягкие волосы, высокое переносье, слабое развитие складки верхнего века и эпикантуса, небольшое выступание скулы)³⁷.

³⁶ Материалы по этим группам еще не опубликованы.

³⁷ Н. Н. Чебоксаров. Дунганская экспедиция. — Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. Вып. 3, М., 1947, с. 24—34; его же. Основные проблемы этнической антропологии Китая, с. 3—4; его же. Антропологический состав населения, с. 86—88; В. В. Гинзбург, Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров. Очерки по антропологии Казахстана. — Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. Вып. 16, М., 1954, с. 42—68; М. Сушанло. Дунгане. Фрунзе, 1971, с. 16—17; Т. А. Joyce. Notes of the physical anthropology of Chinese Turkestan and the Pamirs. — «Journ. of R. Anthropol. Inst. of Great Britain and Ireland», XLII, 1912, p. 450—484.

К югу от гор Хуайяньшаня и Циньлиня в бассейне Янцзы и еще южнее, в бассейне Сунцзяна, а также в долине Цангло на юге Тибета расовые типы восточноазиатской группы постепенно сменяются южными вариантами тихоокеанских монголоидов. Смену эту при движении с севера на юг Китая можно наблюдать как среди китайцев, так и среди других народов, говорящих на тибето-бирманских, мяо-яоских и монхмерских языках. Сравнивая между собой уроженцев Северного, Центрального и Южного Китая, нетрудно заметить, что многие характерные особенности монголоидов как бы несколько ослабевают в меридиональном направлении. Так, процент тугих и прямых волос понижается, рост бороды несколько усиливается, скулы выступают слабее, складка верхнего века оказывается менее выраженной, эпикантус встречается реже. Это «смягчение» монголоидности сочетается с заметным потемнением кожи, большим количеством волнистых волос, уменьшением высоты лица, увеличением ширины носа (и соответственным возрастанием носового указателя), тенденцией к альвеолярному prognatismu, большим развитием наружной слизистой оболочки губ. Сами китайцы хорошо различают по физическим признакам выходцев из северных, средних и южных провинций страны. Учитывая эту изменчивость основных расовых признаков, китайский антрополог Ли Ю Сянь предложил наряду с хуанхэским (северокитайским) типом выделить среди китайцев еще два территориальных типа: чанцзянский (среднекитайский) и чжуцзянский (южнокитайский).

Очевидно, что общее направление антропологических различий между северными и южными китайцами полностью совпадает с различиями между восточноазиатскими и южноазиатскими популяциями тихоокеанских монголоидов. Сопоставляя антропологические материалы по современному населению Китая с данными по его этнической истории, не приходится сомневаться, что китайцы (хань) при своем многовековом передвижении на юг впитали значительное количество монголоидно-австралоидных расовых элементов, преобладавших среди древних племен сань-мяо и юэ — предков современных мяо и яо, чжуан-дунцев (таи), тибето-бирманцев, а частично и индонезийцев, которые и в настоящее время относятся к различным локальным типам южных монголоидов, переходных, как мы уже говорили, к австралоидам. По общему расовому облику средние и особенно южные китайцы гораздо больше напоминают соседние с ними неазиатские народы, чем своих соотечественников из более северных районов.

Если мы теперь оглянемся назад и вернемся к расовой структуре населения Китая эпохи неолита, бронзового и железного веков, будет нетрудно констатировать, что глубокая антропологическая неоднородность как самих китайцев, так и соседних с ними неазиатских народов Восточной Азии непрерывно увеличивалась с глубокой древ-

ности до наших дней вследствие миграций и этнических смещений, которые всегда сопровождалась биологической метисацией. Распространение китайцев и родственных им генетически тибето-бирманских народов связано главным образом с расширением ареала восточных монголоидов в северо-южном направлении, вплоть до Индокитая, а в настоящее время и еще дальше — до Малайзии и Индонезии.

На всей этой огромной территории восточномонголоидные популяции взаимодействовали с различными группами южных монголоидов, на основе которых формировались и расселялись тайские, мяо-яоские, монхмерские и индонезийские этносы, принимавшие очень большое участие в социально-экономической, этно-культурной и расово-биологической истории всего населения Южного Китая, включая самих китайцев. Огромное морфологическое, одонтологическое, дерматоглифическое и серологическое сходство южных китайцев с их неазиатскими соседями отражает этот процесс, сопровождавшийся постоянными контактами между популяциями разного происхождения. До начала II тысячелетия н. э. весь Южный Китай не был «китайским» и в историко-этнографическом отношении и принадлежал не к Восточной, а к Юго-Восточной Азии. Китаизация областей, расположенных к югу от Янцзы, завершилась только в первых веках II тысячелетия, а на юго-западе не раньше XV столетия. Неазиатские народы и в наши дни во всех южных провинциях КНР (особенно в Юньнани) составляют значительную долю населения, продолжают играть большую хозяйственную и культурную роль, сопротивляясь ассимиляторской политике маоистов³³.

Иначе складывались отношения на северных и западных рубежах расселения китайского народа. Если в Центральном и Южном Китае граница между ареалами преобладания восточных и южных монголоидов всегда была расплывчатой и крайне подвижной, то на севере этой страны демаркационная линия между тихоокеанскими и континентальными монголоидами, проходившая, как мы знаем, по Большому Хингану и южному краю Монгольского плато, на протяжении нескольких столетий оставалась относительно стабильной. Конечно, межрасовая метисация имела место и здесь, но она оставалась, по нашему мнению, территориально и демографически ограниченной.

Восточномонголоидные китайские (ханьские) мигранты до середины XX в. проникали на север и северо-запад Китая (кроме Маньчжурии) в сравнительно небольшом количестве и мало смешивались с аборигенами

³³ А. М. Решетов. Основные вопросы древнейшей истории Юго-Восточной Азии. — В сб.: Проблемы этнографии и этнической истории народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1968, с. 250—281; Р. Ф. Итс. Этническая история юга Восточной Азии. Л., 1972, с. 239—291.

этих районов, принадлежавшими в массе к континентальным монголоидам и частично (в Синьцзяне) к европеоидам. Резкие этнокультурные (в частности, конфессиональные) различия между китайцами, с одной стороны, монгольскими, тюркскими, а в более раннее время также иранскими народами способствовали этнической изоляции и до известной степени препятствовали межрасовому смешению. Исключением были только хуэй, само формирование которых происходило в расово крайне смешанной среде, включавшей восточномонголоидные и северомонголоидные и европеоидные компоненты. Большое расо- и этногенетическое значение имело начавшееся в II — I тысячелетиях до н. э. внедрение в тибето-китайские этносы ирано-тохарских, а позднее тюрко-монгольских элементов, вместе с которыми, как мы знаем, далеко в глубь страны проникали европеоидные и континентально-монголоидные расовые типы, и в наши дни заметные во всех группах хуэй (вплоть до Хайнаня и Юньнани) и в некоторых популяциях самих китайцев (особенно в Ганьсу и Синьцзяне)³⁹.

И в этом случае, следовательно, фактические данные антропологии (как и других наук) опровергают маоистские домыслы об этнорасовой однородности китайцев (ханьцев),

их специфическом (кровном) родстве с другими народами Китая, о стабильности этнической территории ханьцев и одностороннем влиянии с их стороны на все другие народы Восточной Азии. Все эти положения ни в коей мере не умаляют большой исторической роли великого китайского народа, который складывался, развивался и расселялся, как и все другие крупные народы нашей планеты, в тесном взаимодействии с другими народами как своей собственной, так и соседних стран.

³⁹ Н. Н. Чебоксаров. К вопросу о происхождении китайцев, с. 30—70; его же. Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии, с. 24—33; его же. Основные проблемы этнической антропологии Дальнего Востока. — В сб.: Вопросы истории Советского Дальнего Востока. Владивосток, 1965, с. 37—50. N. N. Cheboksarov. The ethnics Anthropology, of the Eastern Asia. — XI Pacific Science Congress (Tokyo), 1966, p. 1—15. N. N. Tchekobksarov. Problems essentiels d'anthropologie ethnique de l'Asie du Sud-Est. — XXIX International Congress of Orientalists (Paris, July 16—22, 1973). M., 1973, p. 1—18.

К проблеме китайского поэтического наследия

*Н. Т. Федоренко,
член-корреспондент АН СССР*

Памятники словесного искусства — вечная биография человечества. Давно известно, что песня, как и поэтическое слово, рождается в народе. Древняя поэзия, вобравшая в себя традиционную культуру китайского народа, донесла до наших дней отзвуки этого словесного чуда.

Известно, однако, что маоизм ведет фронтальное наступление против исторического и духовного наследия, в особенности против наиболее прогрессивных и положительных традиций народа, которые обращены против «идей» кормчего и которые могут быть использованы теперь или в дальнейшем противниками маоизма, основываясь на национальной почве. Концепция «гу эй цзинь юн» — «использовать древность на службе современности», возрожденная пекинскими стратегами в 1972 г., применяется весьма избирательно. Она служит целям осовременивания исторических явлений и фактов прошлых эпох, при этом невыгодные положения — «упрямые факты» истории тщательно обходятся, замалчиваются или искажаются, а подчас грубо фальсифицируются. Достаточно здесь сослаться на историю с императором Цинь Ши-хуаном. Историю столь же показательную, сколько и поучительную.

В любом китайском учебнике до недавнего времени было написано, что Цинь Ши-хуан, господствовавший в Китае с 221 по 210 г. до н. э., был жесточайшим в истории императором. Именно в период его тирании классические памятники древнекитайской литературы и философии, связанные с конфуцианской традицией, были преданы анафеме и сожжены на кострах. По всей стране Цинь Ши-хуан испепелял такие творения народного гения, как «Шицзин» («Книга песен»), «Шуцзин» («Книга истории»), «Чуэньцю» (летопись «Весны и осени») и др. Всем ученым того времени за попытку собраться вместе для обсуждения конфуцианских канонических сочинений угрожала смертная казнь. Более того, после истечения тридцати дней со дня обнародования императорского вердикта, запрещающего еретические книги, всем, кто мог оказаться заподозренным в их хранении, грозило быть сосланными на «исправление» и «перевоспитание», то есть на принудительные работы по возведению Великой китайской стены, сооружавшейся по повелению Цинь Ши-хуана. Сотни ученых были погребены заживо как еретики по указу этого августейшего императора, что породило столь же крылатое, сколько и зловещее выражение: «Книги — в огонь, ученых — в яму». К этому времени относится возникновение концепции цензорского надзора и учреждение института всевластных цензоров «Юйши», осуществлявших беспощадный контроль над мыслью и поведением интеллектуального сословия.

Разительным образом переменилось в китайской печати отношение к Цинь Ши-хуану, когда он оказался воспетым в стихах Мао. Цинь Ши-хуан превратился в героя. В многочисленных панегириках, посвященных тирану, Цинь Ши-хуан стал изображаться первым исторически прогрессивным китайским императором, великим преобразователем и реформатором, а жесточайшие методы его владычества — истолковываться как благо. Как ни парадоксально, но именно Цинь Ши-хуан проводил «правильную линию» в борьбе со своими политическими противниками. До странности схожая ситуация: все как теперь, все как у самого Мао. Таковы приемы маоистской фальсификации исторических событий и фактов, получившие особенную популярность во время шабаша «культурной революции», которая нанесла невосполнимый ущерб китайской литературе и искусству. Крупнейшие писатели, поэты, театральные деятели стали жертвами хунвэйбинского произвола, классическое наследие — шедевры мировой и национальной литературы были объявлены «ядовитым сорняком» и «феодалской отравой». Культурную жизнь Китая постигла трагическая участь. Исчезли произведения прозы, поэзии, драматургии. Подлинная литература перестала существовать. Китай превратился в зону, отрешенную от духовной жизни, художественного творчества.

Нужно ли доказывать, что подъем и рост национального сознания нерасторжимы с традициями народа, с его культурой во всем ее богатстве и многообразии. Процесс формирования культуры непрерывен и преемствен. Он нерасторжимо связан со всей системой идеологических ценностей, создаваемых народом в ходе его исторического движения. Отказ от национального культурного наследия неизбежно приводит к разрыву с историческим прошлым народа, к умерщвлению национальной памяти, губительному беспамятовству.

По-иному, однако, рассуждают в Пеккине. В статье некоего Лю Дао-гана, опубликованной в газете «Жэньминь жибао», обсуждался вопрос: можно ли одинаково объективно и с одобрением относиться к литературным произведениям прошлого и к памятникам древней материальной культуры? Можно ли, восхищаясь ими с нынешней дистанции, гарантировать, что возникающие у нас эмоции не породят связи с ними? Нет, отвечает автор, нельзя, и пускается в такие рассуждения: в музее, к примеру, в стеклянном шкафу выставлена древняя бронзовая утварь, старинные кубки для вина с зелеными пятнами окиси. Посетители музея с удивлением и восхищением смотрят на эти произведения искусства, которые свидетельствуют о мастерстве умельцев далекой старины. Но никому не придет в голову такая странная мысль: выпить бы из этого бокала свежее вино! Поэтому, пишет автор, проблема отравления ядовитым налетом, покрывающим бронзу, здесь и не возникает. Совсем другое дело, когда речь идет о связи между литературным наследием и массами: «Человек берет древнюю книгу — китайская она или иностранная, все равно — читает ее с захватывающим интересом, а это равносильно тому, что он жадно пьет вино из древнего кубка, делая эту антикварную вещь предметом обихода. Читателю трудно избежать опьянения от этого пропитанного древностью напитка; в его идеологии уже намечаются незаметные перемены; ее трудно предохранить от „бронзового яда“».

Отсюда и вывод: классическая литература, своя и чужая, — ядовитый напиток, отравля!

А между тем речь идет о выработанных веками художественных ценностях. Созданных творческим гением китайского народа. Ценностях, которые, как и в истории любого народа, нередко имеют безграничное прошлое и безграничное будущее. Именно к народному этому достоянию, к истокам культуры маоизм призывает повернуться спиной. Никакой преемственной связи. Полный разрыв со всем предыдущим развитием, уничтожение всех традиций народа. Методологическая несостоятельность такой позиции самоочевидна. Что общего у этих нигилистических и деструктивных взглядов с марксистско-ленинским учением?

Новая культура, согласно маоизму, может возникнуть только на развалинах старого, только как антитеза дореволюционной культуры, которую необходимо сломать, разрушить с той же решительностью и бескомпромиссностью, с которой революция разрушает старый общественный строй.

Хунвэйбинны и цзаофани, которые еще не успели даже раскрыть книги культурного наследия китайского народа, оказались самыми рьяными проповедниками полного уничтожения прежней культуры и искусства. Их дацзыбао возвестили миру парадоксальную истину: чтобы быть новатором, надо сначала отказаться от традиций. К чему нам, заявляли они, бойцам «великой пролетарской культурной революции», феодальная культура? Почему мы терпим и не уничтожаем все это старое наследие феодального и буржуазного духа, когда уничтожаем феодалов, помещиков, все эксплуататорские элементы?

Возникает вопрос: что же остается после отказа от традиций и уничтожения культурного наследия? Маоизм, будто бы возвещающий начало новой эры? С него якобы и начинается отсчет времени. Но разве это не есть вытравливание памяти из сердца народа?

Так раскрывается стремление заставить народ уверовать в непогрешимость маоизма, уверовать в то, что «идеи» кормчего отвечают идеологическому и философскому развитию Китая во все времена — в настоящем и будущем. Попытка создать новую концепцию «национальной судьбы» Китая, провести переоценку духовных ценностей нации и на этой почве сформировать человека, свободного от наследия прошлого, то есть форсировать программирование послушного носителя «идей Мао Цзэ-дуна», как единственно достойных, совершенных, извечных.

Проблема культурного наследия, как известно, нашла свое ясное освещение в трудах классиков марксизма-ленинизма. Предельно четкая формулировка дана В. И. Лениным: «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить»¹.

В ленинских работах создана цельная концепция марксистских взглядов в отношении духовной деятельности человека, являющаяся научной основой художественной политики нашей партии. Речь идет не только об истолковании проблемы культур-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 304.

ного наследия, но и об основополагающих взглядах на проблему литературных традиций и новаторства.

Не «отворачиваться от истинно прекрасного... только на том основании, что оно «старо», а взять его в качестве «исходного пункта для дальнейшего развития», — говорил В. И. Ленин, высмеивая всякого рода «ниспровергателей»². Из этого совершенно очевидно, что художественную культуру прошлых эпох нельзя ни разрушать, ни безрассудно отвергать. Из этого также ясно, что пролетариат является наследником классических произведений литературы всех времен и народов.

Преемственность в развитии культуры, несомненно, играет важную и положительную роль в общественном развитии. Изучение истории и жизни, литературного наследия минувших эпох помогает нам лучше и всесторонне понять не только художественную культуру прошлого, но также словесное искусство современности.

Классические национальные традиции служили китайскому народу той почвой, на которой развивалось словесное искусство, разносторонне отражая движение идейных и эстетических взглядов в различные эпохи. Огромна познавательная ценность классического китайского наследия.

Как беден был бы гуманизм и патриотическое творчество в Китае без «Книги песен», «Чуских строф», танской поэзии, сунских цы, без Цюй Юаня, Тао Юань-мина, Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюй-и, Ван Вэя, Су Ши, Оуян Сю, Ли Цин-чжао, Синь Ци-ци, многих других выдающихся художников слова?

Литература, в том числе лучшие образцы творчества прошлого, призвана пробуждать в человеке способность ощущать себя участником повествования, непосредственным участником изображаемых событий. Эта способность к сопереживанию переплетается с сотворчеством, способствует познанию человеком самого себя. Мы не просто получаем представление о своих возможностях и знаниях, но в то же время как бы раздвигаем их границы: «...Наука движется вперед пропорционально массе знаний, унаследованных ею от предшествующего поколения...»³

Связь прошлого с настоящим выражается не просто в том, что настоящее вышло из недр прошлого. Прошлое не перестает меняться в человеческом сознании, в сознании поколений. Можно говорить о том, что каждый новый век или поколение переосмысливает, переосознает и по-своему воспринимает минувшее. Переосмысленное, оно приобретает новую актуальность, вливается в современность, участвует в духовном нашем движении. Здесь происходит как бы продление жизни прошлого, возникает некая вторичная связь истории с современностью, которая помогает нам видеть мир в живой, реальной динамике, в непрерывном становлении, обновлении, преобразовании.

В течение длительного времени у нас и за рубежом внимание исследователей китайской литературы, особенно поэзии, сосредоточивалось в значительной степени на творчестве Танской эпохи (VII—X вв.). Благодаря этому читающему миру стали известны имена наиболее прославленных танских поэтов — Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюй-и, Мэн Хао-жэня, Ван Вэя, Ван Бо и многих других.

В значительно меньшей мере изучалась китайская литература других веков, и поэтому иностранный читатель имеет слабое о ней представление. Но чудо искусства неиссякаемо: каждая эпоха знаменуется своими достижениями в области художественной культуры, духовного движения народа любой страны.

Поэзия, в том числе китайская, живет в своем возвышении и нисхождении. В вечном отборе. И мы знаем, что высоту, конечно, может оценить и современник, но прочность фундамента — лишь потомки. Это применимо и к явлениям, возникающим в процессе развития искусства слова в Китае.

Однако поэзия эпохи Сун продолжает оставаться малонизвестной за пределами Китая, кроме Японии, где существует традиция китайской литературы. Она почти не изучалась синологами западных стран. Не существует на европейских языках и полноценных художественных переводов поэзии жанра цы.

Иное положение сложилось в нашей стране. Мы вправе говорить здесь о приоритете нашего отечественного китаеведения.

Сунская поэзия в ее лучших образцах (подборка стихотворений Лу Ю, Синь Ци-ци, Фань Чэнь-да, Ян Вань-ли, Ли Юя, Ван Юй-чэна, Оуян Сю, Мэй Яо-чэня, Вань Ань-ши, Су Ши (Су Дуи-по), Лю Юна, Ли Цин-чжао, Чжу Шао-чжэнь и др.) была впервые опубликована в переводе с китайского на русский язык в «Антологии китайской поэзии», увидевшей свет в 1957 г.⁴

Вскоре вышел сборник «Поэзия эпохи Сун»⁵, в котором представлено творчество блестящей плеяды сунских поэтов. Это издание явилось дальнейшим движением в изучении сунской поэзии в нашей стране. Книге предпослано обстоятельное пре-

² См. сб. В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1967, стр. 663.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 568.

⁴ Антология китайской поэзии. М., 1957, т. 3, стр. 5—183.

⁵ Поэзия эпохи Сун. Перевод с китайского. Вступительная статья В. А. Кривцова. М., 1959.

дисловие В. А. Кривцова, в котором содержится аналитический разбор творчества поэтов сунского Китая.

В 1975 г. вышел сборник Су Дун-по «Стихи. Мелодии. Поэмы»⁶, который явился дальнейшим шагом в изучении и популяризации поэтического наследия китайского народа.

Наше синологическое литературоведение в большой мере обязано Михаилу Басманову, которому принадлежит заслуга в разработке жанра цы Сунской эпохи и в многочисленных переводах с китайского оригинала песенно-поэтических произведений таких выдающихся поэтов, как Су Ши, Ли Юй, Лю Юн, Ли Цин-чжао, Синь Ци-цзи и др. Его заслуга — издание ряда сборников поэтических переводов сунских поэтов. Чтение поэзии цы, однако, требует не просто знания китайского языка и иероглифических знаков. Здесь необходимо значительно большее. Это огромный мир идей и символики со всеми атрибутами традиционной художественной образности. Приходится проникать в сокровенную суть текста, исполненного стилистической энергией. В лице М. Басманова обнаруживается редкое сочетание востоковеда и поэта.

В поэзии цы, как и в литературном творчестве вообще, связь образа с образом осуществляется посредством слова — иероглифического знака, которое выполняет выразительную или изобразительную функцию. Слово здесь — как бы промежуточное звено, в известном смысле абстрагированное от реальности. В слове обнаруживается авторское восприятие, личное его мироощущение, некое открытие. Следовательно, речь может идти о субъективно преобразованной, опосредованной действительности, озаренной светом авторского видения. Нечто подобное происходит со звуком в музыке или цветом в живописи. У Л. Леонова читаем: «Истинное произведение искусства, произведение слова — в особенности, есть всегда изобретение по форме и открытие по содержанию»⁷.

Перевод поэзии цы на русский язык, как и на любой другой, требует особенно высокого мастерства. Своеобразие жанра — его органическая взаимосвязь с музыкальным началом создает исключительные трудности при передаче всей неповторимости оригинала на иностранный язык. Переводчик поэзии жанра цы должен обладать исследовательским глазом — способностью пробиться сквозь все перекрытия, разглядеть подлинную структуру цы, выявить смысловые и стилистические их особенности.

Признанный канон переводчика — «дословно, сколь возможно, и вольно, сколь необходимо». Но вольность лишь тогда допустима, когда передаваемый смысл оригинала может быть выражен только с помощью отступления от дословности. Известны пушкинские слова о том, что подстрочный перевод никогда не может быть верен.

М. Басманов доказывает нам, что перевод может и должен обладать силой жизни в той мере, что и оригинал. Но смысл, ждущий переводчика внутри древнекитайского поэтического текста, раскрывается не без труда. Он предстает перед нами как нечто внутри себя, внутри самого контекста, как нечто загадочное для нашего миропонимания, для понимания нашего современника. Здесь невольно вспоминается слово Флобера о «внутренней силе стиля», которая, «как земля», поддерживает литературное произведение.

Для развития словесно-речевого искусства в Китае характерна историческая взаимосвязь литературного процесса. Непрерывность традиции китайской литературы возникает на почве движения и наследия. Движения, разумеется, не простого, не прямолинейного, но противоречивого и многосложного. Относится это и к природе преемственности, которая выражает непрерывное взаимодействие противоборствующих начал, их столкновение и вместе с тем укоренение друг в друге. Классические национальные традиции служили китайскому народу той фундаментальной основой, на которой развивались поэзия и проза, разносторонне отражая движения идейных и эстетических воззрений в различные эпохи. В этом нельзя не видеть воплощения связи времен, живой связи в движении человеческого духа, мышления и слова, быть может не менее действенной, чем личный опыт художника.

В ходе долгой истории Китая возникали и рушились империи и царствовавшие династии, одни деспотические режимы сменялись другими, еще более жестокими. Движимые страхом перед опасностью низвержения, тиранствующие властители, стремясь подавить народный гнев, тщетно пытались обрести панацею в расправах над вольнодумцами, в чудовищном сжигании книг в огне варварских костров, в предании анафеме бесценных сокровищ поэтического гения китайского народа. Но и самые лютые времена оказались не властны над развитием словесного творчества: ветер истории развеял в прах престольных маньяков и бесноватых, а творения искусства слова, многовековые памятники человеческого духа сохранились до наших дней и в лучших своих образцах вошли как неотъемлемый вклад в сокровищницу общемировой литературы.

Существенными поэтому представляются для нас задачи изучения литературного наследия китайского народа, в том числе проблемы, непосредственно относящиеся к са-

⁶ Су Дун-по. Стихи. Мелодии. Поэмы. Переводы И. Голубева под редакцией Г. Ярославцева. М., 1975.

⁷ Л. Леонов. Литература и время. М., 1964, стр. 282.

ним произведениям. Мы имеем в виду вопросы генезиса жанров, их анализа, своеобразия стилей и языка, особенностей мироощущения творцов песенно-поэтических произведений: вопросы поэтики как совокупности художественных принципов и средств литературного явления, творчества поэтов; изучение сюжетно-композиционных и идейно-образных особенностей поэтических произведений; разбор внутренней цели поэтического творчества, этического и эстетического начал и т. д.

Иным представляется труднодостижимым — эпоха высвобождения ядерной энергии, электронных микроскопов, космических кораблей и — древность, наследие, поэзия тысячелетней давности, «преданья старины глубокой». Не обходится и без недоумения: а к чему, собственно, вся эта арханка в условиях и без того усложнившейся жизни современного человека? Не стоят ли памятники древней литературы и искусства где-то «по ту сторону облаков»? Зачем оглядываться на прошлое вместо того, чтобы с надеждой, твердостью и терпением всматриваться в будущее, стремиться к нему навстречу.

Не в глубине веков, конечно, должен искать человек утешения. Мы не можем ни мыслить, ни чувствовать так, как жили и чувствовали древние, люди тысячелетнего прошлого. Тем более речь идет не об идеализации всего прошлого, не о ностальгии по невозвратно ушедшему и не о слепом преклонении перед тенями минувшего времени. Речь о другом. О том, что прошлое, как и будущее, существует сегодня. В самой реальности, в жизни, в каждом человеке, хотя мы не задумываемся над тем, какие бездны прошлого скрыты у нас за плечами, как велика непрерывная цепь поколений.

Прошлое не бесследно. Вчерашний день не всегда уходит. Многое остается жить в памяти. Свидетель прошлого — слово. В нем — живая связь времен. Но связь прошлого с настоящим выражается в искусстве слова не просто в том, что настоящее вышло из недр прошлого. Прошлое участвует в духовном нашем движении. Здесь происходит как бы продление жизни прошлого, возникает некая вторичная связь истории с современностью.

И литературное наследие любого народа, в том числе китайского, — это искусство слова, которое в своих собственных формах, отличающихся нередко непосредственной простотой и благородством, художественно отобразило долгую и многосложную историю страны, пути ее постоянного движения, тяжкие испытания в битвах со стихиями и социальным злом, общественное бытие и неугасимую волю ее народа к раскрепощению и справедливому устройству жизни.

Литературное наследие, однако, — не только отображение истории народа, его жизни и борьбы. Не только подлинная энциклопедия этнографической самобытности, традиций и обычаев народа. Помимо всего, это извечный источник неисчерпаемого богатства языка, выразительных его возможностей, образности, меткости, афоризмов.

Говоря о космическом и ядерном нашем веке, люди порой видят только спутники и атомные сооружения, но не всегда замечают человека, гением которого все это создается. Наш век, однако, есть время высокого интеллектуального развития, духовного его взлета. Время приобщения широких общественных слоев, а не только привилегированных, к искусству, поэтическому творчеству — современному и классическому, отечественному и зарубежному. Поэтическое видение жизни людям всегда было желанным. Поэзия в наше время приобрела особую актуальность и как нравственное самопознание, и как постижение общественного призвания человека, и как эстетическая мера вещей.

Внимание, проявляемое к художественному наследию — отечественному и зарубежному, — в наше время все более усиливается. Нынешние условия духовной жизни в нашей стране сделали реальным приобщение народа к первоначальным ценностям словесного искусства, ко всему прекрасному, что создано человечеством на Востоке и Западе за многовековую историю. Все истинно ценное, что порождено в веках художественным гением всех народов, может и должно служить современному человеку, обогащать его интеллектуально и эстетически, раздвигать рубежи духовного его мира.

Возросший интерес к поэзии, как и жажда к философскому осмыслению человеческого бытия, — весьма знаменательная примета наших дней. Отождествлять же великое наследие прошлого с отжившей свой век арханкой и пережитками, значит игнорировать духовное завещание поколений, нерукотворные сокровища миллионов людей в процессе исторического движения человечества.

Изложенные мысли ведут нас к выводу о том, что углубленное и всестороннее изучение идейной и художественной сущности литературного наследия, в нашем конкретном случае — поэтического наследия китайского народа, — одна из столь же существенных, сколько и актуальных задач отечественной востоковедной науки. Не каждому понятны язык сложных научных трудов или симфоническая музыка классиков. Многие поэтические произведения авторов китайской старины также требуют известных знаний и подготовки.

Китайская лирика исторична. Ее содержание, тематика и стилевые особенности обуславливались конкретностью условий жизни и времени. В ней нашли свое выражение чувства и переживания человека определенной среды и эпохи. И для правильного понимания ее необходимо войти в духовную жизнь общества соответствующей эпохи,

ибо художественное творчество немислимо оценить вне связи с социальными условиями, а также этническими и философскими представлениями.

Танская эпоха достигла небывалого в китайской истории расцвета в области литературы и искусства, явив собой поистине «золотой век» в художественном развитии Китая. Однако пришедшая ей на смену Сунская эпоха ознаменовалась новым взлетом в развитии искусства слова, выдвинув огромное число выдающихся поэтических талантов и превзойдя в этом танский период.

Частые дворцовые перевороты и крестьянские восстания, вызывавшиеся жестоким угнетением народа, привели Танскую династию в 906 г. к полному крушению. На смену Танской империи, которая распалась на ряд княжеств, пришла эпоха «Пяти династий и десяти царств» (907—959). Охватившие страну междоусобные войны носили невиданно жестокий и разрушительный характер. Гибли колоссальные материальные ценности. С лица земли была стерта Чанъань, столица Танской династии, далеко за пределами Китая снискавшая славу своими роскошными императорскими дворцами и небывалым экономическим процветанием. В груду развалин был превращен Лоян, древняя столица Китая, город исторической славы, крупнейший очаг культуры, науки, искусства.

В художественном творчестве заметное влияние приобрели упадочные настроения, душевная тревога. В произведениях ряда видных писателей усилились критические и обличительные мотивы, социальное звучание. Среди писателей, возвысивших голос против страданий угнетенного крестьянства и социальной несправедливости, выдвинулась целая плеяда одаренных литераторов: Пи Жи-сю (IX в.), Не И-чжун (IX в.), Ду Сюнь-хэ (IX—X вв.) и многие другие.

Именно к этому периоду относится развитие песенно-поэтического жанра цы, в основу которого легли народные мелодии. Согласно некоторым литературным источникам, начало сочинению стихотворений по данному размеру на определенную арию (тянь цы) было положено еще при династии Лян (500—557). Известно, что многие выдающиеся поэты Танского периода не без успеха пробовали свои силы в этом жанре, приобретавшем в то время все большую популярность. Среди многочисленных имен достаточно назвать здесь лишь наиболее известные — Ли Бо, Бо Цзюй-и, Ван Цзяня, Дай Шу-луня, Вэй Ин-у, Вэнь Тин-юня и др.

Первое собрание песенно-поэтических произведений жанра цы появилось под названием «Хуацзянь» — «Среди цветов» (X в.). Сюда вошли пятьсот произведений восемнадцати поэтов, из которых шестьдесят шесть написаны выдающимся художником слова Вэнь Тин-юнем.

Собранные в «Хуацзянь» поэтические произведения написаны в изысканной манере, которая культивировалась в то время и считалась высшим достижением словесного искусства. Однако ни утонченность языка и формы, ни стилизация не способны были восполнить отсутствие в них глубины мысли и подлинной поэтической проникновенности. Их содержание ограничивалось в основном описанием увеселительных занятий высших слоев общества, придворных пиршеств, роскошных одежд.

Песенно-поэтическая поэзия жанра цы получила свое развитие в Сунскую эпоху (X—XIII вв.), время объединения всего Китая после междоусобиц и феодальной раздробленности периода «Пяти династий и десяти царств». Умиротворение в стране способствовало быстрому развитию материального производства, научных знаний, духовной жизни. Но Сунская эпоха — это не только стремительное возвышение к процветанию и могуществу. Это также время суровых для народа, трагических испытаний, жестокого крушения и заката империи.

Сунская эпоха вошла в историю Китая, помимо всего, благодаря трем великим открытиям: книгопечатания с разборным шрифтом, компаса и пороха. Именно к этому периоду относится широкое распространение в стране печатных дворов и библиотек, развитие философской мысли, художественного творчества, искусств. Сунский фарфор и керамика навсегда остались недостижимыми образцами высшего мастерства и эстетического совершенства, небывалое развитие получили различные ремесла — знаменитые шелковые ткани, ювелирные изделия из золота, серебра, драгоценных камней, резные изделия из нефрита, слоновой кости, дерева. Огромны успехи Сунской эпохи в искусстве, особенно монохромной живописи и каллиграфии.

Поэзии жанра цы принадлежит важнейшее место в китайской истории словесного искусства: цы вместе с уставными стихами жанра ши представляют главный поток в развитии поэтического творчества в Китае, классическую его основу. Создание произведений жанра цы относится приблизительно к VIII в., ознаменовавшемуся поисками нового стиля, нового движения в истории искусства слова.

Цы рассматривается как жанр письменной поэзии, который, вне всякого сомнения, берет свое начало в фольклорном творчестве и теснейшим образом с ним взаимосвязан. Характерно, что на протяжении первых столетий со времени своего возникновения произведения цы составляли главным образом репертуар народных певцов, исполнявшийся под аккомпанемент простых музыкальных инструментов в примитивных театрах, трактирах, на площадях. Демократическая природа поэзии цы, восходящей к народной песне с ее живым и образным языком, способствовала широкому распространению ее

произведений в духовной жизни страны. Благодаря щедрому народному источнику, из которого черпали творцы песенно-поэтических произведений, и традициям, которые быстро обогащались и множились, жанр цы со временем начал приобретать ведущее положение в искусстве слова в Китае.

Показательно также, что жанр цы со временем получил распространение и приобрел успех в китайском театральном искусстве, органически вошел в драматические произведения. На его основе возникла своеобразная разновидность — жанр цюй, который переводится обычно как ария, мелодия, напев. Это отнюдь не искусственная песенно-поэтическая форма. Произведения цюй создавались в целом по тем же законам, что и цы, но с большей свободой рифмовки, размера строки, тональности. Состав звуков, мелодика цюй имеют непосредственное изобразительное значение. Напомним, что театральное искусство Китая в своих истоках неразрывно связано с народными песнями и плясками. Так, в «Шицзине» содержатся свидетельства существования в Китае в начале II тысячелетия до н. э. обрядовых песенно-плясовых представлений, совершавшихся при исполнении храмовых ритуалов и жертвоприношениях.

Наивысшего своего расцвета жанр цы достиг в творчестве знаменитых поэтов Сунского периода: Ли Юя (937—978), Лю Юна (ок. 1050 г.), Су Ши (1037—1101), Ли Цин-чжао (1084—1151), Лу Ю (1125—1210), Синь Ци-ци (1142—1207), Оуян Сю (1001—1060). Их произведения в жанре цы, получившие известность как сунцы (сунские цы), приобрели широчайшую популярность, превзойдя все другие виды словесного искусства в эпоху Сун. Поэзия жанра цы от простых фольклорных песен возвысилась к словесному искусству большого гражданского звучания, отразив всю противоречивость и многосложность эпохи «великих потрясений» с ее социальными конфликтами и нескончаемыми нашествиями кочевых племен.

Искусство авторов жанра цы состояло в создании новых творческих приемов и принципов построения этих приемов. И форма, которая явилась прообразом лирики сунских цы, — самая непосредственная, напевная, мелодическая народная песня. Выдающиеся поэты жанра цы Сунской эпохи мастерски сочетали традицию поэтического искусства со своим индивидуальным творчеством, личным опытом и художественным призванием.

И хотя авторы сунских цы нередко обращались к традиционным, быть может, порой и к стертým словесным образам, все же в них они находили сохранившуюся старую эмоциональность, насыщенную чувством интонацию, своеобразную форму внутреннего восприятия. В традиции они ценили то, что поэтическое слово для поэтов старины было не внешним обрамлением, не оболочкой, но неотъемлемой плотью смысла.

Сфера действия законов художественного творчества, которым следовали в образном постижении жизни древние авторы, отнюдь не ограничивается древним миром. Сущность их остается, при всем многообразии общемировой литературы, плодотворной и основательной, потому что истинным содержанием искусства, по этим законам, была и остается жизнь, живая действительность, которая, пользуясь выражением Н. Г. Чернышевского, «должна служить материалом и образцом для художника».

Поэзия, по мысли поэта, не только мышление образами, но и пластикой, ибо пластика слова включает в себя не одни лишь метафоры, но и музыку, и богатство интонаций, расщепленных от метафор, и тонкость эпитетов, и т. п. Основной же закон пластики, в том числе пластики мышления, — это, конечно, непринужденность.

Слово «цы» переводится на русский язык различно: строфы, стансы, ария, романс. Но ни одно из этих понятий не передает точного значения и своеобразия рассматриваемого поэтического жанра. Сунские цы трудно уложить в прокрустово ложе разработанных литературных жанров. Поэтому нами сохраняется термин «цы» в его оригинальном звучании.

Стихотворения жанра цы отличаются строгой ритмизацией, то есть чередованием музыкальных ударений, пин — ровных и цзэ — неровных тонов. Длина строки цы бывает различной: от двух до четырнадцати слогов. Неодинаков и размер всего произведения от миниатюрного до крупного.

В поэзии цы рифмуется каждая строка, хотя рифма эта довольно свободная. Здесь в отличие от других жанров, в частности жанра ши, возможно согласование окончаний, падающих на неровный тон цзэ, допускается также рифмование неровных и ровных тонов, возможны и другие отступления от академической строгости, свойственной, например, стихам ши, где слова с неровным тоном рифмуются, скорее, как исклечение, а не как правило.

Поэтический жанр цы в значительной степени был связан с музыкой, зависел от нее, благодаря музыке достиг расцвета. В основе каждого стихотворения цы лежала определенная мелодия, название которой в то же время служило обычно и названием данного произведения. Мелодия требовала как установленного числа строк в стихе, так и его размера. Это означало, что состав и рисунок строк, а также число слогов в

стихотворении, созданном на избранную мелодию, оставались постоянными, одинаковыми.

Относительно свободная песенная форма стихотворений цы позволяла музыкантам и поэтам создавать произведения широкого диапазона, в которых находили свое выражение самые различные человеческие чувства и переживания.

Для мелодики жанра цы, относящегося к музыкально-поэтическому виду искусства, характерна своеобразная интонационная система напевного стиха, основывающаяся на модулировании голосовой тональности, на изменении высоты звучания, чередовании коротких и длинных слогов. Особенность жанра и в том, что мелодика цы сочетает в себе два различных начала — стихотворное и музыкальное. Иными словами, здесь выступают, с одной стороны, речевые тоны с их собственной звуковой нюансировкой, а с другой — музыкальная тональность, обладающая своей строгой организацией.

Специфика поэзии жанра цы в известной степени определяется и особенностями китайского языка, своеобразием иероглифической письменности.

Ранние цы представляли собой небольшие стихотворения, преимущественно очень простого содержания. Они обычно создавались по-определенному образцу, на соответствующий мотив популярной песни. В процессе дальнейшего развития жанра особенности его не претерпели существенных изменений. Музыкальное начало продолжало играть весьма существенную роль. Мотивом, или мелодией, на которую создавались строки цы, обуславливалась поэтическая структура произведения: размер цы, число строк, их чередование, количество слов — иероглифических знаков в строке, просодия, характер запева, или зачина, рефрены, все другие специфические черты жанра. Избранному образцу мелодии, таким образом, подчинялись все поэтические тексты, независимо от числа различных версификаций на один и тот же мотив. И чем популярнее оказывалась мелодия, тем большее количество поэтов откликалось на нее своими стихами. Объясняется это, быть может, тем, что чистые элементы музыки, или мелодии, воспринимаются нами не обязательно в органическом соединении с предметным содержанием. Поэтому мы не усматриваем противоречия в том, что на некоторые мелодии писались десятки и сотни поэтических текстов. Разными авторами, в разное время, но большинство текстов и имен их авторов история нам не сохранила. Мы имеем в виду не аналитические размышления о содержании, а песенные мотивы. И смысл строк в созданных на одну мелодию произведений связывается не столько по значению, сколько мелодически: звуковыми совпадениями, ритмическими повторами и т. п. Ритм и темп стихотворной речи жанра цы есть реализация звуковых возможностей слова. Это означает, что всякое изменение ритма или темпа представляет собой определенную часть интонационного движения, составной фактор, связанный с системой пауз, длиной строки, мелодики.

Любопытно в этой связи наблюдение и совет, содержащиеся в четверостишии Расула Гамзатова:

«Пандур играет то сильней, то тише,
Но не спеши с суждением, погоди.

Покуда слов ее ты не услышал,
О песне торопливо не суди»⁸.

Не располагает наука и точными данными о самих мелодиях, на которые писались цы. Об этом в китайских литературных источниках содержатся неполные и, пожалуй, не очень достоверные сведения. В них упоминается о существовании свыше шестисот пятидесяти основных мелодий. Количество их, несомненно, должно умножиться, если при этом учесть наличие различных вариантов и разновидностей, возникавших от основных мелодий.

Многовековая Лета поглотила массу исторических и литературных материалов, и поэтому многое представляется недостаточно ясным. Особенно затруднительно восстановить подробности обстановки, в которой происходил процесс возникновения и формирования исследуемого поэтического жанра цы.

Песенно-поэтический жанр цы — это не только в своем роде образное воплощение нравственных убеждений, принципов, этики. Это собственно художественный мир. И, разумеется, вряд ли можно себе представить поэзию авторов сунских цы без личностного их содержания, без воплощения этического отношения или позиции поэта к социальным и моральным явлениям современной ему жизни.

Примечательно в этой связи стихотворение Сянь Ци-ци «Пишу в Праздник середины осени в Цзянькане...», созданное на мотив народной песни:

«...Если б с ветром вспорхнуть,
И на тысячи ли
Оторваться я мог от земли,
И, свершая свой путь,
Мог на горы взглянуть
И на реки в безбрежной дали;

Если б мог я срубить
На луле гуйхуа
С беззаботно звенящей листвой,
Чтобы радостно люди
Воскликнуть могли:
«Как светло нам теперь под луной!»⁹

⁸ Расул Гамзатов. Стихи и поэмы. М., 1974, стр. 455.

Поэт, движимый стремлением сделать добро, исполнен решимости срубить дерево гуйхуа, тень которого символизирует темные силы в современном ему обществе, и тем самым принести пользу своему народу, облегчить его тяготы.

Своими художественными приемами решается нравственная проблема крупнейшей китайской поэтессой Ли Цин-чжао в стихотворении «Расплавленное золото заката», написанном на мелодию «Юнъюэлэ»:

«Дымятся ветки опущенной ивы, И звуки флейты грустные слышны. Поэт она про увяданье сливы — О, таинства извечные весны! Друзья по песням и вину гурьбою	Пришли за мной. Коляска ждет давно. Хочу я быть Наедине с собою, Мне не нужны Ни песни, ни вино» ⁹ .
---	---

Строки эти — этическая позиция автора в отношении праздных и бездумных увлечений. В них скрытый протест и презрение к тем, кто не помнит о патриотическом долге перед отечеством, над которым нависла угроза порабощения.

В поэзии цы, как нами отмечалось, сплетены слова и музыка. Но смысл настоящей песни определяется содержанием, заключенным в словах. Песня сохраняет свое значение и без музыки. Благодаря смыслу слов она живет как поэзия. Однако взаимосвязь музыкального и поэтического начал, выразительная сущность мелодии и ритма — сферы особого интереса и научного исследования.

Музыка сунских цы, несомненно, помогала запоминать слова, лучше постигать смысл, содержание, значение стихотворения. Музыкальность стиха цы, в сущности, никогда не умирала. Она сохранилась до наших дней, хотя утраченной оказалась сама мелодия, на которую было написано стихотворение.

Сложность отношений музыкальных и поэтических ритмов в произведениях песенной поэзии всегда представляла одну из трудных проблем для исследователя. В древнекитайской теории поэтического и музыкального начала разделить практически невозможно. Вопрос здесь — в неразработанности самой методологии. Древнекитайские лирические стихи пелись, а гимны, оды и другие поэтические произведения исполнялись по музыке и аккомпанемент различных инструментов.

В этом отношении характерны высказывания древних китайцев. Так, основоположник китайской историографии Сыма Цянь в своем труде «Шицзи» («Исторические записки») отмечал: «Конфуций говорит: все классические тексты сводятся в отношении управления людьми к одному. Учение о чинном и неуклонно сосредоточенном поведении ведет к обузданию человека. Канон высшей музыки («Юэцзин») имеет целью вызвать в человеке ощущение гармонии. Древняя книга исторических повествований («Шуцзин») умеет руководить человеческими поступками. Античная поэзия («Шицзин») просветляет человека мысли. Классический канон космических метаморфоз («Ицзин») говорит о сверхъестественном претворении мирских форм»¹¹.

В основе музыки заложен ритм движения света и теней (иньян), морского прибоя, шума ветра, океанского шторма. Музыка возникает из глубин мировой гармонии. Звуки природы как бы наделены волновой характеристикой. Примечательно, например, что природа в песенно-поэтических произведениях «Шицзина» словно бы пронизана музыкальным началом, выглядит и звучит выразительно. Пейзажные строки народных этих творений несут лиризм и мелодическое обаяние. Можно говорить о том, что песенные строки «Шицзина» оказались способными вместить в себя ушедший мир китайской древности. В них и горькие струны, и лирическая напевность, и печальные нити душевных тревог, разлуки, одиночества. Каждый народный певец, безыменный автор творений «Шицзина», интуитивно или бессознательно наделая свое произведение ритмом, который как бы отразил ритм его дыхания, внутреннюю жизнь, сокровенные его чувства.

«В прозе словесная форма, — считал Б. Томашевский, — не является в такой степени осязаемой материальной сущностью искусства, как в поэзии. В поэзии же осязаема самая плоть слова, и она-то и служит материалом искусства»¹². И тем не менее даже китайскую прозу ритм словно бы возводит в степень художественности. Ритм здесь — существенный элемент формы и стиля произведения. В ритме обнаруживаются своеобразные средства выражения и раскрытия идей, эстетических ощущений. Ритмическая структура прозы, особенно художественной прозы (вэньчжан), с ее нарастаниями звучания и нисходящей тональностью, чередованием закономерностей смягчения и напряженности известных состояний близка по своей природе композиции музыкального произведения. В этом смысле можно обнаружить определенную взаимосвязь между

⁹ Спнь Цп-цзи. Стихи. Переводы с китайского М. Басманова. М., 1961, стр. 22.

¹⁰ Ли Цин-чжао. Строфы из граненой яшмы. Перевод с китайского М. Басманова. М., 1974, стр. 79.

¹¹ Сыма Цянь. Шицзи, гл. 126.

¹² Б. В. Томашевский. Стих и язык. Филологические очерки. М. — Л., 1959.

ритмической структурой художественной прозы и музыкальностью поэтических произведений «Шицзинна».

Ритмом обладает не только китайская художественная проза, но также проза в широком значении. Лучшие образцы сочинений древних летописцев в свою очередь раскрывают нам присущий им ритм, который проявляется уже в предельной экономичности слов-нероглифов, в лапидарности, в способности передачи информации непосредственно в подсознание читателя, воздействуя на него эмоционально.

Разумеется, стихотворная речь в произведениях жанра цы обладает своей природой и характеристикой, отличной от речи вокальной, прозаической, разговорной. В понятии звуковой структуры стиха скрещиваются фонетические, ритмические и интонационно-синтаксические отношения. Звуковое качество песенного стиха цы проявляется в произнесении, при котором несоблюдение пауз, неверно воспроизведенная интонация, неправильный темп искажают звуковые явления стиха. Поэтическая, стихотворная речь — явление звучащее. Это особенно существенно при исследовании поэзии «Шицзинна», «Юэфу», «Сунцы». Помимо всего, письменная, нероглифическая форма языка не передает многообразия звуковых оттенков, мелодики, благозвучия.

Со временем, однако, многообразные и многочисленные некогда мелодии цы стали постепенно утрачиваться. И чем более жанр этот отдалялся от своих первоисточков, тем слабее становилась связь стихов цы с музыкальными мелодиями. Популярнейшие в свое время мотивы, на которые писались ранние цы, все чаще предавались забвению, а затем и вовсе были утеряны. Сохранить мелодии оказалось трудно. Слишком многие ветры пронесли над крышами китайских очагов.

До нашего времени, согласно литературным источникам, дошло лишь несколько цы поэта и композитора Цзян Куя (XII—XIII вв.) с частично сохранившейся нотной записью. Со временем цы уже не пелись, не сопровождалась музыкой, а декламировались и читались как обычные стихотворения. Подобное явление наблюдалось и с песенной поэзией жанра ши, собранной, например, в «Шицзинне». Из дошедших до нас трехсот произведений этого памятника не сохранилась ни одна мелодия.

Характерно, что в подавляющем своем большинстве произведения цы не имеют своего названия. Как правило, название мелодии, на которую они создаются, и становится их заголовком (например, «Пусамань», «Хао шицзинь», «Хуаньшиша», «Жумэнлин» и т. д.). Но многие названия утрачены, и стихи не имеют никаких обозначений. Лишь немногие названия мелодии цы все еще встречаются в примечаниях к стихам. Так, ряд произведений Су Ши, написанных в жанре цы, имеет следующие обозначения мелодий: «Песнь разлуки», «Хорошее рядом», «Бабочка прильнула к цветку», «Песнь пещерного духа», «Словно сон», «Гадание», «Встреча с духом реки Сян», «Скитаясь, нахожу утеху в вине», «Прекрасная Нянь-ну» и т. п.

Но глубокая взаимосвязь жанра цы, который развивался как романс, как стихотворчество свободного размера для определенной мелодии, с музыкой ощущается и теперь. По слову поэта, при чтении цы невольно напрягается слух, словно бы улавливается звучание далекой мелодии, доносящейся до нас эхом через лабиринт эпох и преграды расстояний.

Решение вопроса о том, как обращение к музыкальному ритму в цы соотносится с ритмом поэтическим, насколько нерасторжимо здесь двуединство, весьма затруднено. Упрощенность в анализе звуковой стороны китайского стиха обычно только тем и оправдывается, что позволяет связывать с традициями нормативной метрики в европейском литературоведении. Но это неизбежно ведет к тому, что конкретный поэтический материал стремятся соотносить с априорными и абсолютизированными метрическими нормами без учета исторического аспекта представлений о метре в китайской поэзии. Известно, что структуралисты и неоформисты, осовременивая нормативную метрику, игнорируют национальную основу стихосложения, стирают национальную специфику и самобытность стихотворной речи, произвольно соотносят ритмические и смысловые элементы, отрывая феномены от интонационного строя стиха, интонационную структуру от семантики.

К вопросу о соотношении ритма поэтического и музыкального присоединяется еще и фактор мыслевыражения, которое строится в цы не на однозначности каждого входящего в текст слова. В поэтической речи, в сущности, всякое слово отнюдь не всегда выступает в однозначном своем смысле. Помимо того, что слово выступает в значении согласно его естественному смыслу, оно способно приобретать необычные и неожиданные оттенки, нюансы, окраску; непредсказуемые смысловые грани, едва уловимые интонации, возникающие в зависимости от своего местоположения во фразе, от соседних слов, от самого текста, от ритмической и музыкальной структуры. Все эти особенности жанра привлекали внимание китайских исследователей разных эпох. Известна наиболее ранняя работа о вокальном искусстве, принадлежащая поэту и музыканту Чжан Яню (XIII—XIV вв.), — «Цы юань» («Источники цы»), где рассмат-

риваются различные стороны теории песенного творчества и вокального искусства на основе песенной поэзии цы.

Самой природе китайской поэзии во всем жанровом ее многообразии присуще высокое искусство словоупотребления. С этим органически взаимосвязано и стилевое богатство китайского поэтического творчества. Отсюда происходит своеобразность роли и функции слова в поэтическом контексте: в смысловом плане то же самое слово — иероглифический знак могут быть восприняты различно, прочтены или расшифрованы неодинаково, если рассматривать их не изолированно, не в отдельности, но в общей тональности, во всей поэтической структуре и стилевом своеобразии, в авторском идейном и образном замысле.

Явления подобного характера свойственны, разумеется, не только китайской поэзии и художественной речи. Предметом особого внимания ученых и литераторов они были при исследовании различных языков. Так, Карамзин в статье «О богатстве языка» (1795) указывал: «Истинное богатство языка состоит не во множестве звуков, не во множестве слов, но в числе мыслей, выражаемых оным. Богатый язык тот, в котором вы найдете слова не только для означения главных идей, но и для изъяснения их различий, их оттенков, большей или меньшей силы, простоты и сложности. Иначе он беден; беден со всеми миллионами слов своих».

Не менее примечательные наблюдения были высказаны Карамзиным в его «Речи, произнесенной в торжественном собрании Императорской Российской академии» (1818). Он, в частности, отметил следующее: «Слова не изобретаются академиями: они рождаются вместе с мыслями или в употреблении языка, или в произведениях таланта, как счастливое вдохновение. Сии новые, мыслью одушевленные слова входят в язык самовластно, украшают, обогащают его, без всякого ученого законодательства с нашей стороны: мы не даем, а принимаем их. Самые правила языка не изобретаются, а в нем уже существуют: надобно только открыть или показать оные».

Из народного устного творчества в песенно-поэтический жанр пришло то существенное, что характеризует творчество ведущих творцов сунских цы: ощущение слова, способность находить и вбирать в себя точные и яркие слова из языковой фольклорной стихии. И потому мы встречаемся здесь с подлинным волшебством языка и стиля. Истина в том, что проблема языка — всегда проблема мастерства. Есть язык — есть художник. Нет языка — нет художника. И не может его быть. Особенно это относится к авторам жанра цы.

Слова в поэтической связи, в песенно-поэтическом контексте цы выражают больше, чем они значат, будучи взяты отдельно. Можно утверждать, в частности, что одной из существенных причин эмотивного богатства поэтической речи является социальный контекст, ее породивший и обеспечивающий ассоциации и нюансы, соответствующие авторскому заданию, творческой его устремленности. Иными словами, язык и образы сунских цы порождены материальной и духовной связью с общественной жизнью, с природой, опосредованы внутренним человеческим чувством, высветлены зрением и разумом. Здесь мы видим органическое сплавление мира человека и мира природы, создающих нерасторжимую взаимную связь. Потому при чтении сунских цы мы каждый раз непременно обнаруживаем для себя нечто новое и ценное. И в области постижения жизни народа, духовных его интересов и стремлений. И в области понимания тайн искусства слова.

«Стиховое построение, — считает, например, М. Гиршман, — само предстает как материализованное, опредмеченное содержание и обладает специфической значимостью и смысло-выразительными функциями»¹³. Но существование мысли возможно лишь в выраженной форме. Слово есть мысль, но слово обладает многообразными особенностями — смысловыми, звуковыми, световыми оттенками и окраской. Слово способно вобрать в себя все напряжение и энергию наших чувств. Однако слово всегда должно иметь форму, которая играет важнейшую роль в песенно-поэтических произведениях цы.

Именно в народной речи, в фольклорном творчестве слова шлифуются и приобретают свою форму. Здесь ограничивается, оттачивается и получает оттенок каждое слово, каждая фраза, каждая строка. Нет другого более строгого отбора и отсеивания. Относится это в особенности к песенному жанру: именно благодаря фольклорной основе сунские цы прошли через столетия и миллионы человеческих уст, сохранив свою привлекательность и эстетическую неповторимость, несмотря на то, что в них есть слова не нынешние, а вечные, хотя и тронутые патиной времени. Выдающиеся мастера сунских цы — Су Ши, Ли Юй, Лу Ю, Ли Цин-чжао, Лю Юн, Синь Ци-цзи, Оуян Сю и многие другие, всех не перечислить. — черпавшие из сокровищницы фольклорного словесного искусства, глубоко понимали и высоко ценили богатства и очарование народной поэзии, естественную ее красоту и силу.

При исследовании стиховой структуры поэзии жанра цы обнаруживаются звуковые повторы, неоднократное повторение слова, а в записи — иероглифического знака.

¹³ М. Гиршман. Стих и смысл или стих как смысл? — «Вопросы литературы», 1971, № 6.

Поэтический этот прием, видимо, часто был в поле внимания творцов произведений цы, как и авторов песенной поэзии более древнего периода, например «Шинцзиня» и «Юэфу». Повторение слов, безусловно, является одним из способов усиления выразительности, интонационной и мелодической выразительности речи, или, как принято говорить, экспрессивной оценки информации. Повторение слов, создающее своеобразный звуковой курсив, есть также один из композиционных элементов стихотворной речи, песенной поэзии.

Именно с помощью повтора в стихотворении Ван Цзяна, написанном на мелодию «Дяо сяолин», подчеркивается интонация грусти, ощущение одиночества. Поэтический повтор применен во многих произведениях Синь Ци-цзи, написанных в жанре цы. В стихотворении «Пишу на стене по дороге в Бошань»¹⁴ встречаются такие строки:

«Вот растаял туман. На пшенице роса.	В небесах бирюза,
Пруд поодаль заброшенный прячется в	Все умыто дождем,
ивах.	В небесах бирюза...»
Все умыто дождем,	

Во второй строфе повтор приобретает иную фигуру: если в первом случае речь идет о характеристике явлений природы, то во втором — повествуется о состоянии чувств человека:

«Где-то, вторя друг другу, тиху и току	И печаль и тоску,
Протрубили сигнал к моему возвращенью,	Вызвав в сердце моем
Вызвав в сердце моем,	И печаль и тоску.»

Примечательно и то, что сам повтор применяется не в начале и не в конце, а в середине строфы. Закономерность эта наблюдается и в стихотворении Синь Ци-цзи «На рифмы письмоводителя Чэня из уезда Цяньшань»¹⁵.

Характерно, что авторы сунских цы в создаваемых ими произведениях неизменно обращали внимание на подробности и детали, которые часто играют значительно большую роль, чем просто деталь. В лучших песенных стихах жанра цы подробности — бытовой ли, пейзажной — придается особая цель и тем самым определяется ее значение в широком контексте. Здесь должна учитываться природа художественного образа с точки зрения его особых коммуникативных возможностей, содержательности и сущности доставляемого им эстетического удовлетворения. Творцы песенно-поэтических произведений хорошо понимали, что раскрытие окружающей реальности через образную деталь, умение добиться отражения мира словно в прозрачной капле — большое мастерство. При этом одного лишь мастерства здесь еще недостаточно. Но всякая деталь и подробность, не все, что случайно бросится в глаза, способно решить проблему. Нужен отбор именно такого впечатляющего события, которое действительно послужит более тонкому отображению и воссозданию окружающего нас мира.

Окончание в следующем номере.

¹⁴ Синь Ци-цзи. Стихи, стр. 78.

¹⁵ См. там же, стр. 93.

ВОСПОМИНАНИЯ

Из записок военного советника

*Г. Г. Семенов,
кандидат военных наук*

Г. Г. Семенов — генерал-лейтенант, участник Великой Отечественной войны, окончил Академию Генерального штаба Советской Армии. Осенью 1950 г. был послан в Китай в числе других военных специалистов, направленных туда для оказания интернационалистской помощи молодой Китайской Народной Республике в создании регулярной армии. Будучи советником начальника штаба Северо-китайского военного округа, Г. Г. Семенов более трех лет активно участвовал в реорганизации, перевооружении и обучении китайских войск. В марте 1954 г. возвратился на родину.

Мы публикуем отрывок из его воспоминаний, которые полностью будут выпущены Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука».

I

С победой новой власти и образованием КНР проблема подготовки военных кадров встала перед китайским командованием в полном объеме. Чтобы решить ее, надо было в срочном порядке создавать новые и расширять старые военные учебные заведения, а также перестраивать их программы в соответствии с новыми условиями. Однако для развертывания и укомплектования училищ и налаживания в них учебного процесса требовалось определенное время.

Из Советского Союза продолжали поступать по договору вооружение и боевая техника. Непрерывно шло формирование различных полков и дивизий. Не удивительно, что в тех условиях все должности в новых частях заполнялись пехотными офицерами, которых было достаточно, но они в большинстве своем не знали техники и не имели практики в ее использовании.

Вот почему наряду с перестройкой армии военное руководство налаживало подготовку и переподготовку командных и технических кадров для новых специальных родов войск. Уже в 1950 г. была создана Военная академия в Нанкине, куда с группой советников прибыл высокообразованный и опытный в вопросах подготовки военных кадров генерал-лейтенант Н. А. Веревкин-Рохальский. В округах образовались различные учебные центры; значительно расширилась сеть военных училищ. По общему плану, который разработал Генеральный штаб, военные учебные заведения должны были в течение трех лет обеспечить армию минимально необходимым количеством хорошо подготовленных молодых офицеров.

Но план планом, а в действительности нам, советским советникам, приходилось работать с тем офицерским составом, который уже имелся в округе. В абсолютном большинстве это были пехотные кадры, подразделявшиеся на общевойсковые, политические, технические и тыловые.

Из бесед с некоторыми командирами соединений и начальников политотделов inevitably вытекал вывод, что политико-моральное состояние офицерских кадров в округе в основном здоровое. Подавляющая часть офицеров была предана Коммунистической партии Китая и вполне понимала важность стоявших перед ними задач. Партийно-комсомольская прослойка среди командиров превышала 70%. Но наряду с таким, казалось бы, внешне благополучным положением офицерские кадры были все-таки засорены классово чуждыми элементами. А очищение армии от них проходило очень трудно.

Многие командиры служили в Народно-освободительной армии продолжительное время и имели боевой опыт. В вопросах же теории современной войны они не были подготовлены хотя бы элементарно, поскольку не получили соответствующего образования. Не на должном уровне находилась и общеобразовательная подготовка офицерских кадров. Среди младших офицеров процент неграмотных и малограмотных достигал 40.

Это, так сказать, общие показатели состояния офицерского корпуса Народно-освободительной армии, на основе которых формировались наши начальные представления о командных кадрах. Но время шло. Постепенно мы знакомились с характеристикой офицеров округа более подробно. Бывая регулярно в войсках, мы, кроме того, имели возможность наблюдать и непосредственно их службу, жизнь и быт. В разговорах и совместных занятиях облик офицеров — и внутренний, и внешний — раскрывался полнее.

Социальный состав командных кадров китайской армии, как, может быть, ничто другое, с особой наглядностью отражал действительное положение в стране. Преобладающее большинство офицеров было из крестьян и лишь единицы — из рабочих. Но значительная доля приходилась на выходцев из эксплуататорских классов. Например, в 1952 г. среди офицерских кадров Народно-освободительной армии из рабочих было только 2%, из батраков, бедняков и середняков — 67, из интеллигенции — 12, из помещиков, купцов и кулаков — 19%. Иными словами, представителей чуждых классов среди командного состава насчитывалось в десять раз больше, чем рабочих.

Прискорбнее всего было то, что в этом плане не были исключением и кадры политсостава. По данным политуправления, в числе политработников имелось до 10% выходцев из семей капиталистов, помещиков и кулаков. В последующем количество офицеров из нетрудовых элементов несколько сократилось, однако полностью решить эту задачу не удалось. Командование и политуправление округа вопросами улучшения социального состава кадров занимались весьма осторожно. Среди командного состава войск, курсантов и преподавателей военных училищ продолжали пребывать сынки помещиков, кулаков и торговцев. Они занимали должности гораздо выше, чем рабочие и крестьяне, потому что были образованнее их, продвигались по службе быстрее, чем они, все по той же причине.

Мы пытались обращать внимание окружных начальников на необходимость увеличить прием в училища детей рабочих и ограничивать поступление туда выходцев из нетрудовых слоев населения. Но положение почти не менялось. Как нам объяснили, рабочих в Китае было вообще мало и все они заняты трудом на фабриках и заводах.

Мы считали целесообразным, чтобы Главное управление кадров подготовило указания о порядке и принципе отбора курсантов в военные училища и переводе на второстепенную работу лиц, не внушающих политического доверия. Такие указания облегчили бы подготовку кадров из числа лиц, преданных своему правительству и дружелюбно настроенных к Советскому Союзу. Эти наши предложения прятались в сейфы. Такое скрытое противодействие более разумному отбору, подготовке и расстановке военных кадров тогда нам было непонятным.

Уже теперь, работая над этой книгой, я имел возможность познакомиться с некоторыми данными, свидетельствующими о неправильном отношении китайского руководства к рабочему классу и недооценке его. Мы понимали, что малочисленность рабочего класса в Китае являлась следствием низкого уровня экономического развития страны. К моменту образования КНР, то есть 1949 г., рабочий класс насчитывал около 3 млн. человек, что составляло менее 1% всего населения.

Влияние рабочего класса на крестьянство было в известной степени ограниченным в связи с удаленностью таких пролетарских центров, как Шанхай, Тяньцзинь, и других от главных сельскохозяйственных провинций и распыленностью пролетариата по мелким полукустарным предприятиям. И все же, несмотря на это, именно рабочий класс дал толчок развитию революционного движения в стране и играл важную роль в победе китайской революции.

Однако в КПК в начале 40-х гг. уже существовали взгляды на роль рабочего класса, не совместимые с марксизмом-ленинизмом. Эти взгляды навязывались Мао Цзэ-дуном, который считал, что в Китае наиболее революционным классом является крестьянство. Он не разделял взглядов на пролетариат как наиболее передовой, организованный и революционный класс в обществе. Мао Цзэ-дун утверждал, что революционные заслуги в проведении китайской демократической революции на 70% принадлежат крестьянам и только на 30% городскому населению.

По мнению Мао Цзэ-дуна, не выдерживавшему элементарной критики, показателем революционности класса являлось не положение, которое он занимал в общественном производстве, а его бедность и численность.

Следует к тому же отметить, что внедрение в коммунистическую партию в 40-х гг. этих ошибочных и вредных взглядов на роль рабочего класса в революции в какой-то мере облегчалось, во-первых, успехами революционных крестьянских масс и китайской Красной армии, состоявшей в основном из крестьянства, и, во-вторых, социальным составом самой КПК, являвшейся крестьянской партией, поскольку 80% ее членов были крестьянами и не более 3—4% — рабочими. Не удивительно поэтому, что в период освобождения страны руководство КПК главную свою опору видело не в рабочем классе, а в армии.

За годы восстановления народного хозяйства и выполнения планов первой пятилетки (1957) численность китайского рабочего класса возросла втрое и достигла 9 млн., а его доля во всем населении страны составила более 2%.

Недооценка роли рабочего класса сказывалась и на примиренческом отношении китайского руководства к той части командных кадров, которые представляли в армии пострадавшие от революции эксплуататорские классы, по своей социальной природе чуждые идеалам социализма.

Естественно, в тогдашних условиях основной объединяющей и решающей силой в армии могли быть партийные организации, в которые входила основная масса офицерского состава. Они подчинялись партийным комитетам, представлявшим главную политическую и административную власть в армии. Без обсуждения в парткоме и принятия там соответствующего решения командир не мог самостоятельно решать многие вопросы. Было немало примеров, когда уже отданный приказ командира обсуждался в парткоме, а затем отменялся. Правда, в партийные комитеты входили и командиры частей (соединений), но они не возглавляли их. В боевых условиях это создавало дополнительные трудности; порой несколько дней тратилось на обсуждение полученных приказов; командир нередко ссылался на партком и уходил от личной ответственности за порученный ему участок.

Партийных билетов у коммунистов не было, и мне не приходилось слышать, чтобы они платили партийные взносы. Каждый офицер-коммунист в своей автобиографии, хранившейся в отделе кадров, указывал, когда и где принят в партию, кто его поручители, а также сообщал о всех изменениях в фамилии и имени.

Но вернемся к рассмотрению парторганизации округа, которая являлась основной опорой командования и политорганов в деле поддержания боеспособности войск и обеспечения их высокого политико-морального состояния. В ее рядах по состоянию на 1 ноября 1952 г. насчитывалось несколько тысяч коммунистов и почти столько же комсомольцев. Таким образом, партийно-комсомольская прослойка составляла значительную долю численности всех войск округа.

Нужно отметить и следующее обстоятельство: коммунистами были в основном офицеры: из каждых трех двое состояли в партии. В округе, например, все должности, от командира батальона и выше, занимались коммунистами. Казалось, высокая партий-

ность среди офицерского состава должна была весьма положительно сказываться на обучении и воспитании личного состава, а также укреплении воинской дисциплины. Однако на деле это было далеко не так. Большое количество коммунистов из числа офицеров не только не укрепляло армию, но в известной степени ослабляло ее, потому что прием в партию происходил без строгого учета социального положения и поведения лиц, вступающих в нее. Нередко вместе с достойными людьми звания коммуниста удаивались и чуждые им по духу, поведению и отношению к службе.

Чтобы не быть голословным, приведу лишь одну цифру, объявленную на открытой партийной конференции округа: число коммунистов, писавших в биографиях, что они выходцы из помещиков, кулаков, торговцев и крупных чиновников, значительно превышало на 1 марта 1953 г. число членов партии из рабочих и батраков. Странно, но эта цифра наводила на мысль, что выходцы из нетрудовых элементов при приеме в КПК словно бы пользовались какими-то преимуществами по сравнению с представителями рабочих.

Могут спросить, как вели себя в армии эти явно чуждые ей люди? Все, связанное с понятиями «социальный», «демократия», возбуждало их озлобленность, порождало ехидные реплики, намеки. Некоторая часть военнослужащих этой категории проявляла моральную неустойчивость, дезертировала, занималась хищением казенного имущества и пьянством. Отдельные реакционно настроенные элементы оказывали активное сопротивление в проведении таких политических кампаний, как «сань фань», и наряду с устной контрреволюционной агитацией прибегали к оружию.

В офицерском корпусе округа в 1952 г. находилось 20% тех, кто прежде активно сражался в рядах гоминьдановской армии. Такое же положение наблюдалось среди офицерского состава всей Народно-освободительной армии Китая: здесь процент бывших гоминьдановцев превышал 23. В некоторых полках и дивизиях количество чуждых элементов было значительно больше. Мне не раз приходилось бывать в одной из армий, которая до самого 1949 г. воевала против НОА. Еще в 1948 г. она выполняла задачу всеми силами удерживать Тяньцзинь и Пекин. Возможно ли предположить, что бывшие гоминьдановцы, составлявшие большинство, так быстро «перековались» и приняли сторону режима, против которого они с отчаянностью сражались? В течение 1951 и 1952 гг. весь личный состав этой армии подвергся проверке. Специально созданные комиссии разоблачили значительное количество шпионов, бандитов, реакционеров и других преступников.

Однако далеко не многое изменилось, когда с результатами проверки ознакомилось высшее командование. Какую-то часть солдат уволили в запас, кое-кого посадили даже в тюрьму. А войсками в целом как командовал гоминьдановский генерал-лейтенант Дун Ци-у, так и продолжал командовать. Во главе одной из дивизий — в подчинении Дун Ци-У — стоял, как и раньше, тот же генерал-майор Фын Цзы, чьи боевые отличия в гоминьдане когда-то превозносились. Другую дивизию, соседнюю, возглавлял генерал, родившийся в семье крупного торговца.

Так было и в других гарнизонах и армиях. Несмотря на некоторые меры по очистке войск от чуждых офицерских кадров, число их почти не уменьшилось. В марте 1953 г. бывшие гоминьдановцы составляли 20% всех войск округа. Многие из них являлись теперь членами КПК и пользовались политическим доверием.

Не буду скрывать, нас, советников, коммунистов, в то время угнетала мысль: неужели всего этого не видят высшие командные и политические инстанции или, может быть, кто-то умышленно поддерживает эти элементы.

Немаловажным показателем для характеристики китайских офицерских кадров являлось и их образование. Известно, что деловые качества каждого офицера во многом зависят от его общего развития и военных знаний, полученных им по определенной системе. Знания помогают более успешно выполнять возложенные на него обязанности. Мы это хорошо знаем по своему собственному армейскому опыту.

Между тем самую большую тревогу вызывало слабое общее и особенно военное образование командных кадров НОА. Даже такие ответственные начальники, как командиры дивизий, прослужившие в армии много лет, обладали общими знаниями в

объеме начальной школы и умели читать и писать только простой, несложный текст.

О грамотности офицеров можно было полнее всего судить по данным 1951 г., с которыми нас познакомили работники политуправления округа. Тогда среди всего офицерского состава Народно-освободительной армии высшее образование имели только 2%, среднее — 8 и незаконченное среднее — 21%. Количество малограмотных офицеров составляло 29% и совершенно неграмотных — 13%. Наибольшее число малограмотных офицеров находилось во взводах, ротах и батальонах. Но и в полковом звене таких офицеров насчитывалось не менее 10%.

Обращение особого внимания в НОА в 1952 г. на повышение общеобразовательной подготовки было не случайным. Занятия проводились в обязательном порядке со всеми категориями военнослужащих. Для работников полкового звена создавались временные общеобразовательные школы в масштабе дивизий, куда они уезжали на весь год с освобождением от служебных обязанностей. Для дивизионных кадров такие школы появились непосредственно в армиях.

В итоге, прямо скажем, боевых усилий общеобразовательный уровень офицерского состава удалось в какой-то степени повысить. По оценке самих китайцев, положение с грамотностью офицеров к концу 1953 г. несколько улучшилось. Но поднять военную образованность оказалось труднее. По-прежнему наиболее подготовленными в военном отношении были бывшие гоминьдановские офицеры, которые использовались главным образом в качестве преподавателей в военных учебных заведениях. Например, в Нанкинской военной академии таких преподавателей было 70%, на центральных курсах усовершенствования командного состава — 60%. Некоторые из них, не скрываясь, проявляли недоброжелательное отношение к Советскому Союзу вообще и к советской военной науке в частности.

Однажды у меня состоялся обстоятельный разговор с одним из ответственных работников штаба округа. Он ознакомил меня с цифрами, которые со всей печальной наглядностью свидетельствовали о том, что подавляющее большинство командиров частей и подразделений, их заместителей и начальников штабов при очень низкой общей грамотности совершенно не имели военного образования. В то же время среди командиров рот и взводов уже ощущались первые результаты деятельности сравнительно недавно созданных военных учебных заведений. Среди них до 10% офицеров имело уже среднее военное образование.

Отношение к повышению грамотности изменялось как со стороны командования округа, так и самих офицеров. Командиры и политработники с желанием учились в общеобразовательных школах, а также на различных сборах и курсах. Но, надо сказать, результаты могли быть более значительными. Одной из причин отставания являлось то, что систематической командирской учебы в войсках не проводилось. Командиры полков и дивизий не любили проводить занятия по военной тематике со своими подчиненными и стремились поручать эту работу всевозможным помощникам. Высказывалось даже мнение, что для подобных целей необходимо иметь в штабах соединений и частей специальных преподавателей.

Теперь несколько слов о подборе и расстановке кадров. Вся работа в этой области велась на заседаниях партийного комитета. По вопросам подбора и расстановки кадров к советникам никто не обращался. Чувствовалось, что китайцы не хотят касаться этой темы.

Правда, мы имели возможность знакомиться в управлении кадров с личными делами командиров соединений и их заместителей, а затем, бывая в войсках, изучать их на практической работе и высказывать о них соответствующие мнения. Начальники управлений штаба не стеснялись делиться с советниками своими оценками тех или иных командиров, политработников, хозяйственников, но, словно имея чье-то указание, опытом нашей армии, традициями в кадровой политике подчеркнуто не интересовались.

Обратимся теперь к жизни китайских офицеров, условия которой определялись весьма скромным их обеспечением. Как известно, никаких воинских званий и знаков различия офицеры в ту пору не имели и по внешнему виду почти не выделялись из массы солдат и младших командиров. Однако для некоторой части командного и по-

литического состава в зависимости от служебного положения известная разница в обмундировании и питании все же допускалась. В связи с этим, например, весь офицерский состав сухопутных войск делился на три группы.

К первой, самой многочисленной группе относились взводные, ротные и батальонные офицеры, составлявшие 95% всего офицерского состава. Все они снабжались и обеспечивались наравне с рядовыми солдатами и никакими преимуществами не пользовались.

Вторая группа представляла полковые кадры, доля которых среди командного состава войск округа не превышала 3%. К ним относились командиры, комиссары полков, их заместители и все приравненные к ним по занимаемой должности. По сравнению с первой группой на них распространялись некоторые привилегии по части питания и обмундирования.

В третью группу входили дивизионные и армейские кадры офицеров. Численность их, как и офицеров второй группы, также была не велика, но преимущества резко отличались.

Обмундирование офицерскому составу выдавалось два раза в год: весной — по летнему плану и осенью — по зимнему.

Каждый офицер, отнесенный к первой группе, получал вещевое довольствие по солдатской норме. Осенью ему выдавались: ватная удлиненная куртка цвета хаки, ватные брюки и ватная шапка-ушанка, пара нательного белья, небольшое полотенце, две пары носков, три пары теплых матерчатых туфель, кеды, брезентовый пояс и теплое ватное одеяло.

Весной все военнослужащие, в том числе и офицеры, получали комплект летнего обмундирования, изготовленного из недорогой хлопчатобумажной ткани непрочного крашения, со сроком носки один год. Он состоял из куртки, брюк навыпуск и легкой фуражки. Кроме того, по летнему плану выдавались полотенце, две пары носков, три пары матерчатых черных тапочек и кеды. При переходе осенью на зимнюю форму летнее обмундирование не сдавалось на склад, а использовалось офицерами зимой в качестве нательного белья. Дополнительно к перечисленному офицер один раз в три года получал пару кожаных ботинок.

Командному составу второй и третьей групп, так же как и остальным, весной выдавался комплект обычного летнего обмундирования, а осенью, сроком на два-три года, — комплект зимнего обмундирования из шерстяной ткани более темного цвета хаки. Сюда входили китель, брюки навыпуск, пальто и фуражка, а для северных районов и меховая шапка-ушанка. В качестве обуви использовались желтые хромовые ботинки или полуботинки почти гражданской моды. Кроме того, начальники этих категорий имели возможность носить зимой купленные за свой счет в качестве дополнительного нательного белья теплые вязаные вещи из грубой шерсти.

На первый взгляд казалось, что китайский офицер, исходя из весьма ограниченных возможностей страны, обеспечивался неплохо. В действительности так оно и было. Однако одиноким офицерам, составлявшим большинство первой группы, приходилось хуже остальных.

Из постельных принадлежностей они, кроме одеяла, получали циновку и мешочек с песком вместо подушки. Никаких простыней и наволочек им не полагалось. Единственная пара белья и два маленьких полотенца, которые выдавались на весь год, не могли обеспечить своевременную стирку и смену их.

Другой, не менее трудной проблемой во всей армии считалась баня. В деревнях, где размещались войска, как правило, бань не было. Если летом можно еще использовать реки, пруды и озера, то зимой эта проблема осложнялась.

Некоторые учреждения и полки с постоянной дислокацией устранили в помещениях неглубокие цементные бассейны, в которых одновременно могли мыться значительные группы людей. В 1952 г. летом такой бассейн был построен и в штабе округа. Помню, как однажды утром пришла ко мне переводчица Катя и попросила посмотреть, как работает эта китайская «баня».

Я зашел с нею в помещение. Бассейн оказался просторным, 3 на 4 м. Правда, глу-

бина не более 1 м. Каждый день бассейн наполняли теплой водой, в которой строго по графику мылась одна смена, другая, третья. В таком порядке «баня» работала с утра до вечера. И работой ее все, кроме женщин, были довольны.

Женщины-воспитательницы попросили заведующего баней установить несколько приспособлений для душа, но он не стал их слушать.

— Помогите, Георгий Гаврилович, — попросила Катя, — мы вам все будем благодарны.

Пришлось идти к начальнику штаба, «переговоры» увенчались успехом: баня вскоре обогатилась и душем.

В другой раз я наблюдал в Шинзячжуане, как в одном из военных училищ, в таком же цементном бассейне, но только больших размеров, мылась сразу целая рота курсантов. В войсках и таких бассейнов не было.

Конечно, руководящий состав находился в более благоприятных бытовых условиях, но основная масса офицерских кадров жила, повторяю, так же, как солдаты.

Рассмотрим организацию питания офицеров в сухопутных войсках, которое осуществлялось также по группам. Офицеры первой группы кормились за «большим столом», второй — за «средним», а третьей — за «малым столом». При этом величина стола определялась количеством людей, сидящих за ним. Питание для всех военнослужащих в то время было бесплатное. Офицерские столовые повсюду обслуживались солдатами, и женщины для работы там не привлекались.

Продукты питания по принятой тогда системе подразделялись на основные и вспомогательные. К основным продуктам относились мука, крупа, мясо и жиры. Ими войска снабжались централизованно с государственных складов по талонам, которые выдавались финансовым управлением округа. Продовольственной службы в составе органов тыла армий и округов не существовало.

Мука и крупы в свою очередь делились на «мелкое» и «крупное зерно». К «мелкому зерну» причислялись рис и пшеничная мука; к «крупному зерну» — чумиза, гаолян, кукурузная крупа и мука. Обычно при снабжении этими продуктами для каждого «стола» устанавливалось определенное соотношение «крупного» и «мелкого зерна». Например, на «малый стол», где питались дивизионные, армейские и окружные офицеры, отпускалось 75 «мелкого» и 25% «крупного зерна»; на «средний», для полковых офицеров, — 50 «мелкого» и 50% «крупного», а на «большой стол», кормивший всех солдат, младших командиров, а также взводных, ротных и батальонных офицеров, отпускалось 25 «мелкого» и 75% «крупного зерна». Если учесть, что рис и пампушки из белой муки были любимым кушаньем китайцев, то станет ясно, как эта «арифметика» влияла на качество питания за каждым «столом».

Вспомогательные продукты, к которым относились овощи, соевые бобы, растительное масло, яйца, соль и другие, приобретались за наличный расчет на рынке или непосредственно у местных крестьян. Для обеспечения войск вспомогательными продуктами управление тыла округа по согласованию с местными органами власти определяло частям и соединениям конкретные районы закупок. В этих же районах заготавливались на зимнее хранение овощи в пределах четырехмесячной нормы.

На покупку вспомогательных продуктов финансовые органы отпускали для каждого «стола» различное количество денег, руководствуясь соотношением 1:2:3. С условием, что на первом месте находится «большой стол», на втором — «средний» и на третьем — «малый». Практически это означало, что на приобретение вспомогательных продуктов для питания одного человека за «большим столом» выдавалось (по деньгам того времени) 3500 юаней в день, на продукты для «среднего стола» — 7000 юаней и для «малого стола» — 10 500 юаней. Эта финансовая градация учитывала служебное положение руководящих кадров и предоставляла им определенные привилегии и по линии питания.

Но основной расчетной нормой являлся суточный рацион «большого стола». Он включал в себя следующие продукты: мука, рис и другие крупы — 750 г, мясо — 62, соевые бобы — 62, овощи — 250, масло растительное или животные жиры — 25 и соль — 20 г. Такие продукты, как рыба, сахар и чай для заварки, в рацион не входили

и к столу не подавались. Офицеры взводного, ротного и батальонного звеньев, а также младшие командиры и солдаты вместо чая пили кипяток или рисовый отвар, оставшийся после варки риса.

Большинство столовых офицерского состава располагалось в непригодных помещениях. Китайские начальники и врачи на такое положение обращали внимание и пытались как-то исправить его.

Вот, что пишет один из наших товарищей полковник Г. Л. Гринев о работе столовой на курсах усовершенствования командного состава в Шинзячжуане, где он продолжительное время был советником: «Столовая и весь пищеблок представляли собой огромный цех. Поваров и разного обслуживающего персонала толпилось там очень много, но порядка, бывало, не сыщешь днем с огнем. Все отвечали за все, и никто ни за что конкретно. Отсюда и запущенность санитарного состояния. А уж о белых халатах и поварских колпаках лучше и не заводить речи. Все сотрудники столовой целыми днями ходили у котлов в загрязненной военной одежде: летом — в легкой куртке, зимой — в ватнике.

Как-то начальник курсов усовершенствования Сун И сообщил мне, — продолжает Г. Л. Гринев, — что в столовой участились случаи отравления офицеров. Я посоветовал ему: во-первых, запретить туда вход посторонним; во-вторых, ввести ежедневное дежурство ответственных офицеров; в-третьих, усилить санитарный надзор и обеспечить белыми халатами и колпаками поваров и других работников кухни, и, в-четвертых, брать пробу готовой пищи врачом и дежурным по курсам.

Прошло около месяца, и при очередной встрече с Сун И я поинтересовался, как обстоят дела в столовой. Он улыбнулся и сказал: «Все ваши предложения, кроме снятия пробы, выполнены. А вот брать пробу первыми врач и дежурные категорически отказываются. Они сами остерегаются отравления. Поэтому нам пришлось приобрести кроликов и сначала приготовленную пищу давать им. Если кролики не гибнут, значит, пища пригодна к употреблению и ее можно выдавать».

Только после многократных бесед с врачом и другими ответственными работниками хозяйственного аппарата кроликов «освободили» от несвойственных им функций, а пробу пищи стали брать те, кому это положено.

Так обстояло дело с приготовлением пищи для офицеров в учебном заведении, где условия по сравнению с войсками были более стабильными и благоприятными. Непосредственно же в войсках положение бывало хуже.

Совсем немного о денежном довольствии. Впервые денежные оклады для всего личного состава Народно-освободительной армии были введены в 1953 г. До этого момента по всем видам довольствия существовало натуральное обеспечение. Юношу призывали из деревни в армию, там его одевали, кормили и к тому же немного учили. На таких условиях он готов был служить многие годы.

Денежное содержание, получаемое офицерским составом, ограничивалось мелкими личными потребностями. Размер этого содержания, весьма небольшой, устанавливался в соответствии со служебными категориями (рангами), которые присваивались командному составу, начиная с заместителя командира взвода.

На свое месячное жалованье офицер взводного или ротного звена мог приобрести лишь предметы личного туалета (зубную щетку, мыло, порошок, носовой платок, большое полотенце), пойти раз в неделю в кино, купить сигареты, простой карандаш, ученическую тетрадь и самое большое — накопить деньги на покупку авторучки. Не случайно почти все молодые офицеры лелеяли три мечты: иметь часы, авторучку и по выходным дням обедать на городских улицах в «ресторанах». Средний и старший командный состав получали денег больше, однако и для них размер денежного содержания ограничивался расходами личного порядка.

С введением в 1953 г. денежных окладов материальное обеспечение офицеров и их семей несколько изменилось. Теперь офицер одну часть своего жалованья возмещал за питание, а другую расходовал по своему усмотрению. Однако и этих денег хватало на немного. Например, экономя три-четыре месяца, офицер мог купить пару кожаных полуботинок или теплую шерстяную кофту. Вместе с тем надо отметить, что качество

офицерского питания не улучшилось и осталось таким же, каким было и до введения твердых окладов.

Для старшей группы командного состава месячные оклады устанавливались в размере 300—400 тыс. юаней и по сравнению с окладами в гражданских условиях, где учитель начальной школы получал 70 тыс. юаней, казались значительными.

Но, пожалуй, самым сложным и самым острым для офицеров Народно-освободительной армии Китая оставался семейный вопрос. На нем следует остановиться особо.

В ту пору в Китае существовал порядок, согласно которому многие офицеры не имели права жениться. К числу их в первую очередь относились взводные, ротные и частично батальонные кадры, представлявшие в общей сложности не менее 90% всего офицерского состава. Следовательно, из десяти офицеров, находившихся в округе, только один имел возможность обзавестись семьей.

Такое положение объяснялось тем, что офицеры в условиях натурального обеспечения не располагали никакими средствами для содержания семей. Но китайцы нашли выход и из этого затруднительного тупика. Они приняли решение: зачислять офицерские семьи (жен и детей) на полное государственное обеспечение по нормам, существовавшим в армии. Одновременно ограничивалось число офицеров, которым разрешалось иметь семью. При этом, как всегда, за основу был взят не возраст офицеров, а их служебное положение.

Короче говоря, семью могли иметь армейские, дивизионные и полковые офицеры а также командиры батальонов и им равные. Командирам рот и взводов, среди которых были люди и по 30—40 лет, такое право не предоставлялось. Естественно, что бесперспективность в личной жизни порождала нездоровые настроения у наиболее молодой части офицерского состава и нередко являлась одной из причин их дезертирства.

В Китае в то время никакой регистрации браков в органах государственной власти не велось. Молодежь свободно общалась между собой, влюблялась, как водится, и по-своему справляла свои свадьбы. В стране, где мужское население преобладало над женским, увидеть незамужнюю одинокую китайку — «старую деву», продолжавшую носить косу, было редкостью.

Для офицеров процедуру оформления брака ввели довольно строгую. Офицер, собиравшийся жениться и имевший на это право, должен был подать заявление в свой политотдел с просьбой разрешить ему вступить в брак с такой-то девушкой. При этом к заявлению жениха обязательно прикладывалась и подробная биография невесты. Работники политотдела изучали и обсуждали поступившие документы, а затем объявляли свое решение, которое, кстати сказать, не всегда бывало положительным. В таком случае жениху приходилось искать другую невесту. Сердечные чувства здесь не играли никакой роли. Приходилось считаться с установленным порядком, так как только при таком оформлении брака будущие дети могли быть взяты на государственное обеспечение.

Например, сам начальник штаба округа Ян Чэн-у рассказывал, как ему в молодости политотдел не разрешил жениться на киноактрисе, которая ему очень нравилась. Взамен той, которую он выбрал, ему порекомендовали другую девушку. По мнению работников политотдела, она в идейном отношении была более надежна. Он послушался их совета и женился. С его женой был знаком и я. Жили они дружно, имели детей, Ян Чэн-у не жалел, что так все сложилось.

Обычно офицеры брали себе в жены девушек из числа служивших в армии. Это были молодые грамотные китайки, призванные на военную службу для работы в штабах и политотделах, а также в различных тыловых учреждениях. Все они зимой и летом одевались в мужскую военную форму и по внешнему виду почти не отличались от солдат. Такие невесты в политотделах обычно не встречали возражений: их успели изучить и отметить необходимым доверием.

Однако выбор невесты на стороне, среди гражданской молодежи, тоже допускался. Но в таком случае она проверялась более тщательно, а затем зачислялась в армию и так же, как и все, передевалась в военную форму. Надо сказать, что на такое «заму-

жество» охотниц находилось не так уж много. Не случайно поэтому офицеры стремились решать эту проблему за счет «своих местных ресурсов».

Таким образом, все жены офицеров Народно-освободительной армии Китая пребывали в то время на военной службе. Они занимали определенную штатную должность, исполняли свои обязанности и на общих основаниях состояли на всех видах довольствия. Питались они, как правило, не с мужьями, а по своей должности. Например, командир полка обедал за «средним столом», а его жена, работавшая на должности младшего командира в этом же полку — за «большим столом». Вместе с тем жены офицеров, так же как и их мужья, могли продвигаться по службе. И нередко случалось, когда они занимали в учреждениях должности, приравненные к номенклатуре кадров полкового звена.

Но вернемся к молодой военной семье, которая недавно сыграла довольно скромную свадьбу. Как складывалась ее дальнейшая жизнь? Семейные офицеры небольшого ранга жили обычно в общежитиях отдельно от своих жен. Каждый день муж и жена были заняты своими служебными делами. Лишь один раз в неделю, по субботам, им разрешалось побыть вместе. Для таких семейных встреч в штабах и частях отводилось несколько комнат. И если по какой-либо причине не удавалось в субботу побыть вместе с семьей, выражали сожаление, а некоторые даже жаловались начальству на то, что они уже несколько суббот не видели жену.

Но вообще, как я уже писал в одной из глав, китайцы внешне отличались сдержанностью в проявлении чувств к женщине. По старинным традициям личная жизнь китайца проходила за сплошными стенами своего двора и своей фанзы. Наружные стены, выходящие на улицу, никаких окон не имели, и заглянуть к нему никто не мог.

И все же, несмотря на весьма стесненные и необычные условия, офицерские семьи не жаловались. Тем более государство помогло в содержании детей. Все они с момента рождения и до окончания средней школы находились на полном обеспечении. Их кормили, одевали и воспитывали без непосредственного участия родителей. Для этих целей в Народно-освободительной армии существовала целая система детских учреждений и заведений, которая полностью подчинялась политорганам. В полках и дивизиях функционировали ясли, сады и начальные школы. В армиях и военных округах имелись средние школы с интернатами, по окончании которых дети офицеров могли поступить в университет или другое высшее учебное заведение.

Во всех этих учреждениях за детьми, как правило, ухаживали жены офицеров, находившиеся на военной службе. Обычно мать после рождения ребенка некоторое время ухаживала за ним сама, а затем отдавала его в детские ясли на полное попечение воспитательниц. По достижении трех лет ребенка переводили в детский сад, где он воспитывался до поступления в начальную школу. Как правило, во всех этих заведениях дети находились постоянно. Родители жили отдельно от своих детей и виделись с ними редко. Им разрешалось брать их к себе только в выходные дни. Разные по возрасту братья и сестры содержались и воспитывались в различных местах и поэтому почти не знали друг друга.

Материальные условия, в которых находились дети военных, по сравнению с детьми остального населения были очень хорошие. Им, например, отпускались на питание деньги по нормам «малого стола». А это значило, что каждый ребенок независимо от его возраста получал для своей безбедной жизни такие же материальные блага, как и взрослый командир дивизии. Такие возможности позволяли военным приобретать на рынке самые питательные продукты и содержать детей своих в достатке.

Бывая в войсках, наши военные советники неоднократно заходили и в армейские детские учреждения. Местные товарищи сами обычно приглашали посмотреть, как живут и воспитываются у них дети. В детских садах, для которых были отведены бывшие дворцы помещиков или особняки иностранных капиталистов, малыши размещались просторно и содержались в чистоте. Все они выглядели здоровыми, веселыми. По сравнению с другими они и одевались неплохо. Для всех детей имелись кровати с постельными принадлежностями, соблюдался установленный распорядок дня и осуществлялся постоянный врачебный надзор.

Конечно, их жизнь нельзя было сравнить с жизнью, скажем, крестьянских ребят.

Начальные школы, где обучались дети военных, размещались, как правило, в небольших одноэтажных фанзах с кирпичным полом. Единственная дверь открывалась прямо на улицу. Никаких печей для отопления не полагалось. В зимнее время дети занимались, не снимая верхней ватной одежды. Около стола учителя на кирпичной стене с помощью черной масляной краски «рисовалась» небольшая классная доска.

Школьная фанза вмещала не более 30 учеников. До обеда с ними проводились классные занятия. После обеда они снова возвращались в школу и выполняли уроки также в присутствии учителя. Его небольшой стол, маленькие столики на двух учеников и такие же табуреточки для каждого из них составляли всю нехитрую обстановку. Здесь дети в течение трех-четырех лет учились писать и читать иероглифы, а также производить простейшие арифметические действия с небольшими числами.

После окончания начальной школы дети отдалялись от родителей еще дальше. Живя в интернате средней школы, они занимались там и получали возможность приехать к родным лишь на несколько дней во время каникул. Выходило так, что офицер, по существу, и в мирное время находился в разлуке с семьей — и с женой, и с детьми.

II

Говорят, время подобно птице. Не успеешь оглянуться — оно уже пролетело. В Пекине наше время пронеслось еще быстротнее: ведь планы, обязанности, возложенные на нас, заставляли сделать как можно больше полезного и заметного. Порой напряженно мирных будней напоминало фронттовую обстановку с ее боевой одухотворенностью и железным ритмом.

Выдался как-то у меня редкий день: ни телефонных звонков, ни людей. Неожиданно наступил отдых как награда за все эти короткие и длинные месяцы. Я перечитал написанное в дневнике, вспомнил уже сделанное — и мной, и моими товарищами — и почувствовал удовлетворение. Только за один месяц прочитано шесть лекций о современном военном искусстве; проведено показательное тактическое занятие. Несколько дней подряд я пробыл в штабе соединения, чтобы по просьбе китайских офицеров рассказать, как действует советский штаб такого же ранга. Расставались дружески, по всему было видно, эти дни отзовутся и в мыслях, и в черновой, повседневной практике.

Известно, что вся перестройка вооруженных сил Китая проходила при активном участии советских военных специалистов. В 1951 г. их насчитывалось здесь несколько сотен. В основном они находились при управлениях Генерального штаба, в военных округах, в штабах родов войск и служб, а также в военно-учебных заведениях. В армиях и дивизиях, за исключением авиации, советников не было.

Как я уже отмечал, Советский Союз направил в Народно-освободительную армию Китая действительно способных, хорошо знающих свое дело людей. Кроме того, все они имели богатый опыт Великой Отечественной войны, понимали, какими должны быть современные войска, как поставить их обучение. Советские военные специалисты подошли к своему долгу со всей ответственностью, показывали китайцам пример исключительной честности и добросовестности в работе. Посланцы Советских Вооруженных Сил оказывали китайскому командованию большую помощь в создании регулярной армии, формировании и подготовке специальных родов войск, в развертывании сети военно-учебных заведений, а также в разработке планов по обучению личного состава.

Наш небольшой коллектив, прикомандированный к Северо-китайскому военному округу, не составлял в этом отношении исключения. Все мы стремились как можно лучше выполнить свою задачу, оказать командованию реальную помощь. Однако трудностей в нашей работе было более чем достаточно. На первый взгляд казалось, что обязанности военного советника не такие уж сложные.

Естественно, условия, в которых обычно работал советник-инженер на строительстве какого-нибудь завода или другого объекта, отличались от условий, в которых приходилось трудиться военному советнику. Там, в народном хозяйстве, инженер знал, что он должен помочь китайцам воздвигнуть завод, электростанцию, мост и т. п. Он отчетливо представлял себе задание от начала до конца.

Другое дело — советник в военном округе. Его знания о перспективах весьма ограничены. И в то же время он должен быть готов принять участие в осуществлении еще неизвестных ему планов и решений. Любопытная деталь: большая часть учебников и пособий, переданных советским командованием, преспокойно лежала на складах, а мы с офицерами объяснялись на пальцах.

Взаимоотношения советников с руководящим составом округа постепенно налаживались, но китайцы, за редким исключением, продолжали проявлять к нам непонятную сдержанность, хотя друзей становилось все больше. Одни, особенно когда не оказывалось свидетелей, на многое, происходившее в стране и в армии, смотрели озабоченно, критически, другие старались в свободное время оказаться рядом, пригласить в гости, показать городские достопримечательности. А уж вопросов, полных теплоты, касающихся нашей советской жизни, бывало, не перечесть.

Примерно раз в месяц мы на неделю выезжали в войска. В таких случаях нас обязательно сопровождал кто-нибудь из руководящих работников штаба. Там, на месте, мы знакомились с действительным положением дела и тактично высказывали свои пожелания по устранению недостатков, главным образом в содержании техники, в организации боевой подготовки. Должен сказать, что в дни поездок наше время в полной мере использовалось китайцами. И это нас радовало.

Мы чувствовали, что наш стиль работы в войсках, наше стремление глубоко вникнуть в войсковую практику там же, в полку, оказать командиру конкретную помощь находили среди китайцев деятельных приверженцев. Тем более что многие руководящие работники округа, и, к сожалению, не только округа, с жизнью подчиненных им частей знакомились по докладным запискам или выступлениям соответствующих командиров и комиссаров на служебных совещаниях, длившихся неделями. При таком стиле руководства времени начальником расходовалось много, а дело не двигалось. Мы вежливо подсказывали, что с подобной традицией надо кончать.

Наш коллектив состоял из одиннадцати человек. Мы размещались недалеко от посольского квартала в бывшей немецкой гостинице, которая теперь называлась «Цзефан фанцзянь» («Освобождение»). И хотя до приезда в Китай мы не знали друг друга, здесь мы жили и трудились дружно и увлеченно.

Возглавлял нас генерал-лейтенант А. Д. Румянцев. В обращении с нами Александр Дмитриевич был сдержан, официален и даже немного резковат, отличался немногословием. По-видимому, в этом сказывалась его долголетняя работа в Главном управлении кадров, откуда он в 1943 г., накануне Курской битвы, направился на Центральный фронт командовать дивизией. Затем, в октябре 1944 г., А. Д. Румянцев принял корпус и в этой должности находился до 1948 г., то есть до отъезда на Высшие курсы при академии Генерального штаба.

Александр Дмитриевич родился в бедной семье в деревне Шунино Новгородской губернии 30 декабря 1899 г., за два дня до начала XX в. Нелегкое его детство прошло в Петербурге, куда он был отдан в ученики к портному. Естественно, учиться по-настоящему ему не довелось. Началась первая мировая война, а затем произошла Великая Октябрьская социалистическая революция, изменившая кардинально и жизнь и судьбу таких, как Румянцев. Советская власть раскрыла перед юношей все дороги к свету и знаниям. Александр Дмитриевич верил, что и китайская революция — боевой отголосок Великого Октября — также глубоко изменит биографию миллионов трудящихся Китая. Он радовался грядущим переменам, делал все от него и от нас зависящее, чтобы наступали они быстрее.

Много сделал для сколачивания нашего советнического коллектива полковник Михаил Ксенофонович Усачев — заместитель А. Д. Румянцева по политической части. Он отличался простотой в обращении с товарищами, для каждого находил доброе

слово, поддержку. Мы любили его за прямоту в суждениях, за политическую зрелость и активность. Его все заботило, он ко всему проявлял интерес, не жалел себя. «Лишь бы,— говорил он,— дело спорилось».

Жена Усачева Александра Ивановна осталась с меньшим сыном в Симферополе, а старшие дети, сын и дочь, учились в других городах. Письма домой Михаил Ксенофонович писал по-фронтовому — очень короткие, на одной странице. И всегда при этом шутил, что «хороша веревка длинная, а письмо короткое». Имея серьезную духовную закалку, он никогда не поддавался минорным настроениям. В этом отношении каждому из нас он служил примером и не случайно пользовался нашим общим уважением.

Некоторой противоположностью замполиту был наш танкист генерал В. В. Ажгибков, который отличался от всех нас слишком горячим характером. Он любил спорить, упорно отстаивал свою точку зрения и, как это нередко бывает с увлекающимися людьми, допускал излишнюю вспыльчивость. Василий Васильевич был замечательным товарищем и отличным знатоком своего дела. Достаточно сказать, что он несколько лет командовал танковым училищем. Несмотря на солидный возраст, генерал отличался исключительной активностью и подвижностью в работе. Эти качества были основным содержанием его характера. Для китайцев, у которых прежде совершенно не было танковых частей, такой человек, как генерал Ажгибков, являлся истинной находкой. Они внимательно прислушались к его советам и замечаниям, старались учитывать их.

Семья Ажгибкова жила в Москве. Вместе с матерью там остались взрослые дети — сын, учившийся в бронетанковой академии, и дочь — студентка института. Письма из дому Василий Васильевич всегда ждал с нетерпением, а получив, немедленно прочитывал и только тогда успокаивался, а спустя некоторое время делился их содержанием с товарищами.

Другой наш товарищ — полковник артиллерии Алексей Николаевич Пономарев. Еще в молодые годы он получил юридическое образование в Ленинграде, а затем был призван в армию и переквалифицировался в артиллериста. Всю Великую Отечественную войну он пробыл на фронте — дослужился до командующего артиллерией стрелкового корпуса. Спустя некоторое время его перевели в другой гарнизон, но послужить там почти не пришлось — направили в Китай. Наверное, в первую очередь учли его великолепное знание артиллерии и, разумеется, фронтовую закалку.

По своему характеру Алексей Николаевич был очень добрым, веселым и общительным человеком. Однако настроение его могло меняться быстро. И нередко на безоблачном небе вдруг неожиданно появлялись тучки, которые, впрочем, тоже не задерживались. Было Алексею Николаевичу 47 лет, но излишняя полнота старила его. Желая похудеть, Пономарев в течение недели всячески сдерживал себя в еде. Но в выходной день он позволял себе освободиться от ограничений. Во время обеда он со всей торжественностью и серьезностью объявлял: «Наношу удар по всему меню сразу!» В свободную минуту он мог как артист рассказывать о достоинствах русской кухни, о пирогах с вязигой, о маринованных грибочках и замечательной розоватой малосольной семге со селезёнкой, которая водится только в наших северных реках. Во время таких патристических бесед у слушателей загорались глаза и невольно появлялся аппетит.

Алексей Николаевич томился одиночеством и с нетерпением ждал писем от жены, которая с двумя малыми ребятами переехала в Подмоскowie и поселилась на частной квартире. Приветливость и добродушие Пономарева привлекали к нему товарищей и по вечерам в его комнате собирались все те, кто не хотел грустить в одиночку.

Советником по связи работал полковник А. С. Денисов, прибывший в Китай тоже в ноябре 1950 г. Родом он был с Украины; всю войну находился на фронте. По предложению А. Д. Румянцева мы избрали Афанасия Семеновича секретарем партийной организации. Денисов весьма аккуратно выполнял партийные обязанности. Скучноватый на вид Афанасий Семенович редко улыбался и, казалось, был всегда чем-то озабочен. По вечерам он уединялся в свою комнату и писал письма жене, которая вместе с сыном-старшеклассником жила в Таллине.

Совершенно другим по своему складу был никогда не унывавший полковник службы военных сообщений Петр Платонович Возный. В Китай он прибыл в ноябре 1950 г. из Киева. Свою специальность он знал отлично. Был активен и обладал исключительной энергией. Петр Платонович очень быстро вошел в деловые контакты с китайскими товарищами и наладил с ними хорошие взаимоотношения. Своей общительностью, оптимизмом и дружелюбием Петр Платонович украшал коллектив. Не лишен он был и чувства юмора. Иногда казалось, что прибыл он к нам из какого-то украинского театра, где идут такие народные оперы, как «Наталка-Полтавка» или «Запорожец за Дунаем».

Среди нас был советник, присланный в управление тыла, это Иван Васильевич Лузин. До командировки в Китай он работал старшим преподавателем академии. Имел достаточную войсковую практику, превосходно разбирался в своем деле. Однако служба тыла и ее возможности в китайской армии резко отличались от условий тыла в нашей армии. Естественно, полковник И. В. Лузин начал с тщательного ознакомления с организацией и состоянием новой для него области работы. Иван Васильевич отличался серьезностью и немногословием. К своим обязанностям относился весьма добросовестно. В его семье, проживавшей в городе Калинин, много и тяжело болели. Лузин молча переживал домашние невзгоды и почти никогда не говорил о них с нами. Однако все мы как могли старались поддерживать его.

Кроме советников, имелся у нас и обслуживающий аппарат, состоявший из трех человек: делопроизводителя, переводчика и машинистки. Делопроизводителем был назначен майор Муринов Алексей Иванович, прибывший к нам из города Коврова Владимирской области, где он работал в военкомате. На нем лежали обязанности по оформлению и пересылке всей той небольшой служебной переписки, которая осуществлялась нашим коллективом. Через него получали мы и личные письма.

Лейтенанту Владимиру Лопатову едва минуло 22 года, когда он после завершения учебы получил назначение переводчика в Китай. Познания его в китайском языке поначалу были не слишком обширными, но затем практика и личные способности позволили Володе расширить запас китайских слов и улучшить их произношение. Молодой офицер никогда не сидел сложа руки и всегда находил для себя полезное занятие. В свободное время он увлекался военными переводами, а также давал на общественных началах уроки русского языка китайским переводчикам, работавшим с нами. Родом Володя был из Пензы. Там жили его родители, и они вправе были гордиться таким сыном.

Нельзя не вспомнить добрым словом и нашу машинистку — москвичку Веру Лукину. Скромная и приветливая девушка, она была прекрасным работником — инициативным, заботливым и ответственным.

Надо сказать, что условия нашей жизни в Пекине были неплохими. Мы располагались на втором этаже благоустроенной гостиницы, где в каждом номере имелись современные удобства, вплоть до горячей воды. Все, кроме А. Д. Румянцева, занимали по одной комнате, обставленной весьма скромно. Кровать, письменный стол, два стула и шкаф составляли тот минимум мебели, которой предстояло довольствоваться нам в течение трех лет.

По утрам мужчины-уборщики наводили чистоту в наших номерах. Пылесос и такие немудреные приспособления, как веник или мокрая тряпка, они заменяли пучком петушиных перьев, привязанных к гибкой палочке, которыми довольно успешно перегоняли пыль с одного места на другое. Процедуру эту китайцы повторяли ежедневно, но избавиться нас от пыли в комнатах не могли.

По вечерам и рано утром некоторые из нас уходили на плоскую крышу гостиницы, служившую прежде для танцев и приема вечерних гостей. Теперь мы использовали ее для утренних и вечерних прогулок.

Наша небольшая столовая размещалась на первом этаже. В ней по договоренности с администрацией была введена система предварительных заказов. Но чтобы ее одинаково легко понимали и мы, и китайские официанты, все названия блюд в меню были закодированы, то есть обозначены цифрами. В результате заказ имел вид небольшой

телеграммки, которая поступала к повару. В конце месяца по этим телеграммкам каждому из нас представлялся счет для оплаты за питание.

Обычно в столовой готовили известные нам европейские блюда, но иногда, в выходные дни, предлагались изделия и настоящей китайской кухни.

Для служебных надобностей за нами закрепили несколько новых, главным образом американских, легковых автомобилей. Например, у генерала Румянцева был черный «студебекер», у меня с Усачевым — светлый «де-соте», у Пономарева с Лузиным — темно-синий «форд». Торговля американскими машинами шла беспрепятственно через Гонконг независимо от того, что в это же время шла война в Корее. Ничего не поделаешь, иногда интересы торговли не совпадали с интересами политики, так, вероятно, было и в этой точке земного шара. В целях безопасности, как говорили работники Госбезопасности, нас повсюду сопровождали охранники, вооруженные маузерами.

Рабочий день у нас начинался ровно в 9 час. утра. К указанному времени мы приезжали на машинах в штаб округа и уже отсюда отправлялись, согласно своим планам, в соответствующие управления.

Сравнительно незаметно проходила первая половина дня. В 13 час. мы одновременно уезжали в гостиницу на обед. В зимнее время, когда дни были короче, обеденный перерыв длился один час, а летом — два часа. После обеда, если из китайцев никто к нам не обращался, проводились партийные собрания или беседы на общеполитические темы. С особым, я бы сказал, трогательным вниманием относились мы ко всему, что сообщалось с Родины, будь это газета, переданная по радио новость или обычный рассказ товарища, вернувшегося из отпуска. Только тот, кто пережил разлуку с домом, поймет нас, поймет нашу жадность к любой, даже незначительной весточке.

Часто мы ездили в старинный парк Бэйхай, где по соседству с китайским Генеральным штабом размещался аппарат главного военного советника. Его возглавлял генерал-лейтенант Павел Михайлович Котов-Легоньков, являвшийся одновременно и военным атташе в посольстве Советского Союза в Китае. Почти всю Великую Отечественную войну Павел Михайлович воевал на юге нашей страны, занимая ответственные должности по оперативной работе в штабах фронтов. После освобождения Крыма, в мае 1944 г., он был назначен начальником Оперативного управления в штаб 2-го Белорусского фронта к маршалу К. К. Рокоссовскому — здесь и закончил войну. После победы над Германией П. М. Котов возглавлял некоторое время штаб Северной группы войск, а затем уже с Высших академических курсов получил направление в Китай.

Работы у генерала Котова было много, но он, отличаясь исключительной подвижностью и простотой в обращении с людьми, успевал каждого выслушать и принять личное участие даже в черновой работе, если время не терпело и требовало немедленных решений. К сожалению, среди помощников у него не было начальника штаба, поэтому все мелкие вопросы тоже решались им. Два офицера — майор А. А. Исаев и подполковник В. М. Короткий, временно прикомандированные из атташата, — занимались подготовкой текущей переписки. В апреле 1951 г. их сменил подполковник Н. А. Ушаков.

Генерал-лейтенанту П. М. Котову как главному военному советнику в Китае подчинялись старшие советники различных родов войск, военных округов и академий. Такими советниками были: в артиллерии — генерал-майор артиллерии М. А. Никольский, в бронетанковых войсках — генерал-майор танковых войск Г. Е. Черкасский, в противовоздушной обороне — генерал-майор артиллерии В. М. Добрянский, в военно-воздушных силах — Герой Советского Союза генерал-майор авиации С. Д. Прутков и в военно-морском флоте — контр-адмирал А. К. Кузьмин. Старшие советники были и по различным специальным службам. Но с ними нам не приходилось общаться и решать какие-либо вопросы.

Простота и доступность генерала Котова imponировала и китайцам. У него сложились неплохие деловые отношения с Не Жун-чжэнем, который в тот период уже исполнял обязанности начальника Генерального штаба Народно-освободительной армии. Для нас, советников округа, поездки к главному военному советнику были всегда полезны и давали ориентировку на будущее.

Незаметно рабочий день подходил к концу. Наступал вечер, когда острее чувствовалась разлука с Родиной. Письма из дому шли очень медленно — почти месяц. Установленный в ленинской комнате радиоприемник Москву не принимал — слишком далекое расстояние. Сказывалась и разница во времени, составлявшая целых пять часов. Когда в Москве шли вечерние передачи, здесь, в Пекине, стояла глубокая ночь. Московские газеты приходили тоже с опозданием, иногда за несколько дней сразу.

Изредка по вечерам мы заходили в посольский клуб, смотрели кинофильмы, слушали лекции. Но свое основное время мы отводили чтению книг в посольской библиотеке. В первую очередь нас интересовал Китай, книги по истории, культуре и жизни народов этой огромной страны.

Как-то попал мне в руки роман «Ураган», написанный китайским писателем Чжоу Ли-бо сразу же после капитуляции Японии. Книга эта, посвященная жизни китайской деревни, переводилась на русский язык и в 1951 г. издавалась в Москве. И хотя в художественном отношении она была не безупречна, я прочитал ее тогда с неослабным интересом.

Меня этот роман приблизил к китайской действительности. Он наглядно показал реальные, невыдуманные условия жизни крестьян, их быт, семейный уклад и взаимоотношения между собой. Мне казалось, что я тоже бывал в той деревне, в которой разыгрывались события, описанные Чжоу Ли-бо.

Часы нашего досуга в Пекине скрашивали не только походы в посольский клуб, знакомства с новыми книгами, но и в какой-то мере официальные развлечения, на которые нередко приглашались и мы. К ним можно было отнести различные приемы, приуроченные ко всевозможным событиям, встречи с московскими артистами и спортсменами, выступавшими тогда в Китае, а также посещение китайских театров и старинных императорских дворцов. Организаторами этих развлечений обычно были китайцы, которые в роли хозяев всегда приглашали много гостей. Они считали, что проводимые мероприятия по своим масштабам должны соответствовать размерам Китая. Вообще выражения «великий народ, великая страна, великая партия, великий кормчий» входили все заметнее в массовое употребление, привлекали к себе уличных завсегдатаев, из которых рекрутировались потом «охранники» Мао, его «защитники» и «опричники».

Уже тогда приемы сопровождалась тостами не короче докладов. Однако наибольшее количество театрализованных представлений, именуемых приемами, пришлось нам выдержать в своем Северо-китайском военном округе. По установленному ритуалу командование устраивало приемы в связи с прибытием в округ каждого нашего советника. На них присутствовали генералы, офицеры различных родов войск и управлений штаба и, конечно, все ранее аккредитованные в округе советские специалисты.

Такие же приемы, как в округе, а может быть и лучше, устраивались командованием и штабом тяньцзиньского гарнизона. Наши приезды туда бывали удобным поводом для организации всевозможных празднеств. Они всеми силами стремились угостить советских людей. К товарищу, в честь которого объявлялся прием, они подходили с бокалами и предлагали с каждым из них в отдельности выпить до дна (ган бэй). Иногда такая очередь доходила до десяти и более человек.

Однажды, 1 августа 1951 г., в день годовщины Народно-освободительной армии, работники Политуправления пригласили нас на инсценировку окружного военного ансамбля, которая посвящалась боевым действиям в период японской оккупации. В отличие от старинных китайских постановок, где события раскрывались посредством инсказаний, символов и условностей, здесь современность показывалась обычными реальными приемами и была понятна всем находившимся в зале. На сцене действовали и разговаривали китайцы сегодняшнего дня; одежда во всем походила на ту, в которую были одеты зрители.

Замысел постановки был простым. Командир батальона китайской Народно-освободительной армии с боем освобождал от японских захватчиков свою деревню, из которой он ушел на службу семь лет назад. Там, в деревне, остались жена с ребенком, с тех пор он их не видел и об их судьбе ничего не знал. Во время боя комбат случайно встретился с женой и сыном — мальчику уже семь лет. Но встреча с ними продолжа-

лась не более двух-трех минут, он ушел вместе с батальоном, не обняв и даже не поцеловав жены. Лишь на несколько секунд он задержал в своих руках ее руку. Зал, в котором находились только военнослужащие, воспринимал финал пьесы дружными аплодисментами.

Смысл пьесы, как мы поняли и без переводчиков, имел антияпонскую окраску. В ней наглядно проявлялись и внешний аскетизм китайцев, и их извечное стремление скрыть от посторонних свою внутреннюю жизнь, свои интимные отношения.

Я ворошу в памяти все эти тогдашние раздумья о китайских традициях, семье, культуре и невольно ловлю себя на том, что, видимо, уже тогда, незаметная для нас, велась соответствующая обработка населения в духе ликвидации «старых обычаев и привычек» и внедрения вместо них «новых», угодных Мао Цзэ-дуну и освященных им. Все мы радовались, когда видели подготовку в деревнях и городах к Новому году, к празднику Лета, к празднику Осени. Одним из почитаемых считался в народе праздник Весны — Чуьцзе. Вечером на улицах раздавался треск хлопушек, бой барабанов, гонгов, волюнок. В каждом доме готовились национальные кушанья.

Сейчас все это директивно отменили. Вот как «Жэньминь жибао» описывала новогодний праздник в одной из деревень: «Самый счастливый момент наступил, когда из репродуктора донеслось новейшее указание председателя Мао. Бедняки и низшие середняки встали перед портретом председателя Мао Цзэ-дуна. С грохотом гонгов и под бой барабанов прибыл в деревню отряд НОА по пропаганде идей председателя Мао. Пропагандист дважды прочитал беднякам и низшим середнякам новейшее указание председателя, написанное на красной бумаге, после чего была организована подворная и посемейная пропаганда. Пяти-шестилетние дети и убеленные сединами старики, несмотря на снег и ветер, пятидесятиградусный мороз, провели праздничное шествие по улице. Песни, призывы, здравницы в честь Мао Цзэ-дуна раздавались в воздухе... Наступило 12 час. ночи. Бедняки и низшие середняки с помощью отряда НОА создали учебную группу по внедрению новейшего указания председателя Мао... Когда на востоке заалелась заря, закончился первый урок по изучению идей Мао Цзэ-дуна. Крестьяне вышли на площадь, встречая восход солнца песней «Алеет восток». (Песня «Алеет восток» — по-китайски «Дун фан хун» — посвящена лично Мао Цзэ-дуну. Обычно ею начинались и заканчивались все радиопередачи, а также массовые мероприятия.)

Нужно ли комментировать этот репортаж, в котором традиционный и любимый народом праздник был превращен под командой армейского отряда в «Урок изучения идей Мао Цзэ-дуна»? В китайских газетах один раз объявлялось, что праздничные обеды, приобретение сладостей, обнов, приглашение гостей, поздравительные открытки — это «расточительство и эгоизм».

«По-новому», «по-революционному» заставляли население проводить и свадьбы. Взгляните на отчет о свадьбе в «Гуанмин жибао». «Торжество» началось с исполнения песни о Мао «Алеет восток». Жених и невеста отвесили тройной поклон портрету Мао Цзэ-дуна. Затем с речами по очереди выступили председатель кооператива, бригадир, другие представители. Все они, как пишет газета, «воспевали идеи председателя Мао и клеймили позором Лю Шао-ци». На этом свадьба закончилась. Пекинская пропаганда призывала: «Свадьба должна отмечаться хоровым чтением выдержек из работ председателя Мао Цзэ-дуна, пением революционных песен. Лучшими подарками для новобрачных являются значки с изображением председателя Мао, его книги и брошюры».

«Личная жизнь, восклицала «Жэньминь жибао», — это типичные буржуазные понятия. По сравнению с задачами, поставленными председателем Мао, личная жизнь не имеет никакого значения. Она должна уступать место политическим нуждам». И далее — из той же газеты: «Любовь — мелкобуржуазный предрассудок, порок капитализма. Любовь — это психопатическое занятие».

Читаешь все это и словно наяву видишь черные тучи, сгустившиеся и над землей Китая, и над сердцами людей.

ОЧЕРКИ И СООБЩЕНИЯ

Выдающийся мореплаватель и исследователь Дальнего Востока

[к 200-летию со дня рождения В. М. Головнина]

*В. А. Дивин,
доктор исторических наук*

Более 150 лет жизнь и деятельность В. М. Головнина привлекает внимание исследователей во всех областях своей разносторонней деятельности — он был мореходом и ученым, историком и географом, экономистом и лингвистом, кораблестроителем и навигатором, этнографом и военно-морским теоретиком, государственным и общественным деятелем. В. М. Головнин проявил себя как пионер в решении практических и научных задач, обогатив науку новыми открытиями. За это время научные труды самого мореплавателя несколько раз переиздавались. В советское время интерес к исследователю Мирового океана и Дальнего Востока значительно возрос. В 1949 г. были опубликованы сочинения В. М. Головнина¹. И хотя эта публикация имела существенные недостатки (один из них состоял в том, что текст оригинала подвергли редактированию), она познакомила широкий круг читателей с произведениями выдающегося путешественника, ученого. С 1961 по 1972 г. были переизданы произведения В. М. Головнина. В основу последних публикаций были положены его прижизненные издания. Они дополнены архивными документами и материалами, которые существенно расширяют наши представления о замечательном мореплавателе².

Большое научное значение для изучения жизни и деятельности имеют опубликованные дневники участников кругосветного путешествия шлюпа «Камчатка» под командой В. М. Головнина³.

Сравнительно немного написано о жизни и деятельности В. М. Головнина⁴. Много внимания ему уделено в общих работах по истории, географических открытий в северо-восточной части Тихого океана и о русско-японских отношениях в XVIII—XIX вв.⁵

¹ В. М. Головнин. Сочинения. М. — Л., 1949.

² В. М. Головнин. Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное под начальством флота лейтенанта Головнина в 1807—1811 годах. М., 1961; его же. Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Камчатка» в 1817—1819 гг. флота капитаном Головниным. М., 1965; его же. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах с приобщением замечаний его о японском государстве и народе. Хабаровск, 1972. В эту публикацию включены «Записки флота капитана Рикорда», которые существенно дополняют сочинение самого Головнина. Благодаря этому полнее раскрывается подвиг моряков «Дианы». Кроме того, П. И. Рикорд сообщил ряд сведений о дружественных отношениях, которые установились между русскими моряками и японцами. «Описание этого плана, им самим составленное (В. М. Головниным. — В. Д.), изданное в 1816 году, — подчеркивает Ф. П. Врангель, — как по заманчивости, так и по изложению есть одно из замечательнейших сочинений этого рода. Оно переведено на многие европейские и японский языки. Дополнением служат занимательные записки Рикорда». — ЦГАВМФ, ф. 7, оп. 1, д. 22, л. 22. В книгу В. М. Головнина «В плену у японцев» включены «Описание путешествия из Иркутска с возвращением спасенных при кораблекрушении» (Журнал Адама Лаксмана) и ряд других архивных материалов и документов о В. М. Головнине и русско-японских отношениях. Одну из копий этого документа (имеется в виду журнал Лаксмана) опубликовал А. А. Преображенский («Исторический архив», № 4, 1961).

³ Ф. Ф. Матюшкин. Журнал кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка» под командою капитана Головнина; Ф. П. Литке. Дневник, веденный во время кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка»; Ф. П. Врангель. Дневник путешествия из Ситхи в Санкт-Петербург через Мексику; К берегам Нового света. М., «Наука», 1971.

⁴ См. библиографию в кн.: В. М. Головнин. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев..., стр. 516—522.

⁵ Там же, стр. 519—521.

Однако исследователи и писатели недостаточно обращались к архивным материалам. Автору этих строк удалось найти интересные документы, часть из них была опубликована в различных изданиях, о некоторых уместно здесь сказать несколько слов.

«Записная книжка» В. М. Головинна⁶ — документ большой научной ценности. В нее начиная с 1787 по 1817 г. Головинн заносил все наиболее существенное из своей деятельности. Записи эти составляют основу для научной биографии мореплавателя и восполняют многие ее пробелы. В «Записной книжке» указаны фамилии военно-морских, государственных деятелей, с которыми Василию Михайловичу приходилось встречаться на протяжении своей службы с 1788 по 1817 г., называются корабли, на которых служил Головинн, и страны, где он бывал. Здесь, например, содержатся записи о материальных лишениях, перенесенных Головинным во время службы на английском флоте: «В Плимуте закладывал я там часы и продал медали и монеты».

Несомненный интерес представляет также и каталог книг личной библиотеки Головинна⁷, который включал следующие разделы: 1) книги по религии, касающиеся; 2) учебные книги; 3) исторические книги; 4) книги, принадлежащие к мореплаванью; 5) книги, касающиеся до военной науки; 6) вояжи и путешествия; 7) театральные сочинения; 8) стихотворения и поэмы; 9) романтические сочинения; 10) книги о правах и законах; 11) философские сочинения; 12) книги о следственных делах; 13), 14) книги коммерческие и политические; 15) смесь⁸.

В библиотеке Головинна были сочинения Ломоносова и Державина, Хераскова и Карамзина, Сумарокова и Голикова («Деяния Петра Великого»), Сенеки и Плутарха, Адама Смита и Давида Рикардо, Монтескье и многих других прославленных философов, историков, мореплавателей и т. п.

Библиотека характеризует диапазон научных и общественных интересов ее хозяина. Значительный интерес представляют «Записки Головинна о проезде через Сибирь в 1814 г.». Автор их сделал интересные наблюдения о городах, деревнях и селах, через которые ему пришлось проезжать от Охотска до Петербурга, отмечал расстояния между населенными пунктами, давал им географическую и экономическую характеристику⁹.

Удалось также обнаружить несколько книг из личной библиотеки Головинна в Рязанском историко-архитектурном музее и в Центральном государственном архиве Военно-Морского флота с автографами и различными сведениями, представляющими интерес для биографии мореплавателя¹⁰.

* * *

В апреле 1776 г. в старинной дворянской семье, ведущей свое начало с давних времен в деревне Гулынки Пронского уезда Рязанской губернии родился Василий Михайлович Головинн. Его первым предком, зафиксированным в исторических документах, был Игнатий Головинн. В описании герба, который был пожалован ему за особые воинские доблести, говорилось: «Фамилии Головинных, за Игнатьем Головинным по писцовым книгам и по грамоте 1626 г. писана вотчина, жалованная ему за Московское сидение»¹¹, то есть за оборону Москвы во время шведско-польской интервенции в начале XVII в. В роду Головинна очень гордились бережно хранимыми реликвиями о боевых подвигах предков. Это, конечно, повлияло на выбор жизненного пути В. М. Головинна. В 1788 г. Василий Головинн поступил в Морской кадетский корпус, находившийся в Петербурге.

В мае 1790 г. Головинн, произведенный в гардемарины, назначается на линейный корабль «Не тронь меня», которым командовал капитан первого ранга Тревенин. Свое первое боевое крещение Василий Михайлович получил в этом же году в боевых действиях русского флота против шведского.

В 1792 г., когда Головинн должен был закончить Морской корпус, ему еще не исполнилось семнадцати лет и его оставили еще на один год, который не пропал даром. Он полностью отдался изучению гуманитарных наук и иностранных языков.

⁶ ЦГАВМФ, ф. 7, оп. 1, д. 22, л. 231—285. Подлинник.

⁷ Там же.

⁸ ЦГАВМФ, ф. 7, оп. 1, д. 32. Каталог в кожаном переплете. Все записи сделаны рукой Головинна.

⁹ ЦГАВМФ, ф. 7, оп. 1, д. 2.

¹⁰ В ЦГАВМФ, ф. 7, оп. 1, д. 41 находится книга «Полный христианский месяцеслов всех святых, празднуемых православною греко-восточною верою. М., 1813 г.». На обороте титула надпись, сделанная рукой Головинна: «Из книг Василия Михайловича Головинна. Спб., декабря 23, 1814». На обороте многих листов календаря Головинн записывал даты своего дня рождения, жены, детей, родителей и ближайших родственников. Названы фамилии и имена знакомых. За 15 октября 1819 г. сделана следующая запись: «В девятом часу вечера соединились законным браком в придворной ... церкви с девицею Авдотьею Стенановной Лутковской». — Там же, л. 102.

¹¹ ЦГАВМФ, ф. 7, оп. 1, д. 2, л. 1 в/об.

После окончания Морского кадетского корпуса он добился назначения на военный транспорт, отправлявшийся в Стокгольм с русским послом С. Р. Румянцевым.

В 1795—1796 гг. Головин служил на фрегате «Рафаил», входивший в эскадру П. И. Ханькова, которая вела военные действия против французского флота в Северном море.

11 апреля 1798 г. Головина назначили флаг-офицером на эскадру вице-адмирала М. К. Макарова. Он ведал сигнальным делом и выполнял обязанности адъютанта и переводчика.

Адмирал Макаров высоко ценил своего флаг-офицера, и в 1802 г. Головин в числе лучших двенадцати офицеров был послан в Англию для морской практики. За четыре года службы на различных кораблях английского флота Василий Михайлович плавал в Атлантическом океане, Средиземном море, побывал у берегов Африки и Вост-Индии, участвовал в боевых действиях англичан против Франции. Английские флотоводцы Нельсон и Коллингвуд восторженно отзывались о мужестве и боевом мастерстве русского морского офицера.

По возвращению на родину в 1806 г. лейтенанта Головина назначают начальником кругосветной экспедиции на шлюпе «Диана», главной целью которой являлись географические открытия в северной части Тихого океана. Экспедиции поручалось также доставить разные материалы в Охотск.

* * *

В истории русского флота не отмечено такого факта, чтобы лейтенанту доверили командование кораблем, коль скоро надлежало плыть далее пределов Балтийского моря. Однако ж по уважению к опытности и познаниям Головина морское министерство отступило от этого общего правила», — писал Ф. Врангель¹².

Забываясь о добротном оснащении экспедиций, Головин великолепно понимал, что судьба ее в конечном счете будет решена людьми — офицерами и матросами. Экипаж корабля, состоявший из пятидесяти пяти матросов, семи офицеров и трех гардемарин, был подобран самим командиром. Помощником капитана был назначен друг Головина по учебе в Морском кадетском корпусе лейтенант П. И. Рикорд, образованный и хорошо подготовленный офицер. Штурманская часть была возложена на способного и хорошо знающего свое дело офицера А. Хлебникова.

«В полдень 23 сентября 1809 г., ко всеобщей нашей радости, увидели мы камчатский берег, — писал Головин. — Берег, принадлежащий нашему отечеству! И хотя он от Петербурга отдален на 13 000 верст, но со всем тем составляет часть России... Радость, которую мы чувствовали при воззрении на сей грозный дикий берег, представляющий природу в самом ужасном виде, могут только те понимать, кто бывал в подобном нашему положении или кто в состоянии себе вообразить оное живо!»

Плавание русских моряков по морям и океанам, полное многочисленных приключений, длилось два года.

Когда «Диана» вошла в Петропавловскую гавань, В. М. Головин узнал о награждении его двумя орденами: боевым орденом св. Георгия — «за восемнадцать морских кампаний» и орденом св. Владимира — «за благополучное совершение многотрудного путешествия».

Две зимовки провел Василий Михайлович на далекой окраине России. Это время с присущей ему энергией и увлечением он посвятил изучению Камчатки. Удалось собрать обильный материал о флоре и фауне края, населяющих его народностях, их быте и нравах.

В мае 1810 г. «Диана» отправилась к берегам Аляски для описания ее берегов и доставки для Российско-Американской компании продовольствия и различных грузов. По просьбе главного правителя компании А. А. Баранова судно оставалось в Ново-Архангельске до августа 1810 г.

За короткое время пребывания в Ново-Архангельске Головин собрал ценный материал о деятельности Российско-Американской компании. Большое внимание уделил изучению условий жизни коренного населения.

На зимовку «Диана» возвратилась в Петропавловск. Здесь командиру шлюпа вручили предписание морского министра приступить к описанию Курильских островов, руководствуясь инструкцией, которая направлена в Охотск.

Изучив материалы русских и иностранных мореплавателей о климате в северной части Тихого океана, Головин сделал вывод, что для описания Курильских островов ему потребуется пять месяцев (май — октябрь). Головин решил ускорить подготовку и, чтобы раньше выйти в море, сам разработал план исследования Курильских островов. «Диана», выйдя из Авачинской бухты, должна была идти к проливу Надежды, между островами Матуа и Расшуя, начать обследование там, где закончил Крузенштерн.

¹² ЦГАВМФ, ф. 7, оп. 1, д. 7, л. 17/об.

а затем следовать вдоль южной гряды Курильских островов до острова Матсмай (Хоккайдо). После описания северного берега этого острова он предполагал пройти вдоль восточного побережья Сахалина, а к концу лета рассчитывал произвести географическое описание побережья материка (Татарского берега) и Шантарских островов.

25 апреля «Диана» вышла в Авачинский залив, а 4 мая шлюп взял курс к Курильским островам. Достигнув острова Матуа, Головинн, продвигаясь на юг, начал описание Курильских островов.

Головинн обратил внимание на большое влияние русской культуры в этих местах. Курильцы (айны) восприняли у русских бытовые навыки, многие знали русский язык. «...Наши курильцы носят всякого покроя русское платье», — заметил Василий Михайлович.

Все важнейшие исследовательские работы выполнял сам командир «Дианы» вместе со штурманом Хлебниковым. Они составили точнейшую карту Курильской гряды и уточнили географические координаты островов. Внесли ряд поправок к карте Крузенштерна и Лисянского.

После исследований В. М. Головинна стало известно, что Курильская гряда состоит не из 22, как считалось ранее, а из 26 островов¹³. Так, между островами Расшуа и Унишир был обнаружен скалистый островок, названный Головинным Средним в честь одного из штурманов «Дианы» — он первым заметил этот клочок суши. Пролив между островами Кетой и Симушир был назван по имени шлюпа «Диана», а между Итурупом и Кунаширом — проливом Екатерины в честь русского судна, проходившего здесь в 1792 г. с посольством А. Лаксмана в Японию.

На северной стороне необитаемого острова Симушир русские моряки обнаружили бухту. Головинн обошел вокруг острова, держась неподалеку от берега. Он описал также северную и восточную части острова Уруп.

«Курильцы приветливо встречали отважных русских мореплавателей; они живейшим образом изъясняли свою радость, приняли и угостили офицеров как можно лучше и ответствовали на все их вопросы»¹⁴.

Во время одной из стоянок Головинн вместе с несколькими матросами был вероломно пленен японцами. Горстка русских моряков пробыла в японском плену более двух лет. И только осенью 1813 г. удалось вызволить их из плена.

* * *

В 1816 г. капитан второго ранга Василий Михайлович Головинн был избран почетным членом Государственного адмиралтейского департамента, и в том же году он начал готовиться к кругосветному плаванию — на этот раз на шлюпе «Камчатка», который имел 3 пушки и 130 человек команды.

Экспедиция должна была доставить грузы на Камчатку, обследовать русские владения в Северной Америке, уточнить географическое положение некоторых островов, произвести описание северо-западных берегов Америки от 60 до 63° с. ш. В конечном счете следовало привести «в большее совершенство морские карты отдаленных тамошних мест».

Головинн всегда тщательно выполнял возложенные на него обязанности, а подготовке к предстоящему плаванию он уделил особое внимание. Особое внимание было уделено комплектованию экипажа людьми, способными вести научные исследования. Охотников отправиться в кругосветное плавание было много. Но Головинн свой выбор остановил на мичманах Ф. П. Литке, Ф. П. Врангеле, Ф. Ф. Матюшкине — лицейском друге А. С. Пушкина. Василий Михайлович не ошибся — все они стали впоследствии видными мореплавателями, исследователями суровой Арктики. В экспедицию был также назначен гардемарин Ф. Лутковский — будущий участник движения декабристов.

26 августа 1817 г., в пятую годовщину Бородинского сражения, «Камчатка» покинула Кронштадт, а 15 мая 1818 г. вошла в Петропавловскую гавань.

Начальником Камчатской области был в то время П. И. Рикорд, бывший сподвижник Василия Михайловича по плаванию на «Диане».

Беседы с разными людьми позволили Головинну и его помощникам собрать много интересных сведений о Камчатке и тех заметных переменах, которые произошли при Рикорде. Они характеризовали его как «одного из самых справедливейших людей, который, живши здесь несколько лет, имел случай и способность вникнуть во все дела сей страны»¹⁵.

¹³ По современным данным, в Курильской гряде более 30 островов, не считая самых мелких.

¹⁴ Записки адмиралтейского департамента. Спб., 1815, стр. 22.

¹⁵ В. М. Головинн. Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Камчатка»..., стр. 106.

Особое внимание П. И. Рикорд уделил развитию земледелия на Камчатке. Из Московского общества сельского хозяйства он выписал огородные семена, выращивал хороший урожай овощей. При Малкинском источнике была построена больница. В Петропавловске создали ремесленную школу, где делали топоры, гвозди и другие предметы, столь необходимые населению.

К середине июня подготовка шлюпа к дальнейшему плаванью была завершена, и 19 июня «Камчатка» направилась к Командорским островам, открытым Витусом Берингом в 1741 г. Их положение на морских картах еще не было точно определено. Головин произвел подробное описание этих островов и уточнил их географические координаты. Затем он произвел астрономические наблюдения и описал несколько островов Алеутской гряды. Исследователь отметил, что острова эти гористы, с крупными берегами, населены алеутами и потомками русских промышленников, которые занимаются рыболовством и добычей морского зверя.

Головин интересовался экономикой, бытом и культурой жителей острова Кадьяк. Он дал подробное описание острова и отметил большие заслуги русских поселенцев в том, что они помогли аборигенам перейти к более совершенным формам хозяйства. Русские поселенцы занимались здесь земледелием, сеяли пшеницу, ячмень, выращивали картофель и другие овощи, а также развивали животноводство.

Собрал Василий Михайлович интересные материалы и о Ново-Архангельске — столице русской Америки. Американские промышленники, писал он, хищнически истребляют бобров, морского зверя, разжигают междоусобицы, тайно снабжают туземные племена порохом, свинцом, ружьями и подстрекают против русских поселенцев. Вместе с тем Головин вскрыл и злоупотребления местных русских администраторов и промышленников. Все это нашло отражение в его «Записке» о состоянии Российско-Американской компании.

Во второй половине августа «Камчатка» отправилась к берегам Калифорнии. Головин посетил поселок и крепость Росс, основанные в 1812 г. А. И. Кусковым — ближайшим помощником Баранова.

Головин отметил, что индейцы с большим искусством строят каменные здания, выполняют сложные столярные работы, занимаются резьбой по дереву. В одной миссии русские моряки встретили музыкантов и певчих, «кои играли и пели на слух, не имея никакого понятия о нотах, но не хуже многих скрипачей, забавлявших наших областных полубояр».

«Итак, кажется, — заключает Головин, — я не без причины осмелился быть другим с знаменитыми путешественниками... насчет природных способностей калифорнийских индейцев».

Из Монтерея «Камчатка» 18 сентября вышла в порт Румянцева (Бodega-Бей). Команда корабля познакомилась с индейцами-аборигенами.

23 октября шлюп вошел в залив Круа. На Сандвичевских (Гавайских) островах капитан с некоторыми офицерами сошел на берег.

В. М. Головин, говоря о гавайцах, делает такое примечательное заключение: «Обширный ум и необыкновенные дарования достаются в удел всем смертным, где бы они ни родились; и если бы возможно было несколько сот детей из разных частей земного шара собрать вместе и воспитывать по нашим правилам, то, может быть, из числа их с курчавыми волосами и черными лицами более вышло бы великих и редких людей, нежели из родившихся от европейцев... Между ними есть даже мудрецы, твердостью характера не уступающие древним философам, которых имена сохранила история»¹⁶.

Эти мысли В. М. Головина созвучны нашему времени, когда распалась позорная колониальная система империализма и десятки государств Африки, Азии, Латинской Америки, Океании, получивших независимость, успешно строят новую жизнь.

5 сентября 1819 г. В. М. Головин рапортовал морскому министру, что, совершив благополучно путешествие вокруг света, прибыл на Кронштадтский рейд. Месяц спустя за отличие, «оказанное во время путешествия шлюпа «Камчатка» кругом света», В. М. Головин был произведен в капитаны первого ранга.

Путешествием на «Камчатке» завершилась деятельность Головина непосредственно на морских и океанских просторах. Но и последовавшая за этим береговая служба была не менее трудной, чем борьба с морской стихией. Его прогрессивные начинания встречали яростное сопротивление со стороны реакционных деятелей царской России. Несмотря на это, Василий Михайлович трудился с прежней энергией и вдохновением.

В 1821 г. В. М. Головин, произведенный в капитан-командиры, был назначен помощником директора кадетского морского корпуса. С 1823 г. он генерал-интендант флота, в обязанность которого входило строительство военных кораблей и адмиралтейских зданий. В 1827 г. к этому прибавилось участие Василия Михайловича в комитете по образованию флота и устройству правления корабельными лесами. В 1830 г. он

¹⁶ В. М. Головин. Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Камчатка»..., стр. 210.

получил звание вице-адмирала. 31 июня 1831 г. прославленный мореплаватель скоропостижно скончался от холеры.

Отдавая должное заслугам В. М. Головнина в исследовании дальневосточных территорий, его именем названы залив, населенный пункт и вулкан на острове Кунашир, пролив между островами Райкоке и Матуа, бухта и населенный пункт на Аляске, подводная гора в Тихом океане и др. Бережно также сохранены названия различных географических объектов, которые дал мореплаватель в ходе своих путешествий.

* * *

В незаурядной личности Василия Михайловича слились воедино качества опытнейшего мореплавателя, разностороннего исследователя, оригинального писателя.

В. М. Головнин участвовал во многих морских походах и сражениях, совершил два кругосветных путешествия. В рапорте к начальнику Морского штаба от 22 октября 1826 г., как бы подводя итоги своей 36-летней морской службы, он писал: «В течение сего времени сделал действительных шестимесячных кампаний 31, и большею частью в походах отдаленных на российских военных судах и на кораблях английского королевского флота; находился в морских сражениях при высадке войск на неприятельские берега и за отличия по службе удостоивался несколько раз получать... награды»¹⁷. Всесторонняя практическая подготовка Головнина для дальнейших плаваний ярко проявилась во время командования им военными шлюпами «Диана» и «Камчатка».

Исследования тех или иных районов Мирового океана Головнин сопровождает практическими советами мореплавателям, чтобы они могли обеспечить безопасность своих судов. Так, говоря о плавании в районе Курил, Василий Михайлович отмечает, что там почти всегда стоят туманы, не позволяющие судам определять свое место по наблюдениям светил или по пеленгам. Сильные течения делают счисление северным, а при больших глубинах нельзя воспользоваться лотом.

Головнин первым составил систематическую сводку айнских названий Курильских островов и установил единообразие их написания. Его описания островов, гидрографические, географические и океанографические исследования вошли в лоции всех стран мира, а сведения по этнографии, истории различных стран не потеряли научного интереса и в наше время.

«...Здравый рассудок, справедливость и польза географии,— писал В. М. Головнин,— требуют, чтобы населенные части земного шара назывались так, как они жителями своими именуются, а потому на моей карте Курильских островов я возвратил им настоящие имена»¹⁸.

Головнин, как это было заведено на русском флоте, тщательно записывал в свой журнал все, что наблюдал. Поэтому в нем так много богатых и разносторонних сведений, не утративших научного и практического интереса и в наше время. «Журнал капитана Головнина по многим отношениям,— писал И. Ф. Крузенштерн.— заслуживает внимание департамента. Он содержит особливо любопытные и совсем новые известия касательно географии Курильских островов, касательно народа, населяющего оные... Один такмо столь искусный и более нежел в одном морском деле сведущий офицер, как капитан Головнин, мог вести столь подробный и полный журнал во время трудного и опасного плавания»¹⁹.

Исследование Головнина являлось продолжением дела, начатого русскими мореходами, которые еще в начале XVIII в. открыли Курильские острова и приступили к их хозяйственно-экономическому освоению. Это признают и японские ученые. Так, профессор Токийского университета Нобуо Муруга в статье «Географические исследования японцев» положительно оценивает роль русских в изучении Курильских островов и других районов северной части Тихого океана. Он пишет, что японцы только в конце XVIII в. стали интересоваться областями, лежащими к северу от острова Хоккайдо. Длительное время «Ездо (Хоккайдо.— В. Д.) был для Японии не более чем территорией, граничившей с их собственными землями»²⁰.

Японцы, как свидетельствует Муруга, не проявляли интереса к Курилам и более дальним землям. «Это, может быть, является причиной того,— говорит автор,— почему ранние японские карты содержат так мало географических сведений относительно земель, прилегающих к Японии»²¹.

Головнин уделял серьезное внимание военно-морской тактике. Он написал «Тактику военных флотов, составленную по новой системе и примерам лучших европейских

¹⁷ В. М. Головнин. Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Камчатка»... , стр. 342.

¹⁸ В. М. Головнин. Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку... , стр. 387.

¹⁹ Допущение капитана Крузенштерна касательно путешествий капитан-лейтенанта Головнина. Сиб., 1815, ч. III, стр. 10—11.

²⁰ N. Muroga. Geographical exploration by the Japanese.—«The Pacific basin». N. Y., 1967, p. 97.

²¹ Там же.

флотов». Его перу принадлежит также «Искусство описывать приморские берега и моря с изъяснением употребления всех новейших способов и инструментов, при сей описи употребляемых». К сожалению, рукописей этих трудов до сих пор не удалось обнаружить.

Всестороннее представление о русском флоте первой четверти XIX в. дает малозвестный труд Головинна «О состоянии Российского флота в 1824 г.», опубликованный 30 лет спустя после смерти автора.

Работа эта была написана от имени мичмана Мореходова. В ней он изложил то, что невозможно было высказать в докладах и рапортах. «В официальных бумагах не всегда можно всякую вещь назвать своим именем; откровенность такая, как известно, многим, сказать попросту, сломила шею»²².

Одной из существенных причин, подрывавших военно-морские силы России, В. М. Головинн считал наличие большого количества непужных учреждений, засилье иностранцев, пренебрежение к русским офицерам. Головинн подверг резкой критике организацию Адмиралтейского департамента, разоблачая бюрократизм и расхищение средств.

Головинн прекрасно понимал, что близорукость или даже слепота царских стратегов, отсутствие у них правильных взглядов на значение флота наносят непоправимый ущерб России. «Дерзновенно было бы с моей стороны,— писал Головинн,— в деле политическом возражать людям, политикой занимающимся по должности, людям, украшенным пудрой и штывми кафтанам. Но, как известно там, что не всяк тот герой, кто носит шпоры и мундиры; не всяк тот тонкий дипломат, кто почтен званием посла, и не на всех тронах сидят Соломоны, то, не будучи убежден доказательством, не считая себя и обязанным слепо согласиться с мнением, что истребление русского флота для нас нужно: я, напротив того... более и более убеждаюсь в совершенной необходимости для России иметь значительные военно-морские силы»²³.

Труды В. М. Головинна характеризуют его как вдумчивого исследователя, отличающегося исключительной наблюдательностью, тщательностью в собирании фактов из различных областей знаний, глубиной анализа и теоретических обобщений. Недаром Российская Академия наук, «желая дать знак уважения своему славному мореходцу, отличавшемуся многими услугами, оказанными наукам опубликованием своих путешествий, в особенности умножением наших познаний о Японии и японцах», в мае 1818 г. избрала Головинна своим корреспондентом²⁴.

Головинн не ограничивался только констатацией фактов, он почти во всех случаях делал какие-то выводы, высказывал свои собственные соображения, заботился о практическом решении тех или иных вопросов. Особенно это проявилось в его «Замечаниях о Камчатке и русской Америке (опубликованных в «Путешествии на шлюпе «Диана»), а также в «Записке о состоянии Российско-Американской компании в 1818 году». В. М. Головинн так глубоко и обстоятельно исследовал положение на Камчатском полуострове, Аляске, Алеутских и Курильских островах, сделал такие рекомендации по хозяйственному развитию этих территорий, прекращению злоупотреблений царских чиновников и промысловиков Российско-Американской компании, что обратил этим внимание крупных прогрессивных деятелей того времени.

В своей критике этой компании Головинн не был одинок, его критические высказывания перекликались с критикой компании, исходившей от декабристов и других русских прогрессивных деятелей.

В замечательном памятнике декабристского движения «Русской Правде» П. И. Пестеля сказано, что «самые несчастные Народы суть те, которые управляются Американскою компаниею. Она их угнетает, грабит и нимало о существовании их не заботится; почему и должны непременно сии Народы от нея быть совершенно освобождены»²⁵.

Уместно заметить, что В. М. Головинн сосредоточивал все внимание на отрицательных сторонах деятельности компании, порой даже сгущая краски, что видно, например, по описанию положения камчадалов. Однако Головинн упускал из виду, что Российско-Американская компания имела большие заслуги в освоении северо-восточной части Тихого океана. Велика была ее роль и в организации кругосветных путешествий в первой половине XIX в. Но в то же время все более и более обнаруживались и серьезные недостатки в ее деятельности.

Возмущаясь порядками, существовавшими на Камчатке и в других отдаленных владениях России, В. М. Головинн заботился, как и другие передовые представители русского народа, о процветании края, повышении благосостояния населения и его культуры. Именно в этом усматривал он главную задачу России по отношению к ее дальневосточным владениям.

²² Мичман Мореходов. О состоянии Российского флота в 1824 г. М., 1861, стр. 47.

²³ Там же, стр. 67.

²⁴ ЦГАВМФ, ф. 7, оп. д. 2, л. 101/об.

²⁵ «Русская Правда» П. И. Пестеля и сочинения, ей предшествующие. М., 1958, стр. 146.

Центральная идея Головинна состояла в том, что управление краем, где проживали якуты, чукчи, эвенки и другие народности, должно быть основано на гуманных принципах. Только при этом условии позиции России на Дальнем Востоке будут прочными, незыблемыми. Этот взгляд мореплавателя был прогрессивным, хотя для осуществления его гуманистических идей необходимы были иные социальные условия.

Головинн в своих поисках путей и средств хозяйственного освоения Дальнего Востока был не одинок. Интересные мысли по этому же предмету высказывал И. Ф. Крузенштерн в своих «Предложениях об улучшении положения жителей Камчатки»²⁶. Большие усилия к внедрению здесь земледелия прилагал и П. И. Рикорд в бытность свою начальником Камчатской области²⁷.

Таким образом, русские мореплаватели первой половины XIX в. продолжали традиции своих замечательных предшественников, пионеров освоения Дальнего Востока: Чирикова, Беринга и многих других. Все эти примеры — свидетельство благотворного влияния передовой русской культуры на жизнь и быт народов тогдашних дальневосточных окраин.

В. М. Головинн, И. Ф. Крузенштерн, П. И. Рикорд большую роль в освоении Дальнего Востока отводили кругосветным плаваниям. Доставка продовольствия и всевозможных материалов морем в Охотск, на Камчатку, северо-западную Америку обходилась значительно дешевле, чем по трудному сухопутному пути, пролежавшему по необходимым районам Сибири и Дальнего Востока.

В очень интересном документе «Состояние и действия Российско-Американской компании с 1797 по 1819 г.» дано экономическое обоснование целесообразности использования морского пути для снабжения дальневосточных земель России. И несмотря на трудности, компания, подчеркивается в документе, «всегда имеет надежду в благополучном и счастливом плавании отправляемых кораблей в искусстве и опытности офицеров и нижних служителей для сих вояжей увольнять сонзволит всемиловивейший покровитель»²⁸.

В. М. Головинн и его друг П. И. Рикорд считали, что интересы хозяйственного освоения Сибири и Дальнего Востока настоятельно требуют установления дружественных экономических и политических отношений с Японией и другими странами Тихоокеанского бассейна. Находясь в японском плену, Василий Махайлович старался убедить японских ученых и государственных деятелей в том, что целью дальневосточной политики русского государства является установление добрососедских отношений с Японией.

Головинн использовал любую возможность для контактов с японскими учеными и представителями властей. Он щедро делился с ними своими знаниями, знакомил их с географией и картографией. В 1812 г. японцы с помощью В. М. Головинна перевели русскую книгу о вакцинации, положившую начало проникновению русской медицины в Северную Японию.

В. М. Головинн открыл новые возможности для установления добрососедских отношений между Россией и Японией. Большое значение для осуществления этой благородной цели имела и деятельность Рикорда. И. Ф. Крузенштерн был совершенно прав, когда отмечал, что Рикорд не только освободил Головинна и его спутников из плена, но и «много способствовал к сближению наших сношений с японским правительством»²⁹.

И не случайно И. Ф. Крузенштерн предлагал обязанности русского посла возложить на Рикорда. Он полагал, что установление постоянных отношений с Японией не ограничится «одними прибылями по торговле, но сношения эти возымеют также важное влияние на распространение пределов науки»³⁰. Одно уже плавание из Балтийского моря в Японию представляло обширное поле для ученых занятий.

Труды В. М. Головинна и П. И. Рикорда сыграли важную роль в истории становления русско-японских отношений. В них впервые дана по сравнению с предшественниками наиболее полная информация о Японии, ее истории и географии. Огромную ценность представляют свидетельства В. М. Головинна, так же как А. Э. Лаксмана и многих других его предшественников, о японских государственных деятелях и ученых, активно выступавших за установление дружественных экономических, торговых, культурных связей с Россией.

Наиболее полно и ярко проявилось дарование В. М. Головинна как вдумчивого исследователя-энциклопедиста в его записках о пребывании в Японии, содержащих также особую часть с замечаниями о японском государстве и народе. Книга эта содержит богатейший фактический материал о японском народе, его языке, жизни и обы-

²⁶ ЦГАВМФ, ф. 14, оп. 1, д. 357, л. 30.

²⁷ ЦГА СССР, ф. 1264, оп. 1, д. 153, 1828, ч. III, л. 51.

²⁸ ЦГА СССР, ф. 1264, оп. 1, д. 153, 1828, ч. III.

²⁹ В. М. Головинн. Записки флота капитана Головинна о приключениях его в плену у японцев..., стр. 493.

³⁰ Там же.

чаях, о государственном устройстве, законах, просвещении, хозяйстве, военных силах и т. п.

Когда «Записки» В. М. Головнина вышли в свет, ими зачитывались его современники в России, отдавали должное русскому мореплавателю зарубежные ученые. Так, английский историк Джеймс Мёрдок писал: «Повесть Головинна и отчет Рикорда являются интересными документами, заслуживающими исключительно внимательного рассмотрения»³¹.

Американский историк Г. А. Ленсен, занимающийся историей русско-японских отношений, отмечает, что «величие Головинна... заключается не в пребывании в плену и освобождении, а в том, что он выдержал свои испытания, не затаив ненависть, сохранив объективность»³².

В связи с этим высказыванием необходимо отметить прогрессивную, демократическую направленность сочинений В. М. Головнина. Это относится и к его взглядам на состояние дел в Российской империи, особенно на ее окраинах, и к политике других государств по отношению к колониальным народам. Головинн самым решительным образом опровергал мнение колонизаторов о неспособности туземных или «цветных» народов приобщиться к цивилизации и необходимости управлять ими развитым государством.

«Многие из русских путешественников,— пишет профессор К. М. Попов,— побывавших на Дальнем Востоке, были передовыми представителями прогрессивной мысли России. В трудах Крузенштерна, Головинна, Рикорда, Невельского и Гончарова... в той или иной форме отражались черты нового, прогрессивного мировоззрения первой половины XIX в. В их сочинениях приводились материалы, опровергавшие всякого рода лженаучные теории мнимых иностранных авторитетов об отсталости народов. Гончаров, например, не раз обращал внимание на тяжелые последствия политики колонизаторов, на то, что упадок хозяйства и культуры Востока в тот период был обусловлен хищнической эксплуатацией колониальных народов»³³.

Сочинения В. М. Головнина, посвященные мореплаванию, истории, географии, этнографии, кораблестроению, стратегии и тактике и т. п., выделяются не только своим научным содержанием, но и высокими литературными достоинствами. И не случайно в декабре 1816 г. он был избран действительным членом Санкт-Петербургского вольного общества любителей словесности, наук и художеств.

Советские люди отдают должное заслугам русских землепроходцев и мореходов, открывших дорогу на Тихий океан и заложивших основы для освоения необозримых просторов Сибири и Дальнего Востока. «Дальний Восток,— сказано в поздравлении ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР по случаю 50-летия завершения освобождения Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев,— исконно русская земля, освоенная титаническим трудом многих поколений, земля героической истории, революционной борьбы, которую рабочие и крестьяне под руководством партии большевиков вели против царизма, иностранных интервентов...»³⁴.

Идеи служения своему народу и возвышения славы России пронизывают всю многостороннюю деятельность В. М. Головнина и его научные произведения. Разносторонняя общественная деятельность В. М. Головнина связала выдающегося мореплавателя и ученого со многими общественными и научными организациями и учреждениями. Он был членом Вольного экономического общества, Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, почетным членом Харьковского университета, членом Комитета образования флота, членом Совета Российско-Американской компании, корреспондентом Академии наук.

³¹ J. Murdoch. A History of Japan. L., 1926, Vol. III, p. 522.

³² G. A. Lensen. The Russian Push toward Japan. New Jersey, 1959, p. 253.

³³ К. М. Попов. Япония. М., 1964, стр. 283.

³⁴ «Правда», 24.X.1972.

Глубже исследовать проблемы национально- освободительного движения

Рецензируемая работа* представляет собой попытку теоретического осмысления современных национально-освободительных революций в рамках всеобщего исторического процесса. Задача эта велика, и автор, естественно, не претендовал на то, чтобы дать ее полное и всестороннее решение. Недостаточно и того, что он сделал некоторые интересные наблюдения, позволяющие сопоставить новейшую историю афро-азиатских стран с эпохами коренных социальных перемены прошлого, особенно в Европе. В ряде случаев такое сравнение позволяет вскрыть новые стороны противоречивых явлений.

Работа носит социологический, точнее, философско-исторический характер. Однако ее глобальный охват не всегда оправдан. В первой части «Базис и надстройка» интерес представляет разработка вопросов о так называемом волнообразном движении политической революции и слабом звене (главы IV, V и VI). Что же касается общих положений об обусловленности политической революции изменениями в производственных отношениях, то стремление к очищению истинно марксистских положений от вульгарных интерпретаций едва ли в данном случае глубоко аргументировано. Если даже признать, что в книгах Д. И. Чеснокова и Б. Ф. Поршнева допущены те ошибки, о которых говорит автор (приводимые им цитаты не убедительны, чтобы не оставаться в этом сомнений), все же это не оправдывает голого воспроизведения традиционных положений. Нужно ли с таким темпераментом и верой в открытие опровергать мнение, что переход к коммунистическому общественному строю имеет своей границей не источником лишь политическую революцию (стр. 64), а между тем в этом смысле первых глав первой части рукописи. Все-таки аксиоматические вещи доказательств не требуют, да еще в среде марксистов.

В последних главах первой части автор анализирует интересные положения марксизма о «забегании вперед» и «волнообразном развитии политической революции», которыми в нашей литературе не часто уделя-

лось внимание. Нужно, однако, четко определить пределы применимости этих категорий. Для Маркса и Энгельса проблема «забегания» относится к сфере «технологии» революционного процесса, а не к сфере основополагающих закономерностей смены общественно-экономических формаций. «Забегание» — любопытный штрих, показывающий, в каких противоречивых и парадоксальных формах делаются революции, то есть пробивают себе дорогу основные законы общественного развития. Суть его в том, что радикальные эксцессы, казались бы выходящие за рамки буржуазной революции, оказываются необходимыми для закрепления в конечном счете ее умеренных завоеваний, то есть, по словам К. Маркса, цитируемым автором (стр. 277), объективно являются борьбой «за осуществление интересов буржуазии, хотя и небуржуазным способом». Проблема «забегания» рассматривается в рамках определенного, буржуазного типа революции и потому и получила такое название, что с точки зрения возможности выхода за пределы буржуазной революции забегание оказывается бесперспективным, тупиковым из-за неподготовленности условий.

Н. А. Симония расширяет понятие «забегания». Для него это не просто тактика, а закономерность, стратегия революционного процесса, положенная им в основу рассуждений о «слабом звене» и «зигзагообразном развитии революции».

«Забегание» становится центром интересного, но далеко не безупречного определения «слабого звена» (стр. 107). Ситуацию «слабого звена» автор справедливо связывает с возможностью выхода за рамки революции, диктуемой уровнем социально-экономического развития при классической форме революционного процесса. Но, к сожалению, попытка определить «слабое звено» в терминах своеобразной «теории волнообразного развития» представляется неубедительной. «Короче говоря, — пишет автор, — появляется возможность закрепления забегающей волны политической революции или распрямления спирали волнообразного развития этой революции. Забегание становится, таким образом, исходным моментом перерастания революции одного типа в революцию другого, более высокого типа».

* Н. А. Симония. Страны Востока: пути развития. М., «Наука», 1975, 382 стр.

Здесь идентифицируются, а потому смешиваются и путаются понятия забегания и перерастания, прямо противоречащие друг другу. Забегание бесперспективно, передко авантюристично и пахнет путчи́змом и потому обречено на поражение или служение тем силам, которые оно стремилось превзойти. Забегание имеет место тогда, когда попытка вырваться вперед обречена на неудачу из-за отсутствия реальных условий. Если же такие условия подготовлены ходом общественного развития, тогда речь не может идти о забегании как тактическом приеме, смелый прорыв становится магистральным стратегическим путем революционного развития. Перерастание отрицает забегание, и наоборот (речь идет здесь о законах смены общественных формаций, законах революции, а не ее технологии). Это две принципиально различные по своей роли формы радикализации общественной жизни в ходе революционного процесса. Такое смешение принципиально различных категорий особенно досадно в работе, которая по замыслу своему носит во многом логический характер.

«Теория» (автор, по-видимому, из скромности нигде ее так не называет) забегания, волнообразного движения и слабого звена — все эти понятия связываются автором неразрывно и абсолютизируются. Когда автор говорит, что неравномерность развития существовала всегда (стр. 121), его можно понять, однако с той оговоркой, что неравномерность неравномерности рознь, что неравномерность — это не различие уровня развития. Неравномерность развития капитализма при империализме имеет свою причину и свои следствия, качественно отличные от неравномерности при других любых формациях и условиях. Всеобщая и потому вневременная неравномерность абстрактна. Об этом автор забывает. Увлечение «забеганием» приводит его к открытию «закономерности зигзагообразного базисного развития» (стр. 151), к утверждению, что переход от одной формации к другой всегда имел место в слабом звене и является всеобщей закономерностью (стр. 107, 121—122, 127 и др.). И эта очередная абстракция, будучи непривязанной к конкретно историческому этапу развития человечества, также не обогащает науку. Эти положения вызывают самые серьезные возражения. Здесь автор волей-неволей скатывается к утверждению примата политической революции, столь решительно отвергаемого им в начале работы.

Где тонко, там и рвется — старая истина, более старая, чем закон всеобщего неравномерного развития или концепция «слабого звена». В этом смысле прорыв системы в определенном месте, конечно, свидетельствует о том, что это — слабое место. Но это вовсе не обязательно «слабое звено» в смысле среднего или слабого развития господствующей формации, «наложения эпох», и в связи с этим возможностей «забегания», то есть перескакивания через этап

развития, диктуемый законами политической экономии.

Звено — это составная часть цепи. Б звеньев нет цепи, а без цепи нет звеньев. Цепь же возникает как синоним мирового капиталистического хозяйства, как результат полнейшей интернационализации хозяйственных связей, как результат превращения национального капиталистического хозяйства в органическую составную часть мирового капиталистического хозяйства. А это происходит при утверждении господства империализма и, следовательно, не было свойственно никакому предшествующему способу производства и никакому другому периоду развития человечества. Превращая концепцию «слабого звена» в цепь империализма в банальное свойство всех цивилизаций, конечно, непозволительно. Но если даже взять переход от феодализма к капитализму в Западной Европе, то автор понимает, что камнем преткновения в его аргументации является английская буржуазная революция. Его попытки доказать, что Англия была слабым звеном феодальной системы, периферией феодальной Европы подобно тому как Россия начала XX в. была окраиной капиталистического Запада (стр. 150), что преимущества прогрессивного капитализма в «слаборазвитой» Англии в сравнении с умирающим феодализмом «высокоразвитой» Франции в XVII—XVIII вв. отнюдь не были столь очевидны, как сегодня (стр. 135), искусственны. Достаточно вспомнить «Философские письма» Вольтера, чтобы убедиться, как шатко в следнее заключение, чтобы понять, что для передовых людей континентальной Европы XVIII столетия Англия была светочем прогресса, культуры, разума. Цепь феодализм была прорвана в Англии не под действием «закона зигзагообразного развития», как думает автор, не потому, что Англия якобы была отсталой окраиной феодальной системы, а потому, что феодализм был ослаблен остротой внутренних противоречий (война Алой и Белой роз — один из показателей бурного характера феодальных противоречий, а вовсе не того, что «импортированный» феодализм норманнов так и не смог якобы пустить глубоких корней на земле Альбиона. — Стр. 126), подточен капитализацией нигде в Европе не получившей такого развития.

Возведение особенностей технологии революции в ранг закона общественного развития привело автора к неправильным выводам относительно истории буржуазной революции и современного революционного процесса на Востоке, о чем речь пойдет ниже.

В работе дается, в общем, убедительная картина эволюции колониализма. Привлекает внимание анализ проблемы уклада. Автор говорит, что уклад и способ производства, видимо, однозначные, сходные понятия. К термину «уклад» прибегают, как правило, при характеристике экономики общества, в котором сосуществует несколько

способов производства. Думается, однако, что четкое следование этому верному исходному принципу должно было бы привести автора к более строгому определению укладов. Уклад, как и способ производства, — отвлеченное политэкономическое понятие, которое не включает всего богатства и многообразия не только политического, но экономического содержания реальных жизненных процессов. Ошибочно полагать, что все социальные проблемы можно охватить и определить, произвольно множа число укладов. Количество способов производства четко определено. Уклады нужно привязывать к ним, находить в них. Позволительно ли говорить о национальном капитализме как особом укладе в отличие от компрадорского капитализма, как это делает автор, или говорить о синтезированном способе производства колониального типа. Выделение укладов не должно быть единственным методом анализа. Нужно помнить о взаимоотношениях укладов, о включении укладов в иные производственные системы и т. д. Стремление каждую специфическую экономическую связь выдать за самостоятельный уклад не способствует ясности вопроса, а, наоборот, скорее запутывает его.

Последняя часть работы носит фрагментарный характер. Автор высказывает свое мнение по ряду спорных вопросов, не всегда давая систематическое, комплексное освещение проблемы. Так, параграф о движущих силах революции (стр. 224—257) сведен, по существу, к тезису о том, что наиболее динамичной силой революционного движения выступают полутрадиционные элементы социальной структуры (стр. 247, 254). При этом роль их, видимо, преувеличивается. Произвольно звучит заявление автора, что провозглашение всех национально-освободительных революций национально-демократическими и четырехклассовая формула политического блока участвующих в этих революциях сил (включая прогрессивное крыло национальной буржуазии) означали приравнивание социалистической ориентации к буржуазному типу модификации (стр. 259). Кто провозгласил национально-демократическими все национально-освободительные движения? Если же относить эту характеристику лишь к силам, выступающим за некапиталистический путь, тогда непонятно: к чему приписывать идею блока с левым или центристским крылом национальной буржуазии такие ликвидаторские последствия?

В этой части много заслуживающих внимания мыслей (например, «о революции сверху» как одной из форм осуществления некапиталистического пути) и спорных, недостаточно аргументированных положений. Так, автор переоценивает размах правящей революционной (или националь-

ной) демократии с буржуазными и либеральными мелкобуржуазными слоями, ее трудовое начало (стр. 309, 312) и т. д. Непонятно, чем, кроме «теории» волнообразного развития, руководствовался автор, утверждая, что рамки социалистической ориентации уже близки к заполнению (стр. 372), что волна социалистической ориентации как особой формы подхода к социализму уже прокатилась. Те, кого автор упрекает в излишнем оптимизме на этот счет, исходят из того, что, несмотря на поражения в ряде стран, число сторонников некапиталистического пути растет, тенденции этого рода обнаруживаются все в новых и новых странах. Уже после выхода в свет книги автора Эфиопия, Бенин, Мадагаскар, Мозамбик, Гвинея-Бисау и Республика Островов Зеленого Мыса провозгласили социалистическую ориентацию развития. Пророчание Н. А. Симонии звучит, но не убеждает.

Через всю последнюю часть книги красной нитью проходит мысль: социалистическая ориентация — проявление забегания вперед (стр. 283, 311 и др.). Если это так, то перспективы ее, конечно, плачевны. Но автор не хочет этого сказать. Здесь имеет место простая логическая ошибка. Забеганием вперед является не социалистическая ориентация (мы убеждены, что условия для нее созрели), а те или иные неподготовленные сверхрадикальные меры ее сторонников, подобно тому как в случае с нэпом, на основе которого автором построена «теория волнообразного развития», забеганием была не социалистическая революция, как таковая, а вынужденная политика военного коммунизма, от которой партия отказалась, как только наметился переход к мирному периоду развития нашей революции.

Н. А. Симония прав, что ощущается потребность в сугубо теоретических исследованиях, осмысливающих плоды конкретного анализа. Он внес определенный вклад в работу в этом направлении и в то же время продемонстрировал, что ее необходимо продолжить и углублять. Вместе с тем он обнаружил и некоторые опасности, подстерегающие исследователя, который стремился бы пойти исключительно путем логического анализа, тогда как наши трудности сплошь и рядом упираются в недостаточное конкретное, живое знание предмета. Пожелаем автору, уже многие годы плодотворно работающему над теоретическими проблемами национально-освободительных революций, сосредоточиться над изучением этого предмета более глубоко и конкретно.

Р. А. Ульяновский,
доктор экономических наук

Маоизм — предательство интересов китайского народа

Политика нынешних руководителей Китая, как подчеркнул Л. И. Брежнев в Отчете ЦК КПСС на XXV съезде, «откровенно направлена против большинства социалистических государств. Более того, она прямо смыкается с позицией самой крайней реакции во всем мире — от милитаристов и врагов разрядки в западных странах до расистов Южной Африки и фашистских правителей Чили. Эта политика не только совершенно чужда социалистическим принципам и идеалам, но по существу стала важным резервом империализма в его борьбе против социализма.

Большую опасность для всех миролюбивых народов представляют лихорадочные попытки Пекина сорвать разрядку, не допустить разоружения, сеять недоверие и вражду между государствами, его стремление спровоцировать мировую войну, а самому погреть на этом руки. Такая политика Пекина глубоко противоречит интересам всех народов» («Правда», 25 февраля 1976 г.).

Разоблачение антинародной, антисоциалистической сущности маоизма, вскрытие его идейных и классовых корней, реакционного характера политической практики группы Мао Цзэ-дуна является важной, актуальной задачей марксистов-ленинцев. Существенный вклад в борьбу против маоизма вносит последняя работа Ван Мина* — активного участника революционной борьбы китайского народа, видного деятеля Коммунистической партии Китая и международного коммунистического движения, большого друга советского народа.

Ван Мин (Чэнь Шао-юй) родился в апреле 1904 г. в провинции Аньхой в семье бедного учителя. В 1925 г. вступил в Коммунистическую партию Китая, руководил антимпериалистической борьбой студентов г. Уханя. В 1926—1929 гг. учился в Москве в Коммунистическом университете трудящихся Китая, в аспирантуре Института национально-колониальных проблем. В этот период Ван Мин уделял огромное внимание овладению теорией и практикой марксизма-ленинизма, изучению опыта международного коммунистического и рабочего движения. В 1929 г. Ван Мин вернулся в Китай и

* Ван Мин. Полвека КПК и предательство Мао Цзэ-дуна. М., 1975, с. 309.

вел подпольную работу, был секретарем райкома в Шанхае, руководил провинциальным комитетом КПК провинции Цзянси.

В 1930 г. Ван Мин возглавил в партии борьбу против мелкобуржуазно-националистической полутроцкистской, авантюристической платформы Ли Ли-сяня, фактически руководившего в то время Политбюро ЦК КПК.

В 1931 г. Ван Мин был избран членом ЦК Компартии Китая, членом Политбюро секретарем ЦК КПК и некоторое время исполнял обязанности Генерального секретаря ЦК КПК.

С конца 1931 г. до ноября 1937 г. Ван Мин являлся представителем Компартии Китая в Коминтерне. В творческом сотрудничестве с Г. Димитровым и другими деятелями международного коммунистического движения Ван Мин участвовал в теоретической и политической работе Коминтерна в обобщении революционного опыта, в том числе и опыта Компартии Китая. Он принял активное участие в подготовке исторического VII Конгресса Коминтерна. Ван Мин был избран членом Президиума, кандидатом в члены Секретариата ИККИ. В 30-е гг. Ван Мин внес большой вклад в теоретическую разработку и практическое осуществление политики единого национального антияпонского фронта, имевшей важное значение для победы китайской революции. После возвращения на родину в ноябре 1937 г. Ван Мину было поручено руководство Бюро ЦК КПК по Центральному Китаю в Ханькоу, а затем в Чуишине, а также отделом единого фронта в ЦК КПК и многими другими важными участками работы партии.

Плодотворная теоретическая и практическая деятельность выдвинула Ван Мина в число выдающихся руководителей и теоретиков КПК. С позиций марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма Ван Мин вел решительную борьбу против различных оппортунистических течений в КПК. С середины 30-х гг. Ван Мин, отстаивая линию Коминтерна, последовательно вел упорную борьбу против националистических и авантюристических установок Мао Цзэ-дуна, а в 40-е гг. — против целой системы антимарксистских взглядов Мао Цзэ-дуна или «китаизированного марксизма». Не случайно поэтому Мао Цзэ-дун избрал Ван Мина главным объектом нападок в своей борьбе против китайских коммунистов-интернационалистов и Коминтерна. Он использовал все средства (вплоть до отравления), чтобы устранить Ван Мина, считая его главной помехой в достижении своих целей — узурпации руководства КПК, насаждении своего культа и «китаизированного марксизма».

До конца своей жизни Ван Мин был и оставался выдающимся коммунистом-интернационалистом, замечательным революционером и непоколебимым борцом за свободу и счастье своего народа, решительным противником антисоциалистического, антина-

родного курса Мао Цзэ-дуна. М. А. Сулов в своем выступлении на XXV съезде КПСС, отметив имя Ван Минна в мемориальном списке видных деятелей мирового коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения, сказал: «Мы бережно храним в наших сердцах имена умерших и погибших товарищей и друзей, жизнь которых была неразрывно связана с борьбой за мир, демократию, социализм, за счастье людей на земле» («Правда», 25 февраля 1976 г.).

Маонсты панически боялись и боятся Ван Минна. Особый страх Ван Минном испытывал всегда Мао Цзэ-дун. Он «сознавал, что Ван Мин, как один из старейших руководителей КПК, знает столько о его антипартийной, антинародной деятельности, что может разоблачить его перед китайским народом и перед всем миром как национального и классового предателя. Мао Цзэ-дуну хотелось, как он сам признавал, чтобы Ван Мин уподобился «позолоченному идолу в храме королевских предков с трижды зашитым ртом», иными словами, чтобы он навсегда унес с собой в могилу конкретные свидетельства политической измены Мао Цзэ-дуна. Но этого не случилось.

Книга Ван Минна «Полвека КПК и предательство Мао Цзэ-дуна» явилась прямым продолжением борьбы китайского коммуниста-интернационалиста против антинародного, антисоциалистического курса Мао Цзэ-дуна, за свободу и счастье китайского народа, за социалистическое развитие КНР. Книга Ван Минна на большом историческом материале разоблачает классовое и национальное предательство Мао Цзэ-дуна.

Как свидетельствует история, в переломные моменты развития революционного и освободительного процесса, в периоды наиболее острой классовой борьбы на международной арене возрастает опасность распространения различных оппортунистических течений в коммунистическом движении, угроза предательства лидерами оппортунизма классовых и интернациональных интересов этого движения и превращения их в пособников империалистической реакции.

Не случайно поэтому маонизм — враждебное марксизму-ленинизму идейно-политическое течение — проявился в первой половине 40-х гг., в переломный период жесточайшей борьбы революционных и освободительных сил мира с фашизмом и прежде всего смертельной схватки первой страны социализма с ударным отрядом мировой империалистической реакции.

Не случайно и то, что маонизм полностью обнажил свою реакционную сущность как врага мирового социализма, международного коммунистического и рабочего движения, пособника империалистической реакции в 60—70-е гг., в переломный период противоборства социализма с империализмом и коренного изменения соотношения классовых сил на международной арене в пользу социализма.

Поэтому закономерно и правильно то, что Ван Мин при раскрытии реакционного характера политической деятельности и взглядов Мао Цзэ-дуна сосредоточил внимание на двух решающих этапах эволюции маонизма, совпавших с переломными моментами мирового революционного движения. В цепи событий, отмечает автор, предопределивших классовое и национальное предательство Мао Цзэ-дуна, решающую роль сыграли реакционная «кампания по упорядочению стиля», проводившаяся в первой половине 40-х гг., и контрреволюционный переворот, совершенный им во второй половине 60-х гг. под вывеской «культурной революции».

«Кампания по упорядочению стиля», как убедительно раскрывается в книге, была направлена против марксизма-ленинизма, Коминтерна, против марксистско-ленинских, интернационалистских сил в Компартии Китая. Развертывая кампанию, Мао Цзэ-дун стремился монополизировать власть в партии, подменить марксизм-ленинизм «китайским марксизмом», то есть маонизмом, утвердив его в качестве господствующей идеологии в КПК. В конечном итоге с помощью этой политической кампании Мао Цзэ-дун пытался изолировать Компартию Китая от КПСС, международного коммунистического движения, с тем чтобы столкнуть КПК с позиций пролетарского интернационализма на путь мелкобуржуазного национализма и великоханьского шовинизма.

Мао Цзэ-дун начал «кампанию по упорядочению стиля» осенью 1941 г., в момент временных военных трудностей советского народа в борьбе с немецким фашизмом. Как рассказывает Ван Мин, в августе — сентябре 1941 г. Мао Цзэ-дун открыто заявлял на заседаниях Политбюро ЦК КПК, что «Советский Союз непременно потерпит поражение, Германия непременно одержит победу» (с. 62). Иными словами, Мао Цзэ-дун заявлял, что при проведении этой «кампании» можно уже не считаться ни с Коминтерном, ни с КПСС.

Следует отметить, что именно телеграмма руководителя Коминтерна Г. Димитрова от октября 1941 г. с запросом о том, какие меры намерена предпринять Компартия Китая, чтобы в условиях продолжавшегося наступления фашистской Германии на СССР активизировать военные действия против Японии с целью не допустить ее нападения на Советский Союз, заставила Мао Цзэ-дуна сбросить маску приверженца марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма и обнажить свою подлинную националистическую сущность. Мао Цзэ-дун не только отказался от выполнения КПК своего интернационального долга (хотя его выполнение отвечало национальным интересам Китая, китайской революции), но и развернул ожесточенную борьбу против тех деятелей КПК, которые целиком разделяли мнение Коминтерна и требовали активиза-

ции военных действий против японского империализма (с. 39).

Не случайно первые мероприятия «кампании по упорядочению стиля» совпали с прямыми заявками Мао Цзэ-дуна на свой собственный «изм». Ван Мин вспоминает, что «начиная с сентября 1941 г. Мао Цзэ-дун в личных беседах с членами Политбюро часто говорил о своем желании создать «маоцзэдунизм». «Когда у руководителя нет собственного «изма», — сказал Мао Цзэ-дун в одной из бесед с Ван Мином, — то еще при жизни его могут свергнуть другие, да и после смерти он может подвергнуться нападкам. Когда имеешь «изм», положение становится иным» (с. 15). Это высказывание весьма типично и характерно для Мао Цзэ-дуна, его амбициозные претензии на роль единственного «теоретика» партии совсем не означали, что Мао Цзэдуну действительно удалось решить важные проблемы китайской революции, они означали лишь его стремление к монополюной власти в партии, к утверждению культа личности, к увековечиванию его персоны. Борьба за осуществление этих целей является стержнем всей политической практики Мао Цзэ-дуна.

«При создании маоцзэдунизма я сохранил марксизм, — продолжал Мао Цзэ-дун. — Я отвергаю только ленинизм. Мой подход к этому вопросу таков: ленинизм — это русский марксизм, представляющий собой сочетание всеобщей истины марксизма с конкретной практикой русской революции; маоцзэдунизм есть китайский марксизм, или кангаизированный марксизм, представляющий собой сочетание всеобщей истины марксизма с конкретной практикой китайской революции» (с. 15—16).

Ван Мин раскрывает ревизионистскую сущность этого рассуждения Мао Цзэ-дуна. Он доказывает, что противопоставление ленинизма марксизму — старый прием врагов марксизма. В борьбе против такого рода буржуазных идеологов и всякого рода оппортунистов коммунисты исходят из той научной истины, что ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарских революций; иначе говоря, ленинизм есть марксизм, продолжающий развиваться в новую эпоху. Автор показывает, что маоистский тезис о «китаизации марксизма» противоречит самой сути марксизма как интернационального учения о революционном преобразовании человеческого общества.

Ван Мин дает большой, убедительный фактический материал, раскрывающий главную особенность процесса «создания» маоизма — фальсификацию Мао Цзэ-дуном истории КПК и китайской революции.

Содержание беседы, которая состоялась 1 апреля 1944 г. между Мао Цзэ-дуном и Ван Мином, раскрывает основные характерные черты этой фальсификации — беззастенчивое присвоение себе заслуг Коминтерна, В. И. Ленина, представителей марксистско-ленинских сил в руководстве КПК в решении теоретических, стратегических и

тактических вопросов китайской революции в борьбе против различных оппортунистических уклонов в КПК. При этом Мао Цзэ-дун стремился опорочить и дискредитировать Коминтерн, Советский Союз и марксистов-ленинцев.

Для того чтобы «написать историю КПК как личную историю Мао Цзэ-дуна... я решил... не признавать ленинизма, — заявил Мао в беседе с Ван Мином. — Не признавать роли Ленина, Сталина, Коминтерна Советского Союза в истории Компартии Китая и китайской революции. Будем говорить, что ленинизм неприменим для руководства китайской революцией, что все высказывания Ленина и Сталина о китайской революции были ошибочными... что Советский Союз не оказывал помощи Компартии Китая, а если иногда и оказывал какую-то помощь, то она, мол, бывала не только бесполезна, но и вредна. Не будем признавать заслуг Цюй Цю-бо в борьбе против чаньдусизма, а, напротив, объявим, что его действия были ошибочными. Не будем признавать ваших заслуг в борьбе против линии Ли Ли-сяня, а будем считать, что, наоборот, ваша линия была еще более левацкой, чем лилисаневская. Не будем признавать ваших заслуг в разработке политики антияпонского национального единого фронта, а заявим, что вы предлагали ошибочную правооппортунистическую политику. Одновременно будем говорить что в идеологическом отношении Компартия Китая всегда руководствовалась маоцзэдунизмом, что все достижения Компартии Китая и китайской революции за последние 24 года явились результатом руководства Мао Цзэ-дуна, что все многочисленные ошибки, совершенные некоторыми руководителями Компартии Китая в различные периоды, были исправлены Мао Цзэ-дуном» (с. 65—66).

Такого рода маоистская фальсификация истории КПК, то есть приписывание Мао Цзэ-дуном себе чужих заслуг, должна была создавать обманчивое впечатление, будто Мао Цзэ-дун на самом деле является творцом марксистско-ленинской теории китайской революции. В этом была скрыта серьезная опасность маоизма для КПК, так как масса членов партии и руководящих кадровых работников могла ошибочно отождествить «идеи Мао Цзэ-дуна» с марксистским обобщением опыта КПК.

Другая серьезная опасность для партии состояла в том, что маоизм уже в момент «создания» маскировался под марксизм-ленинизм. Мао Цзэ-дун в беседе с Бо Гу**, которая приводится в книге Ван Мина, фактически признал, что без своеобразного марксистского камуфляжа маоизм не мог бы даже появиться на свет. Он сказал: «...при упорядочении стиля перед интелли-

** Бо Гу (Цинь Бан-сянь) — видный деятель КПК, Генеральный секретарь ЦК КПК в 1931—1935 гг.

генцией труднее выступать с речами. Если им все подавать только в таком виде, что, мол, Мао Цзэ-дун говорит то-то и то-то, надо поступать так-то и так-то, то это не возьмет должного воздействия. Потому что маоцзэдунизм только что вышел на сцену, они еще не верят ему. Необходимо вытащить на сцену кое-какой товар старой марки, например: «Ленин говорил то-то и то-то, надо поступать так-то и так-то, тогда они поверят; только тогда не посмеют противиться...» (с. 117).

Нельзя недооценивать и того неблагоприятного для КПК факта, что маонизм и маонистская версия истории КПК и китайской революции насаждались посредством политического, идеологического и военного террора. «...Мы должны брать пример с Магомета, который — с мечом в одной руке и с кораном в другой — силой обращал людей в новую веру, — говорил Мао Цзэ-дун. — В кампании по упорядочению стиля надо прибегать к силе, чтобы заставить людей принять маоцзэдунизм» (с. 61).

Путем репрессий и террора руководители «кампании по упорядочению стиля» принуждали рядовых членов партии и всех кадровых работников не только отрешиться от марксизма-ленинизма, но и практически от всей своей прошлой революционной деятельности. Иными словами, они должны были полностью «очиститься» от марксизма-ленинизма, добровольно принять «политическую смерть», чтобы затем возродиться маоцзэдунистами.

Ван Мин рассказывает, что в ходе «кампании по упорядочению стиля» от коммунистов требовали признать, что «произведения Ленина, документы Коминтерна и КПК... являются «неправильными» и тот, кто прочтет много таких работ, станет «догматиком». Поэтому «некоторые (даже ответственные работники) были настолько напуганы, что публично предали огню названные произведения и документы или выбросили их» (с. 59).

Следующим мероприятием Мао Цзэ-дуна и его подручных была «политическая казнь» коммунистов. Путем пыток и истязаний они принуждали рядовых членов партии и руководящих кадровых работников признавать себя «контрреволюционерами», «вражескими шпионами», «национальными предателями». Ван Мин рассказывает, что «временами прибегали просто к диким приемам. Например, приводили на «массовый митинг» преследуемого человека, клали перед ним на стол штык, чашу с ядом и веревку. Затем требовали от присутствующих громко скандировать: «Или сейчас же признай себя контрреволюционером, или немедленно покончи с собой!», «Вот три способа самоубийства, можешь выбрать любой!» (с. 132).

О массовом характере маонистских репрессий говорит тот факт, что из тысячи работников аппарата ЦК КПК свыше 900 были объявлены «контрреволюционерами» (с. 161).

Каждый, кто признавал себя «контрреволюционером», немедленно получал свободу. Ему накалывали «красный цветок славы», удостоивали поощрения. Тех же, кто отвергал свою причастность к «преступлениям», избивали и истязали. «Согласно данным из различных источников, число людей, убитых в ходе «кампании по упорядочению стиля», достигло как минимум 50—60 тысяч...» (с. 162).

Следует отметить тот факт, что особенно изощренными, методичными и унижительными были приемы и методы репрессий Мао Цзэ-дуна и его ближайших помощников в отношении высших партийных руководителей, главных представителей интернационалистических сил в Политбюро ЦК КПК. Мао Цзэ-дун потребовал, чтобы их заставили написать лично ему «исповеди» с полным отказом от ленинизма, или, по его словам, «русского марксизма», от «линии Коминтерна» и с безоговорочным признанием «маоцзэдунизма». Для насаждения в партии «маоцзэдунизма» исключительно важное значение придавалось осуждению своей прошлой революционной деятельности и признанию «исторической правоты Мао Цзэ-дуна» со стороны бывших генеральных секретарей ЦК КПК Бо Гу, Ло Фу.

Ван Мин приводит потрясающее свидетельство о том, как Мао Цзэ-дун вырвал «исповеди» у Бо Гу, Ло Фу и члена Политбюро Ян Шан-куня. «... В гнетущей атмосфере террора и страха Мао Цзэ-дун направил Ли Фу-чуня, Пэн Чжэня, Гао Гана и Линь Бяо к Бо Гу в Циньляньшань, где находилась редакция газеты «Цзефан жибао» (с осени 1941 г. до момента своей гибели в 1946 г. Бо Гу был главным редактором «Цзефан жибао»). Ссылаясь на указание Мао Цзэ-дуна, они потребовали от Бо Гу «исповеди с оханванием трех», основной смысл которой, как это определял Мао Цзэ-дун, должен состоять в том, чтобы «ругать себя, ругать Ван Мина, ругать русских». «Ругать русских — значит ругать Коминтерн и Советский Союз». Откажись Бо Гу — его бы немедленно арестовали и расстреляли, а затем объявили бы в газете контрреволюционером. Позже Мао Цзэ-дун рассказывал мне, что Бо Гу долго не соглашался писать требуемую «исповедь», всю ночь рыдал. Согласился только тогда, когда хотели связать его и увести. По словам самого Мао Цзэ-дуна, к Ло Фу и Ян Шан-куню он применил тот же метод угроз, чтобы заставить их написать аналогичные «исповеди с оханванием трех» (с. 149).

Как показывают исторические факты, главной целью Мао Цзэ-дуна было принудить коммуниста-интернационалиста Ван Мина — бывшего руководителя китайской делегации в Коминтерне, члена Президиума ИККИ, кандидата в члены Секретариата ИККИ, к написанию своей «исповеди». Мао Цзэ-дун хотел, чтобы «исповедь» Ван Мина увенчала его борьбу против марксистско-ленинских, интернационалистических сил в

КПК. Но в борьбе с Ван Минном Мао Цзэ-дун потерпел поражение.

В период «кампании по упорядочению стиля» Мао Цзэ-дуну не удалось заставить Ван Минна написать «исповедь». Потерпела неудачу и последовавшая в 1949 г. попытка Мао Цзэ-дуна принудить Ван Минна «покаяться». По этому случаю Ван Мин пишет: «16 марта 1949 г. в 5 часов вечера Мао Цзэ-дун зашел ко мне (тогда мы жили в деревне Сибэйяо, уезд Фупин, провинция Хэбэй). Он принес «исповедь» Бо Гу, Ло Фу и Ян Шан-куня и потребовал, чтобы я тоже написал «исповедь с охаванием трех», то есть в ней я должен был «ругать себя, ругать их (Бо Гу, Ло Фу, Ян Шан-куня и других), ругать русских». Затем, с чувством явного самодовольства рассказав о том, как он заставлял Бо Гу и других писать «исповеди», Мао Цзэ-дун закричал: «Не напишете — и с вами буду обращаться как с Бо Гу!» Я не только категорически отверг абсурдное и недостойное требование, осудил подобные действия, как преступные... Я заявил ему: «Я не только не буду писать, но и не буду читать подобные вещи». И сказал, чтобы он унес их обратно» (с. 152).

Факты истории свидетельствуют о том, что Ван Мин всегда решительно выступал против оппортунистических течений в КПК. Его борьба против враждебной марксизму-ленинизму и социалистическому развитию Китая идеологии и политики Мао Цзэ-дуна имеет историческое значение.

25 декабря 1945 г. Ван Мин выступил с докладом «О современном положении и задачах партии» на общем собрании кадровых работников парткома при ЦК КПК, Бюро ЦК КПК по Северо-Западному Китаю и парткома Пограничного района Шэньси — Ганьсу — Нинся, на котором присутствовало более тысячи человек. Этот доклад, в котором выдвигался правильный политический курс, по своему содержанию был прямо противоположен докладу Мао Цзэ-дуна на VII съезде КПК «О коалиционном правительстве»***. В марте 1949 г. на II пленуме ЦК КПК Ван Мин выступил с большой речью, в которой разоблачил отказ Мао Цзэ-дуна от социалистической революции и социалистического строительства.

«...Начиная с 30-х гг., — пишет Ван Мин, — Компартия Китая непрерывно вела длительную, сложную и тяжелую борьбу против антиленинских, антикоммунистических, антипартийных, антисоветских и антинародных линий и политических установок Мао Цзэ-дуна. Лишь благодаря этому удалось обеспечить развитие китайской революции и добиться победы, а Китайской Народной Республике с помощью СССР достигнуть значительных успехов в социалистическом строительстве» (с. 10).

До конца своей жизни Ван Мин само-

отверженно боролся против антинародного, антисоциалистического курса Мао Цзэ-дуна. В своих работах: «О событиях в Китае» (1969), «Ленин, ленинизм и китайская революция» (1970) он вскрыл сущность антиленинских, антисоциалистических, великодержавно-националистических «идей» и политического курса Мао Цзэ-дуна и тот вред, который они наносят китайскому народу и международному коммунистическому движению. И наконец, в своей последней большой работе Ван Мин разоблачил классовое и национальное предательство Мао Цзэ-дуна.

Во второй части книги Ван Мин обнажает основные моменты антинародной, антисоциалистической, антикоммунистической деятельности Мао Цзэ-дуна с середины 60-х до начала 70-х гг. Ван Мин отмечает: «Начиная с лета 1966 г. Мао Цзэ-дун под флагом «культурной революции» совершает контрреволюционный переворот, направленный против КПК и китайского народа, против Советского Союза и международного коммунистического движения» (с. 177).

В области внутренней политики, как показывает автор, Мао Цзэ-дун использовал военную силу для разгрома великой, славной Коммунистической партии Китая и подавления трудолюбивого, талантливого и революционного китайского народа.

В области внешней политики Мао Цзэ-дун ведет борьбу против Советского Союза и других социалистических стран, все усилия он направляет на подрыв и раскол мировой системы социализма.

Ван Мин подчеркивает, что антисоветские и антикоммунистические действия Мао Цзэ-дуна использует как средство сближения с империалистами и реакционерами разных стран. В антисоветизме, приходит к заключению Ван Мин, как в фокусе отражается борьба Мао Цзэ-дуна «против марксизма-ленинизма, социалистических стран, коммунистических и рабочих партий (включая и Компартию Китая), против антиимпериалистического движения и мира во всем мире. Антисоветизм используется им также для того, чтобы заслужить одобрение и понимание у империалистических держав, прежде всего у империалистов США и реакционеров всех стран» (с. 181).

Политика смыкания с империалистической реакцией, как неопровержимо доказывает Ван Мин, является составной частью контрреволюционного переворота Мао Цзэ-дуна. Автор на большом фактическом материале раскрывает истоки нынешнего маоистского курса на сотрудничество с империализмом.

В этой связи Ван Мин приводит конкретные свидетельства о том, как в октябре 1940 г., в период освободительной войны китайского народа против японского империализма, Мао Цзэ-дун открыто ратовал за то, чтобы на международной арене проводить линию союза фашистских Германии, Италии и милитаристской Японии с СССР, а внутри страны протаскивал национал-

*** См.: Ван Мин. Ленин, ленинизм и китайская революция. М., 1970.

предательскую линию союза с японскими захватчиками.

Ван Мин рассказывает, как Мао Цзэ-дун пытался навязать партии свою профашистскую, национал-предательскую линию, опубликовав в газете «Синьчжунхуа бао» (орган ЦК КПК) написанную им редакционную статью «О союзе Германии, Италии, Японии и Советского Союза».

Ван Мин подчеркивает, что Мао Цзэ-дун, этот беспринципный политический авантюрист и интриган, напечатал статью, пропагандирующую лозунг о союзе Германии, Италии, Японии и СССР, отнюдь не бесцельно. Цель, которую он преследовал, состояла в том, чтобы прикрыть свою прояпонскую национал-предательскую линию, а также использовать этот лозунг как предлог для оправдания приказа войскам о прекращении антияпонских военных действий и усиления военных конфликтов внутри страны. В международном плане он стремился подорвать авторитет Советского Союза среди мировых антифашистских сил» (с. 194).

Далее Ван Мин рассказывает, что «Мао Цзэ-дун тайно, без ведома Политбюро ЦК партии, через радиостанцию Военного совета ЦК КПК приказал политкомиссару Новой 4-й армии Жао Шу-ши послать от его имени представителя на переговоры с представителями японской армии и Ван Цзин-вэем... Однако ни японцы, ни Ван Цзин-вэй в то время не могли поверить, что Мао Цзэ-дун может быть «Ван Цзин-вэем номер два». Они заподозрили, что компартия плетет какую-то интригу против них и хочет заманить их в ловушку. Поэтому на переговорах так и не было достигнуто каких-либо конкретных результатов» (с. 194).

Впоследствии Мао Цзэ-дун уничтожил прямых свидетелей его предательской акции. По этому поводу Ван Мин пишет: «В 1955 г. под предлогом борьбы против «блока Гао (Гао) — Жао (Шу-ши)» Мао Цзэ-дун арестовал и замучил до смерти Жао Шу-ши, а также использовал эту кампанию для ареста и казни Пань Хань-няня (бывшего на-

чальника разведотдела Новой 4-й армии), которого Жао Шу-ши по приказу Мао Цзэ-дуна посылал как представителя на переговоры с японской армией и Ван Цзин-вэем, а также Ху Цзюнь-хэ, бывшего представителя японских оккупационных сил и Ван Цзин-вэя на этих переговорах (Ху Цзюнь-хэ в свое время изменил делу компартии, но на упомянутых переговорах Пань Хань-няню удалось уговорить его снова служить нашей партии)» (с. 194—195).

Многочисленные факты, приводимые Ван Мином, убедительно доказывают, что в основе политики Мао Цзэ-дуна, направленной на смыкание с наиболее реакционными силами современности, лежит националистический курс, противоречащий коренным интересам китайского народа.

Ван Мин глубоко и убедительно раскрывает идейные, теоретические, исторические и социальные корни измены Мао Цзэ-дуна интересам китайского народа и неизбежную обреченность маоизма.

23 марта 1974 г., за три дня до своей кончины, Ван Мин выразил непоколебимую веру в победу китайского народа над маоистской реакцией: «Китайские коммунисты, весь китайский народ непременно добьются избавления от реакционного господства Мао Цзэ-дуна, с тем чтобы построить свое светлое и счастливое социалистическое будущее и навсегда овладеть судьбой Китая. Этот вывод неизбежно вытекает из неумолимых закономерностей исторического развития» (с. 4).

Книга Ван Мина, подведшая итог его долголетней революционной деятельности, является собой яркий пример и образец борьбы замечательного пролетарского интернационалиста за социалистическое развитие Китая, за дружбу советского и китайского народов, за единство мирового коммунистического движения.

М. И. Сладковский,
член-корреспондент АН СССР
К. В. Кукушкин,
кандидат исторических наук

★ ★ ★

Проблемы методологии всемирной истории

Общественные науки, включая историю, имеют ныне дело с громадным объемом фактического материала и с очень сложными теоретическими вопросами. Это тре-

бует дальнейшей разработки методологии и методики исследований. Актуальность задачи была подчеркнута Секцией общественных наук Президиума АН СССР. В принятом постановлении, в частности, сказано: «В области исторических наук — особое внимание уделить дальнейшей разработке теории социально-экономических формаций, выявлению механизма действия общих закономерностей всемирно-исторического процесса и раскрытию соотношения социологических и собственно-исторических закономерностей, исследованию проблем неравномерности исторического процесса и периодизации исто-

рии, а также совершенствованию специфических методов исторического познания»¹.

Монография доктора исторических наук В. Н. Никифорова² посвящена проблеме последовательности социально-экономических формаций в истории стран Востока и в связи с этим периодизации всемирной истории.

Известно, что в ходе дискуссий о докапиталистических формациях были выдвинуты «новые гипотезы». В. Н. Никифоров справедливо отмечает: «Если бы они были доказаны, то все учебники истории, исторического материализма, политэкономии в части, где говорится о конкретной смене общественно-экономических формаций, пришлось бы писать заново. Достаточно сказать, что из известных до сих пор марксистской науке трех докапиталистических формаций (первобытнообщинного строя, рабовладельческого и феодального) существование первых двух в ходе дискуссии поставлено под сомнение. Феодализм же понимается сейчас некоторыми авторами совершенно иначе, чем это до сих пор делалось в нашей литературе» (стр. 4—5). Естественно, что задача всестороннего анализа, тщательной объективной проверки «новых гипотез» (об «азиатском способе производства», о «переходных формациях», о «смешанной рабовладельческо-феодальной формации», о «феодализме» в древности) — первостепенной актуальности. Задача необычайно трудная, поскольку приходится иметь дело, без преувеличения, с материалом всей всемирной истории — с древних времен до наших дней. В книге гипотезы по новой периодизации проанализированы: в первой части — логически; во второй — историографически и историкоисследовательски (рассмотрены методы работы авторов над источниками); в третьей части произведена проверка на фактах конкретной истории.

Логический анализ в первой части (стр. 13—80) приводит автора к выводу, «что гипотезы, противопоставляемые «пятичленной» периодизации³, внутренне противоречивы и, в сущности, не поддаются доказательству» (стр. 80). Самый главный их недостаток — они не имеют своего собственного концептуального содержания. Их пытаются «клеить» из элементов разных формаций. При этом получается «путаница понятий», игнорируются коренные различия между докапиталистическими формациями, бес-

классовое общество смешивается с классовым, рабовладение — с феодализмом (стр. 60).

В разделах, посвященных работам К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, автор скрупулезно исследует развитие взглядов классиков марксизма по проблеме основных этапов всемирно-исторического процесса, места и роли в нем стран Востока (стр. 113—171). В. Н. Никифоровым учтены, по существу, все работы основоположников марксизма-ленинизма, в которых указанная проблема рассматривается в том или ином аспекте. Библиография этих работ насчитывает 75 изданий на русском и немецком языках (стр. 296—298). Надо признать, что проведенное автором в данной области исследование является на сегодня самым полным. Никто еще из марксистов, советских и зарубежных, такой работы пока не проделал.

В ходе дискуссий 20—30-х гг. и недавний спор о взглядах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина порою принимал несколько начетнический характер. Заслугой В. Н. Никифорова является строго научный подход к данному вопросу, не оставляющий более места для упрощений. Автор исходит из того, что марксистско-ленинское учение о закономерной последовательности формаций не было создано в один момент, сразу в законченном виде, — оно разрабатывалось в течение десятилетий на основе анализа и обобщения данных литературы и документального материала. Вначале К. Маркс выдвинул гипотезу об азиатском способе производства, впоследствии новые данные побудили его снять ее. На наш взгляд, автор доказал следующее: «...представление об особом развитии Востока было преодолено К. Марксом и Ф. Энгельсом, к выводам которых присоединился В. И. Ленин... тезис о рабовладельческом строе на древнем Востоке подготовлен трудами К. Маркса и впервые сформулирован Ф. Энгельсом; В. И. Ленин разделял этот тезис» (стр. 277).

Историографический анализ в рецензируемой книге охватывает литературу по истории Востока, начиная от сочинений европейских авторов XVII в. и кончая современной буржуазной наукой и современными марксистскими работами (стр. 81—192). Всего библиография насчитывает 1052 названия на 11 языках: русском, английском, венгерском, вьетнамском, итальянском, китайском, немецком, польском, румынском, французском, чешском (стр. 296—331). И здесь надо признать, что проведенное историографическое исследование является на сегодня самым полным.

Для историографических работ В. Н. Никифорова всегда было характерно, что в них на первом плане был методологический аспект — автора интересовали главным образом теоретические концепции историков⁴.

⁴ См. В. Н. Никифоров. Советские историки о проблемах Китая. М., 1970, стр. 3.

¹ См. О разработке методологических проблем общественных наук. — «Социологические исследования», 1975, № 3, стр. 222.

² В. Н. Никифоров. Восток и всемирная история. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1975, 350 стр.

³ Под «пятичленной» периодизацией подразумевается закономерная последовательность первобытнообщинного строя, рабовладения, феодализма, капитализма, коммунизма.

В таком же ключе написана и вторая часть рецензируемой книги. Проведенный анализ делает ясным причины дискуссии, условия ее возникновения, ее предпосылки (социальные, классовые, гносеологические) и основные этапы ее развития. Наконец, и это весьма важно, историографический анализ помогает избавиться от давних ошибок. На проверку «новые» и «ультрановые» гипотезы об «иных путях» истории Востока оказываются лишь повторением заблуждений, которые тянулись веками и которые уже были преодолены наукой много лет назад (стр. 81—192, 277—278).

Третья часть работы — «Свидетельство конкретной истории» (стр. 193—275). Автор руководствуется следующими установками: никакие выводы не брать «на веру» (стр. 8). «...только обращение к конкретному материалу вправе вынести последний приговор тем или иным гипотезам» (стр. 193); преодолевать любые формы догматизма, «старые», «новые» (стр. 249).

В третьей части книги В. Н. Никифоров показал следующее: нет фактов, нет конкретного материала, который подтверждал бы тезис о принципиальных различиях исторического процесса в странах Запада и Востока.

В поисках фактов, подтверждающих концепцию особой формации, основанной на азиатском способе производства, автор обратился и к работам сторонников данной концепции, но обнаружилось, что во всех своих работах, посвященных конкретным исследованиям, они прослеживают в обществах Востока, по существу, такие же формы собственности и способы эксплуатации, которые были характерны и для Запада, что никто еще не открыл четвертый (нерабовладельческий, феодальный, некапиталистический) способ эксплуатации и что этап «азиатской» формации конкретно не обнаруживается нигде, ни в какую эпоху, ни в какой стране.

В третьей части книги автор широко применяет сравнительно-исторический анализ. Применение такого анализа — ныне один из самых актуальных методологических вопросов марксистской исторической науки. Известно, насколько сложными и острыми стали проблемы общего и особенного в истории разных регионов. Чтобы решение этих проблем было не произвольным, субъективным, а строго научным, основанным на объективных критериях, необходим сравнительно-исторический анализ в диахронном (по разным эпохам) и в синхронном (по одновременно существующим обществам) аспектах. Именно эту работу и проделал на обширном материале автор.

Затронув проблемы общего и особенного, мы не можем пройти мимо того, что в последние годы стремление учесть специфику (правильное в своей основе) иногда гипертрофируется и из поля зрения исчезает общее. К тому же сказывается растущая дифференциация науки — дробление на все более узкие отрасли специализации. Сегодня

историческая наука подошла к рубежу, когда абсолютно невозможно обойтись без обобщающего, синтетического подхода. О том, насколько он труден, говорить не приходится. В. Н. Никифоров отстаивает необходимость такого подхода: «...для периодизации всемирной истории и истории Востока не придумано еще инструментов и сенсационных научных методов, которые смогли бы сделать ненужным общий взгляд на основные формы и этапы конкретного исторического процесса» (стр. 265). И не только отстаивает, но и сам дает пример обобщающего исследования на высоком профессиональном уровне.

В книге В. Н. Никифорова не только критикуются «новые» схемы, но и позитивно разрабатываются методологические вопросы периодизации всемирной истории, которые представляют большой интерес.

Автор полагает, что для решения проблем, поднятых дискуссией, нужна интеграция, соединение усилий специалистов самого разного профиля — и по древней, и по средней, новой и новейшей истории, философов и экономистов, этнографов и юристов и других (стр. 10).

Он исходит из того, что в конкретном материале надо искать не «чистое» воплощение жестких схем, а ведущие тенденции развития, что «законы общественного развития проявляют себя в виде тенденций» (стр. 49, 232). Формация представляет собой не застывшую стабильную систему, а процесс. Существенные признаки формации складываются как итог, как результат исторического процесса в определенную эпоху (стр. 64, 123). Для уяснения коренных, формационных различий между древними и средневековыми обществами надо установить, какая смена ведущих тенденций произошла на рубеже двух эпох (стр. 43—44).

Своего рода «эпизентр» дискуссии — вопрос о рабовладельческом строе. Господствовал он в странах древнего Востока или нет? Поэтому автор много внимания уделяет понятию рабовладения. По мнению В. Н. Никифорова, существенный признак рабовладельческой эксплуатации — прямое насилие над личностью работника с целью заставить его трудиться и отдавать прибавочный продукт (стр. 26—27, 30, 56, 252).

Много внимания В. Н. Никифоров уделяет методике определения формационного характера конкретных обществ. Для этого нужно рассматривать общество в целом: и уровень развития производительных сил, и базис, и надстройку. Решающее значение имеет установление того, какой уклад был ведущим в экономике и господство какого класса осуществлялось в политике, в идеологии с помощью государства (стр. 37, 46, 48, 49, 53, 73, 251).

Как на конкретном материале проследить процесс перехода от одной формации к другой? Какой момент в социальной революции является решающим? В. Н. Никифоров рассматривает этот вопрос. Переход от одной докапиталистической формации к другой

длился долго: от первобытного строя к рабовладению — тысячелетиями, от рабовладения к феодализму — веками. Некоторые исследователи предлагают ввести понятия особых, «переходных» формаций. По мнению автора, это равносильно тому, чтобы вообще отказаться от категории формации, поскольку последняя — социальный организм, который в своем развитии проходит стадии становления, расцвета, зрелости и упадка (стр. 28).

Методику определения формационного характера обществ в периодизации их развития автор применяет в основном к конкретной истории Китая. Эта тема занимает в книге значительное место. Специально Китаю посвящены четыре раздела: «Докапиталистический Китай: отношения собственности» (стр. 194—204); «Докапиталистический Китай: «тайна» шэньши» (стр. 204—209); «Докапиталистический Китай: два этапа или один?» (стр. 210—219); «Сравнение Китая с Индией и Камбоджей» (стр. 228—242).

Выход книги В. Н. Никифорова — значительное событие в научной жизни. Во-первых, потому, что анализ материалов дискуссии, который проделан автором, является на сегодня самым полным. Убедительно обоснован главный вывод: «современная наука вновь подтверждает конкретными фактами «пятичленную» периодизацию, в то время как противоречащие ей гипотезы не согласуются с ходом истории...» (стр. 277). Во-вторых, потому, что книга открывает новое направление исследований. Отклоняя «адуманные «схемы», автор обращает внимание на важную реальную проблему, которая стоит перед историками, философами, экономистами и юристами: надо объяснить две эпохи, действительно имевшие место, — древность и средневековье (стр. 43—44, 227). Думается, что сравнительно-исторический анализ в данном случае будет очень плодотворным.

Давая высокую оценку монографии В. Н. Никифорова, мы вовсе не считаем, что в ней уже решены все проблемы. Многие важные вопросы, по существу, только поставлены. Так, дальнейшей углубленной

разработки требует проблема рабовладения, его экономических основ. В. Н. Никифоров отмечает, что на ранних этапах классовообразования свободной земли обычно много и на первый план выдвигается присвоение личности производителя, порабощение и эксплуатация его путем прямого насилия (стр. 26—27). Это справедливо для многих обществ, но не для всех. Например, так называемые «цивилизации речных культур», где классовообразование происходило на основе земледелия с искусственным орошением. Здесь земля, пригодная для использования, была далеко не свободной. Думается, что особого внимания заслуживает вторая тенденция, свойственная рабовладению, — лишить производителя собственности на средства производства, хотя они могли и оставаться в его пользовании.

Спорной представляется формулировка на стр. 289 (примечание 15). Массовые человеческие жертвоприношения могут рассматриваться как признак формирования раннерабовладельческого общества, но таким признаком не является каннибализм. Последний, скорее, явление, свойственное первобытному строю при чрезвычайной слабости производительных сил.

Неточная формулировка на стр. 239. Термин «юридическое лицо» не может относиться к индивиду, человеку. В данном случае следовало употребить другой термин — «кхнум не обладал правоспособностью и не мог быть субъектом правоотношений».

Рецензируемая монография не оставит равнодушным ни историка, ни Китаевода, ни философа, ни экономиста, ни юриста. В ней с высоким чувством ответственности поставлены и рассматриваются сложные и актуальные теоретические вопросы методологии всемирной истории. Хотелось бы отметить и такое достоинство книги — она учит культуре полемики, уважению к оппонентам, чтобы позиция была ясной, четко определенной, аргументы — весомыми и чтобы соблюдалась этика спора.

Ю. В. Кузнецов

★ ★ ★

Лутфулла Муталлип — уйгур-патриот

Недавно исполнилось тридцать лет со дня трагической гибели молодого уйгурского поэта, прозаика и драматурга Лутфуллы Муталлипа. К этому событию в Алма-Ате

было приурочено третье издание сборника его избранных произведений на уйгурском языке¹. В предисловии к сборнику доктор филологических наук М. К. Хамраев отмечает, что в книге не только даны необходимые сведения о биографии и этапах творчества Муталлипа, но и показано станов-

¹ Лутфулла Муталлип. Избранные произведения. Составитель и автор предисловия М. К. Хамраев. Алма-Ата, «Жазушы», 1975, (на уйгурск. яз.)

ление поэта как патриота и гражданина. Это издание является более полным и дает представление о разностороннем даровании поэта-революционера. Многие вошедшие в него произведения Муталлипа опубликованы впервые.

Лутфулла Муталлип был сыном уйгурского крестьянина из Синьцзяна, территорию которого испокон веков населяют уйгуры. Цивилизация оазисов Кашгарии, к примеру, возникла еще в кушанскую эпоху. Уйгуры превратили Кашгарию в одну из самых процветающих и культурных стран Азии. Творческий дух народа аккумулировал и преобразовывал культурные заимствования многих регионов — от Арабского Востока до Китая, своеобразно сочетая их с чертами самобытного развития. Но с XIV в. это развитие замедлилось после опустошительного завоевания Азии монголами и кровавого нашествия Тимура. Трагически сложилась судьба уйгуров после захвата страны китайцами. В течение XVIII—XIX вв. произошло семь национальных антикитайских восстаний, зверски подавленных императорскими войсками. С глубоким сочувствием писал об этом великий сын казахского народа, первый ученый-уйгуровед Чокан Валиханов: «Вся история этого народа была историей вторжения на его территорию извне, борьбы и поражений... Поэтому печать печали не сходит с его лица». С этими словами не желает согласиться маонистская историография. Вину за бедность и отсталость Синьцзяна она возлагает на сам уйгурский народ и мифическую ущербность кашгарской цивилизации. Будто не бесчеловечный гнет феодального Китая стал причиной того, что трудолюбивый народ влачил нищенское существование, а его многовековая культура находилась в состоянии упадка!

Но и в этих тяжелых условиях уйгурская литература была представлена такими замечательными именами, как Низари, Новбети, Зелили, Хиркати, Билал Назым (150 лет со дня рождения поэта-демократа исполнилось в прошлом году) и др.² Они продолжали лучшие традиции, начало которым положили Низами, Саади, Хафиз, Джами, Навои, Дехлави, Бабур, классики кашгарского средневековья Махмуд Кашгари, Юсуф Баласагунский, Лутфи, Саккаки³. Таким образом, культура уйгуров родственна культурам Средней Азии, Ирана, арабов. Однако маонисты не согласны с очевидными историческими фактами. По их мнению, китайское влияние на развитие Кашгарии было преобладающим. Но как смогут они объяснить то, что языками уйгурской культуры являлись, кроме староуйгурского, арабский и персидский?

Уйгурская литература стала сражающейся еще в XIX в., что проявилось в ге-

роизме многих ее представителей. Активной участницей кашгарского восстания 1826 г. была легендарная красавица поэтесса Назугум, которую казнили китайские каратели. Известным поэтом был народный полководец, один из вождей восстания 1864 г. Садыр Палван. С оружием в руках сражался в то время за свободу родины Билал Назым⁴. Вдохновителями народных движений были их современники, поэты-классики Каши и Молла Шакир. Недаром уйгурская классика в виде народных песен постоянно находила путь к сердцу простых людей. Многие поэты, как Назугум, предпочитали петь свои стихи, а не распространять их в списках. Причина ясна: народ в массе своей не умел читать. Стихи и песни вдохновляли восставших, а после уничтожения в 1878 г. восстановленного было независимого уйгурского государства Йэттэшэ (Семиградье) эти произведения не давали угаснуть свободолобию народа. Чтобы замолчала уйгурская литература, мало было сжечь книги. Потребовалось бы истребить сам народ.

В XX в. традиция народности уйгурской литературы была продолжена Лутфуллой Муталлипом.

Многие события жизни Муталлипа символичны. Он родился в 1922 г., когда незадолго до этого на съезде в Ташкенте уйгуры революционной Средней Азии приняли древнее самоназвание, почти забытое в период политической раздробленности XV—XVII вв. Это событие было закономерным следствием пробуждения Востока под влиянием Октябрьской революции. Испытал это влияние и Синьцзян.

В XVIII—XIX вв. Синьцзян был изолирован от внешнего мира, превращен в бесправную колонию. Его экономика почти не развивалась в путях феодальной регламентации и гнета китайской бюрократии. Только в начале XX в. здесь возникли мануфактуры. В Синьцзяне Синьхайская революция, по существу, выродилась в верхушечный переворот, привела к власти китайских милитаристов. Подавление развития промышленности и торговли продолжалось. В то же время после 1923 г. начала быстро развиваться торговля с СССР, что поддерживало экономическое развитие и обостряло противоречие с гнетом милитаристов. Безземельные уйгуры уходили на заработки в Среднюю Азию, где наблюдали перемены в жизни своих соотечественников — граждан СССР. В конце 20-х гг., когда будущий поэт достиг школьного возраста, связи Синьцзяна с Советским Союзом особенно упрочились. Обстановка в Синьцзяне невиданно обострилась с приходом к власти Чан Кайши. События национально-освободительного восстания 1930—1933 гг., вызвавшие небывалый взлет патриотизма, не могли не коснуться школьника Муталлипа. Вместе

² М. К. Хамраев. Веков неумирающее слово. Алма-Ата, 1969.

³ Там же.

⁴ Там же.

со своими земляками Муталлип принял древнее имя «уйгур». Китайские коммунисты-интернационалисты были солидарны с борьбой народов Синьцзяна.

Свои первые произведения Лутфулла Муталлип создал в 1937 г., во время учебы в русской гимназии города Кульджи. В эти годы он познакомился с произведениями советской литературы и русской классики (читая их в подлиннике). Большое влияние на него оказали основатели уйгурской советской литературы Абдулхай и Омар Мухаммеди. В их произведениях Муталлип познакомился с идеями строителей нового общества. В Кульдже, наиболее промышленно развитом городе Синьцзяна, он наблюдал борьбу молодого уйгурского пролетариата. Когда же в 1937 г. началась японская агрессия против Китая, Муталлип наблюдал интернационализм в действии: из СССР через Кульджу следовали грузы для фронта. В это время народ начал оправляться от поражения, демократы Синьцзяна активизировали свою деятельность.

Составляя сборник, М. К. Хамраев в основном придерживался хронологического принципа. Поэтому книга стала отражением не только творческого пути Муталлипа, но и судьбы его родины. Возмужание нации и ее революционного авангарда означало духовный рост самого поэта. Первое из известных его стихотворений появилось на страницах кульджинской «Или газеты» под названием «Моему народу». Стихотворение оказалось зрелым и смелым. Трудно представить себе, что его написал пятнадцатилетний юноша. Он открыто призвал соотечественников к открытой борьбе за счастье родины. В нем названы главный враг уйгуров — мировой империализм — и главный друг — советский народ. Четко расставленные акценты говорят о сформировавшихся убеждениях поэта. В другом стихотворении цикла — «Удар по националистам» (1938) он заклеил ограниченность буржуазного национализма, писал, что без классового солидарности невозможна победа в освободительной борьбе.

В 1939 г. Муталлип стал студентом Урумчинского педагогического института, который фактически играл роль университета в дореволюционном Синьцзяне. В первом стихотворении урумчинского цикла «Весь мир покроют алые цветы» (август 1939 г.) он предсказал наступление поры тяжелых испытаний и жертв и не ошибся: началась вторая мировая война. Но Муталлип предвидел и распространение революции на новые страны. В этом заключается другой смысл названия, которое дал стихотворению молодой поэт.

В целом урумчинский цикл 1939—1943 гг. отличается четкой политической направленностью и возросшим мастерством. Особенно характерны для него антифашистские идеи. По-новому зазвучало в те годы стихотворение «В горниле борьбы» (1938). Примечательны «Праздник свободы» и «Май-

ская песнь» (1940). Первое приветствует союз гоминьдана и КПК в антияпонской борьбе, второе призывает к стойкости патриотов Эфиопии и Испании, временно побежденных объединенным фашизмом. Всего из восьми строк состоит стихотворение «Освободительная борьба», но как оно выразительно, сколько в нем энергии, порыва! По яркой лаконичности его можно, пожалуй, сегодня сравнить с гимном революционной Кубы. Однако тематика поэзии Муталлипа далеко выходила за рамки антифашистской темы. Победу над коричневым игом поэт связывал с утверждением народной демократии («Сад свободы», март 1941): «Весь мир станет садом свободы...» А стихотворением «Так учил Ленин» (1942) он окончательно поставил себя в ряды коммунистов, незримо присоединился к шеренгам Советской Армии. Стихотворение начинается словами Маяковского: «Ленин и теперь живее всех живых...», и оно действительно преисполнено признанием великой роли В. И. Ленина и созданной им партии, веры в неизбежность советского народа. В завершающих стихах урумчинского цикла поэт возвращается и к внутриполитической тематике («Мухаммас в защиту славной истории Апрельского восстания», «Народ и родина прежде всего»). Тематика вышеупомянутых стихов говорит об остроте борьбы идей в Синьцзяне, о том, что там дули порывистые ветры мировой истории. В то же самое время в Яньани завывал «чжыньфын» — так называемое движение за упорядочение стиля партийной работы, а попросту говоря, маоистская чистка партии.

В 1943 г. Муталлип окончил институт и стал журналистом. Его приход в прессу совпал с разгулом реакции, когда сбросил маску «розоватый» демагог (а по сути дела, милитарист Шэн Ши-цай) и на Синьцзян распространился террор синерубашечников. Поэта выслали в Аксу. В этом городе Муталлип работал режиссером местного народного театра, там окончательно расцвел его талант. Муталлип проявил себя как прозаик, драматург, режиссер и актер. В рецензируемом сборнике впервые опубликованы его пьесы «Солнце после бури» (о партизанской борьбе против японцев) и «Чинмодэн». Обе написаны незадолго до ссылки. Другие драматические произведения Муталлипа — «Тахир и Зухра», «Дочь борьбы», «Твой старший брат Самсаж сердится» — до сих пор не обнаружены. Прозаические произведения, также опубликованные в сборнике впервые, написаны в 1942—1943 гг. Это памфлеты на антифашистскую тему: «Императорские самураи очень устали», «Смертный страх», «Его будущее внушительно и лучезарно».

В поэтическом творчестве Муталлипа период 1943—1945 гг. отличается большим числом лирических стихотворений. Два предыдущих также богаты ими. Достаточно вспомнить «Весеннюю страсть» и «Волны сражений» (1938), «Расцвет» (1939), «Приходи, новый год» (1941), «Друга» и «Ме-

шанку» (1942). В 1943 г. появились «Два лирических стихотворения» и «Газель». Чаще стали встречаться в его стихах размышления о месте поэта в обществе, о следе, оставленном на земле собственным творчеством. Таковы «Мои переживания» (1943), «Мувашшах о поэте» («Проклятие любви» (1944), «Пожелание мечтателя», «Крик о помощи» (1945). Особенно примечательны «Ответ годам» (1944), где поэт подвел итог своему творчеству, высказал взгляд на смысл жизни. Стихотворение перекликается с пушкинским «Памятником», с «Разговором с фининспектором». Оно — исповедь Муталлипа, и не случайно М. К. Хамраев открыл сборник именно им. В сборник впервые включены «Этот обширный мир — для меня», «Играй, музыкант!» и три лирические песни — «Возьми саз, дорогая», «Не безразлично ли тебе?» и «Зухра, дорогая» (последняя написана поэтом в тюрьме незадолго до казни). Таким образом, значительный и наиболее зрелый период творчества Муталлипа теперь достаточно хорошо освещен.

В сборник вошли и литературоведческие очерки поэта, написанные в 1942 г.: «Маяковский — знамя советской литературы» и «Верный сын русского народа А. С. Пушкин». Два представителя русской литературы пользовались его безграничным уважением. В автобиографическом стихотворении «Мещанка» поэт с горечью писал:

*Мне кажется, пуля Дантеса — в меня,
Не Пушкин, а я — на кровавом снегу.*

Лутфулла Муталлип — явление в высшей степени выдающееся. Дух его творчества был одновременно национален и интернационален. Он творчески применял в уйгурской литературе традиции Навои и Пушкина, Билала Назыма и Некрасова, Валиханова и Лермонтова. Революционной теме его поэзии служили канонические формы мухаммалата, мувашшаха, газели. В его мировоззрении органически сочетались патриотизм и солидарность с демократами всего мира. Для него была священна дружба с советским народом и его партией. Муталлипа по праву считают выдающимся революционером и основателем уйгурской литературы XX в. в Синьцзяне. К сожалению, многие его произведения остались в рукописях и впоследствии погибли.

7 ноября 1944 г., когда восстанием в Кульдже началась демократическая революция в Синьцзяне⁵ и была провозглашена Восточно-Туркестанская республика, в жизни Муталлипа произошли важные перемены. Юг Синьцзяна всколыхнули известия о первых победах армии ВТР и успехах Советской Армии в Европе. В этой обстановке поэт сделал решительный выбор. Вместе с поэтами Билалом Азизом, Мунирдином Ходжой и другими демократами он создал подпольную революционную организацию «Искры Восточного Туркестана» и начал подготовку к вооруженному

восстанию. Патриотов выдал провокатор, и в сентябре 1945 г. тридцать из них (в том числе Муталлип) были казнены чанкайшистами. Лутфулле Муталлипу едва исполнилось двадцать три года.

Лутфулла Муталлип погиб во имя победы национально-демократической революции. Ответом Мао Цзэ-дуна и его сторонников на события в Синьцзяне явилось гробовое молчание. И до и после разгрома Японии «яньаньский затворник» все силы отдавал чистке КПК от коммунистов-интернационалистов. В период гражданской войны в Китае он демонстративно устранился от руководства революцией, избрав резиденцию как можно дальше от фронтов. На освобожденных территориях классовые конфликты принудительно разрешались им в пользу буржуазии. Следовательно, причиной самоустранения Мао Цзэ-дуна было явно отрицательное отношение к быстрому развитию революций в Синьцзяне и в целом в Китае. Поэтому на протяжении всей гражданской войны революционеры Синьцзяна сражались с реакцией один на один, и это был неравный бой. Именно на Мао Цзэ-дуне и его сторонниках лежит немалая доля ответственности за провал революционных выступлений в Кашгарии и гибель Муталлипа.

Поэт мечтал о создании уйгурской национальной государственности в рамках КНР и равноправном участии своего народа в социалистическом строительстве. После «освобождения» Синьцзяна в 1949 г. начались аресты и казни активных революционеров. В земледельческих районах аграрная реформа перераспределила более половины помещичьих земель в пользу армии, а в скотоводческих не проводилась вовсе⁶. В этой обстановке Муталлип был провозглашен народным героем⁷, что явилось всего лишь маневром маоистского руководства.

Только в 1955 г. Синьцзян получил фиктивную автономию, которая через несколько лет тем не менее была растоптана. В годы «культурной революции» политика Пекина в отношении уйгуров и других народов Синьцзяна приняла характер открытого геноцида. Нет предела страданиям обездоленного народа. Его древняя культура загнана в подполье, родная земля превращена в плацдарм агрессии против стран социализма. Маоисты надругались над памятью павших героев. Муталлип объявлен ими «буржуазным шовинистом», на площадях запылали костры из его книг. Но голос поэта продолжает звучать. Его стихи передаются из уст в уста, не дают угаснуть надежде на счастливое будущее.

О. А. Зотов

⁶ Великодержавная политика в национальных районах КНР. М., 1975, стр. 52—53, 55—56.

⁷ М. К. Хамраев. Веков неумирающее слово, стр. 182.

⁵ З. Таипов. В борьбе за свободу. М., 1974, стр. 50.

Конференция в Ленинграде

С 17 по 20 февраля в Ленинграде состоялась седьмая научная конференция «Теоретические проблемы изучения литературы Дальнего Востока», организованная Институтом востоковедения АН СССР, Ленинградским отделением Института востоковедения АН СССР, Восточным факультетом ЛГУ. Для участия в конференции было заявлено 75 докладов от 20 научных учреждений СССР. Тезисы докладов были предварительно опубликованы. На заседаниях было заслушано 39 докладов, и в прениях выступило более 50 человек.

Китайской проблематике было посвящено 20 докладов. О современной литературе речь шла, в частности, в докладах: «Личность и эпоха в романе Лао Шэ «Четыре поколения одной семьи» О. П. Болотиной (ЛГУ, Владивосток); «Наставления Хао Жаня молодым писателям» А. Н. Желуховцева (ИДВ); «Хэнаньские чжуйцзы» Н. А. Спешнева (ЛГУ); «Китайский кинематограф в системе маоистских нормативов» С. А. Торопцева (ИДВ) и др.

О. П. Болотина посвятила свое выступление роману Лао Шэ о жизни в Пекине в годы японской оккупации. Это произведение писателя (к сожалению, еще не переведенное на русский язык) — лучшее опровержение клеветы маоистов, обвинивших Лао Шэ, погибшего от рук хунвэйбинов во время «культурной революции», в «антипатриотизме». А. Н. Желуховцев, на примере статьи Хао Жаня, опубликованной в «Жэньминь жибао» 8 августа 1975 г., говорил о стремлении Хао Жаня, занимающего положение мэтра в современной маоистской литературе, научить молодых китайских писателей изображать действительность в соответствии с пресловутыми установками Мао Цзэ-дуна. О том, как эти установки действуют в области кино, говорил С. А. Торопцев. На конкретном материале он выявил основные обязательные характеристики главного героя маоистского кино и убедительно показал отличие от него героев китайских фильмов 50-х гг., когда кинематограф стремился к глубокому, реалистическому осмыслению действительности, к созданию на экране

полнокровных, живых людей нового Китая. Докладчик подверг критике схематизм, свойственный современной китайской кинематографии, отход от ленинского понимания взаимосвязи и взаимодействия личности и коллектива.

В докладе Н. А. Спешнева на конкретном примере фольклорного жанра хэнаньских чжуйцзы было показано стремление маоистов использовать традиционные формы фольклора в пропагандистских целях. Доклад сопровождался демонстрацией записи концертного исполнения хэнаньских чжуйцзы, сделанной докладчиком во время пребывания в Пекине, и вызвал большой интерес присутствовавших.

Выступивший в прениях В. В. Петров (ЛГУ) отметил особое значение докладов на современную тему. Все возрастающий поток литературной продукции из Китая, по его мнению, требует пристального внимания, в том числе и творчество Хао Жаня, которому в свое время уделяли недостаточно внимания. Усилить внимание к современной теме, к той печатной продукции, которая называется сейчас в КНР художественной литературой, призывал В. Ф. Сорокин (ИДВ). Он подчеркнул также, что следует уметь своевременно выявлять в этом потоке те произведения, в которых в какой-то степени отразилась реальная действительность Китая. В. Ф. Сорокин остановился на биографии Хао Жаня, который был известен еще до «культурной революции» и считался писателем средней руки; маоисты «приметили» его потому, что в своих романах Хао Жань стремился соответствовать пресловутому тезису Мао Цзэ-дуна о продолжающейся при социализме классовой борьбе.

Внимательнее изучать новые явления современной китайской культуры, в том числе деятельность Хао Жаня, отдавшего свое перо на службу маоистам, считают необходимым Л. Е. Черкасский (ИВАН) и Н. А. Спешнев.

Значительное внимание было уделено на конференции проблемам китайского литературного наследия. Обобщающий характер носил доклад В. Ф. Сорокина (ИДВ) «Некоторые жанровые особенности юаньской драмы», вызвавший обсуждение. Большое место на конференции заняли вопросы китайской поэзии. Доклады «Заметки о словаре Мэн Хао-жаня» Б. Б. Вахтина (ЛО ИВАН), «Поэтический мир Шэнь Юэ» М. Е. Михайловой (Ленинград) основывались на новой для отечественной снологии методике, а именно разработке частного словаря поэтических текстов.

В. В. Петров (ЛГУ) выступил на тему «Революция в поэзии» как явление литературной жизни Китая на рубеже XIX—XX вв., Л. Н. Меньшиков (ЛО ИВАН) сделал доклад «Структура китайских восьмистиший «люйши»», И. С. Лисевич (ИВАН) — о «Литературных взглядах Ван Чуна и Цао Пи», Ю. А. Сорокин (Институт языкознания, Москва) — «Поэзия Ван Вэя как объект перевода», Л. Е. Черкасский (ИВАН) выступил с докладом «Воспоминания» в китайской поэзии (20—40-е гг.); С. Е. Яхонтов (ЛГУ) на материале лингвистики выступил с докладом «Рифмы китайской поэзии III—IV вв., ценность которого для литературоведения отметили все выступавшие в прениях; «О пейзажной лирике У Вэй-е» — такова тема доклада Е. В. Карымовой (ИСАА при МГУ). Д. Н. Воскресенский (ИСАА при МГУ) говорил о «Функции «книжного» стиля в прозе на байхуа (XVI—XVII вв.)».

Среди докладов, посвященных вопросам фольклористики, кроме уже названного выше выступления Н. А. Спешнева, наибольший интерес вызвали доклады «Образ идеального правителя Шуня: опыт историко-типологической интерпретации» Б. Л. Рифтина (ИМЛИ) и «Монгольские эпические традиции и их распространение» С. Ю. Неклюдова (ИМЛИ).

Заметное место в работе конференции заняли вопросы изучения литератур Монголии, Кореи и Японии, отдельные доклады были посвящены литературе Тибета и Таиланда. Интерес участников вызвали доклады А. А. Бабинцева (ЛГУ) «Новелла «Один день из жизни Ленина» японско-

го писателя Курода Рэйдзи (1923)», П. С. Шефтелевич (ИСАА при МГУ) «Хайку Басё «Старый пруд...» как образцовое стихотворение», Л. М. Ермаковой (ВГБИЛ) «К общей характеристике норито как литературного явления», а также доклад Т. П. Григорьевой (ИВАН) «О восточно-западной структуре мира и дальнейшей восточной традиции». Корейской литературе были посвящены доклады В. Н. Ли (ИМЛИ) «Особенности развития корейской литературы начала XX века», М. И. Никитиной (ЛО ИВАН) «Представления о времени, отраженные в корейской средневековой поэзии сиджо», А. Ф. Троцевич (ЛО ИВАН) ««Конечное» и «бесконечное» в романе Ким Манджуна «Облачный сон девяти»».

На заключительном заседании в прениях выступил академик Дамдинсурен (МНР), говоривший о богатом культурном наследии монгольского народа.

Участники конференции выразили общую признательность оргкомитету за хорошую работу по организации конференции. Вместе с тем были высказаны пожелания о том, что в будущем следует проводить традиционные конференции в иные календарные сроки с тем, чтобы преподаватели вузов, занятые в учебном процессе, смогли бы принять в ней более активное участие.

Следует отметить, что активное участие в работе конференции приняло большое число молодых ученых, занимающихся проблемами литератур Дальнего Востока.

А. Н. Желоховцев,
кандидат филологических наук

Восьмая конференция молодых научных сотрудников и аспирантов ИДВ АН СССР

На секции экономики, истории и идеологии, внешней политики очередной ежегодной конференции было представлено 24 сообщения.

Во вступительном слове заместитель директора ИДВ доктор экономических наук В. И. Акимов отметил, что для вступающих в науку людей конференция служит хорошей формой повышения профессио-

нального уровня, приобретения опыта публичных выступлений и дискуссий.

В числе других сообщений внимание слушателей привлекли выступления тов. Ю. Лаврова, В. Овчинникова, С. Смирнова, Е. Беспрозванных, Е. Наумовой.

На конференции были поставлены многие острые проблемы настоящего и прошлого Китая.

В заключительный день на конференции выступил директор ИДВ АН СССР член-корреспондент АН СССР М. И. Сладковский. Он поделился своими соображениями об опыте китайской революции. Он сказал, в частности, что идеология и политика маоистов крайне враждебны марксизму-ленинизму, дискредитируют опыт строительства социализма в Китае.

Закрывая конференцию, доктор исторических наук, проф. Е. Ф. Ковалев отметил возросший профессиональный уровень представленных сообщений, а также активность участников конференции и пожелал им дальнейших творческих успехов.

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

70-летие Г. В. ЕФИМОВА

Геронтий Валентинович Ефимов — один из тех ученых, у которых с самого начала творческой деятельности ярко проявились черты, присущие советскому, марксистско-ленинскому китаеведению. В китаеведение Г. В. Ефимов вошел под воздействием событий китайской революции 1925—1927 гг., горячо волновавших тогда всех советских людей.

Г. В. Ефимов учился в Ленинградском университете и Ленинградском институте истории, философии и литературы, который окончил в 1932 г., и был оставлен в аспирантуре*. Он слушал лекции признанного главы отечественного китаеведения В. М. Алексеева, имел возможность учиться у первых востоковедов-коммунистов.

Первые его научные статьи, опубликованные в 1937 г., посвящены Сунь Ят-сену; в 1939 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Сунь Ят-сен в борьбе за независимость Китая». Тему Сунь Ят-сена и первых этапов революционного движения китайского народа Г. В. Ефимов не оставлял многие годы.

Война настала Г. В. Ефимова дважды: сначала — в Минске, откуда он, молодой доцент Белорусского государственного университета, уходил пешком в толпе беженцев под обстрелом фашистских самолетов, и, вторично — в Ленинграде, где он перенес тяготы блокадной зимы и весной, выйдя из больницы, был эвакуирован по знаменитой Ладожской ледовой дороге.

С 1941 г. Г. В. Ефимов постоянно работает в Ленинградском государственном университете. Победу китайской революции в 1949 г. он встретил книгой «Очерки по новой и новейшей истории Китая», которая впервые познакомила советского читателя в сколько-нибудь цельном виде с историей Китая за последние двести лет.

Второй, после Сунь Ят-сена и революции 1911 г., темой исследований Г. В. Ефимова стали международные отношения на Дальнем Востоке. В изучение этого вопроса, к тому времени довольно всесторонне описанного в трудах советских ученых-международников, Г. В. Ефимов сумел внести не только новые материалы (собранные частично в Китае), но и свою, свежую точку зрения, подчеркивавшую роль Китая — роль не только объекта, но и субъ-

екта международных отношений. В 1958 г. он защитил докторскую диссертацию «Международные отношения Китая и внешняя политика Цинского правительства в конце XIX в. (1894—1899)». В последующие годы автор продолжал работать над проблемами международных отношений стран Дальнего Востока нового времени.

Г. В. Ефимов — талантливый, увлекающий аудиторию лектор, внимательный педагог, автор и редактор вузовских учебников, крупный организатор научной и педагогической работы в области востоковедения. Он заведует кафедрой истории стран Дальнего Востока ЛГУ с 1949 г.; в 1949—1952 гг. был деканом Восточного факультета, а в 1961—1965 гг. проректором ЛГУ.

Для Г. В. Ефимова как ученого характерны инициатива и чуткий интерес к запросам времени. Открыв в 1949 г. «очерковый» период советской историографии Китая, он явился затем одним из главных представителей периода перехода к монографическим исследованиям. В начале 60-х гг. он выступил инициатором углубления историографической работы — созданные им историографические конференции в Ленинградском университете собираются с 1961 г. в январе каждого нечетного года, привлекая специалистов из разных городов. Г. В. Ефимовым создан курс источниковедения и историографии Китая.

В числе научных вопросов, выдвигавшихся Г. В. Ефимовым, можно назвать проблему образования китайской нации; статья, изданная им в 1953 г. на эту тему, содействовала дискуссии среди ученых, в числе которых были в те годы и китайские историки; статья была переведена на китайский язык.

Г. В. Ефимов — активный участник движения сторонников мира, солидарности стран Азии и Африки, видный общественник, был делегатом XXI съезда КПСС. Несколько значителен его вклад в становление советского китаеведения, видно из того, что многочисленные ученики Г. В. Ефимова плодотворно работают сейчас в Москве, Ленинграде и других городах; среди них много кандидатов наук, доктора наук.

Друзья Г. В. Ефимова по научной работе, а также редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока», членом редколлегии которого он является с первого номера, горячо поздравляют заслуженного деятеля науки РСФСР Г. В. Ефимова с исполнившимся 3 апреля 1976 г. 70-летием со дня рождения, желают здоровья и новых творческих успехов.

* Список основных научных трудов доктора исторических наук, профессора Г. В. Ефимова (к 70-летию со дня рождения) помещен в журнале «Народы Азии и Африки», 1976, № 1.

НОВЫЕ КНИГИ

Холодковская А. В. Рабочий класс Китая в период «урегулирования» (1961—1965). М., «Наука», 1975, 200 с., 4600 экз., 52 к.

В монографии на основе материалов китайской прессы дается анализ особенностей развития рабочего класса в период «урегулирования», описывается острая борьба в КПК по вопросам труда и заработной платы, раскрывается антипролетарский характер политики маоистского руководства.

Торопцев С. А. Трудные годы китайского кино. М., «Искусство», 1975, 120 с., 10 тыс. экз., 44 к.

В книге рассказывается о том, что происходит в китайском кино сегодня, как отразились в нем трагические события так называемой «культурной революции», какая судьба постигла деятелей китайского кинематографа, не пожелавших следовать «новому курсу» маоистской пропаганды.

Саркисов К. О. Япония и Организация Объединенных Наций. М., «Наука», 1975, 256 с., 5000 экз., 89 к.

Монография посвящена малоисследованным в научной литературе аспектам внешней политики Японии. В ней анализируются обстоятельства вступления Японии в ООН, деятельность японских дипломатов в этой организации, а также позиция страны по ряду важнейших вопросов, обсуждавшихся в ООН. Значительное внимание уделено взаимоотношениям Японии с различными группами стран, входящих в ООН.

Грикуров С. С. Промышленность современного Таиланда. М., «Наука», 1975, 216 с., 1500 экз., 1 р. 17 к.

Книга посвящена характеристике промышленности Таиланда, истории ее становления и развития. Большое внимание уделено соотношению национального и иностранного капитала, формам организации предпринимательства, политике государства в области промышленности.

Мурадян А. А. Американская историография тихоокеанской политики США. М., «Наука», 1975, 248 с., 1400 экз., 1 р. 39 к.

Данная работа является первым монографическим исследованием историографии политики США на Тихом океане. Преимущественное внимание уделено проблемам американо-китайских отношений, что объясняется спецификой самой американской историографии, на всех этапах своего развития придававшей этому аспекту дальневосточной политики США первостепенное значение.

Сибирь. Центральная и Восточная Азия в средние века. Т. 3 издания «История и культура Востока Азии». Новосибирск, «Наука» (Сибирское отделение), 1975, 236 с. с ил., 900 экз., 2 р. 39 к.

Настоящий том продолжает издание, предпринятое институтом истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР. Два предыдущих тома — «Центральная Азия и Тибет» и «Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв.» — вызвали большой интерес научной общественности.

Статьи третьего тома касаются различных проблем истории и культуры древней Японии, державы Хунну, государства Бохай, Уйгурского и Кыргызского каганатов, империй Западное Сяо, Ляо, Цзянь, Юань, Мин и ранних монголов. Значительная часть материалов впервые вводится в научный оборот.

Синицын Е. П. Бань Гу — историк древнего Китая. М., «Наука», 1975, 112 с., 2300 экз., 58 к.

Впервые в советской литературе рассказывается о жизни и деятельности Бань Гу — китайского историка I в. н. э. Освещаются экономические, социальные и политические взгляды древнего историка, сыгравшие большую роль в формировании конфуцианской историографии средневекового Китая.

ОТ РЕДАКЦИИ: В ответ на просьбы читателей публикуем список литературы, посвященной разоблачению теории и практики нынешнего руководства КНР.

Арзамасцев А. М. Казарменный «коммунизм». Критический очерк. М., «Международ. отношения», 1974, 168 стр.

Боревская Н. Школа в КНР. 1957—1972 гг. М., «Наука», 1974, 158 стр. (АН СССР. Институт Дальнего Востока).

Борисов О. Советский Союз и Маньчжурская революционная база. 1945—1949. К 30-летию разгрома милитаристской Японии. М., «Мысль», 1975, 220 стр.

Браун О. Китайские записки. 1932—1939. Пер. с нем. М., «Политиздат», 1974, 367 стр.

Бурлацкий Ф. Мао Цзэ-дун: «Наш коронный номер — это война, диктатура...». М., «Международ. отношения», 1976, 392 стр.

Ван Мин. Полвека КПК и предательство Мао Цзэ-дуна. М., Политиздат, 1975, 310 стр.

Ванин В. И. Государственный капитализм в КНР. М., «Наука», 1974, 324 стр. (АН СССР. Институт Дальнего Востока).

Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР. Отв. ред. М. И. Сладковский. М., Политиздат, 1975, 126 стр.

Владимиров О., Рязанцев В. Страницы политической биографии Мао Цзэ-дуна. 3-е доп. изд. М., «Политиздат», 1975, 112 стр.

Внешнеполитические концепции маоизма (Правовые аспекты). Отв. ред. С. Г. Юрков, Г. П. Петров. М., «Международ. отношения», 1975, 255 стр.

Внешняя политика и международные отношения Китайской Народной Республики. В 2-х кн. Под общ. ред. д-ров ист. наук проф. Г. В. Астафьева и А. М. Дубинского. М., «Мысль», 1974, (АН СССР. Институт Дальнего Востока). Т. I. 1949—1963. 358 стр. Т. 2. 1963—1973. 307 стр.

Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа. Авт. К. П. Агеенко и др. М., Воениздат, 1975, 190 стр.

Вразрез с коренными интересами народов. М., Изд-во «Правда», 1975, 29 стр.

Гломбиньский С. Китай и США. Пер. с польск. «Прогресс», 1975, 310 стр.

Гудошников Л. М. Политический механизм Китайской Народной Республики. М., «Наука», 1974, 206 стр. (АН СССР. Институт государства и права).

Дьёрдь И. Через призму Пекина. Пер. с венг. Вступит. статья С. Юркова. М., «Прогресс», 1975, 284 стр.

Китайская Народная Республика. Политическое и экономическое развитие в 1973 году. Глав. ред. М. И. Сладковский. М., «Наука», 1975, 438 стр. (АН СССР. Институт Дальнего Востока).

Кузнецов П. Е. Антимарксистская сущность маоизма. Под ред. Богданова Б. Н. Л., 1974, 69 стр. (Воен. акад. тыла и транспорта).

Кульпин Э. Техничко-экономическая политика руководства КНР и рабочий класс Китая. М., «Наука», 1975, 199 стр.

Малухин А. М. Китайское крестьянство в революции 1925—1927 гг. М., «Наука», 1974, 200 стр. (АН СССР. Институт Дальнего Востока).

Маоизм — идейный и политический противник марксизма-ленинизма. Под ред. Соболева А. И. и Титаренко М. Л. М., Изд-во «Правда», 1974, 111 стр.

Маоизм и мировой революционный процесс (Проблемы изучения теории и практики маоизма). Редколлегия: Г. Г. Зарубин и др. Часть 1—4. М., 1974 (АН СССР. Ин-т международного рабочего движения, Ин-т востоковедения).

Маркова С. Маоизм и интеллигенция. Проблемы и события (1956—1973 гг.). М., «Наука», 1975, 244 стр. (АН СССР. Институт Дальнего Востока).

Опасный курс. Вып. 5. Пекин: курс, враждебный миру, демократии и социализму. М., Политиздат, 1974, 360 стр.

Опасный курс. Антисоветизм и шовинизм — основа политики Пекина. Вып. 6. М., Политиздат, 1975, 384 стр.

Поспелов Б. Японская общественно-политическая мысль и маоизм (Критика антимарксистских концепций сущности маоизма). М., «Наука», 1975, 224 стр. (АН СССР. Институт Дальнего Востока).

Проблемы и противоречия индустриального развития КНР. Коллектив авт. Под ред. М. И. Сладковского. М., «Мысль», 1974, 240 стр. (АН СССР. Институт Дальнего Востока).

Раманенко О. М. Антисоциалистическая сущность маоизма. М., «Международные отношения», 1976, 128 стр.

Особенности современной политической борьбы в КНР. Докл. и тезисы. Научн. конф. (Редколлегия: Э. С. Кульпин и др.). М., 1975 (АН СССР. Ин-т междунар. рабочего движения. Ин-т востоковедения). Ч. I, 288 стр.

Реакционная сущность идеологии и политики маоизма. Под общ. ред. проф. Г. Гиргинова. Пер. с болг. Научн. ред.: Кривцов В. А., Трапезников Л. Н. М., «Мысль», 1974, 332 стр.

Сельское хозяйство КНР. 1966—1973. «Культурная революция» и ее последствия. Отв. ред. Л. А. Корецкая, В. И. Потапов. М., «Наука», 1975, 127 стр. (АН СССР. Институт Дальнего Востока).

Степанов А. И. ФРГ и Китай. К истории отношений. 1949—1974 гг. М., «Международ. отношения», 1974, 208 стр.

Фомичева М. В. и Красильников А. С. Китай и Африка (Подрывная деятельность маоистов в Африке). Под ред. Астафьева Г. В. «Мысль», 1976, 263 стр.

Юсувалиев Ю. К проблеме самоопределения уйгуров в КНР. Ташкент, 1974, 26 стр. (Общество «Знание» УзССР).

Сдано в набор 28/III 1976 г. Подписано к печати 14/V 1976 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Бум. л. 7,25. Печ. л. 20,3 Уч.-изд. л. 22,85.
Изд. № 23176 А 13060 Заказ 742 Цена 50 коп. Тираж 17.550 экз.
Издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета
Министров СССР по делам, издательств, полиграфии и книжной
торговли, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 21
Чеховский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома
при Государственном комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
г. Чехов Московской области